

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве*

ДЕВЯТЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*материалы межрегиональной
научно-практической конференции
24–25 ноября 2016 г.*

К 110-летию Ставропольской ученой архивной комиссии

Ставрополь – 2018

ББК 63.3 (2Р-4Ст)

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве

Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции.
Выпуск 9 (научное издание). Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2018. 369 с.

ISBN 978-5-6040701-5-7

Ответственный редактор – **Н. А. Охонько**

Научный редактор – **И. М. Назарова**

Литературный редактор – **В. Г. Исаичева**

Редактор-составитель – **Е. В. Карагодин**

В сборнике отражены материалы по изучению исторического и природного наследия региона, музейных коллекций, музееведения и музейной педагогики.

ББК 63.3 (2Р-4Ст)

© Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, 2016 г.

© Авторы, 2016 г.

© Издательство «Дизайн-студия Б», 2018 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

- Андрющенко Т. Н., Данилевич В. Г.** «Вспоминая мастера» (к 95-летию со дня рождения заслуженного художника РСФСР П. М. Гречишкина) 7
- Барабанова Е. Г.** Русский рубль в истории освоения Кавказа (некоторые факты финансовых вложений России в присоединение Северного Кавказа) 14
- Бабенко М. В.** Возрождение Донского казачества в 1990-е гг. 20
- Бадулина Е. С.** Отражение деятельности Государственной думы IV созыва в региональной периодике 23
- Белов А. И.** Анимация динамики процесса освобождения Ставропольского края на карте 1943 года (по структурированным данным журналов боевых действий Закавказского, Северокавказского и Южного фронтов) 27
- Белоконь В. В.** Эмблема Государственного архива Ставропольского края как символ его исторической миссии 31
- Бендюк О. Б.** К вопросу о сохранении нематериального культурного наследия: казаки-некрасовцы Ставрополя (из опыта работы Новокумского филиала ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств») 33
- Гордылёва М. Ю.** Гражданская война в воспоминаниях очевидцев-медработников: из документальных фондов Ставропольского государственного музея-заповедника 43
- Данилевич В. Г.** Лермонтовский Ставрополь: Часть 2. Дом комиссионера Флоринского 47
- Дверник С. В.** Немецкий плакат 1942 года из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника как пример наглядной агитации и пропаганды периода оккупации Ставропольского края гитлеровскими войсками 55
- Запорожцева О. А.** Административная деятельность А.Ф. Реброва под началом генерала Ермолова на Кавказе 58
- Колесникова М. Е., Павленко Н. Ю., Еремеева Т.** От свечного завода к Регентской школе: страницы истории храма Преображения Господня в Ставрополе 67

Колобова А. А.	Криминальные происшествия и общество в Ставропольской губернии в 1917 году (по материалам газеты «Северокавказский край»)	70
Макодзеба А. П.	В.А. Есаулов – первый атаман возрождённого казачества города Ставрополя	77
Малышева Т. А.	Воспоминания декабристов, сосланных на Кавказ, как исторический источник	87
Назарова И. М.	Культура жизнеобеспечения армян Северного Кавказа и Предкавказья	91
Назарова И. М., Бондюх А. В.	Повседневная жизнь черноморского казачества в XVIII-XIX вв.	105
Обухов Ю. Д., Цицилина О.Н.	«Книга Памяти» как исторический источник	109
Ольховский В. В.	Между крепостью и станицей (к истории ул. Ясеновской города Ставрополя)	118
Охонько Н. А.	Новый подход к вопросу об основании региона Кавказские Минеральные Воды	125
Охонько Н. А.	Смысловые основы в наименованиях крепостей Азово-Моздокской линии (к 240-летию основания)	133
Сачук С. С.	Усадьба В.И. Смирнова и её жильцы в советские годы	141
Состин Д. И.	Роль краеведения в формировании исторического сознания молодых специалистов	151
Стрекалова Е. Н.	Политическая жизнь 1930-х годов на страницах региональной прессы	155
Стрелова А. В.	Литературный туризм как стимул сохранения и реставрации культурного наследия	163
Судаевцов Н. Д.	Строительство оборонительных сооружений на Ставрополье осенью 1941 года	170
Фитьмова П. А.	Результаты социологического опроса посетителей культурной акции «Ночь в музее –2016»	176
Чесняк М. Г.	Event-менеджмент как технология продвижения культурно-образовательной деятельности музея (из опыта работы Ставропольского государственного музея-заповедника)	181

Шамшина Л. Л.	История города Михайловска (по материалам Михайловского историко-краеведческого музея)	188
Шевчук Р. К.	Ставропольские страницы кинематографа	190
Шеломанов Е. Г.	Отражение деятельности Музея истории донского казачества в 1946-1957 гг. в материалах газеты «Знамя коммуны»	199

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Бурков С. Б.	Археологические музеи Северного Кавказа: история создания, теория и практика	206
Кравцова С. Л., Корж Е. А.	К вопросу о фрагменте шёлкового изделия VIII-IX вв. (из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)	211
Кривцова Т. Г.	История изучения бронзового века археологом А.Л. Нечитайло	213
Кухарук М. Ю., Арустамова С. Н.	Мониторинг сапробности озера Кравцово	219
Леонова С. Г., Григорьева М.А.	Интерактивные формы экскурсий: на примере мероприятий отдела археологии Ставропольского государственного музея-заповедника	226
Проконова Т. В.	Энтомологическая коллекция в экспозиции музея и судьбе человека (к 155-летию Г.К. Пправе)	230
Прокопенко Ю. А.	Отдельные находки предскифского времени, выявленные в окрестностях Ставрополя	237
Смирнова Ю. Н.	К вопросу о реконструкции процесса лепки и обжига курильниц (катакомбная культура эпохи средней бронзы)	245
Швырёва А. К.	Найти, сохранить и передать потомкам (история обретения одного экспоната)	252

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Бармина Т.Б.	Игрушки и игровая среда ребенка в XIX-XX вв. (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)	259
---------------------	--	-----

Бородина С. Н.	Творческий путь артистов Ставропольского театра музыкальной комедии Н.В. Юматова и В.М. Ващениной (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)	265
Бортникова Ю. А.	От рубеля до утюга	272
Волкова С. М.	О чём говорят фотографии?	277
Волощенко Л. В.	Частные собрания и музей	283
Гальфингер Н. А., Гальфингер О. А.	История аэроснимка фронта Первой мировой войны	294
Карагодин Е. В.	«Знамёнам и штандартам служить бессрочно»	302
Коркмазова З. А.	Из истории становления ставропольской школы акробатических прыжков М.В. Страхова (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)	312
Лапшова Н. В.	С.М. Долинский – член Ставропольской губернской Ученой архивной комиссии	320
Леонова Н. А.	История детства по материалам XIX- начала XX в. (из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе)	328
Лысанская О. Л.	Работы К.Г. Казанчана в коллекции «Живопись» Ставропольского государственного музея-заповедника	331
Нафталиева О. М.	Литературный музей города Ставрополя (1969-1997 гг.)	339
Новиков П. В.	Неизвестная фотография последнего предводителя дворянства Ставропольской губернии С.П. Бурсака (из фондов Краснодарского государственного музея-заповедника)	344
Новрузова Е. Л.	Обзор коллекции графики и живописи художника В.М. Копылова в собрании Михайловского историко-краеведческого музея	350
Семерчёва В. А.	Римма Иванова. Документальная память (обзор материалов, хранящихся в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника)	355
Соснина Е. Л.	Роль новейших методик и технологий в вопросе изучения коллекций Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске	361

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Андрющенко Т. Н.,

с. Татарка,
заведующая филиалом Ставропольского
государственного музея-заповедника –
«Историко-краеведческий музей села Татарка»

Данилевич В. Г.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук

ВСПОМИНАЯ МАСТЕРА

**(к 95-летию со дня рождения
заслуженного художника РСФСР
П.М. Гречишкина)**

Родственница знаменитого художника-пейзажиста Павла Моисеевича Гречишкина Светлана Викторовна рассказала о том, что в доме ее свекрови Раисы Семеновны – жены младшего брата Павла Моисеевича Федора – бережно хранится дубовый стул с резной спинкой, изготовленный отцом П.М. Гречишкина Моисеем Федосеевичем в 1920-х гг.

Р.С. Гречишкина вспоминала: «Существовала взаимная привязанность братьев Павла, Федора, Григория и младшей сестры Валентины. Старшие опекали младших и поддерживали друг друга на протяжении всей жизни. Мой муж Федор для мастерской Павла вырезал перила, крыльцо, рамы, наличники на окна, а также рамки для картин. В семье Гречишкиных все мужчины были мастерами. Федору от отца достался рубанок «Stanley», которому «сносу не было». Дед любил повторять: «Если работаешь большим рубанком, то заработаешь деньги на хлеб, а маленьким – на сахарок».

В Татарку Павел Моисеевич часто приезжал и один, и с семьей. Он помог в строительстве нового дома в 1979 г. – дал деньги на приобретение кирпича, чтобы укрепить стены из самана, и на отопление дома. Только поэтому строительство не затянулось, а было закончено за год.

На новоселье он привез из питомника 4 березки – самые любимые им деревья, которые он олицетворял со светлым образом России. Они прижились и до сих пор растут во дворе. Среди этих берез я угощала дорогого гостя чаем и его любимыми блинами, пирожками с капустой, яйцами и луком.

Дубовый стул с резной спинкой, изготовленный отцом П.М. Гречишкина Моисеем Федосеевичем в 1920-е гг., после отъезда семьи Гречишкиных в Подмоскowie в 1930-х гг. кочевал от родственников к родственникам. Сначала он попал к племяннице Прасковьи Алексеевны Добриковой Варваре Петровне и вернулся в семью, как приданое, с приходом невестки Светланы (внучки В.П. Добриковой)».

Раиса Семеновна бережно сохранила и передала в музей с. Татарка столярные инструменты отца художника и своего мужа Федора, фотографии 1966-2006-х гг., на которых запечатлена вся большая дружная семья. Раиса Семеновна также передала в музей баян, на котором любили играть все мужчины рода Гречишкиных (в семье было особенное отношение к музыке!), и раскладной стульчик, приобретенный Павлом Моисеевичем в 1970-х гг., которым он пользовался во время написания этюдов.

Яков Георгиевич Асберг, художник-любитель, ветеран Великой Отечественной войны, которого с Павлом Моисеевичем долгие годы связывали узы дружбы, любовь к искусству, природе, вспоминает: «Мы познакомились в то время, когда я уже хорошо знал творчество Павла Моисеевича и выделял его как особенного художника, чьи работы на выставках можно было узнать по особенному почерку. Свое мнение я высказал живописцу при встрече, а тот в ответ лишь скромно пожал плечами. Я попросил разрешения прийти в мастерскую и стал там часто бывать. В те годы я работал в краевом управлении торговли и помогал художнику приобретать специальные препараты для самостоятельного изготовления фотографий. П.М. Гречишкин путешествовал по стране, бывал за рубежом и старался запечатлеть на пленку все ускользающие мгновения для дальнейшей творческой работы».

В беседе с нами Яков Георгиевич поведал, что у него хранится этюдник, подаренный ему Гречишкиным, где рукой самого Мастера выведено: «Якову от Павла с добрыми пожеланиями счастья на природе. Ноябрь 1984 г.». И здесь же полная география их совместных пленэрных маршрутов от Стрижаменты до Байкала: Архыз – 1984 – август; Теберда – 1985 – октябрь; Теберда – 1986 – сентябрь; Ростов-Москва

(теплоход) – 1987 – август; гора Недреманная – 1987 – июнь; гора Стрижамент – 1988, 19-30 июня; по Енисею; Архыз – 1989 – июль; Байкал – 10-20 июля 1990.

Яков Георгиевич узнал, что на родине Павла Моисеевича – в музее селе Татарка – собирают мемориальные вещи художника и согласился передать подаренный ему этюдник в музей на постоянное хранение. В этюднике остались кисти Мастера, деревянные концы которых он часто затачивал лопаточкой для процарапывания рисунка на сыром холсте – «фирменный почерк» и тюбик краски, оставшийся от «великих походов на природу».

Я.Г. Асберг вспоминал: «Вот приедем мы на Стрижамент, устроимся. Гречишкин не спеша доставал авиационные фанерки, грунтованные в разные тона, подбирали наиболее подходящую по тону, писал недолго, не более получаса, чистил кисти ватой из матраца, аккуратно сжигал мусор, а краски с палитры счищал мастихином на пластик или стекло и заливал водой, чтобы не сохли. В Татарском лесу его любимое место – мостик. Доезжали на автобусе до остановки «Павильон», а дальше шли пешком к скалам. Павел Моисеевич любил природу и относился к ней как к волшебству, говорил, что в ней есть душа».

Яков Георгиевич также передал в музей и свой первый этюд, написанный рядом с Мастером в окрестностях Татарки. Дорогие сердцу предметы были переданы в дар для того, чтобы их смогли увидеть все почитатели таланта замечательного художника.

Друг П.М. Гречишкина Иван Петрович Ершов подарил музею этюд Мастера с видом Стрижамента, редкие фотографии и поделился воспоминаниями: «Впервые работу Павла Моисеевича я увидел в зале автовокзала, будучи в командировке в Ставрополе. Это был осенний пейзаж: ярко-горящие оранжевые березы и темно-зеленые пихты на фоне сияющих Кавказских гор. Я замер от неожиданного восторга, не отрывая глаз, приблизился к картине и в углу увидел размашистую подпись «Павел Гречишкин». Долгое время я находился под большим впечатлением. В следующую командировку я целенаправленно стал разыскивать новые работы художника и нашел их в краеведческом музее. На первой ступени лестницы я получил второй ошеломляющий удар по моему восприятию. Я десятки раз поднимался и спускался по лестнице, впитывал волшебные краски пейзажей. Страсть к творчеству П.М. Гречишкина так овладела мной, что я мечтал лично познакомиться с ним. В 70-е годы прошлого века мой тесть жил в Ставрополе недалеко от дома художника. Вместе с тестем мы пошли к П.М. Гречишкину якобы по вопросу просмотра акварельных работ моего сына, который учился в художественной школе Ессентуков. Калитку

скромного дома нам открыл высокий красивый человек с горящими глазами и светлыми волосами. Он гостеприимно предложил войти во двор. Передо мной неожиданно предстал березовый лес, деревянная мастерская с кружевной резьбой. Я уже не помню, как Павел Моисеевич оценил работы моего сына, видимо, положительно, так как тот стал профессиональным художником. В мастерской я почувствовал запах растворителя, свежих масляных красок и увидел три горных пейзажа. Настоящий фейерверк из чистых, ярких красок, прозрачных тонов и полутонов. Думаю, что особенный эффект бесконечного воздушного пространства усиливало рассеянное естественное освещение, исходящее из стеклянного потолка. Павел Моисеевич стал моим другом, подарил свой альбом с дивными пейзажами и подписал: «Ивану Петровичу Ершову. Дорогому моему другу, истинному любителю и ценителю искусства живописи. С благодарностью за помощь, поддержку духа, совместные путешествия по степям, Кавказу, Байкалу».

Ершов десятки раз выезжал с Мастером на пленэр, наблюдал за его работой, удивлялся, как художнику так удается владеть цветом, имея на палитре мало красок: «Краски на полотнах горят! У него зрение намного превосходит любой современный аппарат, он различал очень много полутонов, которые и дают этот замечательный эффект в картинах. Давая даль, он точно попадал в тон. Я спрашивал Павла Моисеевича, как это у него получается? Ведь у него не было неточного мазка, он не допускал этого. Тот отвечал: «Я как будто там присутствую, сижу в природе, я все это вижу внутренним взором и просто подбираю краски». У него была феноменальная зрительная память. Он отличался чрезвычайной аккуратностью и бережливостью, особенно в отношении красок – нигде никогда не было ни пятнышка. Как человек Павел Моисеевич был скромнейшим, никого не обижал, не критиковал, во время работы был молчаливым и общался чаще с художниками-любителями».

Ставропольский художник Александр Иванович Бабич впервые увидел пейзажи П.М. Гречишкина в буклете «От Маныча до Кавказа»: «От мощной силы таланта художника у меня перехватило дух. Павел Моисеевич мастерски передал свою безграничную любовь к природе; ее чувствуешь, ощущаешь и начинаешь переживать вместе с ним. С Павлом Моисеевичем меня познакомил коллега, директор Школы искусств с. Кочубеевского художник Николай Иванович Чубенко. Он был близким другом Гречишкина и часто гостил в его мастерской в Ставрополе. Мы с Николаем были из одного села Новая Деревня Ставропольского края и вместе поехали в мастерскую Гречишкина.

Павел Моисеевич дорожил своим временем и установил правило: о своем

приезде предупреждать заранее. Приехав в город, гость звонил ему из телефона, расположенного в 10 минутах ходьбы от его дома на углу переуллка Сухумского. Гречишкин говорил нам: «Чтобы я не тратил свое время попусту в ожидании». Павел Моисеевич радушно встретил нас и после того как узнал, что я обучаю детей рисованию, предложил: «Давай, я дам свои этюды, и вы будете их показывать как учебный материал». Мы с Николаем взяли 10 пейзажей из мастерской художника, а затем, через определенное время, поменяли их на другие. Эта практика существовала с 1987 по 1992 г.

В сборнике «Штрихи к портрету» есть фото Гречишкина с детьми. Бабиц вспоминал: «Это я снимал его в г. Изобильном на праздновании юбилея художественной школы, где П.М. Гречишкин подарил свой этюд с изображением гор Архыза. В октябре 1997 г. мы все вместе поехали в Архыз на базу «Мариуполь», расположенную на Каменной поляне. Я удивился тому, что все знали Павла Моисеевича: пастухи обнимали, радовались как близкому и дорогому другу, оглашая окрестность громким раскатистым гортанным звуком: «О-о-о!»

С нами был художник из Теберды Константин Сенин, который зачастую сопровождал в горах Гречишкина. Обустроились, все разложили. Павел Моисеевич ходил по долине, останавливался и подолгу смотрел на горы: «Не могу. Так красиво, что не хочу портить впечатление. Одним этюдом больше, одним меньше. Я приехал созерцать и наслаждаться природой». Павел Моисеевич был с камерой и снимал фильм: «Я должен успеть снять все мои любимые места, которые написал. Моя задача – снять фильм о Кавказе». Самое главное, что он любил писать и зимние пейзажи. Ставил палатку, натягивал колпак с окошечком из прозрачной пленки – собственное изобретение конструкции – и подогревал ее изнутри. Использовал керосинку, иногда поджигал сухой спирт или свечку, и тепло сохранялось. Писать мог часами. В горы обязательно брал с собой проводника и лошадь, на которую погружали все вещи и этюдник. Не любил, когда шли с ним туда, где он собирался писать этюд. Не любил шумные компании – мешали слушать природу, пение птиц: «Не люблю писать, когда не слышу природу».

Последние годы жизни художник тяжело болел. В Москве ему сделали операцию глаз, но когда он носил тяжелые картины в отремонтированной галерее, то надорвался и получил осложнение, испортив результат операции. Пришлось делать операцию повторно, сохранив зрение хотя бы одного глаза. Писать ему стало чрезвычайно трудно, и в конце пути он уже оставил кисть».

В Новой Деревне Ставропольского края есть авторская галерея художника Чу-

бенко – ученика, друга и соратника Гречишкина, который ушел из жизни в 2010 г., вслед за Мастером, оставив после себя богатое наследие.

Жена художника Мария Александровна бережно хранит его мастерскую, где все осталось на своих местах: и кисти, и краски, и даже льняное масло. Масленка теперь – предмет экспозиции будущего мемориала Николая Чубенко. Сын художника Александр, получив по наследству талант и закрепив его в том же художественном училище у замечательных преподавателей, успешно продолжает дело отца.

Стены мастерской увешаны его удачными картинами и этюдами. Особое внимание с первого мгновения приковывают две картины. Знакомый точный и лаконичный мазок, воздушная перспектива, неуловимые переходы цвета – это Гречишкин! Мастер подарил их своему Ученику, как и маленький карманный этюдник с малиновой плоской масленкой и карандашным росчерком. Галерею – свое детище – Николай Иванович увидел во сне и построил своими руками. Округлое здание необычной архитектуры с пейзажами красивейших мест нашей бескрайней родины содержится только на средства маленькой осиротевшей семьи, что в наше кризисное время очень нелегко.

Экскурсии, в основном из краевого центра, бывают нечасто, да и проводятся бесплатно. В нашем крае, кроме галерей в Ставрополе, больше нет подобных прецедентов. А ведь так необычно заглянуть за деревенский плетень, где растут березы и елки, краснеют рябина и калина, как и во дворе у любимого Учителя – Павла Моисеевича. Этот воссозданный островок средней полосы России – настоящее чудо среди наших сухих польнных степей. Они колышутся ковылями на картинах Ученика. Такая же синева Байкала с громадами скал. Так писать научил его Мастер, когда они бывали вместе на пленэрах на реликтовом озере. Лунный диск розовеет в вечерних облаках так же неповторимо, как и у Павла Моисеевича. Во многих картинах отмечается влияние Гречишкина. Когда талантливый студент второго курса художественного училища впервые попал в мастерскую своего кумира, он не мог себе представить, что эта встреча станет судьбоносной и именно ему посчастливится работать с пейзажистом.

Художница Марина Викторовна Фоменко, соседка Чубенко, вспоминает Гречишкина как гостеприимного хозяина: «Вместе с подругой Татьяной Павловной Зинченко мы занимались у педагогов Чубенко и Бабича. После успешного окончания художественной школы вместе поехали поступать в художественное училище Ставрополя. По протекции Чубенко мы на 2 недели поселились в доме семьи Гречишкиных. Сам художник, уступив нам свою комнату, перебрался в мастерскую. Мы были очарованы простотой и радушным приемом Павла Моисеевича и Валентины Николаевны.

Гречишкин шутил: «Нажарьте мне картошки с салом». Мы были потрясены нео-

быкновенными картинами Мастера и поняли, что наш жизненный путь – творчество. Для меня особенно интересно работать на пленэре, с ним я объехала живописные места родного края и России. Итогом этих путешествий стали творческие выставки».

П.П. Подсвилов, друг и соратник Гречишкина, который сопровождал его в экспедициях, был незаменимым помощником во всех житейских делах. Петр Петрович рассказывает, что Мастер снимал фото для детализации и точности топографии рельефа каждой горы, чтобы каждый смотрящий на картину смог узнать ее. Он очень быстро писал этюд, схватывая основные краски. Работал подолгу на одном и том же месте в разное время дня, начиная с раннего утра и до захода солнца. Это давало ему возможность выхватить лучшие моменты освещения в черед смен света и тени, когда они, постоянно меняясь и скользя, по-разному выявляют особенности рельефа.

Подсвилов – известный таксидермист и художник-оформитель, работал в Тебердинском заповеднике с 1959 г. Он помогал Мастеру в работе над панорамой Тебердинской долины, которая занимает достойное место в экспозиции заповедника.

А.М. Крупенников, лауреат премии в области педагогики, преподавал начертательную и инженерную графику в Аграрном университете в Ставрополе. Он вспоминал: «Впервые встретился с Гречишкиным в 1957 г. на Комсомольском озере, когда Павел Моисеевич писал этюд. Я с интересом наблюдал за работой художника, затем подошел, представился, и мы разговорились. Гречишкин пригласил меня на выставку своих работ, после посещения которой я стал с огромным вниманием следить за творчеством пейзажиста.

... Дождливый день 24 сентября 1983 г. мне запомнился надолго. Вместе с Казимиром Галаовым и композитором Владимиром Чернявским мы отправились в мастерскую Гречишкина. Галаов сочинил стихи о встрече солдата с девушкой, а Чернявский написал к ним музыку. Композитор взял с собой баян и нес его под плащом. Художник встретил нас у калитки, пригласил в дом, беседовали. Гречишкин показывал свои работы после поездки в Индию. Наше внимание привлек висевший на стене большой барометр, и мы поинтересовались историей его появления в мастерской. Павел Моисеевич рассказал, что как-то его вызвали в крайисполком. Он вошел в кабинет руководителя, а тот сидел за столом и рассматривал его альбом «От Маныча до Кавказа». Чиновник обратился к художнику: «Ваша работа «Степь ковыльная» мне очень понравилась. Подарите эту картину». На что Павел Моисеевич ответил, что подарить ее не может, но может сделать копию. Тот поинтересовался: «Сколько на это потребуется времени и сколько будет стоить?» Гречишкин ответил, что работа над

пейзажем займет около двух недель. А вопрос о цене привел Павла Моисеевича в замешательство, так как он был уверен, что с чиновником нельзя торговаться. Увидел старинный барометр над входной дверью и попросил подарить его в счет оплаты его работы. И оба рассмеялись.

В день нашего прихода в мастерскую художника Гречишкин писал на холсте куст и попросил меня внимательно посмотреть и сказать, что в картине не получилось. Я обратил внимание на лист, который одинаково освещен слева и справа. «Я так и думал!» – ответил Павел Моисеевич и поблагодарил меня. Под баян для Павла Моисеевича мы дважды исполнили песню о солдате, а в третий раз он спел вместе с нами. Художник каждому подарил по альбому «От Маныча до Кавказа» и буклет «Пейзажи Индии» с автографом. Проводил нас до калитки и пригласил снова приходиться к нему в гости». Андрей Михайлович Крупенников пишет свои воспоминания о встречах с Гречишкиным, которые войдут в книгу «Художник из Татарки».

Воспоминания современников и учеников о выдающемся пейзажисте Павле Моисеевиче Гречишкине раскрывают нам незаурядность его личности и величие его таланта. Мастер ушел из жизни, но остался в своих пейзажах и в наших сердцах.

Барабанова Е.Г.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный

музей-заповедник,

главный научный сотрудник отдела фондов

РУССКИЙ РУБЛЬ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ КАВКАЗА

(некоторые факты финансовых вложений России в присоединение Северного Кавказа)

Изучение музейных коллекций памятников денежного обращения – бонистики и нумизматики – часто подразумевает и исследование тем: цены, зарплаты, налоги, материальный уровень жизни, денежные затраты на различные проекты

(личные и государственные и т.д.). Когда в поле зрения попадают различные факты денежного обращения и финансовых затрат, связанные как с небольшими тратами, так и с масштабными проектами Российской империи, такими как присоединение территорий Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. – они служат хорошим аналитическим материалом для исследования и реконструкции тех событий.

Кавказ всегда был буферной зоной пересечения интересов России, Турции и Персии. Это было время, когда Россия пережила 4 войны с Турцией, 3 – с Персией и так называемую Кавказскую войну. Одной из ключевых по значению войн между Российской и Османской империями была война 1768–1774 г. Эта война определила судьбу Кавказа. 10 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мир.

Победа над османами запустила процесс присоединения к Российской империи Северного Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа. За военные издержки Турция обязалась в течение 3 лет уплатить России 4,5 млн. руб., но эта сумма далеко не покрывала масштабных военных расходов, которые составили 47 512 260 руб. Неудивительно, что победоносную войну Россия закончила с внушительным бюджетным дефицитом – 26,7 млн. доходов при 29,4 млн. расходов в 1773 г. [1].

Не случайно на 2-й год войны, в 1769 г., Екатерина II издает Манифест о выпуске первых в истории России бумажных денег – ассигнаций. «С любовью к Отечеству, действует к пользе оного» – заявляет защитная надпись на бумажных деньгах. Выпуск ассигнаций стал одним из способов спасения бюджета от непомерных военных расходов. Но если первые десятилетия удавалось удерживать номинальную стоимость бумажных денег, то уже во время следующей русско-турецкой войны, в 1787 г., печатный станок так разогнали, что напечатали 53 827 050 бумажных рублей, на 10 млн. больше, чем все доходы Российской империи в этом году.

Всего за годы правления Екатерины II было выпущено ассигнаций на огромную сумму – 156 млн. руб., тогда как серебряных рублей – только на 66 млн. В итоге началась инфляция, к концу царствования великой императрицы курс бумажного рубля упал до 68 копеек серебром. [2]

Через 3 года после Кючук-Кайнарджийского мирного договора, в 1777 г., для укрепления южных рубежей России началось строительство Азово-Моздокской укрепленной линии. Точная сумма, израсходованная на этот проект, неизвестна, но даже отдельные факты денежных затрат дают представление о финансовых вложениях России, и, на удивление, цифры выглядят вполне умеренно. В документальном фонде № 39 Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся некоторые копии документов Исходящих журналов канцелярии Потемкина-Таври-

ческого за 1777 г., содержащие отдельные сведения о финансировании подготовительных работ и начале строительства крепостей линии.

«Ведомость учиненная об отпущенной на строение... Моздокской линии сумме...» из этих журналов имеет данные: «По именному ее императорского величества высочайшему указу всемилостивейше повелено отпустить на строение Линии из государственной коллегии экономии... 50 000 руб.» [3].

Приведу некоторые виды расходов на строительстве крепостей из этой же Ведомости «Итого получено: 50 000. Из того числа в расход: на всевозможные строительные инструменты и приспособления (инженерные, шанцевые, плотницкие, межевые) – 1434 руб.; на покупку 120 пудов железа для строительных нужд – по 63,5 коп. за пуд – 762 руб.; на покупку 12 ящиков стекла по 14 руб. 25 коп. – 171 руб.; за перевозку артиллерии и различных материалов – 1810 руб.; на перевозку житного двора (провиантский магазин, там, где хранились запасы хлеба) – 50 руб.; на построение при Георгиевской крепости казенной мельницы – 200 руб.; на построение блокгауза между Павловскою и Екатериненскою крепостями – 1200 руб.

Самое любопытное, что первым пунктом в документе стоят расходы «на покупку галантерейных вещей для подарков владельцам, узденям и прочим... – 1225 руб.». Этому предшествовал запрос, в котором говорится о необходимости выделения такой суммы – для «приласкания окружающих Астраханской губернии границы разных орд татар и для беспрестанных разведований по тамошнему краю. На покупку недорогих галантерейных вещей для подарков, в награждение оказующим к интересам высочайшего нашего двора преданности» [4].

Возвращаясь к вышеприведенной Ведомости, отмечаем очень интересный пункт о зарплате строителям крепостей «за проработанное время, продолженное при строении крепостей военнотружущим нижним чинам, казакам и ногайцам полагается каждому в день по 5, а с лошадыю или с волом по 10 копеек» – и выделено на это 8890 руб. 17 коп. [5].

Сумма 5 коп. кажется ничтожно малой, если не знать цен того времени. При 5-копеечном дневном заработке в месяц получалось 1,5 руб., в год – 18 руб. Для сравнения: уральский рабочий на заводе получал 16 руб. в год (средний заработок). При такой зарплате в месяц можно было купить 490–820 кг муки, и 82–123 кг мяса, даже приписной крестьянин с лошадыю, получавший по расценкам 10 коп., мог купить в день 55 кг муки и 8 кг свинины [6].

В армии платили: капралу 12 руб., вахмистру 13 руб., прапорщику 50 руб., полковнику 300 руб. в год. Жалование чиновника среднего достатка составляло 37 руб. в год.

Строительство крепостей велось ускоренными темпами силами казаков и солдат. Рабочий день составлял 14 часов. В Ставропольской крепости к началу зимы 1777 г. драгуны и казаки успели построить гауптвахту, сарай для обоза и конюшни для лошадей, а сами, благодаря благоприятной погоде, перезимовали по-лагерному. С наступлением весны 1778 г. казаки и драгуны снова приступили к работам, и к осени сооружение Ставропольской крепости было завершено. Известно, что на строительство двух крепостей – Ставропольской и Александровской было израсходовано 23 764 руб. [7].

После завершения строительства крепостей Линии началось обживание этих мест. По распоряжению, которое Г.А. Потемкин адресовал командиру Хоперского полка К. Устинову, предписывалось, чтобы Хоперский полк в составе 520 человек (казаков и старшин) вместе с казачьими семействами и имуществом следовал к местам переселения. Казакам назначалось в надел необходимое для их материального обеспечения количество земли и пособие от казны на каждый двор по 20 руб. [8].

Семьи казаков прибыли на места через год, летом 1778 г. с Хопра приехала 1-я партия казачьих семей переселенцев, разместившихся в станицах при крепостях Ставропольской и Северной. Поздней осенью 1779 г. прибыла 2-я группа. В каждую из 4 станиц было поселено по 140 семей казаков. По некоторым данным, они так и не получили подъемные – 20 руб.

Работы по сооружению Азово-Моздокской укрепленной линии еще не были завершены, как последовали новые военные события, сыгравшие решающую роль в ходе присоединения Предкавказья и Кавказа к России.

По итогам последней русско-персидской войны 1826-1828 гг. шах уплатил царю огромную контрибуцию – 20 млн. руб., что соответствовало пятой части всех доходов бюджета Российской империи за год и в 3 раза превышало стоимость войны с Персией. Кроме того, России отходили Дагестан, Грузия, Азербайджан и Армения. Деньги пошли на очередную, 9-ю, войну с Турцией 1828-1829 гг., которая обошлась Российской казне в 208 349 335 бумажных рублей. Турция была вынуждена признать приоритет русского влияния на Кавказе.

Но до окончательного слияния Кавказа с Россией оставалось еще полвека. Обострение отношений с горцами Северного Кавказа вынудило Россию начать военные действия, которые вошли в историю как самая длительная, почти полувековая Кавказская война.

По оценкам военных историков, война на Кавказе ежегодно обходилась казне в 10-15 млн. руб., или до 20% всех расходов Российской империи на армию. А поскольку

военные действия растянулись более чем на 50 лет, к этому надо добавить строительство дорог и лесных просек. Затраты на эту войну исчислялись полумиллиардными цифрами.

Известны некоторые суммы, которые Министерство Финансов Российской империи выделяло на расходы Кавказского корпуса, расположенного в регионе военных действий. Например, в 1843 г., когда имам Шамиль начал контрнаступление в горах Дагестана, Кавказский корпус получил 1 085 184 руб. серебром. На следующий год на «малую войну» дали 1 861 730 серебряных руб. Были также дополнительные расходы.

Крупные суммы ежегодно выделялись на выкуп пленных после горских набегов. Царское правительство имело вполне официальный прејскурант по выкупу пленных на Кавказе – так, в 1841 г. солдат или рядовой казак «стоил» 10 руб. серебром, а за генерала просили до 20 тысяч. Рекордный выкуп заплатили в марте 1855 г., когда родственники спасали захваченных воинами Шамиля княгинь Чавчавадзе и Орбелиани, внушек последнего грузинского царя, фрейлин русской императрицы. После долгой торговли их поменяли на 40 тыс. руб. серебром [9].

В это время на Кавказе были востребованы исключительно серебряные рубли. Интересны факты, которые приводит полковник А.И. Руновский, состоявший приставом при военнопленном Шамиле в 1859 г., в своем дневнике «Записки о Шамиле»: «25-го февраля. Сегодня Шамиль сообщил мне несколько финансовых данных, к которым за время его управления придерживался он сам и все его горцы. Вот эти данные:

1) Деньги в горах обращались только русские и именно серебряные. Не было даже грузинских 20- и 40-копеечников, распространенных в Закавказском крае повсеместно, а в Кавказском частью.

2) Русских полуимпериалов и голландских червонцев в горах было очень много; но между горцами они редко имели значение ходячей монеты, а большею частью, составляя украшение женских нарядов, приобретались как товар, а не как деньги.

3) Медных денег в обращении совсем не было; те же, которые попадались как-нибудь очень редким случаем горцу в руки, обыкновенно шли в лом как деловая медь.

4) Депозиток и вообще ассигнаций наших в горах было очень много (все доставшиеся посредством грабежа): но они не имели никакой ценности, и часто не узнаваемые в своем достоинстве, предавались уничтожению; а те, о которых горцы имели должное понятие, немедленно сбывались ими в русских крепостях или своим более смышленным родичам, жившим на мирную ногу.

5) Кредитным учреждением для хранения капиталов служила горцам их собственная земля, в которую они имели и еще долго будут иметь обыкновение зарывать свои деньги» [10].

После Крымской войны Российская империя решила покончить с затянувшейся эпопеей на Кавказе. Численность войск в регионе увеличили в 3 раза, доведя до 200 000. Расходы сразу взлетели. В иные годы они достигали 30 млн. руб., или почти 10% всех ежегодных трат госбюджета. Даже в 1864 г., когда было сломлено последнее открытое сопротивление горцев, траты России на Кавказ более чем в 2 раза превышали все доходы, получаемые казной в регионе.

Окончательное присоединение Кавказа к России и прекращение горских и татарских набегов стало импульсом к мощному цивилизационному экономическому, социальному и демографическому развитию этих территорий. Оживление экономической жизни способствовало расширению всевозможных связей между Россией и Кавказом, что содействовало сближению кавказских народов с русским народом. Но далеко не все в этой истории измерялось деньгами и материальными выгодами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Волынин А. Сколько стоили войны Екатерины II // Профиль. 2016. № 22. С. 63.
2. Валянский С., Калужный Д. Русские горки: Возвращение в начало. М., 2004. С. 427.
3. СГМЗ. Ф. 39 Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 93-100.
4. Там же. Л. 42.
5. Там же. Л. 96.
6. Шипилов А.В. Уровень жизни рабочих в России в 1-й половине XVIII века // [http://reenactor.ru. АРН/PDF/Chipilov](http://reenactor.ru/APH/PDF/Chipilov).
7. Обозный Н.М. На Азово-Моздокской линии // Невинномысский хронограф // <http://www.chronograph.ru>.
8. СГМЗ. Ф. 39. Оп.1. Ед. хр. 7. Л. 43.
9. Волынин А. Указ. соч. С. 62.
10. Руновский А.И. Записки о Шамиле. М.: Внешторгиздат, 1989. С. 34.
11. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

Бабенко М.В.,

г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
магистрант

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В 1990-Е ГГ.

В настоящий момент идет процесс возрождения казачества. Создаются региональные, общероссийские казачьи объединения, действуют историко-культурные и военно-патриотические казачьи общества, издаются районные и областные казачьи газеты и даже поднимается вопрос о воссоздании казачьих областей как административных единиц. Этот процесс имеет особое значение для Северного Кавказа, так как здесь сосредоточены три важнейших казачьих войска: Донское, Кубанское, Терское.

Под возрождением казачества следует понимать не восстановление старого казачьего сословия со всеми его привилегиями, а иной процесс. В Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» от 15 июня 1992 г. отмечается: «Поддержать движение за возрождение казачества, восстановление экономических, культурных, патриотических традиций и форм самоуправления казачества, не допуская вместе с тем возврата к каким-либо сословным привилегиям и принудительному навязыванию гражданам казачьего уклада жизни» [1].

Возникает вопрос, что же понимается под возрождением казака как социального объекта? На основе экспертного опроса атаманов казачья газета «Родимый край» составила собирательный образ казака, которого они хотели бы видеть в результате своей деятельности по возрождению донского казачества. Он включает в себя 11 желаемых качеств:

- 1) каждый казак способен работать в правлении и быть атаманом;
- 2) мудр и осторожен при выборе атаманов, ведь атаман – отец всех казаков;
- 3) хороший семьянин;
- 4) отлично знает казачий быт, традиции и обряды;

- 5) духовно зрел (независимый характер, внутренняя свобода, умение защищать свои права, сознание своего достоинства, безграничная любовь к Дону);
- 6) предан христианству, посещает церковь;
- 7) готов в любое время встать на защиту Отечества;
- 8) любит порядок и дисциплину;
- 9) умеет терпеть, находить друзей и союзников;
- 10) дорожит землей, умеет на ней создавать большие материальные блага;
- 11) предприимчив, храбр и непоколебим [2].

По своей природе возрождение казачества является реформаторским движением [3]. Оно шло не только снизу, но и в определенной мере стимулировалось сверху. В 1989 г. была опубликована секретная директива Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 г., ставшая символом политики «рассказачивания» [4]. Указом президента СССР М. С. Горбачева от 13 августа 1990 г. признаны незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 1920-50-х гг. [5]. Такое отношение властей создало атмосферу первых шагов казачьего возрождения.

В конце 1980-х гг. в Москве среди участников казачьих фольклорных ансамблей зародилась идея создания землячества московских казаков. Такое землячество появилось весной 1989 г. при Центральном Доме пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Оно было официально зарегистрировано в начале 1990 г. Этим было положено начало возникновению землячеств и казачьих политических организаций по всей стране. Стала широко обсуждаться и критиковаться политика «рассказачивания» [6].

30 июня 1990 г. в Москве состоялся Учредительный Круг, который обсудил программу действий по историческому и духовному возрождению казачества, его социальной защите, поощрению предприимчивости и инициативы в производственной деятельности. Большой Учредительный Круг принял Устав Союза казаков и избрал атамана, совет атаманов и атаманское правление. Первым атаманом Союза казаков стал А. Г. Мартынов, помощником атамана избрали хопёрского казака, поэта Б. А. Алмазова.

Образовавшийся Союз казаков способствовал организационному становлению казачьего движения по всей стране, и уже в октябре 1991 г. образуется «Союз казачеств Юга России». Начало процессу возрождения казачества на Дону было по-

ложено интеллигенцией, потому что из казачьих семей вышло немало представителей отечественной научной и научно-технической интеллигенции.

Богатое историко-культурное наследие казаков становится предметом общественного внимания. Праздники «Шолоховская весна», «Дни станиц», фольклорные праздники и другие культурные мероприятия превращаются в знаменательные моменты духовной жизни потомков донских казаков.

14 октября 1990 г. в Ростове-на-Дону по инициативе потомков казаков состоялся праздник донского казачества, не отмечавшийся 72 года, на котором станица Старочеркасская была объявлена музейной и заповедной зоной, историко-культурным центром донского казачества [6].

Празднование 350-летия станицы Вёшенской, как и другие казачьи торжества, сопровождалось возрождением традиций казачества: воздавалась дань павшим за свободу Отечества, производился торжественный прием в казаки, организовывались праздники хуторов.

Возродилась первая организационная форма казачьего движения – казачий круг. Станичный круг (сход казаков) издавна был традиционным органом казачьей демократии, местного самоуправления. Он решал все вопросы жизни станицы: открытым голосованием избирал атамана, писаря, 2-4 стариков (в помощь атаману); круг судил, наказывал и миловал, круг определял жизнедеятельность всей станицы. В апреле 1990 г. атамана избрали в станице Вёшенской, а летом-осенью 1990 г. казачьи круги стали собираться в других станицах и хуторах по всему Дону.

17-18 ноября 1990 г. на Большом Круге в Ростове-на-Дону был образован Союз казаков Области Войска Донского. В резолюции круга «О создании Союза казаков» говорится, что союз создан в соответствии с Законом СССР «Об общественных объединениях» и является историческим преемником Войска Донского с его традиционной демократией казачьего круга, должен именоваться в торжественных случаях и во время военно-исторических праздников и походов «Войском Донским». Общественно-патриотический Союз казаков Области Войска Донского провозгласил возрождение традиционной символики и атрибутики Войска Донского: герб, флаг, гимн донского казачества («Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон») [7].

Проведение многочисленных культурно-исторических акций в местах компактного проживания потомков казаков, возрождение прогрессивных казачьих традиций в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, поддержка казачьего движения государством (хотя и не очень активная) позво-

лили в основном завершить организационную стадию движения. Были приняты основные программные и уставные документы, заложены основы разрушения стереотипов негативного отношения к казачеству.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Скорик А.П. Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. Ростов-на-Дону, 1995. С. 143.
2. Там же. С.156.
3. Вырелкин В.П. Казачество – философия возрождения // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 249.
4. Циркулярное письмо ЦК РКП (б) об отношении к казакам 24 января 1919 года// Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176-178.
5. Сергеев В.Н. Движение за возрождение казачества. Ростов-на-Дону, 1993. С. 24.
6. Астапенко М.П. Останется вечно монументом // Донская речь. Ростов-на-Дону, 1994.
7. Сергеев В.Н. Движение за возрождение казачества. Ростов-на-Дону, 1993. С. 17.

Бадулина Е.С.,

г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
магистрант

**ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ IV СОЗЫВА
В РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПЕРИОДИКЕ**

Государственная Дума Российской империи IV созыва – представительный законодательный орган, действовавший с 15 ноября 1912 г. по 25 февраля 1917 г. Выборы

в Думу проходили на фоне оживления политической жизни в стране. Следует отметить, что выборы проходили в обстановке сильного давления администрации на позиции избирателей: не допускались предвыборные собрания, названия нежелательных партий запрещалось печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Мелкие землевладельцы почти отсутствовали, но было мобилизовано духовенство [1]. Это привело к тому, что среди депутатов IV Государственной Думы было более 75% крупных помещиков-землевладельцев и представителей духовенства. Помимо земли, более 33% депутатов имели недвижимое имущество (заводы, фабрики; рудники, торговые предприятия, дома и прочее). К интеллигенции принадлежало около 15% всего состава депутатов. Они играли активную роль в различных политических партиях, многие из них постоянно участвовали в дискуссиях общих собраний Думы.

Состав Думы несколько отличался от предыдущей: ослабли позиции центра (число октябристов сократилось до 88 мест), число правых депутатов увеличилось. Всего было избрано 442 депутата [2].

В рамках данного вопроса важно назвать депутатов, избранных из Ставропольской губернии. Мирошниченко Николай Андреевич принадлежал к фракции прогрессистов. Он родился в 1870 г. в с. Предтеченском. Занимался сельским хозяйством. В течение трех лет был волостным старшиной [3].

Старлычанов Дмитрий Дмитриевич принадлежал к фракции трудовиков. Он родился в 1876 г. Окончил 6-классное городское училище и институт в Тифлисе. Преподавал в городском училище в Ставрополе. Был одним из инициаторов открытия в городе публичной библиотеки. Был членом-корреспондентом ставропольской газеты.

Ярыгин Тимофей Никитьевич принадлежал к группе Центр. Родился в 1867 г. Занимался торговлей, служил приказчиком в торговых заведениях села Прасковья. Был председателем Общества взаимного кредита [4].

Заседания IV Государственной Думы были открыты 15 ноября 1912 г. В газете «Ставропольские губернские ведомости» первое упоминание о IV Государственной Думе относится к 12 ноября 1912 г. Автор статьи поднял проблему национализма в предыдущих Думах. Он писал о том, что все законопроекты рассматривались через призму национализма. В прошлых Думах носители национально-государственных начал составляли меньшинство. Центр не отражал интересов определенных социальных групп. Эту ошибку должен исправить Центр будущей Государственной Думы. Состав ее указывает на то, что она будет в состоянии поставить

во главу угла общих задач интересы коренной нации, приблизит интересы Родины к требованиям народа. Автор подчеркивал, что законодательное творчество должно усилиться, «когда оно питается живым источником – нуждами народа, то есть силы реальной». Еще одним фактором, который должен повлиять на решение проблемы национализма, по мнению автора, было то, что Центр новой Думы переместился вправо, соответственно во главу своей деятельности они стали ставить не позиции Центра, а нужды русской национальности [5].

Таким образом, автор выражал надежду на то, что работа IV Думы станет более объективной и продуктивной по сравнению с предыдущими. Также автор положительно оценивал рост оппозиционных настроений в Думе.

Пожалуй, основной пласт материалов о IV Государственной Думе в периодической печати Ставропольской губернии занимают отчеты заседаний Думы. Так, например, в газете «Северокавказское слово» от 15 января 1915 г. размещен отчет о заседании бюджетной комиссии, в которой обсуждалось введение подоходного налога. Депутаты высказали предположение о том, что сумма налога в 126 млн. рублей не покроет предстоящих расходов. Обсуждали и проблемы войны и мира. Депутаты считали, что в полномочия законодательного учреждения не входит выработка условий мира, но в обсуждении условий мира депутаты должны принимать участие [6].

Дума активно обсуждала вопросы экономики, это видно по материалам газеты «Северокавказское слово» от 16 января 1915 г. В этом выпуске размещен отчет о заседании Думы, которое было посвящено неустойчивости валюты. Керенский отмечал, что бюджет построен на косвенном обложении, что ведет к подорожанию предметов первой необходимости и к ухудшению положения неимущих классов [7].

В газете «Северокавказский край» представлен материал несколько другого характера – слухи и новости о IV Государственной Думе. Газета была ежедневной, имела постоянные рубрики. В выпуске от 24 октября 1913 г. размещена заметка по поводу бойкота Думы. По слухам, группа октябристов настаивает на поездке Родзянко в Ливадию с целью улаживания конфликта Думы с правительством [8].

В декабре 1913 г. закрылась сессия Государственной Думы, чему была посвящена статья в выпуске газеты от 13 декабря 1913 г. Это было интервью с депутатами, которые отрицательно высказывались о деятельности Думы. Кадет Новиков М.М. сказал: «Нет никаких итогов, на светлое будущее рассчитывать нет смысла». Прогрессист Ефремов И.Н. говорил о том, что единственным итогом сессии было

проявление оппозиционных настроений октябристов. Октябрист Ковалевский Е.П. отметил нарастание оппозиционности в Думе. Хвостов А.Н. добавил: «В деловом отношении сессии вообще не было, депутаты занимались пересаживанием с одного места на другое. Тем не менее, в будущем надеюсь на образование делового большинства и только в этом вижу радужные перспективы» [9].

В выпуске от 14 декабря 1913 г. говорится о произведенном обыске у депутатов Чхеидзе и Скобелева. У них были конфискованы заграничные газеты. По этому поводу в Государственную Думу был внесен запрос [10].

Таким образом, в периодической печати Ставропольской губернии широко освещалась деятельность IV Государственной Думы и обстановка внутри Думы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Выборы в I-IV Государственные Думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы / Авторы-составители: Борисов И.Б., Веденеев Ю.А., Зайцев И.В., Лысенко В.И. М., 2008. С. 649.
2. Флоринский М.Ф. Государственная Дума в России в 1906-1917 гг.// Ленинградский юридический журнал. 2006, № 1. С. 17.
3. Члены Государственной Думы: портреты и биографии. Четвёртый созыв, 1912-1917 г. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 320.
4. Там же. С. 321-322.
5. Ставропольские губернские ведомости. 1912, № 47 от 10 ноября. С. 7-8.
6. Северокавказское слово. 1915, № 8 от 15 января. С. 8.
7. Там же. № 9. С. 8.
8. Северокавказский край. 1913, № 749 от 24 октября. С. 2.
9. Там же. № 790 от 13 декабря. С. 2.
10. Там же. № 791 от 14 декабря. С. 2.

Белов А.И.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный

музей-заповедник,

специалист по работе с базами данных

**АНИМАЦИЯ ДИНАМИКИ
ПРОЦЕССА
ОСВОБОЖДЕНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
НА КАРТЕ 1943 ГОДА
(по структурированным данным
журналов боевых действий
Закавказского, Северокавказского и
Южного фронтов)**

Для визуализации исторического процесса на картах используется множество методов. Классическим и самым эффективным является метод анимации. Рисунок оживляется с помощью создания серии изображений. Отдельные рисунки покадрово фотографируются, а затем проецируются на экран со скоростью 24 кадра в секунду. С внедрением компьютерных технологий увеличилось количество методов по работе с картами и сфер их использования.

Карты, созданные с помощью языков программирования, широко применяются в компьютерных играх. В геоинформатике используются топографические электронные карты с встроенными базами данных. В исторической информатике в поисках подходов к визуализации исторических данных на схемах и на картах разрабатываются свои методы визуализации.

Наиболее перспективными из них являются:

- метод Timeline (лента времени); он основан на визуализации исторического процесса в виде ленты времени. Программы, используемые для этого метода, генерируют внесенные данные, структурируют их по временной и тематической шкале. Фон и темы настраиваются самостоятельно. Чтобы усилить визуальный эффект, вносятся дополнительные изображения;

- метод Digital data base (интерактивная база данных). Он основан на использо-

вании специализированных программ в области геоинформационных технологий (карты с атрибутивной информацией). Атрибутивная информация хранится во встроенной в программу базе данных. Карта сканируется, оцифровывается и с помощью атрибутивных и временных данных визуализирует исторический процесс. Динамический эффект происходит в результате изменения данных. Этот продукт исторической информатики является полноценной электронной исторической картой. Ее технологической и информационной платформой является всемирная паутина, а непосредственными источниками структурированных данных являются электронные энциклопедии. В результате накопления огромного количества электронной исторической информации этот метод является самым прогрессивным в быстро развивающемся в мире.

Проанализировав приведенные выше методы, мы пришли к выводу о том, что в своей работе с картами для визуализации исторического процесса можно использовать анимацию фотоизображений с элементами геоинформатики и Digital data base.

Чтобы показать динамику исторического процесса, надо пройти несколько этапов обработки карты и документальных письменных источников:

- сканирование и цифровая обработка карты,
- нанесение на карту административных границ районов края,
- выборка из журналов и сводок данных, которые непосредственно касаются освобождения Ставропольского края;
- создание автоматизированной системы (далее АС) управления базами данных, внесение выписанных временных данных в эту АС;
- с помощью логического построения запросов в автоматизированной системе выделить временные и топографические данные (день, населенный пункт, район);
- внесение временных и топографических данных на подготовленные карты;
- нанесение линии соприкосновения и цвет освобождения на карты-схемы по дням;
- показ подготовленных карт-схем через программу презентаций с временным интервалом 2 сек и 0,09 сек.

В начале работы встал вопрос: с какой картой работать в графическом редакторе – с книжной или интерактивной? В результате проведенной подготовительной работы выяснилось, что оба варианта не подходят, т. к. маленькое разрешение и размер изображений не дают возможности проводить изменения без потерь топографических данных. Поэтому возникла необходимость в использовании для графических изменений оригинальную карту из фондов СГМЗ – это карта Ставропольского

края с масштабом 1:800000 см, размером 77 x 62 см, отпечатанная в октябре 1943 г. Главным Управлением геодезии и картографии при СНК СССР [1].

Сканирование производилось на сканере формата А3, изображение было собрано из 6 отсканированных фрагментов с помощью графической программы. На ее базе с помощью слоев с внесенными в них временными данными были созданы карты-схемы для дальнейшего использования этой серии карт в анимации динамики.

Основными источниками временных данных стали сводки Совинформбюро с сайта Солдат [2], сведения журналов боевых действий Закавказского (230 с.), Северо-Кавказского (16 с.) и Южного фронтов (75 с.) с сайта «Память Народа» [3].

На первом этапе обработки документов мы выписали всю информацию, касающуюся Ставропольского края с 31 декабря 1942 г. по 30 января 1943 г., в текстовый файл. Все данные в этих документах расписаны по дням. В результате проделанной работы удалось определить временной отрезок, за который был освобожден Ставропольский край, в современных административных границах. В процессе наступления Красной армии освобождение края началось 1 января 1943 г. с 2 населенных пунктов Степновского района [4] и закончилось 27 января в Новоалександровском районе освобождением 3 населенных пунктов [5] и переносом боевых действий за пределы края.

На 2-м этапе обработки документов была создана Автоматизированная Система под рабочим названием АС «Освобождение», куда перенесли выписанную информацию из текстового файла в файл базы данных. Ядром АС стала основная таблица, в которой были определены 7 параметров: направление удара Красной армии, дата освобождения по сводкам и по журналам боевых действий, род объекта, название населенного пункта, район.

При заполнении таблиц мы использовали 2 варианта внесения данных:

- автоматический набор – при постоянной величине;
- набор вручную – для уникальной величины.

При работе в АС применяются поисковые запросы, которые выполняются в основной таблице с помощью инструментов сортировки и фильтрации данных. Когда нужно узнать, с какого по какое число шло освобождение того или иного района, какой населенный пункт и в каком районе был освобожден, алфавитный список населенных пунктов, освобожденных в определенный день, и другие подобные запросы обрабатываются и выводятся на экран монитора за считанные секунды. Итоговые данные запроса: район, населенный пункт, дата освобождения этого пункта, направление удара – выводятся в основной таблице. Основываясь на четко структуриро-

ванных данных, полученных в результате запросов, можно начинать работу с картой.

Карта-схема – это копия базовой карты. В 1-ю копию первого дня освобождения внесены слои: границы районов, ареалов, линии соприкосновения, и удалены названия тех населенных пунктов, которые не указаны в итоговых данных запросов АС на этот день. Каждая последующая карта-схема создается на основе предыдущей, изменяются только картографические символы – линия и ареал – и добавляются названия освобожденных населенных пунктов. В результате переноса данных из АС получилось 25 карт-схем, хотя временной отрезок с 1 по 27 января 1943 г. включает в себя 27 дней. Итоговые данные 2 дней не были выведены в результате запросов.

Чтобы придать динамику временным данным на каждой карте-схеме, в отдельном слое создана линия соприкосновения двух армий, условно линия фронта, которая изменяется изо дня в день в зависимости от населенных пунктов, освобожденных в результате наступления.

Ареал территории, освобожденной Красной армией, обозначается под цвет карты, а захваченной немецкими войсками, бесцветной. Изменения цветов присутствуют только в границах Ставропольского края.

Полученные 25 карт-схем анимируются с помощью программы для презентации. В качестве временного разрешения используется масштаб времени смены кадра – 2 секунды. Один кадр – одна карта. С помощью анимации серии карт показана динамика исторического процесса (освобождения Ставропольского края). Временной период показа от 25 до 50 секунд.

В результате нашей работы было выяснено: чтобы показать историческое событие в динамике, можно использовать метод анимации, а для структуризации данных – метод автоматизации поиска и обработки данных. Метод анимации предусматривает создание серии изображений, которые анимируются с помощью программ визуализации или презентации. Метод автоматизации предусматривает создание Автоматизированной системы на основе программ СУБД на различных информационных платформах.

Итогом нашей работы является сканированная базовая карта, 25 карт-схем с временными данными и линией соприкосновения и АС с данными, которые можно дополнять, уточнять и структурировать по дополнительным параметрам запросов.

В перспективе данные, полученные путем обработки документальных источников в подобных АС, можно использовать для карт с временными данными, Timeline макетов или электронной исторической карты Ставропольского края на основе метода Digital data base.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. Нвф. 7112.
2. Документы Совинформбюро - 1943 г. январь. [Электронный ресурс]. URL: http://www.soldat.ru/doc/sovinfburo/1943/1943_01.html (Дата обращения: 17-22.06.2016.).
3. Закавказский фронт [Электронный ресурс]. URL: <http://pamyat-naroda.ru/warunit> (Дата обращения: 17-23.06.2016).
4. Журнал боевых действий Закавказского фронта за 1 января 1943 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136690697> (Дата обращения: 17-22.06.2016.).
5. Оперативные сводки за 27 января 1943 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.soldat.ru/doc/sovinfburo/1943/1943_01.html (Дата обращения: 17-22.06.2016.).

Белоконь В.В.,

г. Ставрополь,

Государственный архив Ставропольского края,
заместитель директора по научной работе

ЭМБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ КАК СИМВОЛ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ

В 2016 г. Государственный архив Ставропольского края отметил свое 95-летие. В рамках юбилейных мероприятий была разработана эмблема архива. Для этого была создана рабочая группа, определена содержательная концепция эмблемы. В ее обсуждении принял активное участие секретарь Геральдической комиссии при Губернаторе Ставропольского края директор Ставропольского государственного музея-заповедника Н.А. Охонько. Дизайн эмблемы создал член Союза художников России С.Е. Майоров, который имеет большой практический опыт разработки гербов и является дипломантом международных, всесоюзных, республиканских конкурсов искусства книги и плаката.

Эмблема была одобрена Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и поставлена на федеральный геральдический учет. Ее презентация состоялась на торжественном юбилейном мероприятии в мае 2016 года. В настоящее время эмблема стала официальным символом архива.

Государственный архив Ставропольского края является одним из крупнейших архивов на Юге России. В нем сосредоточено свыше 1 млн. 200 тыс. единиц хранения, которые отражают историю заселения и освоения региона, его социально-экономическое и культурное развитие более чем за двухвековой период. Документальные фонды архива представляют большую ценность не только для нашего края, но и для Северного Кавказа и Юга России, так как содержат важную информацию о состоянии региона в XVIII – начале XIX столетий. Они разносторонне характеризуют материальную и духовную жизнь общества на разных этапах его развития. По сути – это бесценное богатство для общества, которое подлежит вечному (постоянному) хранению. В связи с этим архив решает задачи как по обеспечению сохранности и пополнения документальных фондов, так и популяризации историко-документального наследия с целью ознакомления населения с неизвестными страницами истории.

Эмблема емко и адекватно отражает суть деятельности архива языком символов. Основа эмблемы – лазоревый (синий) геральдический щит барочной формы, на котором изображен свиток пергамента, скрепленный в правом нижнем углу червленой (красной) печатью, поверх всего – коричневые песочные часы.

Свиток символизирует архивный документ, сохраняемый в силу его значимости и ценности для общества. Помимо прямого толкования, свиток с библейских времен определяется как «типичный характерный признак записанных, но еще не опубликованных и никем не признанных мыслей». Печать символизирует достоверность и завершенность архивного документа и содержащейся в нем информации. Песочные часы представляют собой символ времени и движения, символ ушедших веков – истории.

Статус и значимость эмблемы повышает наличие девиза, который изображен на золотой девизной ленте и выражает суть исторической миссии архива: «Хранить вечно». Именно эти слова указаны на обложках многих архивных дел дореволюционного времени. Слово «хранить» применено в данном случае в широком его понимании: обеспечение сохранности и учет архивных документов, пополнение документальных фондов, их изучение и широкая популяризация.

Используемые в эмблеме цвета и металлы также несут смысловую нагрузку и имеют содержательное значение, в частности:

* лазурь символизирует честность, верность, искренность и безупречность, яс-

ность суждений;

* красный символизирует право, силу;

* черный цвет (наполнение песочных часов) – цвет постоянства, мудрости, прошлого и истории;

* золото – король металлов, символизирует могущество и богатство, справедливость.

Эмблему окружает надпись «Государственный архив Ставропольского края». Форма круга использована не случайно. В эмблеме круг выражает идею единства и бесконечности, законченности и вечности.

Таким образом, эмблема в лаконичной изобразительной форме отражает историческую миссию архива.

Эмблема была обнародована во время публикации юбилейного буклета и размещена на сайте архива. В дальнейшем планируется ее использование в изданиях, при оформлении праздничных и иных мероприятий, проводимых архивом.

Бендюк О. Б.,

г. Ставрополь,

Ставропольский краевой музей

изобразительных искусств,

искусствовед, заместитель директора

по научной работе

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ СТАВРОПОЛЬЯ

**(из опыта работы Новокумского филиала
ГБУК СК «Ставропольский краевой музей
изобразительных искусств»)**

30 декабря 2004 г. Приказом министерства культуры Ставропольского края бывший Центр традиционной русской культуры молокан и казаков-некрасовцев в п. Но-

вокумский Левокумского района стал Новокумским филиалом ГУК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств», концепцией которого было определено создание музея истории, быта и фольклора казаков-некрасовцев.

Казаки-некрасовцы (некрасовские казаки, Игнат-казаки) – потомки донских казаков, которые после целого ряда миграций укрылись в XVIII в. на территории Турции, затем в XX в. несколькими партиями переселились в Россию (с 1912 по 1962 г.) и были компактно размещены на Кубани и Ставрополье.

Изолированность от России, замкнутая жизнь в чуждом окружении способствовали сохранению некрасовцами общинного уклада жизни, основных блоков духовной и материальной культуры, что определило устойчивый исследовательский интерес к изучению особенностей сохраненных ими традиций как в период проживания в Турции (на оз. Майнос, о. Мада), так и после возвращения на историческую родину.

В сентябре 1962 г. 215 семей (999 человек) казаков-некрасовцев переселились из Турции в СССР, прибыв на теплоходе «Грузия» в г. Новороссийск (в пути на теплоходе родился 1000-й казак Семен Бабаёв).

Они были расселены на территории двух поселков Левокумского района Ставропольского края, где находились виноградарские хозяйства – в п. Новокумском (в/с «Левокумский») – 114 семей (495 человек) и п. Кумская Долина (в/с «Бургун-Маджарский») – 101 семья (505 человек) [1].

Таким образом, этнически русское старожильческое население поселков пополнили члены общин казаков-некрасовцев. Кроме них, в п. Новокумском и районном центре – с. Левокумское – полугодом ранее была расселена община молокан, вернувшаяся из Карской области Турции, которая с 1921 г., вследствие территориального деления, стала входить в состав Турции (до 1921 г. территория Азербайджана).

Сегодня на территории Левокумского района проживает более 600 человек казаков-некрасовцев и их потомков, родившихся уже после переселения. Именно они вызывают наибольший интерес исследователей, поскольку заселены мигрантами наиболее поздней волны. Здесь еще живы и деятельны многие из тех, кто достиг сознательного возраста в патриархальных условиях турецкой этносоциальной изоляции. Из переселенцев осталось 190 человек: в п. Новокумском – 98 человек, п. Кумская Долина – 92 человека.

Некрасовцы, являясь представителями древнейшей ветви русского православия – южнорусского старообрядчества, прожив в Турции 254 года, следуя «Заветам Игната» [2], во многом сохранили «допетровский» уклад жизни, веру, культуру, язык.

Более 60 человек сегодня являются подлинными носителями некрасовской тра-

диции, в том числе богослужебно-певческих традиций Русской Православной Старообрядческой Церкви, специфики материальной и духовной культуры, своеобразия фольклорных жанров (песни, сказки, предания, легенды), диалектной лексики. По мнению ученых, это уникальная ситуация, которой более не существует среди других групп старообрядцев во всем мире.

Новокумский филиал, образованный более 10 лет назад, по существу, непрофильный для художественного музея, наложил на головной музей дополнительные обязанности, диапазон которых оказался не просто огромным, но и весьма сложным, несмотря на наличие уже созданной базы органами культуры муниципальной администрации Левокумского района.

База эта требовала пересмотра. Наряду с глобальными задачами: капитальный ремонт здания, оформление земельного участка и благоустройство прилегающей территории, формирование штата филиала, необходимо было провести работу с находящимися в бывшем Центре традиционной русской культуры молокан и казаков-некрасовцев предметами.

К моменту создания филиала здесь их было около 400 единиц. Это предметы костюма, бытовая утварь, фотографии и пр., принесенные как представителями некрасовской и молоканской общин, так и коренными жителями поселка, которые были выставлены в нескольких комнатах Центра под общим названием «История поселка».

Предметы требовали анализа, классификации, изучения, консультаций специалистов, приобретения новых знаний сотрудниками головного музея, наличия профессионалов-музейщиков.

В 2005 г. были установлены источники поступления, оформлены первичные документы, проведена классификация, фотофиксация и постановка предметов на государственный учет; создан 1-й вариант постоянной экспозиции, дающий представление об истории, укладе жизни и традициях казаков-некрасовцев.

В следующем, 2006 г. уже в пяти залах филиала были выстроены тематические экспозиции, посвященные истории поселка, жителям района, казакам-некрасовцам, молоканам. Разработаны обзорная и тематические экскурсии: «Казаки-некрасовцы: история, быт, хозяйственная деятельность», «История русского национального костюма».

Новокумский филиал музея открылся для посещения, были показаны передвижные выставки из фондов головного музея, знакомящие жителей и гостей Левокумского района с творчеством художников Ставрополя. В это же время передвижная выставка из фондов филиала «Живой голос истории. Казаки-некрасовцы» была открыта в

головном музее, она представила жителям Ставрополя историю и современную жизнь некрасовской общины.

Понимая необходимость налаживания существующих некогда, но оборванных связей со специалистами по вопросам казачества, старообрядчества, фольклористами и этнографами в юбилейный год 45-летия возвращения казаков-некрасовцев на историческую родину (2007 г.), в рамках программы «Достояние» на территории Новокумского филиала совместно с министерством культуры Ставропольского края, администрацией Левокумского района, Ставропольским краевым Домом народного творчества был проведен культурно-выставочный проект «Некрасовский карагод», главным мероприятием которого стала региональная научно-практическая конференция «Казачьи-некрасовцы на перекрестке культур» с участием ученых, специалистов, сотрудников музеев Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области.

С этого времени основной задачей головного музея стало привлечение широкого круга специалистов, прежде всего, местных и Юга России, к теме казаков-некрасовцев, к их истории и современному бытованию; а также издательская деятельность, осуществляемая в двух направлениях. Первое – издание научно-исследовательских и образовательных материалов по итогам проводимых семинаров, конференций, круглых столов; второе – издание популярно-просветительских материалов: иллюстрированных буклетов, путеводителей, брошюр, сопровождающих стационарные экспозиции и передвижные выставки.

В работе со специалистами было определено несколько направлений исследований, среди которых приоритетными стали:

- говор казаков-некрасовцев, исторически один из донских южнорусских говоров, сегодня он является «островным» южнорусским говором в его архаическом виде;

- устный (сказания) и музыкальный (лирические и исторические баллады) фольклор, в том числе духовные песнопения (церковная культура), которые хранились и передавались устно в течение всей эмиграции;

- домашние занятия и ремесла (костюмный комплекс, традиционная некрасовская кукла, кухня) как наиболее консервативные, но наиболее подверженные ассимиляции и исчезновению форм традиционной материальной культуры.

В этой связи плодотворным оказалось сотрудничество музея с кафедрой общего и славянорусского языкознания филологического факультета и научно-образовательным центром регионального культуроведения тогда еще Ставропольского

государственного университета и Южным научным центром Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону). Студенческие практики, этнолингвистические экспедиции, семинары и круглые столы на базе филиала и в головном музее прошли в период с 2007 по 2010 г.

Итогом этой работы стали тематические издания, активизация комплектования фонда филиала через проводимую с жителями поселков работу, более четкая классификация фонда с определением предметов в системные группы, новые экспозиции и выставки, более глубоко и исторически верно трактующие историю казаков-некрасовцев.

Среди изданий наиболее значимым стал «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием», подготовленный профессором Грязновой В.М. с группой студентов и аспирантов Ставропольского государственного университета.

Благодаря «Словарю» стало возможным «перевести» на язык казаков-некрасовцев, с пояснениями в каждом случае в расширенном этикетаже и экспликациях, весь предметный ряд, входящий в экспозиции.

Поворотным в истории филиала стал 2012 г., год 50-летия возвращения казаков-некрасовцев. Совместно с министерством культуры Ставропольского края, Российским научным гуманитарным фондом (г. Москва), Краевым комитетом по казачеству, Ставропольским государственным университетом, Ставропольским краевым Домом народного творчества, администрациями Левокумского района и п. Новокумский была подготовлена программа юбилейных мероприятий в п. Новокумском: «Казачьи-некрасовцы. 50 лет на Ставропольской земле».

Главным событием в праздновании юбилея стало проведение 3-дневного Международного научного форума (куратор – Н.Г. Денисов) [3], с работой 2-х конференций: «Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире» (под эгидой отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН) и «Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков» (кафедра славяно-русского языкознания Ставропольского государственного университета). В конференциях приняли участие ведущие ученые: лингвисты, музыковеды, медиевисты, филологи, этномузыковеды, экономисты, теологи, историки, а также общественные деятели русских общин и старообрядческих советов из разных стран мира.

Кроме российских ученых и представителей старообрядческой церкви (гг. Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область,

республика Ингушетия), в работе конференций приняли участие гости из Армении, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии, Эстонии. Среди почетных гостей – духовенство от Русской Православной Старообрядческой церкви.

Было заслушано более 50 докладов; прошли практикумы, посвященные изучению культуры казаков-некрасовцев Ставрополья; проведены круглые столы, на которых обсуждались актуальные проблемы современного народоведения; мастер-класс «Специфика зооморфных образов в сказках казаков-некрасовцев» для учителей русского языка и литературы Левокумского района.

Итогом научного форума стало принятие резолюции, в которой была отмечена высокая значимость культурного наследия казаков-некрасовцев (диалект, комплекс календарно-обрядовых и семейно-обрядовых ритуалов, богослужбно-певческая культура, народный костюм, декоративно-прикладное искусство, особенности быта и кухни). Это позволило ходатайствовать перед Российским комитетом по охране нематериального культурного наследия о присвоении культурному наследию казаков-некрасовцев статуса особо ценного объекта нематериальной культуры наследия России.

Вторая международная конференция «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности» прошла в 2014 г. В рамках краевой программы «Год культуры в Ставропольском крае» и в честь 52-летия возвращения казаков-некрасовцев в Россию, совместно с Правительством Ставропольского края, Российским научным гуманитарным фондом (г. Москва), Министерством культуры Ставропольского края, Ставропольским краевым Домом народного творчества, администрациями Левокумского района и п. Новокумский был осуществлен проект «Некрасовский карагод – 2014».

В конференции приняли участие ученые из России (гг. Москва, Санкт-Петербург, Кострома, Томск, Сыктывкар, Оренбург, Благовещенск, Волгоград, Ростов-на-Дону, Грозный, Ставрополь, Пятигорск), иностранные гости из Австралии, Армении, Азербайджана, Белоруссии, Молдовы, Эстонии. Прошли круглые столы: «Сохранение нематериального культурного наследия казаков-некрасовцев»; «Сохранение традиций русской языковой культуры в полиэтническом регионе»; «Роль музеев в образовании и развитии культурно-познавательного туризма в малых населенных пунктах».

Организация юбилейных торжеств с проведением научных конференций помогла возродить практику приезда ученых к некрасовцам, обеспечить общение исследователей с живыми носителями традиционной культуры. Итогом этой работы стали промежуточные приезды в п. Новокумский специалистов, прежде всего Федераль-

ного центра русского фольклора.

Велась фотофиксация современной жизни некрасовцев, запись подготовки и проведения храмовых праздников, обрядовых служб, песенного творчества с последующей их обработкой и научными комментариями. Это позволило внести в электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации от Ставропольского края песенное творчество казаков-некрасовцев [4]: так называемые «прославленные» (лирические, не обрядовые), «хитные» (также не обрядовый жанр «премудрых» песен), «фитные» мелодии богослужебного обихода, а также хороводные или «крыловые» песни казаков-некрасовцев. Были представлены персоналии: певческое искусство А.Н. Никулушкиной и Л.З. Васютовой из п. Новокумский, М.М. Чижиковой и А.И. Рамзаевой из п. Кумская Долина.

Что касается бытовой материальной культуры, постепенно пришло понимание, что помимо сохранения собственно предметного и документального фонда, необходимо зафиксировать современную действительность жизни общины, запечатлеть непосредственных носителей аутентичной, уходящей корнями в далекую историю Древней Руси культуры.

Появилась идея проведения художественных пленэров, которая осуществлялась в несколько этапов. Первоначально предполагалось, что это будут студенческие практики учащихся художественных заведений г. Ставрополя, прежде всего Ставропольского краевого художественного училища, старейшего учебного заведения в крае, в котором отделения Декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, а также Дизайна одежды имеют давние традиции, хорошую материально-техническую базу.

Образцы материальной культуры некрасовцев, представленные в Новокумском филиале: сохранившиеся комплексы женского, детского и мужского костюма, многослойного, с уникальной техникой вышивки и самобытными цветовыми сочетаниями, и традиционная некрасовская кукла, в точности повторяющая костюм некрасовки, дают богатый материал для творческой работы.

С 2010 г. практикуются выезды и экспедиции студентов и преподавателей этих отделений с целью знакомства с экспозицией Новокумского филиала, бытовой культурой казаков-некрасовцев. Итогом выездов стали исторические реконструкции – традиционный костюм и традиционная кукла казаков-некрасовцев, курсовые и дипломные проекты – «некрасовский сувенир», авторские коллекции по мотивам некрасовского костюма.

В 2012 г. по инициативе музея был проведен I-й художественный «Некрасовский

пленэр – 2012», участниками которого стали 10 профессиональных художников и фотографов. За время пленэра было выполнено 57 работ: зарисовок, набросков, живописных этюдов, эскизов, графических и живописных произведений, фотографий. Пленэр показал, насколько разнообразны тематические и жанровые возможности, которые предоставляет история некрасовцев; богатый пейзажный, исторический и этнографический материал.

Во II пленэре («Некрасовский пленэр – 2014») приняли участие 9 художников края. Он проходил одновременно с Международным научным форумом, что повлияло на формат работы художников: они имели возможность присутствовать на конференции, общаться с учеными-специалистами, изучающими культуру старообрядцев, участвовать в мероприятиях форума. Темой работ стали не только казаки-некрасовцы, но мероприятия и их участники: среди 41 работы – зарисовки, наброски, живописные этюды и эскизы будущих картин.

Сравнивая 2 пленэра, можно сказать, что 1-й был скорее ознакомительным и носил этнографический характер. Он открыл художникам бытовую жизнь некрасовцев в ее повседневном существовании и адаптации к современной действительности. 2-й пленэр в атмосфере форума позволил художникам почувствовать и понять всю значимость и уникальность некрасовцев, община которых на сегодняшний день представляет целостное явление как объект нематериального культурного наследия со всем комплексом духовной, фольклорной культуры. Глубже понять основы религиозно-обрядовой стороны жизни современных старообрядцев (некрасовцев) и староверов-молокан, община которых также проживает в п. Новокумский.

Некрасовские пленэры (их уже можно отнести к биеннале) не стали узкопрофессиональным занятием. И в первом и во втором случае итоговые отчетные выставки прошли в залах головного музея и в филиале. Многие работы были переданы художниками в дар, часть произведений была приобретена музеем.

Итог пленэров: формирование художественной коллекции из 62 авторских произведений живописи, графики, декоративно-прикладного искусства ставропольских художников, запечатлевших современную жизнь казаков-некрасовцев и виды поселка.

Пленэры в п. Новокумском показали особую роль художника в сохранении культурно-исторического наследия, при этом не потерялись и профессионально-творческие интересы и задачи художественного музея. Сегодня в отечественном искусстве все чаще поднимаются вопросы о возрождении тематической картины, исторического жанра, о собирательской и исследовательской работе художника. Казаки-некра-

совцы – живые носители духовных и культурных традиций – в этом случае представляют огромный интерес и потенциал для возрождения художественных традиций и реализации творческих проектов.

Своеобразным итогом 10-летнего существования филиала стало проведение в период с 13 по 17 мая 2016 г. «Дней казаков-некрасовцев в Москве». Проект был осуществлен при поддержке Правительства Ставропольского края на площадках Министерства культуры Российской Федерации, Государственного республиканского центра русского фольклора, Научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева, Духовного центра Русской Православной Старообрядческой церкви «Рогожская слобода». Мероприятия Недели (выставки, круглые столы, презентации, фильмы, концерты старообрядческой духовной музыки) с участием группы казаков-некрасовцев Ставрополя нашли отклик в научной среде, они широко освещались в прессе.

Специально к проведению «Недели» головным музеем было подготовлено иллюстрированное издание «Казачьи-некрасовцы Ставрополя» с хронографиком событий 2005-2015 гг. [5].

В заключение можно сказать, что деятельность музея и его филиала приобретает особое значение в сохранении исторической памяти и культурных традиций казаков-некрасовцев. Благодаря этой деятельности сегодня идет формирование собственной историко-культурной среды в сохранении и развитии языка, фольклора, ремесел этнической группы казаков-некрасовцев. Основная миссия музея сегодня: как можно более широко дать возможность специалистам работать с материалами филиала, с живыми носителями традиций.

В накоплении новых сведений и исследований, появляющихся в результате работы ученых, с тем чтобы включить их в культурный оборот через выставки, экспозиции, другие просветительские формы работы. Проводимая головным музеем работа системная и последовательная. Сохраняется социально значимая информация, цель которой – воссоздание и трансляция культурных норм и ценностей этноконфессиональных общин (включая молокан) Левокумского района Ставропольского края, через музеефикацию территории их бытования, что сегодня может рассматриваться как один из ресурсов развития этнического туризма в регионе.

В мире сегодня наблюдается устойчивый процесс увеличения количества локальных музеев и учреждений музейного типа, и чаще инициатива их создания идет снизу и направлена на сохранение и развитие культуры малых народов и отдельных этнических групп.

Исследователи отмечают, что в результате сложных взаимодействий глобальных и локальных тенденций, происходящих сегодня, наблюдается закономерность: чем сильнее глобализация, тем более востребованной оказывается локальная специфика и наследие региона.

Музей в данной ситуации – это защитник культурного наследия, с помощью которого можно сохранять и формировать этническую идентичность. Культурная идентификация становится ведущей функцией локальных музеев и одновременно социальным ресурсом регионального развития. Именно музей все чаще делает шаги навстречу человеку с его малой историей, чтобы быть более жизнеспособным, превращаясь в институт социальной адаптации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Расселение происходило, видимо, по принципу двух церковных приходов, которые существовали в Турции. В 1964 г. эти приходы, или как значилось в официальных документах, «религиозные общества» старообрядцев-единоверцев в/за «Левокумский» и старообрядцев Белокриницкого согласия в/за «Бургун-Маджарский» были зарегистрированы. В настоящее время в районе действует два старообрядческих церковных прихода со старообрядческими храмами во имя Успения Пресвятой Богородицы (п. Новокумский) и храма Святыя Живоначальныя Троицы (п. Кумская Долина).
2. Некрасов Игнатий Федорович (ок. 1660-1737 гг.) выборный атаман, принявший на себя руководство крестьянским восстанием под предводительством К. Булавина (1707-1708 гг.) после его гибели.
3. Николай Григорьевич Денисов, доктор искусствоведения, заместитель начальника Управления гуманитарных наук Российского гуманитарного научного фонда.
4. Культура РФ. Традиции. Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия. Ставропольский край // <http://yandex.ru.web/culture.ru>
5. Казаки-некрасовцы Ставрополя / Авторы-составители З.А. Белая, О.Б. Бендюк. Ставрополь: ООО «Дизайн-студия Б», 2016. – 145 с.: ил.

Гордылева М. Ю.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом истории,

кандидат философских наук

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ-МЕДРАБОТНИКОВ: ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФОНДОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Советская власть на Ставрополье была установлена в ночь на 1 января 1918 г. Исполком Губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов образовался из состава Совета Народных Комиссаров, которому было предложено принять дела от местных органов управления: канцелярии губернатора, губернской Земской Управы и городской Думы. Служащие этих учреждений ответили на постановление Губисполкома открытым саботажем. В городской Управе все служащие приняли лозунг «Неподчинение распоряжениям Советской власти» и прекратили работу.

Часть медицинских работников Ставропольской губернии и города Ставрополя находилась под влиянием пироговцев, которые еще 22 ноября 1917 г. выпустили «Воззвание» ко всем врачам России с призывом встать на путь саботажа мероприятий в области здравоохранения, проводимых Советской властью, и обрушить свой гнев на врачей, находящихся на стороне большевиков [1]. Основная масса средних медицинских работников сразу перешла на сторону Советской власти и требовала созыва Медико-санитарного Совета.

22 мая 1918 г. был образован руководящий орган: Губернский Комиссариат здравоохранения, под руководством Е. А. Россинского. Ефим Андреевич Россинский родился в 1880 г. в Краснодаре, в семье рабочего. В 5 лет он был отдан на воспитание к тете в Медвежинский уезд. Работал на фабрике обувных изделий Киселева в Одессе, принимал активное участие в революции 1905 г., после подавления которой скитался

по разным городам, работая чернорабочим. В Ставрополь приехал в 1910 г., работал на обувной фабрике. В 1914 г. был мобилизован в армию, где его направили в фельдшерскую школу. Позже работал на Турецком фронте фельдшером в лазарете. Из-за болезни в конце 1917 г. Россинский приехал в Ставрополь, где исполнял обязанности начальника санитарных частей и уполномоченного по эвакуации раненых с фронта. Знал Пономарева, Морозова, Трунова, Акулова.

Изучая его воспоминания, можно сделать вывод о том, что Россинский полностью поддерживал Советскую власть: «Тогда они (белогвардейцы) поняли, что с молодой Советской властью шутить нельзя, потому что за ней идет весь рабочий класс, и они вместе двигаются вперед» [2].

За весь период Гражданской войны он отправил во Владикавказ 20 000 человек на госпитализацию, 4 000 человек – в лазареты. После военных событий Россинский был председателем губернской кожевенной промышленности Ставрополя. Умер 4 июня 1945 г.

Весной 1918 г. на Северном Кавказе и в Ставропольской республике резко обострилась политическая обстановка. Крупными очагами сопротивления Советской власти стали казачьи районы Дона, Кубани и Терека. Вокруг Ставрополя велись ожесточенные бои между двумя противоборствующими сторонами. В июле 1918 г. войска Добровольческой армии заняли город Ставрополь и значительную часть губернии.

В конце 1919 г. Добровольческая армия потерпела поражение от Красной армии и начала стремительно отступать на юг, обремененная многочисленными обозами, в которых везли раненых, обмороженных, больных, в том числе опасными болезнями. Многих их них бросали посреди заснеженных степей, сея эпидемические заболевания.

Красная армия, продвигаясь на юг, была в трудном, но более благоприятном положении. Ее раненые бойцы и командиры оставались на месте, их размещали в госпитали, за ними организовывали уход, осуществляли лечение, хотя и явно недостаточное из-за нехватки даже самых необходимых медикаментов. В период 1918–1920 гг. вся медико-санитарная служба края пополнялась ротными и участковыми фельдшерами, которые выполняли сначала должности врачей походных лазаретов, а затем полковых, бригадных и дивизионных врачей [3].

Интересна история жизни ротного фельдшера Ивана Григорьевича Кузьмина. Он родился в 1882 г. в с. Безопасное Ставропольского края в крестьянской семье. Окончил четырехклассную школу. Ушел в армию в 1903 г., служил в Тифлисе, откуда был направлен в фельдшерскую военную школу. По болезни в 1907 г. был уволен со службы. В 1914 г. снова призван в армию и направлен на турецкий фронт. С 1917 г.

до марта 1918 г. работал в больнице с. Безопасное. Вступив в ряды отряда Ипатова и Апанасенко весной 1918 г., он прошел от с. Безопасное Ставропольской губернии через астраханские степи, Царицын, Ростов, Воронеж до Чонгара в Крыму. Как вспоминает Кузьминов: «Трудно было лечить, не было медикаментов и перевязочного материала. Крестьяне нам давали старье, ветхие полотенца, занавески, наволочки, и мы кипятили, утюжили и шили из них бинты и пакетики, а брат взял из дома 400 грамм йода в кристаллах, йод растворяли на самогоне и этим йодом лечили раненых бойцов. В астраханских степях в с. Ремонтном или Чурух вспыхнула эпидемия тифа и повальный грипп. Командир Апанасенко прислал 10 санитаров, 12 сестер на помощь, их пришлось учить санитарному делу, делать перевязки. < . . . > К маю месяцу 1919 г. стала утихать эпидемия, стали выздоравливать все бойцы» [4].

Передвижной госпиталь, в котором работал Кузьминов, располагался во многих населенных пунктах Ставропольского края: в селах Предтечье, Благодатное, Петровское, Винодельное, Дербетовка, Митрофановское, Рагули, Дивное и др. До 1947 г. он работал фельдшером в Изобильненском и Труновском районах. Кузьминов умер в 1972 г.

Интересна судьба еще одного медработника, фельдшера Дмитрия Матвеевича Грицинина. Родился он в 1896 г. в с. Дивное Благодарненского уезда в семье крестьянина. В армии окончил фельдшерскую медицинскую школу. В 1917 г. воевал на турецком фронте, затем в партизанском отряде против белогвардейцев, где организовал санитарный передвижной госпиталь для раненых. В 1919 г. был назначен заведующим бригадным санитарным отрядом. Вот что вспоминает Грицинин о тех событиях: «Как и все, дивенские фронтовики прекрасно знали, что мира с внутренним классовым врагом быть не может. Немедленно собрали большой сход и тут же организовали добровольческий (красный партизанский) отряд в количестве 400 человек, где я принял самое активное участие и тут организовал передовую санитарную летучку. За обеспечение санлетучки всем необходимым мы обязаны были Дивенской участковой больнице».

За время Гражданской войны Грицинин 4 раза был тяжело ранен, выступал делегатом армейских профсоюзных съездов, получил много благодарностей от командования. По специальности медика работал с 1924 по 1946 г., умер в 1980 г. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся его медицинские инструменты, которые он завещал передать в «местный районный Музей легендарного героя Апанасенко как историческую память, так как с помощью этого инструментария была спасена не одна жизнь борцов за дело революции» [5].

Участниками Гражданской войны были не только мужчины, но и женщины, которые оказывали медицинскую помощь раненым и больным. Среди них Анна Евгеньевна Кракаушко (Росоловская). Она родилась в 1897 г. в г. Санкт-Петербург. Ее отец был сыном потомственного дворянина, участвовал в польском восстании 1880-х гг., был выслан в город Ядрин (Чувашская республика). В 1917 г. Анна Евгеньевна без экзаменов была принята в Казанский женский медицинский институт. В 1918 г. в должности медсестры по мобилизации уехала на Кавказский фронт во Владикавказ с 184-м эвакопунктом, лечила раненых в 1139-м госпитале. «Больные поступали с Военно-Грузинской дороги целыми «летучками» по 100 и более человек. Санитаров не хватало. . . мы, сестры, переносили на руках измученных с тяжелыми ранами разрывных и осколочных ранений». В передвижном госпитале Анна Евгеньевна проработала до его расформирования в октябре 1921 г. За службу в рядах Красной армии была награждена Почетной грамотой за подписью Орджоникидзе [6].

Елена Ивановна Кузнецова – медсестра 32-го Кавалерийского полка 6-й Кавказской дивизии 1-й Конной армии. Она родилась в 1901 г. в с. Сергиевское Александровского района. Родители были бедными крестьянами. Как вспоминает Елена Ивановна: «Мать моя, беднячка-казачка ст. Темнолесской, была свидетельницей жестоких расправ белогвардейских офицеров с партизанами-односельчанами. В ее присутствии пороли плетью и меня, . . . мое участие в партизанских отрядах и участие моего брата стоили ей много здоровья».

В 1919 г. кавполк попал в 1-й конный корпус Буденного, где Кузнецова работала медсестрой. Как она вспоминает, «мне привели прекрасного золотисто-рыжего коня. Я сразу его полюбила. Это была умная и сильная лошадь. . . Лошадь была три раза ранена. Я сама лечила и ухаживала, вынимала пули, заливала раны коллодием. Лошадь терпеливо выносила боль». «В долгие месяцы боев и походов я полюбила свою бригаду, свой 32-й полк, свой 2-й эскадрон, который не покидала. Здесь я нашла свой второй дом, друзей и товарищей. В нашей дивизии было немало женщин» [7].

Во время Гражданской войны Елена Ивановна была дважды ранена и контужена. В 1928 г. в связи с 10-летием Красной армии была награждена орденом Красного Знамени. После войны вернулась в родное село, где организовала детские ясли, женсовет, работала в Комитете ветеранов войны.

Приведенные воспоминания медицинских работников, воевавших на стороне Красной армии, однобоко освещают период Гражданской войны, тем не менее, они являются очень ценными и важными источниками по данному историческому периоду.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Захарова Е.А. К истории здравоохранения на Ставрополье 1777-1957 гг.; СГМЗ. Д.ф. 98. Ед.хр. 68. С. 74.
2. СГМЗ. Д.ф. 177. Ед.хр. 1. С. 2.
3. Ованесов Б. Т., Судацов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя (1918-2005 гг.). – Ставрополь, 2007. С. 18-19.
4. СГМЗ. Д.ф. 175. Ед.хр. 1. С. 1.
5. СГМЗ. Д.ф. 172. Ед.хр. 1.
6. СГМЗ. Д.ф. 173. Ед.хр. 1. С. 1-2.
7. СГМЗ. Д.ф. 174. Ед.хр. 1. С. 7-8.

Данилевич В. Г.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук

Беликов Г.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела истории города
Ставрополя,
член Союза писателей России

**ЛЕРМОНТОВСКИЙ
СТАВРОПОЛЬ**

Часть 2.

Дом комиссионера Флоринского

Сведения о доме комиссионера Флоринского проливают некоторый свет на пребывание М.Ю. Лермонтова в Ставрополе. Возникла необходимость доказать, что усадьба комиссионера Флоринского, где в 1837 г. располагались корпуса и подсобные помещения Лечебного отделения Ставропольского военного госпиталя, соответствует нынешнему адресу – ул. Кавалерийская, 99.

В.Г. Гниловской, исследуя ставропольские рисунки Лермонтова, пишет: «Второй

лист был заполнен рисунком «После прогулки на мельницу Волобуева».оборот этого листа содержит набросок какого-то плана. План, вероятно, показывал маршрут прогулки к мельнице. Можно предположить, что широкая двойная линия с изгибом изображает русло реки Ташлы. Справа к ней идет узкая прямолинейная тропа из верхней части Ставрополя в глубь речной долины, где была мельница. Расположенные левее штрихи изображают глубокий овраг, существующий и поныне, спускающийся к Ташле вдоль Кавалерийской улицы. Очень неясно набросаны контуры какого-то здания. Возможно, они изображают военный госпиталь, в котором находился на лечении сосланный на Кавказ М.Ю. Лермонтов.

Госпиталь располагался близ верховий упомянутого оврага, в квартале, ограниченном современными улицами Дзержинского и Булкина» [1]. Наши исследования позволяют предположить, что на схеме 1837 г. Лермонтов обозначил то самое полутрехэтажное здание госпиталя, которое находится на современной ул. Кавалерийской, 99, литеры А и А1, а параллельная ей линия соответствует современной ул. Булкина. Роща южнее здания – пустопорожнее место с садом севернее старой Черкасской дороги из крепости.

Широкая двойная линия – Флоринский овраг, справа сливающийся с Ташлянским обрывом. Два родника, объединяющихся в одно русло – безымянный ручей, впадающий по оврагу в реку Ташла [2]. Лесной массив обозначен на месте Архиерейского леса.

Дом Флоринского (литера А), построенный им после 1824 г., отмечен на картах города 1829, 1832 1833 и 1838 гг. Позже появляется вновь выстроенный Флоринским дом (литеры А1 и Б).

Промеры старинных карт города при наложении на современную спутниковую карту Ставрополя дают следующие сведения:

1. Карта 1838 г. – расстояние в ширину квартала от угла дома Командующего до угла усадьбы дома Петрова (угол Октябрьской революции и Дзержинского), разделенное на 3 части, равно расстоянию от старой дороги, которая шла от крепости на запад под углом 30° до дома Флоринского, что соответствует и спутниковой карте (от Гниловского В. Г.) [3].

2. Карта 1854 г. – дом Флоринского начинается соответственно спутниковой карте – на уровне сада дома Меснянкина. Дом Шляхова на ул. Булкина, 13 А указан там же соответственно.

3. Карта 1900 г. – дом Флоринского просматривается на уровне начала северного Желобовского отверстия. Дом в то время занимали здания инженерной дистанции.

Спутниковая карта позволяет видеть, что дома западнее усадьбы Флоринского только внутри дворов остаются расположенными под углом в 30°, как и дома севернее ул. Булкина (13 и 13 А).

Новые дома на ул. Воробьевской (ныне ул. Дзержинского) и вдоль западной стороны Торговой улицы (ныне ул. Булкина) с 1833 г. стали строить по прямоугольной сетке. За Еврейским (ныне Интернациональным) переулком они остаются под углом в 30°. Их застройка шла параллельно старой дороге из крепости [4].

План здания губернской почтовой конторы середины XIX в. на Флоринке в книге «Облик старого Ставрополя» приведен с описанием: «Первоначально Почтовое управление располагалось в здании Областной почтовой конторы, построенном в 1829 г. по проекту известных пятигорских архитекторов – братьев Бернардацци. Это был двухэтажный приземистый каменный дом с окнами-бойницами, с пристройками под каретный сарай и конюшни, под амбары и харчевню. Строения образовывали правильный четырехугольник с внутренним двором, закрывавшимся на ночь тяжелыми дубовыми воротами. Располагалась контора в начале Флоринского переезда, соединявшего город через долину р. Ташлы с Московской заставой. Тогда здесь, кроме почтовой конторы, находился еще дом чиновника Флоринского, откуда и наименование переезда (сегодня – улица Кавалерийская). Здание почтовой конторы частично сохранилось под № 99)» [5].

В изъяснении плана, данном архитектором Петуховым даны рекомендации по ремонту обветшавших строений: «План и фасад Кавказской губернской почтовой конторы с показанием в починке и вновь пристроенной: 1. Двор Кавказской губернской почтовой конторы; 2. Деревянный дом. . . вновь кровля, полы, двери, окна починить и все перекрыть. . . сделать для чиновников одну переборку; 3. Вновь построить для конторы и почтмейстера деревянный коридор. . . ; 4. В новый деревянный флигель для канцелярских служителей и почтальонов; 5. Для почтальонов и ямщиков в старое строение прибавить леса, починить и перекрыть; 6. Из бани сделать. . . покой; 7. Сарай и амбар починить и перекрыть; 8. Конюшне прибавить нового леса, перебрать и вновь перекрыть; 9. Погребов починить и перекрыть; 10. Ретирады сделать вновь и в оных покрыть тесом; 11. Забор и ворота».

В.Г. Гниловской приводит план из материалов ЦГИА СССР (Ф. 1289. Оп. 15. Д. 410. Л. 2) за 1804 г. Один дом куплен, другой дом построен. Путеводитель архива по Главному управлению почт и телеграфов МВД для дела № 410 «Планы на постройку станционных и почтовых домов по губерниям», возможно, ошибочно дает даты 1875-1919 гг., хотя там же обозначены и 1775-1919 гг., что требует уточнения. Тем не

менее, именно там сохранились «Планы г. Георгиевска и Кавказской почтовой конторы» за 1804 г.

Масштаб вышеуказанного строения в сравнении с размерами жилого дома и земельного участка по ул. Кавалерийской, 99 в генеральном плане и техническом паспорте значительно разнятся. Площадь усадебного места, количество домовых построек, размещение конюшни, ретиранных (отхожих) мест, ворот и многое другое подтверждает, что найденный В.Г. Гниловским план за 1804 г. для г. Георгиевска был использован авторами «Облика старого Ставрополя» как план 1829 г. ошибочно.

Архивные материалы свидетельствуют, что в 1802 г. в Георгиевске была открыта Кавказская губернская почтовая контора. В октябре 1824 г. эта почтовая контора была перемещена в Ставрополь.

В деле о покупке дома комиссионера 7 класса Флоринского, занимаемого Кавказской Областной Почтовой конторою (9 января – 21 марта 1828 г.) говорится: «В доме Флоринского не имеется нужной мебели; в расстройстве находятся полы, через трещины с верхнего этажа в нижний проходит течь; внутри и снаружи штукатурка обвалилась, проникает холод, замазка падает большими кусками; двери разохлись, печь в одной кухне развалилась, в другой и третьей тоже не годные - они растрескались и их топление опасно; в разошедший потолок нижняго этажа сыплется земля, и он стоит на подпорках; крыша верхняго этажа течет; печи в покоях растрескались, и так как они сложены в один кирпич и соединены с деревом, то подвержены пожару. Дом подобен неприличной казарме».

Поверенный Флоринского И. Е. Гурьев пишет: «Я отдален самим хозяином, доверенность на дом уничтожается» (25.1.1828 г.). Опись «требуемым починкам. . . Снаружи обмазать весь дом и выбелить – 100 р. В некотором месте починить кровлю – 500 р. В верхнем этаже в пяти комнатах исправить и переложить полы – 300 р. В половине, занимаемой помощником почтмейстера – печка – 80 р. Итого: с материалом и работою – 2055 р.» [6].

Дом Флоринского был двухэтажным, состоял из двух половин, в верхнем этаже помещалось 5 комнат. Помощник почтмейстера мог занимать цокольный этаж дома. Это вполне соответствует плану дома на ул. Кавалерийская, 99 под литерой А и А1. Схема строения дома Флоринского во многом соответствует современному техническому паспорту дома: две половины дома (литеры А и А1), наличие верхнего этажа, 5 комнат в нем, половина дома в цокольном этаже (возможно, именно она была занята помощником почтмейстера), а также строительные материалы, из которых дом построен.

На картах 1854 и 1900 гг. значится, что дом под литерой А – деревянный, литеры А1, Б, В, Г, Е – каменные. По техническому паспорту у последних зданий фундамент бутовый ленточный, перегородки деревянные и каменные – штучный камень на растворе. Везде пол дощатый, оконные проемы зимние – глухие, летние – двойные створные, отопление печное, крыша этернитовая и из кровельной стали. В доме (литера А1) под кухней есть сырой подвал с арочным потолком и земляным полом. Под правой частью дома (литера А) располагается цокольное помещение (полуподвал).

Слева от дома пустует укрытый колодец глубиной 8 м, высланный известняком-ракушечником. Вход в конюшню был в десяти метрах от колодца. Возможно, из-за близости этого источника воды к дому под литерой Е, который стоял прямо над краем оврага в северо-восточной части усадебного места, именно там располагалась баня, где М.Ю. Лермонтова лечили от ревматизма в мае 1837 г. Позже дом стал общежитием, а ныне он снесен.

В 1826 г. Ставропольская почтовая контора из дома Флоринского на одноименной улице переехала в арендованный трехэтажный дом купца 1-й гильдии Якова Уллуханова на Большой Черкасской улице.

Список госпиталей г. Ставрополя на 1839 г. дает представление о положении дома Флоринского [7].

У кого нанимается	Сколько находится мест	Кем занимается	Сколько находится больных	Плата в год в рублях
Дом коллежского советника Щербинина	21	Обер- офицерами	10	1400 – 67 р. на чел.
Полковницы Федоровой	40	Нижними чинами разных команд и арестантами	55	900 – 22,5 р. на чел.
Провизора 10-го класса А. Гагеля	14		13	1400 – 100 р. на чел.
Штабс- капитана Рослякова	44		114	2400 – 55 р. на чел.

Начало таблицы на стр. 51

Его же	25	Нижними чинами разных команд и арестантами	29	1000 – 40 р. на чел.
Коллежского советника Золотницкого	17		20	900 - 53 р. на чел.
Губернской секретарши 6-го класса Флоринской	110		130	5800 - 53 р. на чел.
Купца Шляхова	35	-«-	35	2600 – 74 р. на чел.
Губернской секретарши Герасимовой	12	-«-	50	600 – 50 р. на чел.
Итого:	318		456	18300

Книга Ставропольской квартирной комиссии на 1840 г. дает возможность предположить, что, помимо госпитального отделения, Флоринский сдавал под постой примерно 7 комнат следующим постояльцам [8].

Ф.И.О. владельца	Ф. И.О. постояльца	Кол-во покоев с кух- ней	На сколько вре- мени постой	Даты по порядку
6 класса Флоринский (недоимка 1250 денег)	Ординатор С.В.Г. лекарь Никольский, женат	2	4 меся- ца	02.04.1840 г.
	Адъютант Г. командующего войсками штабс-капитан Цедерберг	2	6 м.	23.05.1840 г.
	Гвардии штабс-капитан Чародеев Полтавского батальона	2	6 м.	23.05.1840 г.
	подпоручик Кленус		4 дня	22.06.1840 г.

Начало таблицы на стр. 52

(от 28.8 - понуждение к постюю)	При штабе прапорщик Софиенко Управляющий комиссариатской комиссией Мартос	3	4 м.	02.08.1840 г.
			6 м.	30.08.1840 г.

Постоянная повинность была в тягость Флоринским, как и остальным горожанам. Чиновника Флоринского понуждали к отбыванию постоянной повинности с 28 августа 1840 г. [9].

Дело по объявлению чиновницы 6-го класса Анны Флоринской о даче вновь выстроенному каменному флигелю льготы (1849-1850 гг.) гласит: «Анны Ермолаевой Флоринской урожденной Герасимовой каменный флигель, покрытый тесом... освободить от натуральной квартирной повинности и от подъема квартирных денег. В постой назначен поручик Флоринский» [10].

Следующий документ сообщает: «Жена чиновника 7 класса Флоринского Анна Ермолаева Флоринская на счет выдачи ей под залог дома ее добавочных денег против моего уведомления – сколько на Флоринской квартирная комиссия претендует суммы за неотбывание квартирной повинности и не может ли служить сие препятствие к удовлетворению просьбы ея» [11]. «С жены комиссионерского чиновника 7 класса Флоринской Анны Ермолаевой за неотбывание его квартирной повинности причитается учинить взыскание квартирных денег с получавшего его дохода в год, то 2000 денег четвертую часть с сентябрьской трети прошлого 1828 г. по 1 сентября 1833 г. 2500 рублей» [12].

Интересны данные, полученные при осмотре территории усадебного места с бывшей конюшней, построенной из известняка-ракушечника. Для крепления потолочных балок в восточном и западном крыле были установлены колонны из аршинного камня. Балки пересекаются с востока на запад и с севера на юг. По рассказам старожилов, окно слева от входа размером примерно 70x120 см было заложено в 1941 г. Поверху есть маленькие окна для отдушки. Стойла были поделены жителями, перестроены в сараи и жилые помещения.

Сад из сирени, бузины, каштанов и робиний ложноакациевых, простиравшийся на юг от полуторазэтажного корпуса до ул. Дзержинского, указан на карте 1900 г. В 1940-х гг. робинии, судя по размеру обхвата ствола и количеству годичных колец, имели возраст, близкий к 70 годам. Вероятное время посадки сада – 1870-е гг.

На картах города, начиная с 1805 г., из-за прохождения дороги от крепости на запад, южнее предполагаемой усадьбы Флоринского, место нынешнего сада всегда было пустопорожным [13].

Надеемся, что собранные сведения о доме комиссионера Флоринского прольют свет на историю Лермонтовского Ставрополя, а материалы по дальнейшему исследованию плана на обороте рисунка М.Ю. Лермонтова «После прогулки на мельницу Волобуева» будут изложены в третьей части исследования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Гниловской В.Г. Ставропольские рисунки Лермонтова // Русская литература и Кавказ. Научные труды СГПИ: сборник статей. Ставрополь, 1974. С. 45.
2. СГМЗ. Оф. 39. Ед. хр. 30.
3. Там же. Оф. 6. Ед. хр. 16.
4. Рукопись В.Г. Гниловского // РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 375. Л. 4 // <http://rgia.ru/Фонды/1289/Описи/Ф.1289.Оп.15>.
5. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя: ист. очерки в двух кн. Ставрополь, 2007. Кн.1. С. 348; Беликов Г.А. Ставрополь - врата Кавказа. Ставрополь, 1997. С. 160 // <http://www.firmsale.ru/library/1501.html>
6. ГАСК. Ф. 8. Оп. 2. Ед.хр. 1670. С. 1 об., 2, 3, 6 об. 11, 19 об.; Историческая хроника Ставрополя 1820-1833 гг. // <http://stavropolgid.ru/knigi/stavropol-i-ego-okrestnosti/1726-istoricheskaja-hronika-stavropolja-1820-1833-gg-do-1917-goda>; ГАСК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 148 // <http://fonds.stavarhiv.ru/index.php?act=fund&fund>
7. ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 739. Л. 12.
8. Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1808 (связка 173). С. 59.
9. Там же. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 51. С. 48.
10. Там же. Ед. хр. 98. С. 1.
11. Там же. Ед. хр. 133. С. 81.
12. Там же. Ед. хр. 133. С. 67.
13. Данилевич В.Г. Лермонтовский Ставрополь. Ч. 1. Госпиталь // VIII Прозрителевские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 2015. С. 49-55.

Дверник С.В.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующий отделом музейного туризма

НЕМЕЦКИЙ ПЛАКАТ 1942 ГОДА ИЗ ФОНДОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА КАК ПРИМЕР НАГЛЯДНОЙ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ ПЕРИОДА ОККУПАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ ГИТЛЕРОВСКИМИ ВОЙСКАМИ

Войны в разные времена помогали выиграть не только пехотинцы, кавалерия, танки, пушки и самолеты, но и, по меньшей мере, еще один элемент, который можно назвать информационной обработкой населения. Гитлеровская машина, которая в июне 1941 г. двинулась на Советский Союз, до этого успев подмять под себя почти всю Европу, старалась эффективно использовать пропагандистские рычаги, чтобы среди населения, оставшегося на оккупированных территориях, посеять как устойчивую неприязнь к Советской власти, так и привлечь население к активному сотрудничеству с оккупационными войсками. Общее руководство пропагандистской работой в Рейхе осуществляло Министерство пропаганды под руководством И.Геббельса. Параллельно действовала система пропаганды в ведомстве А. Розенберга, имперского министра восточных территорий. При генеральном штабе германской армии работало специальное управление по ведению пропаганды среди войск противника и населения оккупированных территорий.

К моменту вторжения на советскую территорию в немецких войсках, предназначенных к войне на Восточном фронте, было сформировано 19 рот пропаганды и

б взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, переводчики, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей, сотрудники полевых типографий, специалисты по изданию и распространению антисоветской литературы, листовок, плакатов.

Нацистская пропаганда строилось на принципах, изложенных Гитлером:

- пропаганда должна обращаться только к массе;
- пропаганда должна воздействовать больше на чувства и лишь в очень небольшой степени на так называемый разум;
- излагать идеи кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов;
- чтобы лжи поверили, необходимо ее пропагандировать самым односторонним, грубым, настойчивым образом [1].

Отличительной чертой нацистской пропаганды было ее особое стремление к примитивизации в расчете на малообразованные и политически неопытные массы. «Всякая пропаганда, - писал Гитлер, - должна быть доступной для массы; ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать... А раз дело идет о пропаганде во время войны, ... то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста» [2].

Самым простым и эффективным средством морально-психологического воздействия на советские войска в условиях войны стали немецкие пропагандистские листовки. Они распространялись в зоне боевых действий, отличались небольшим форматом – размером с почтовую открытку. Характерная особенность «окопных» листовок: практически все они служили пропуском для добровольного перехода бойцов и командиров РККА на сторону германских войск.

В отличие от листовок, пропагандистские плакаты были адресованы, в первую очередь, населению оккупированных территорий. Осознавая, что одной из важных составляющих успеха германской армии на территории Советского Союза было лояльное к ней отношение со стороны местного населения, идеологи информационной обработки советских граждан решили разыграть главную козырную карту. Этот козырь был прост и, вместе с тем, крайне действенен для определенных категорий людей. Заключался он в том, что оккупированные территории СССР были буквально завалены узконаправленными материалами, которые открыто, скажем так, рекламировали солдат Вермахта как освободителей от «большевистского ига». «Освободители» изображались либо с лучезарными улыбками на фоне групп радостных «освобожденных» советских детей, либо с грозными лицами, которые

показывали, какой «праведный» гнев они питают по отношению к большевикам и прочим «нежелательным элементам» советского общества [3].

На пропагандистских плакатах мы нередко встречаем изображение Адольфа Гитлера. Один из таких плакатов в 2016 г. был передан в Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве Ериной Надеждой Викторовной. За 2 года до этого ее семья приобрела в Ставрополе большой дом по улице Таманской, № 42. Дом был куплен у пожилой женщины, Едигорьянц Эммы Ефремовны, которая рассказала новым владельцам, что его построили ее предки. В доме были 2 старые печи. Одной из них бывшие хозяева никогда не пользовались, в ней и обнаружили во время ремонта дома 2 экземпляра пропагандистского плаката «Гитлер, каким вы его не знаете. . .» [4]. Оба экземпляра имеют многочисленные утраты с левой стороны и требуют реставрации. В правом нижнем углу сохранились выходные данные, которые подтверждают, что этот плакат был выпущен в августе 1942 г., когда Ворошиловск (Ставрополь) оккупировали немецко-фашистские войска. Каким образом он оказался в доме, выяснить не удалось.

Плакат «Гитлер, каким вы его не знаете. . .» представляет собой серию сюжетных фотоснимков с соответствующими надписями на русском языке. Основная задача – показать Адольфа Гитлера не как главу государства, а просто как человека – общительного и всем доступного. Обращает на себя внимание, что авторы подчеркивают отсутствие пропаганды в содержании плаката: «Это не снимки, сделанные специально для декоративных официальных изданий. Многие из них увеличены с любительских фотографий, сделанных участниками встреч с Фюрером – солдатами, рабочими, учащейся молодежью, жителями сел и городов. . . - они просто характеризуют быт. Так в промежутках между большими государственными делами проходит жизнь вождя германского народа». На фотографиях мы видим Гитлера в окружении детей; Гитлера за обедом из солдатского котла во время военных операций; на встречах с народом, во время отдыха в горах и т. д. Все это, несмотря на заверения авторов, является настоящей пропагандой, попыткой создания положительного образа вождя Третьего рейха [5].

Плакат «Гитлер, каким вы его не знаете. . .» является важным источником по истории оккупационного режима на Ставрополье. Особую ценность ему придает тот факт, что он является единственным подобного рода плакатом в коллекции фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Мошкин С. Пропаганда разложения – грязное дело // <http://magazines.russ.ru/ural/2005/5/mo17.html>
2. Там же.
3. Володин А. Пропаганда времен нацистской оккупации СССР (материал со свидетельствами очевидцев) // <https://topwar.ru/23252-propaganda-vremen-nacistskoy-okkupacii-sssr-material-so-svidetelstvami-ochevidcev.html>
4. СГМЗ. Оф. 40317/1-2.
5. Там же.

Запорожцева О.А.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,

аспирант Кафедры истории России

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ
ФЕДОРОВИЧА РЕБРОВА
ПОД НАЧАЛЬСТВОМ
ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА
НА КАВКАЗЕ**

12 октября 1816 г. официально в должность Главноуправляющего в Астраханской, Кавказской губерниях и в Грузии вступил генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов. В молодости он был участником Персидского похода 1796 г. и знал о Кавказе не понаслышке. Алексей Петрович был наделен почти неограниченными полномочиями, которые все более возрастали по мере усложнения обстановки на Кавказе. В течение 10 лет он активно занимался преобразованиями на Кавказе. Ермолов уделял большое внимание подбору кадров для управления Кавказом, выделял наиболее способных из тех, кто бы мог работать в условиях его жестких требований [1].

После личного знакомства с А. Ф. Ребровым Ермолов решил, что такой умный и ответственный человек как Алексей Федорович сможет безукоризненно и четко выполнять ответственные поручения начальства. К тому же Ермолову был необходим надежный помощник в проведении новой экономической политики на Кавказе [2].

Первое поручение, данное Алексею Федоровичу, требовало знания местных особенностей поведения и традиций населения края. Жители Кавказской губернии жаловались на кабардинцев, которые в течение нескольких лет разоряли их селения и угоняли скот. Ребров изучил ситуацию, и ему удалось «привести в известность претензии жителей Кавказской Губернии на кабардинцев за хищничества в течение многих лет произведенные» и составить определенные правила, направленные на удовлетворение подобных претензий. За хорошо выполненное поручение Ребров, по представлению главнокомандующего в Грузии генерала Ермолова, 30 января 1819 г. был награжден орденом Святой Анны II степени [3].

Следующее важное поручение, которое должен был выполнить Алексей Федорович, касалось вопроса составления «Обозрения земель Кавказской Губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих оную обитателей» [4]. Также требовалось составить предварительные правила для размежевания этих земель [5].

Это поручение было не из легких, его выполнение заняло 2 года упорного труда (1819-1820 гг.). Под руководством Реброва трудились уездные начальники, землемеры, писари, чертежники, сельские старосты, управляющие имениями и собственники земельных владений. К работе также были подключены калмыцкий, ногойский и «трухмянский» приставы [6].

В это время Кавказская губерния состояла из 5 уездов: Ставропольского, Георгиевского, Александровского, Моздокского и Кизлярского. В каждом из них Алексей Федорович побывал лично [7]. Поручение А.П. Ермолова требовало полной отдачи сил и времени. Поэтому в 1819 г. надворному советнику Реброву пришлось снять с себя обязанности предводителя дворянства для того, чтобы с полной ответственностью приступить к работе, связанной с постоянными разъездами. Предводителем дворянства был избран статский советник Г. Е. Ростованов [8].

В этом нелегком деле Алексею Федоровичу помогали: землемер Федоров, титулярный советник Смирнов и еще 5 помощников-чертежников: Родионов, Коновалов, Краснопольский, коллежские регистраторы Поляков и Волков. В губер-

нии в то время катастрофически не хватало нужных и умных людей. Что касалось землемеров, то они были на вес золота и их буквально разрывали на части.

Работа по размежеванию земель началась в апреле 1819 г. в деревне Владимировка. Зная о сложностях проведения такой громоздкой работы, Ермолов по ходатайству Реброва решил материально поощрить их труд. Алексей Петрович так оценивал выполнение данного поручения: «Вышеозначенные с самого прибытия их в сей край при отличном поведении по службе выполняют все делаемые им поручения с наилучшим успехом, преодолевают неудобства климата, повергающего их часто в продолжительные болезни» [9].

4 декабря 1819 г. за усердную службу и старания по выполнению административных поручений А. Ф. Ребров был произведен в коллежские советники [10].

Несмотря на суровые климатические условия, трудности быта в экспедициях и на сопротивление собственников, в 1820 г. задание было выполнено. По итогам проделанной работы Ребров представил Ермолову «Обозрение земель Кавказской губернии», в котором были подробно изложены сведения о границах, реках, лесах и землях губернии. Даны описания образа жизни обитателей данных земель, которых Ребров подразделял на казаков, жителей казенных поселений, помещиков, колонистов и на народы, ведущие кочевой образ жизни – «азиятцов и мухаммедан» [11].

По результатам проделанной работы 1 июля 1821 г. Алексей Федорович Ребров «За труды в собрании подробных и удовлетворительных сведений о землях Кавказского края, за составление общего оным описания и обнаруженные при раздаче отступлению от правил, и начертание предварительных правил для размежевания земель» был награжден орденом Святого Владимира III степени [12].

Параллельно с выполнением «Обозрения земель Кавказской губернии» Реброву было дано еще одно важное поручение, к которому он приступил не сразу. Еще 6 марта 1819 г. по указу императора Александра I Ермоловым была создана специальная комиссия, которая должна была непосредственно заниматься наделением землею казаков, проживающих на Кавказской линии. С выполнением такого важного поручения медлить было нельзя. Ермолов не стал дожидаться приезда членов комиссии и поручил коллежскому советнику Реброву заняться не только сбором необходимых сведений о «хозяйственном состоянии каждого полка» [13], но и «Составлением правил для наделения казачьих войск землями», «Обозрением мест с военным начальством для водворения сих казаков на новую передовую линию» [14] с учетом «количества и свойства земли, излише-

стве и недостатке ея».

Поручение было успешно выполнено Ребровым. Генерал Ермолов в рапорте от 11 марта 1821 г. представил императору приблизительные правила по переселению казачьих полков, которые тем самым должны были способствовать укреплению границ Кавказской губернии.

Считаем необходимым ознакомиться с некоторыми положениями, представленными генералом Ермоловым в его рапорте к императору. Ермолов предлагал переселить на границу, проходящую по реке Кубань, часть казаков из станиц Московской, Донской и часть казаков Хоперского полка в новые, специально созданные для укрепления данной территории 4 станицы, расположенные от крепости Святого Николая и далее вниз по реке.

Для укрепления сухопутной границы Ермолов предлагал создать 2 станицы между Кисловодском и Горячими Водами. На эти территории необходимо было переселить казаков Волгского (Волжского) полка вместе с семьями из ст. Александровской (ныне с. Александровское). Необходимым условием для переселения казаков было то, что новая территория не должна была уступать по хозяйственному положению предыдущему месту проживания [15]. Был решен вопрос, касающийся непригодности земель для переселения казаков вместе с семьями из-за отсутствия поблизости леса. Начальство должно было помочь в предоставлении строительного материала. Затрагивался в данном рапорте и вопрос о спасении лесов Кавказской губернии от истребления, которые предлагалось разделить между казачьими полками, так как на владельцев казенных участков нельзя было положиться [16].

После получения положительной оценки рапорта от Александра I Ермолов передал данные правила в комиссию для осуществления переселения казаков. В результате первыми, кого коснулось переселение на новые места, были казаки Волгского (Волжского) и Хоперского полков.

В 1825-1827 гг. было переселено 11 станиц с общим числом 8093 человека. Казаки основали на новых местах станицы: Барсуковскую, Николаевскую, Невинномысскую, Новопавловскую, Новогеоргиевскую. Хоперские казаки из станиц Ставропольской были переселены на территории двух новых станиц: Баталпашинской (ныне г. Черкесск) и Карантинной (с 1883 г. - Суворовская). Казаки Волжского полка, которые первоначально проживали в Александровской станице, были переселены в 1825 г. на территории трех новых станиц: Эссентукской, Кисловодской и Боргустанской [17].

Таким образом, при помощи Реброва Ермоловым было успешно выполнено очередное поручение, которое благотворно сказывалось на проводимой им политике на Кавказе.

После выполнения этих важных заданий Алексею Федоровичу хотелось заняться сельским хозяйством в своем имении Владимировка, но его знания Кавказских земель и ответственность в выполнении сложных поручений вновь понадобились генералу Ермолову, который 10 апреля 1822 г. назначает Реброва «чиновником по особым поручениям» [18].

В 1822 г. подвергается переустройству Кавказская губерния. Сенаторами Гермесом и Мертвым было произведено «Обозрение Кавказской губернии», в результате которого было решено, что «настоящее ее устройство не свойственно местоположению и роду населения». Решение данного вопроса было поручено генералу Ермолову. В итоге Алексеем Петровичем был составлен проект относительно преобразования Кавказской губернии, из которого следовало: «переименовать ее в область, учредив областным городом Ставрополь». С этого момента Ставрополь приобретает важное административное и культурное значение [19].

С развитием Кавказских Минеральных Вод наиболее острым оставался вопрос жилищного обеспечения. Первоначально на Кавказские Воды приезжали лечиться лишь гражданские лица, но Ермолов хотел создать там госпитали для лечения больных и раненых солдат и офицеров Грузинского корпуса [20].

Так как территория Вод была еще не обжитой, Алексей Петрович предложил Реброву провести работу «для начертания правил для хозяйственного управления при производстве зданий при Кавказских Минеральных Водах» [21]. Алексей Петрович предлагал представителям кавказского дворянства поселиться на необжитых Водах затем, чтобы они вкладывали в развитие данной территории хотя бы 1/10 часть своих доходов. Взамен этого Ермолов обещал всяческое содействие первым застройщикам в беспрепятственном и безошлинном отводе участков под усадьбы и в освобождении от налогов сроком на 5 лет.

Это предложение заинтересовало самого Реброва, ведь еще в 1803 г. главный строитель Кисловодской крепости генерал-майор Брюзгин отвел ему участок под строение. На тот момент у помещика Реброва не было необходимых документов для строительства, и он не хотел рисковать. Поэтому Алексей Федорович решил воспользоваться предложением Ермолова и пообещал генералу, что станет одним из первых застройщиков поселения на Подкумке и постарается привлечь других помещиков к такому важному делу [22].

На предложение А.Ф. Реброва по поводу застройки и получения участка земли откликнулись: предводитель Кизлярского дворянства Арешев, который хотел построить дом на Горячих Водах, чтобы сдавать его в аренду; Хастатова Екатерина Алексеевна согласилась поставить дома на Горячих и Кислых Водах, так как у нее было много родственников, которые каждое лето приезжали на Кавказские Минеральные Воды для поправки здоровья. Заинтересовало предложение и предводителя Георгиевского дворянства Толмачева. Сообщили Алексею Федоровичу, что хотели бы иметь свои усадьбы на Водах губернский архитектор Мясников, купец Шапкин, чиновник Барковский, священнослужитель Александровский. Таким образом, началась первая застройка Кавказских Минеральных Вод [23].

В 1823 г. Реброву было дано новое поручение, которое требовало «соображения удобств и начертания правил об управлении кочующими народами» [24]. Это было связано с тем, что ногайцы, проживающие за Кубанью, вступили в тесные связи с бежавшими туда кабардинцами. Они не только снабжали их пропитанием, но и обещали, что в случае перехода войск под командование генерала Ермолова для преследования бежавших кабардинцев за Кубань, будут способствовать кабардинцам не только в противостоянии русским отрядам, но и будут принимать участие в грабежах казачьих поселений.

Ногайцы Ставрополя находились в родственных связях с закубанскими ногайцами и могли содействовать им в разных ситуациях: будь то набеги на русские селения или предоставление пристанища и укрытия в случае преследования их кавказскими подразделениями русской армии.

А.П. Ермолов просил А.Ф. Реброва поспешить с выполнением поручения о переселении подвластных ногайцев, находящихся в подчинении генерал-майора Менгли-Гирея, подальше от Кубани в глубь Кавказской области, чтобы таким образом обезопасить кавказские земли от многочисленных набегов закубанских ногайцев и кабардинцев и сохранить над ними российское управление и влияние [25].

Реброву также было поручено определить, какие земли без притеснения коренных жителей могли бы подойти для переселения ногайцев. Важным шагом в решении данной проблемы было также ограничение власти мурз. Это требование выдвигали простые ногайцы [26].

В 1825 г. не стало императора Александра I, на смену ему пришел Николай I. В стране ходили разные слухи по поводу смены царей. Так, в письме, датированном декабрем 1825 г., А.С. Грибоедов спешил поделиться с Ребровым своим мнени-

ем по поводу опасного политического положения в стране: «В настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина». Таким образом, становление нового императора у власти в целом могло изменить проводимую политику в Российском государстве на всех ее рубежах. Первоначально Николай I не вмешивался в политику, проводимую генералом Ермоловым на Кавказе, но тщательно следил за всеми процессами, происходящими в регионе [27].

Исполнительность и знания Реброва были высоко оценены правительством. 19 января 1826 г. А. Ф. Ребров получил чин статского советника [28].

С Ермоловым Алексея Федоровича связывали не только дела, но и крепкая, тесная дружба. Они состояли в переписке. Часто в письмах, обращаясь к Реброву, Ермолов называл его «почетный тезка», а подписывал сами письма как «верный Ермолов», «отлично уважающий Ермолов» [29].

В 1827 г. А. П. Ермолов ушел в отставку, возможно, не угодив своими методами управления Кавказом новому императору. Он был человеком «высокого» характера и поэтому благородно принял высочайшее решение «без малейшего изъявления неудовольствия и ропота» [30]. 16 марта того же года на пост главнокомандующего войсками на Кавказе и главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами губерний Астраханской, Кавказской и Грузии был назначен генерал-фельдмаршал, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский [31].

Перед отставкой А. П. Ермолов успел вручить статскому советнику Реброву Аттестат со следующей оценкой его деятельности: «При исполнении всех... поручений оказал отличную деятельность, способности полезные. Познания о средствах края обширные и во все время служения при мне не получал никакого жалования». К этому времени во Владимировке вырос двухэтажный особняк. Генерал Ермолов давно мечтал побывать в имении Реброва, тем более, что приглашений от хозяина поступало много. В мае 1827 г. Ермолов, отбыв из Тифлиса, посетил этот чудесный уголок в засушливой Ногайской степи [32].

Вслед за Ермоловым подал в отставку и Ребров. Возможными причинами ухода могли послужить, с одной стороны, верность и нескончаемая дружба, которая связывала его с генералом, с другой стороны, возможно, не сложились отношения Реброва с новой администрацией края.

И. Ф. Паскевич решил повременить с отставкой Реброва, ведь оставалось еще много нерешенных дел, для осуществления которых требовался умный и ответственный администратор. Три года Алексей Федорович достойно выполнял поручения, которые давал ему новый управляющий на Кавказе, но желал все это

время лишь одного – посвятить себя ведению хозяйства и, спустя некоторое время, его мысли материализовались.

12 августа 1830 г. Ребров был уволен с должности «чиновника особых поручений», за добросовестную службу ему назначили пенсию в размере 250 рублей в год [33].

Всю свою жизнь Алексей Федорович Ребров следовал одной простой истине: «Трудиться, трудиться и трудиться». В результате он добился не только продвижения по службе, но и уважения со стороны «высокого» начальства. На собственном примере Алексей Федорович неоднократно доказывал, что человек, не имеющий влиятельных связей и богатых родственников, тем не менее, может путем усердия, старания, аккуратности в делах стать одной из значительных персон в большой административной системе Российской империи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Запорожцева О.А. Алексей Федорович Ребров – предводитель Ставропольского дворянства // *Семья. Общество. Государство: история и современность: материалы Четвертой Всероссийской научно-практической конференции (22 декабря 2014 г.)* / Под ред. Гударенко Р.Ф., Ряснянской Н. А. Ставрополь: АРГУС СГАУ, 2015. С. 31-32.
2. Орудина Л. Г. У порога синих гор: исторические очерки / Лит. запись И.В. Кузнецова. Ставрополь, 1983. С. 122.
3. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1632. ЛЛ. 5-об., 6-об.
4. Обзорение земель Кавказской губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих оную обитателей. Составлено в 1820 г. // АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 594.
5. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1632. Л. 7-об.
6. Смоляков В. А. Ими гордится Отечество // *Кавказская здравница*. 2001 от 23 февраля. № 30. С.4.
7. Обзорение земель Кавказской губернии ... С. 594.
8. Любимов С.В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. С. 23.
9. Смоляков В. А. Указ. соч. С. 4.
10. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1632. Л. 6-об.

11. Обзорение земель Кавказской губернии ... С. 594-606.
12. ГАСК. Ф.1305. Оп. 1. Д. 28. Л. 19-об., 20.
13. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от 11-го марта 1821 г. // АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 606.
14. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 28. Л. 20-об., 21.
15. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова. ... С. 606, 607.
16. Там же. С. 607-608, 610.
17. Заселение Северного Кавказа и политика Российской колонизации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.works.doklad.ru>
18. ГАСК. Ф. 79. Оп.2. Д. 1632 .Л. 7-об.
19. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавказского, 1854. Отдел 3. Собрание материалов для составления исторического, географического и статистического описания Закавказского края. С. 476.
20. Орудина Л.Г. Указ. соч. С. 96-97.
21. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 28. Л. 21.
22. Орудина Л.Г. Указ. соч. С.123-124.
23. Там же. С. 129-130.
24. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1632. Л. 8-об.
25. Предписание ген. Ермолова Реброву от 13-го марта 1823 г. // АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 528, 529.
26. Предписание ген. Ермолова ген.-м. Сталю от 23-го мая 1823 г. // АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 529-530.
27. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 546.
28. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 28. Л. 19-об., 20.
29. Апанасевич В.М. Он все доводил до совершенства // Кавказская здравница. 1996, от 24 февраля. № 30. С. 5.
30. Смоляков В.А. Указ. соч. С. 4.
31. Главноначальствующие на Кавказе. Паскевич Иван Федорович // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kmvline.ru>
32. Смоляков В. А. Указ. соч. № 30. С. 4.
33. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 28. Л. 20-об., 21.

Колесникова М.Е.,

г. Ставрополь,
Гуманитарный институт СКФУ,
заведующая кафедрой истории России
доктор исторических наук, профессор

Павленко Н.Ю.,

г. Ставрополь,
Регентская школа
Ставропольской духовной семинарии,
преподаватель

Еремеева Т.,

г. Ставрополь,
Гуманитарный институт СКФУ,
студентка

ОТ СВЕЧНОГО ЗАВОДА К РЕГЕНТСКОЙ ШКОЛЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ХРАМА ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ Г. СТАВРОПОЛЯ

История православных церквей пронизывает всю дореволюционную историю Ставрополя. Старые и новые храмы города выполняли функции городских и районных социально-духовных центров. Общественные и домовые церкви и часовни становились неотъемлемой частью торговых, образовательных, промышленных и других жизненно важных учреждений города.

Одним из старейших храмов Ставрополя является церковь Преображения Господня. История храма началась в 1894 г., когда он был освящен архиепископом Агафодором в честь одноименного великого двенадцатого праздника как домовая церковь при Ставропольском епархиальном свечном заводе.

Завод был построен шестью годами ранее на средства Русской православной церкви. Располагался он на территории так называемого «нового форштадта» г. Ставрополя, на южном склоне Мутнянской долины. С того времени во всех ставропольских

храмах свет христовой истины освещался свечами, изготовленными на этом предприятии.

Коллектив завода был большим. При заводе в 1893 г. была открыта церковно-приходская школа для 50 мальчиков и девочек, детей сотрудников завода. За счет средств свечного завода была построена церковь Преображения Господня. На территории огромного лесопаркового массива появился уникальный архитектурный ансамбль – храм с двумя прилегающими к нему строениями. Здесь же был и фруктовый сад. С тех пор множество людей возносили свои молитвы к Богу в этом храме. Весь клир за всю историю прихода поминается в храме на каждом богослужении. Свечной завод должен был послужить для укрепления материальной базы епархиальных учреждений и духовно-учебных заведений.

Вплоть до революционных событий начала XX в. храм продолжал сохранять статус домового церкви. События 1917 г. коренным образом изменили историю страны, города, епархии и храма Преображения Господня. Россия переживала огромные нравственные, политические и экономические изменения, стремясь найти свое место в стремительно менявшемся мире. Уходила старая имперская Россия, на смену ей пришла Россия советская.

С приходом новой власти храм Преображения Господня закрыт не был. Его стали посещать прихожане из других, закрывшихся храмов. В годы гонений и раскола приходская община храма Преображения Господня сохраняла верность святейшему патриарху Тихону, ныне прославленному Церковью в лике святителей. С 1920-х гг. небольшая церковь стала центром духовной жизни города, фактически являясь приходской.

В начале 50-х гг. XX столетия Спасо-Преображенский комплекс был отдан Северо-Кавказскому военному округу – под военный госпиталь. Здание храма было лишено куполов со звонницей, но в целом сохранило свой облик.

Возрождение храма началось в конце 90-х гг. XX в. после перевода госпиталя в другое помещение. Первое богослужение было совершено в сентябре 1998 г. К лету 2001 г. медики полностью освободили все помещения церкви. С этого времени на территории Спасо-Преображенского комплекса действует Регентская школа, готовящая руководителей церковных хоров.

Активная фаза возрождения храма началась с 2004 г., когда на должность настоятеля храма Преображения Господня и руководителя Регентской школы был назначен священник Владимир Сафонов. С этого времени начались интенсивные реконструктивно-реставрационные работы в храме. Была восстановлена арка центрального входа, проведена реконструкция храмового ансамбля. Первозданный вид памятника

архитектуры XIX в. приобрело само основное здание храма Преображения Господня. Был произведен капитальный ремонт внутри храма, завершена роспись храма и иконостаса; восстановлены купол и колокольня с колоколами. Стала преобразовываться прилегающая территория, была построена водосвятная часовня в честь пророка Предтечи и Крестителя Иоанна. Для самых маленьких была обустроена детская игровая площадка, ставшая любимым местом отдыха мам и детей со всей округи. Устроена уникальная панорама «Рождественский вертеп», созданная в естественном гроте перед храмом. С 2004 г. при храме работает Воскресная школа для детей, где они изучают ряд церковных дисциплин и могут посещать различные кружки.

В течение последних лет приход храма Преображения Господня стал своеобразным духовно-просветительским и культурным центром. Деятельность прихода и жизнь Регентской школы в течение многих лет связаны неразрывно. Вместе они – единая семья и коллектив сотрудников-единомышленников. В настоящее время приход и духовная школа осуществляют постоянное взаимодействие с несколькими городскими школами, СУЗами и ВУЗами. На территории прихода ежемесячно проходят семинары по Основам православной культуры для слушателей курсов повышения квалификации работников образования.

Преподаватели и студенты Регентской школы регулярно принимают участие во всевозможных форумах. Хор Регентской школы выступает на самых различных концертных площадках города.

Приход также занимается обширной социально-благотворительной работой, духовно поддерживая различные категории людей с ограниченными возможностями: инвалидов, слабовидящих и слабослышащих, пенсионеров и ветеранов. Ежегодно проводят благотворительные ярмарки.

Приход и Регентская школа осуществляют постоянное взаимодействие со всеми краевыми учреждениями культуры, находящимися на территории краевого центра, реализуя многочисленные совместные проекты.

Таким образом, начиная с момента своего рождения Спасо-Преображенский комплекс играет заметную роль в жизни города и региона, в конце XIX – начале XX в. как важное крупное производство, а сегодня как культурно-просветительский и социально-благотворительный центр.

Но главное, что здесь по-прежнему уже более 100 лет совершается молитва. Для ставропольцев и гостей города открывается прекрасная возможность соприкоснуться с прошлым, обрести радость настоящего и заглянуть в будущее, ощутив неразрывную связь времен, реализующуюся в духовном преображении окружающего мира.

Колобова А.А.,

г. Ставрополь,
Гуманитарный институт СКФУ,
студентка-историк

КРИМИНАЛЬНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ И ОБЩЕСТВО В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 ГОДУ

**(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ
«СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КРАЙ»)**

Различного рода происшествия на территории Ставропольской губернии, описываемые в газете «Северокавказский край», дают нам возможность разобраться в проблемах повседневности, обстановке, которая толкала людей на какие-либо противоправные действия. Также можно выявить характер господствующих нравов и моральных устоев. Интересующие нас публикации чаще всего встречались в таких разделах как «Наш край», «Местная жизнь», «Происшествия» и «Сыскное отделение».

Первое место по количеству описанных происшествий занимают кражи. Помимо денег, воровали абсолютно все, что может хоть как-то пригодиться в хозяйстве. Часто хищению подвергались одежда и обувь: «У лиц, купающихся на Архирейском пруду, в последнее время участились случаи пропажи белья, ботинок и одежды. Потерпевшим предоставляются две возможности: или возвратиться в город без какой-либо принадлежности костюма, или послать гонца на дом за одеждой» [1], «16 июля из здания богадельни во время собрания профессионального Союза неизвестным громиллой, посредством взлома замка на сундучке, похищено разного белья на сумму 10 рублей» [2].

Часто крали деньги, дорогостоящие вещи: «Третьего дня ночью по Вельяминовской улице в доме Панова был обворован магазин часов Шехмана на сумму приблизительно 600-700 рублей» [3]. «У гражданки Екатерины Кондратьевны Таран... в ночь на 12 июля в открытое окно в квартиру проник вор и похитил лежавшее на комодке золотое кольцо с алмазами, стоящее 50 рублей» [4].

Были случаи кражи алкогольных напитков и домашней живности: «Участковый комиссар Власьянц обнаружил продажу водки во дворе бани Мамета Назарова, у квартирантки А. Костюковой. Последняя продавала бутылку водки по 7 рублей». «В полицию поступают массовые заявления о ночных кражах домашней птицы, порсят и проч. Ночные похитители с трудом разыскиваются» [5].

Такое количество краж вызвало общественные волнения, следствием которых являлись самосуды: «Пассажиры утреннего поезда, следовавшего на Ставрополь, оказались невольными зрителями страшного суда солдат над своим товарищем, заподозренным в краже пары сапог. Несчастному были нанесены толпой зверские побои, ... солдата, уже потерявшего сознание от потери крови, били прикладами и кололи штыками. В конце концов, его бросили под колеса паровоза, требуя от машиниста дать полный ход», «19 июня часов в 5 пополудни в нашем селе убит толпою граждан проживающий в с. Арзгир Григорий Чунченко. Убитый занимался конокрадством, за что и отбывал наказание в арестантских отделениях. Убитый в апреле месяце выходил на сходе, каялся в своей прежней деятельности и обещал более не воровать. Но обещания своего не исполнил и за это поплатился жизнью» [6].

Как отмечалось в газете, несмотря на самосуды, количество краж не только не уменьшалось, но даже увеличивалось: «На нижнеподгорненской улице неизвестно кем была вынута из фонаря, горевшего на улице, лампа и унесена взявшими ее. Все это происходило вблизи от милиционера, который ничего не заметил» [7]; «В канцелярия городского судьи г. Бенедиктова обнаружена вчера кража марок и канцелярских принадлежностей. Потерпевший заявил подозрение на своего сторожа» [8].

Часто дела о кражах раскрывали: «На днях был задержан военнопленный австриец А. Етмар, который, состоя в качестве санитаря в госпитале № 5, занимался воровством у своих товарищей. Когда Етмара стали обыскивать, то у него оказались письма одной местной дамы весьма интересного характера, причем австриец на глазах милиции разорвал одно письмо» [9], «28 июня из дровяной лавки Куликова на Александровской площади, посредством подбора ключа к замку дверей, похищена небольшая сумма денег. Кража денег у Куликова учинена систематически. Сегодня Комиссару 4-го участка удалось задержать воров, 2-х мальчишек» [10]; «В квартиру через разбитое окно пробрались 4 мужчин, угрожая кинжалом, забрали у одного жильца 50 рублей и годовой паспорт, а у других жильцов забрали обувь и одежду на сумму до 300 рублей. Личность одного из

грабителей установлена» [11].

На территории Ставропольской губернии действовали профессиональные грабители и воры, деятельность которых внимательно отслеживалась на страницах «Северокавказского края». Так, например, произведенная в квартире бухгалтера консервного завода Воронова кража освещалась сразу в нескольких номерах газеты: «В ночь под 27 июня из квартиры бухгалтера консервного завода Воронова... похищено разных носильных костюмов на сумму до 500 руб. Воры и украденное сыскным отделением разысканы» [12], «29 июня с. г. чинами сыскного отделения задержаны 2 вора-гастролера: Тамбовской губ. Владимир Акимов и Курской губ. Пантелеймон Бондаренко, вооруженные револьвером „браунинг“ и большими ножами. Отобрано от них разных вещей на сумму до 1000 рублей, похищенных: со взломом окна у бухгалтера консервного завода Воронова, гражданки Зароченцевой и друг. В краже задержанные сознались, дознание производится» [13].

Под пристальным вниманием оказался и другой грабитель – Ефим Олейников: «Дознанием установлено, что ограбление близ села Старомарьевского кр. С. Дорохова с дочерью Валентиной, совершенное 11 июля, было предпринято каторжанином Ефимом Олейниковым, которого потерпевший узнал по предъявленной карточке, но личности остальных грабителей установить не удалось»; «Установлено, что ограбление, совершенное под 3 июля на квартире Леджтиева... 4-мя неизвестными, было организовано Ефимом Олейниковым, амнистированным каторжником, которого потерпевший опознал по предъявленной ему фотографической карточке» [14].

Не только мужчины промышляли грабежом: «4 июля открыта кража, совершенная 5 мая сего года... у Александра Жукова, из квартиры во время отсутствия всех. Вор проник через окно в квартиру, взломал ящик стола и похитил до 60 руб. денег, 2 золотых обручальных кольца и разных вещей, всего на сумму до 200 руб. По характеру кражи уличена была профессиональная воровка Надежда Савельева, которая во всем созналась, заявив, что кольца заложила в ломбард по билету за № 1872. Савельева заключена под стражу, дознание производится. Кольца найдены в ломбарде» [15].

Иногда воры вели себя весьма изобретательно: «У гражданина Петра Елизаровича Иноземцева и Евдокии Зайченковой в отсутствие их из квартиры... посредством подбора ключа... домашним воров похищено из последнего до 600 руб. кредитными билетами» [16]. Как потом оказалось, деньги у Евдокии Зайчен-

ковой похитил Иноземцев и его сожительница Съедина. Оба они были заключены под стражу [17].

Благодаря хорошей работе правоохранительных органов в Ставрополе была выявлена воровская организация: «В г. Ставрополе организована из нескольких женщин шайка, поставившая своей целью наниматься в прислуги, обворовывать доверчивых хозяев и через профессионалок сбывать украденное. . . В результате расследования у шайки отобрано разного ценного товара и денег на сумму до 4000 руб. . . установлено, что шайку составляли следующие лица. . . Часть из них была в качестве прислуги, а остальные в качестве сбытчиков похищенного» [18]. Была поймана еще одна «шайка рецидивистов»: «На днях была задержана шайка воров, которая систематически совершала кражи мануфактурного и галантерейного товара у торговцев, проживающих по 1-ой Ясеновской улице. Кражи совершались в течение нескольких месяцев и убытку нанесено более чем на 2 тысячи рублей. Шайка в 8 человек была задержана, частью в городе, частью в окрестных селах» [19]. Иногда сыскное отделение пыталось заранее предупредить преступления: «В город Ставрополь прибыл вор и грабитель Николай Панфилкин с четырьмя неизвестными товарищами. Цель приезда безусловно преступная. Сыскное отделение, обращаясь к жителям города, просит оказать содействие в розыске притона, где они остановились» [20].

Не только милиция пыталась бороться с воровством. В заметке «Борьба с воровством, с. Благодатное» говорилось о том, что, несмотря на предпринимаемые ранее различные меры борьбы с воровством, последнее ничуть не сократилось, поэтому решили испробовать способ: водить по улицам пойманного вора с поличным в сопровождении милиции. Это все сопровождается насмешками и словами порицания со стороны населения. Эта мера показала успешный результат [21].

Не всегда все заканчивалось благополучно. Так, в губернии были примеры происшествий, заканчивающихся летальным исходом или серьезными травмами. В заметке «Покушение на убийство» описывается кровавая драма: «Вечером молодой офицер зашел в гости в дом Борисенко. Через некоторое время туда явилась героиня вечера. Во время беседы девушка в упор производит в офицера 3 выстрела, причем 2 пули попали в обе ноги, а 3-я в живот. В этот момент офицер выхватил свой револьвер, выстрелил в девушку. Две пули попали в горло. После этого девушка накинулась на офицера с ножом. Между ними завязалась борьба. Тут вмешалась милиция, явившаяся на выстрелы. Раненых отвезли в лазарет, что помещается в 3-й женской гимназии» [22]. В ходе допроса выяснилось, что «кро-

вавая драма разыгралась на романтической подкладке». Позже офицер скончался [23].

Судя по заметке в газете, в одной городской семье происходили ссоры, и муж убил неверную жену: «16 июля в 5 ч. вечера на Подгорной улице в семействе Сараевых разыгралась кровавая драма. Солдат Сараев выстрелом из револьвера убил на месте свою жену. Убийству предшествовала следующая обстановка: во время пребывания на фронте и по возвращении Сараеву стало известно, что его жена неоднократно изменяла и изменяет супружеской верности... затем Сараев отправился к воинскому начальнику и заявил о происшедшем. Производится дознание» [24].

В статье «Воскресшая старина. С. Красная Поляна» автор рассказывает историю, по его мнению, в которой унижается человеческое достоинство: «Идет гурьба народу: несколько солдат, баб и подростков, сзади плетутся дроги, а впереди «пара» – мужчина и женщина, связанные рука с рукою веревкой. Он с окровавленным лицом, она со взглядом затравленного зверя... Скоро выяснилось, что это не воры, а «полюбовники». Накануне ночью они отправились на «новые места» для совместного сожительства. У него есть жена, у нее – муж. Бросили все, забрали кое-какие пожитки и отправились. На грех в эту же ночь ее муж пришел на побывку, узнал в чем дело и марш вдогонку на станцию. Догнал на станции Развильной и с помощью Развильенской милиции и добровольных помощников-солдат, предварительно избив – повезли в Красную Поляну» [25]. Этих людей провели по поселку с целью публично пристыдить, вследствие чего односельчане били, оскорбляли и унижали сбежавшую парочку. Местные власти же не предприняли никаких мер по усмирению толпы. Автор сравнивает эту ситуацию со временем средневековой инквизиции.

Также бывали в губернии и разбойные нападения: «В Пятигорске в ночь на 2 июля, около 3 часов, банда вооруженных разбойников под предводительством известного бывшего каторжанина вора Сvirкина задалась целью совершить ряд преступлений, а именно напасть на управление пятигорской милиции, освободить из-под стражи заключенных, отправиться в тюрьму, где также освободить всех находящихся в заключении и таковых присоединить к себе, а затем сообща идти громить все банки, почтово-телеграфную контору... бандиты успели перерезать все телефонные провода... началась перестрелка, в которой рикошетом легко ранен один милиционер. Перестрелка продолжалась довольно долго, но не удалось задержать никого из вооруженных бандитов» [26].

Иногда в разделе «Происшествия» описывались довольно необычные случаи: «Похищение винтовки ... новый начальник городской милиции Гнадбенберг ... заметил спящего военного милиционера и, не предупредив его, забрал стоящую в головах винтовку, положил в фэтон и двинулся дальше. По дороге Гнадбенберг был остановлен караульным, ... предложившим выдать винтовку, взятую у его товарища. Гнадбенберг отказался это сделать на том основании, что он начальник милиции. Милиционеры, возмущенные поступком, вошли в Совет солдатских депутатов с просьбой о привлечении Гнадбенберга к законной ответственности за похищение винтовки у спящего милиционера, который пользовался законным отдыхом» [27]. «Железноводск... Начальник местной милиции расклеил по парку объявление такого содержания: Мною замечены случаи на Смирновской площадке в парке, что некоторые женщины, полураздевшись, принимают солнечные ванны, что является нарушением общественной нравственности. В виду того, что Смирновская площадка является публичным местом, то впредь таковые женщины будут привлечены к законной ответственности по 43 ст. устава о наказаниях. Примечание: Воспрещается также принимать ванны на Пушкинской и детской площадках. По слухам, женщины на днях выступили с протестом» [28].

По своему характеру происшествия были довольно разнообразными. Были случаи пьяных дебошей, случаи с бежавшими с места службы дезертирами [29] и военнопленными, [30] имело место превышение должностных полномочий [31].

Жертвами происшествий часто оказывались дети. Например: «На днях в саду Алафузова на Ярмарочной площади был обнаружен подкидыш. Младенца на воспитание взяла Дарья Матющенко» [32]. 14 июня пропал 13-летний Дмитрий Фронов, [33] а 24 июля был найден труп 13-летнего Антиева. Мальчик баловался со сверстниками на трубах, доставленных для прокладки канализации, и из-за неосторожного обращения был задавлен одной из них [34]. В данном случае можно говорить о беспечности родителей мальчика и о халатности работников, оставивших трубы без присмотра.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что происшествия на территории Ставропольской губернии были довольно разнообразны по своему характеру. Несомненно, 1-е место по количеству занимают кражи. Такое количество краж не могло не вызвать общественных волнений, следствием которых были самосуды. На территории Ставропольской губернии действовали профессиональные грабители и воры. Все эти явления можно объяснить экономическим кризисом, который был главной проблемой Ставропольской губернии в 1917 г. Он проявился

в продовольственном, топливном и мануфактурном дефиците. Также в губернии были примеры происшествий, заканчивающихся смертью или серьезными травмами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Северокавказский край. 1917, от 4 июля (№ 144).
2. Там же, от 22 июля (№ 160)
3. Там же, от 24 мая (№ 109).
4. Там же, от 18 июля (№ 156).
5. Там же, от 23 апреля (№ 86).
6. Там же, от 4 июля (№ 144).
7. Там же, от 12 июля (№ 151).
8. Там же, от 23 апреля (№ 86).
9. Там же, от 20 июня (№ 133).
10. Там же, от 2 июля (№ 143).
11. Там же, от 15 июля (№ 154).
12. Там же, от 2 июля (№ 143).
13. Там же, от 5 июля (№ 145).
14. Там же, от 22 июля (№ 160).
15. Там же, от 6 июля (№ 146).
16. Там же, от 18 июля (№ 156).
17. Там же, от 25 июля (№ 162).
18. Там же.
19. Там же, от 26 июля (№ 163).
20. Там же, от 15 июля (№ 154).
21. Там же, от 23 июля (№ 161).
22. Там же, от 9 июня (№ 124).
23. Там же, от 16 июня (№ 130).
24. Там же, от 18 июля (№ 156).
25. Там же, от 15 июля (№ 154).
26. Там же, от 19 июля (№ 157).
27. Там же, от 1 июня (№ 142).
28. Там же, от 19 июля (№ 157).
29. Там же, от 24 мая (№ 109).

30. Там же, от 25 июля (№162).
31. Там же, от 23 июля (№ 161).
32. Там же, от 25 июля (№ 162).
33. Там же, от 17 июня (№ 131).
34. Там же, от 25 июля (№ 162).

Макодзеба А.П.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующая отделом экспозиционно-выставочной
работы,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ ЕСАУЛОВ – ПЕРВЫЙ АТАМАН ВОЗРОЖДЕННОГО КАЗАЧЕСТВА ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ

Имя Виктора Алексеевича Есаулова (1942-2013 гг.) хорошо известно всем ставропольским казакам. В начале 1990-х гг. он одним из первых встал в ряды тех, кто по зову сердца активно взялся за восстановление исторической памяти и возрождение российского казачества. В 1991 г. Виктор Алексеевич был избран первым казачьим атаманом г. Ставрополя. Он внес весомый вклад в восстановление исторических памятников и православных храмов краевой столицы, его личная коллекция казачьей старины стала основой созданного в Ставрополе первого музея истории казачества.

В данной статье впервые обобщены и проанализированы биографические сведения о Викторе Алексеевиче Есаулове. В настоящее время о многих фактах биографии первого ставропольского городского атамана можно узнать из его личного архива, хранящегося в документальном фонде Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ).

Виктор Алексеевич Есаулов родился 12 февраля 1942 г. в с. Красногвардейском Ставропольского края в семье потомственных казаков. Его предки – казаки Есауловы с XVIII в. достойно служили в казачьих войсках на Северном Кавказе, в том числе и в Хоперском казачьем полку [1]. За храбрость и отличную службу в 1847 г. были удостоены дворянского звания [2] и получили земельные наделы в Ставропольской губернии: в селах Александровское, Круглолесское и в Медвеженском уезде. Поселок Есауловский, или усадьба Есаулова в урочище Большой Гок (приток р. Егорлык), числится в списке населенных мест Медвеженского уезда за 1869, 1873, 1881, 1897 гг. [3]. Здесь жил дед Виктора Есаулова – казачий сотник Есаулов Александр Федорович (1868–1920 гг.), в семье которого было 10 детей.

В период расказачивания и раскулачивания Есауловы были выселены из своего большого дома (в нем новая власть разместила местную школу), жили на окраине с. Медвежьего (ныне с. Красногвардейское) [4]. Судьба одного из сыновей, Алексея, неразрывно связана с родным селом.

Алексей Александрович Есаулов (1906–1973 гг.) – отец Виктора Алексеевича – участник Великой Отечественной войны, награжденный орденом Красной Звезды, работал зоотехником в предвоенные годы и после войны в Красногвардейском, избирался председателем колхоза. Мать – Татьяна Михайловна, дочь священника, в девичестве Агаркова (1910–1998 гг.), работала в местном колхозе.

Семья была многодетной, но из 8 детей 4 умерли в раннем возрасте, остались только Николай (1930–2003 гг.), Александр (1936–2001 гг.), Виктор (1942–2013 гг.) и Мария (1945 г. рождения), проживающая сейчас в Красногвардейском.

Детство и юность Виктора Есаулова прошли в с. Красногвардейском (до 1957 г. оно называлось Молотовское). Он рос энергичным, любознательным, трудолюбивым ребенком, всегда помогал родителям по хозяйству, работал в саду и огороде, ухаживал за домашним скотом и птицей. Очень любил лошадей и рано научился ездить верхом. Занимался боксом в школьной секции. От отца Виктор получил знания по ветеринарии, помогал лечить заболевших животных, это у него получалось эффективно, и односельчане часто именно его просили помочь. Несмотря на то, что он был еще подростком, многие в селе обращались к нему с уважением по имени-отчеству.

Рано проявились у Вити способности к рисованию, этому он научился самостоятельно. Сначала для себя, а потом и на заказ рисовал красками на стекле картинки, которыми можно было украсить скромный домашний интерьер. Это была небольшая материальная помощь своей семье, которой непросто жилось

в трудные послевоенные годы. Священник из местной церкви предлагал направить способного мальчика учиться иконописи, но отец принял решение: Виктор должен получить серьезную рабочую специальность.

После окончания восьмилетней школы Виктор Есаулов в 1957-1958 гг. продолжил учебу в Горнопромышленной школе в пос. Фашевка Луганской области, получил специальность плотника. Работал на шахте треста «Ворошиловуголь». В 1960 г. вернулся в родное село и год работал шофером-мотористом. В 1961-1964 гг. служил в рядах Советской Армии на территории Германской Демократической Республики.

После службы в армии вернулся к родителям в Красногвардейское, работал водителем и газосварщиком в Красногвардейской межколхозной строительной организации. В 1965-1969 гг. Виктор учился в Башантинском (Городовиковском) совхозе-техникуме (Калмыцкая АССР) на агрономическом отделении.

В 1970-1971 гг. работал агрономом, затем инженером-гидромелиоратором в колхозе «Маныч» в Яшалтинском районе Калмыкии. В 1972-1976 гг. – на инженерных должностях в тресте «Сельхозводстрой», в ПМК-19 (передвижная механизированная колонна) треста Министерства рыбного хозяйства, был директором рыбопитомника в Калмыкии. Он многому в жизни научился, не боялся никакой работы: мог выполнять плотницкие, малярные, строительные, газосварочные и авторемонтные работы, прекрасно управлял любыми автотранспортными средствами.

В 1976 г. Виктор Алексеевич переехал в Ставрополь. До 1979 г. он работал начальником отдела снабжения Ставропольского ремонтно-механического комбината «Крайпищепром». В 1979-1992 гг. заведовал складом на заводе «Спутник». В 1992-1997 гг. работал начальником отдела развития материально-технической базы кооперативного предприятия «Кордон». В 1998-2005 гг. Виктор Алексеевич был директором ООО «Юг-продукт» [5].

Виктор Алексеевич Есаулов стоял у истоков возрождения казачества на Ставрополье, был одним из инициаторов создания городской казачьей организации в Ставрополе. В сентябре 1990 г. Есаулов участвовал в 1-ом съезде казаков Ставропольского края, на котором был создан Ставропольский краевой союз казаков. В октябре 1990 г. Виктор Алексеевич был избран председателем организационного комитета по подготовке проведения учредительного казачьего круга города Ставрополя. Благодаря энергичной деятельности оргкомитета во главе с Есауловым в короткий срок в краевом центре были зарегистрированы свыше 1500 горожан,

желающих вступить в казачье общество.

Потомственные казаки – энтузиасты возрождения казачества на Ставрополье (среди них были В.В. Ходарев, В.А. Есаулов, Ю.Г. Звягин, А.Б. Смольняков, В.И. Толстов и другие) при поддержке атамана Ставропольского краевого Союза казаков П. С. Федосова 2 февраля 1991 г. провели 1-й городской казачий круг в Ставрополе. В этот день на круге был создан Ставропольский городской союз казаков [6], и Виктор Алексеевич Есаулов был избран 1-м казачьим атаманом города [7].

11 апреля того же года в Крестовоздвиженском храме г. Ставрополя состоялась церемония освящения знамени городской казачьей организации и иконы. При непосредственном участии В.А. Есаулова шел нелегкий процесс восстановления казачества, создавались первые казачьи общества в станицах, селах и городах края, он лично выезжал во многие населенные пункты края для проведения разъяснительных бесед о роли казачества в истории страны.

В своем выступлении на казачьем круге в Ставрополе в 1993 г. атаман Есаулов говорил: «Казачество начало возрождаться. И если первое время нас была небольшая кучка, увлеченных идеей возрождения казачества, то сейчас это уже сила, способная решать различные задачи. Но количество казаков – это не самоцель. Для нас главное, чтобы наша организация стала тем местом, где бы каждый пришедший сюда мог бы раскрыть себя, найти дело по душе, оказать помощь другим и найти поддержку». [8]. Мужественный, великодушный и справедливый человек, атаман Есаулов всегда пользовался заслуженным уважением в казачьей среде. Во многом благодаря его личной плодотворной работе с людьми за весь срок атаманского правления Есаулова (до марта 1994 г.) в городское казачье общество вступили около 4 тысяч человек [9].

В начале 1990-х гг. В.А. Есаулов был членом правления Союза казаков России, в 2000-х гг. – членом правления Ставропольского округа Терского казачьего войска. Казачий полковник Есаулов принимал участие во 2-м Большом круге Союза казаков (г. Ставрополь, ноябрь 1991 г.), в 1-м Большом круге казачьих войск России (г. Ставрополь, май 2003 г.), 1-ом Всемирном конгрессе казаков (г. Новочеркасск, август 2003 г.), Большом круге Терского казачьего войска (г. Ставрополь, 2007 г.).

Деятельность Ставропольского городского общества во главе с атаманом Есауловым отмечалась активной военно-патриотической и историко-культурной направленностью. В тяжелые 1990-е гг. вместе с делегациями казаков города Ставрополя Есаулов не раз выезжал с гуманитарной помощью в соседние севе-

рокавказские регионы для поддержки терских казаков и ставропольцев, проходивших службу в рядах Российской армии. В краевом центре городскими казаками была организована совместная работа с правоохранительными органами по поддержанию общественного порядка на улицах и по организации дежурств на постах ГАИ. Виктор Алексеевич лично участвовал в задержании опасных преступников [10].

В 1990-е гг. В.А. Есаулов принимал деятельное участие в обеспечении казаков Ставропольского городского общества Терского казачьего войска форменным казачьим обмундированием. По инициативе правления городского казачьего общества и лично атамана Есаулова, безмерно любившего казачьи песни, с 1991 г. стали проводить городские фольклорные праздники казачьей песни, был создан первый в Ставрополе самодеятельный народный казачий хор «Исток». Свои личные денежные средства Виктор Алексеевич передавал на приобретение сценических костюмов для ансамблей в период их становления, в том числе и для известного сейчас далеко за пределами края городского муниципального профессионального казачьего ансамбля песни и пляски «Вольная степь».

Период возрождения казачества в России и на Ставрополье совпал с периодом возрождения православия. В. А. Есаулов поддерживал создание при православных храмах Ставрополя детских и взрослых воскресных школ. Виктор Алексеевич как истинно верующий православный человек считал своим долгом помогать возрождению православной церкви, он подарил храмам Ставропольской епархии более 20 икон.

Особое внимание атаман Есаулов уделял возрождению казачьих обычаев и традиционной казачьей культуры, сохранению исторической памяти о значимой роли казачества в становлении российской государственности на Северном Кавказе. Виктор Алексеевич был убежден, что новое поколение казаков должно твердо следовать традициям своих славных предшественников и сохранять казачью самобытность. Он говорил: «Если бы мы по-настоящему знали историю и извлекали из нее уроки, многих бед можно было бы избежать. Незнание своих корней и истоков, историческое беспамятство даром никогда не проходит» [11]. Есаулов был уверен в том, что любовь ко всему казачьему надо воспитывать с детства. Он стоял у истоков создания Ставропольского казачьего кадетского корпуса.

Виктор Алексеевич целенаправленно наполнял свою домашнюю библиотеку книгами по казачьей теме. Его именным экслибрисом (на фоне замковой башни – рыцарский шлем, меч и боевой топорик) отмечены около 300 принадле-

жавших ему книг, отражающих историю, культуру, традиции казаков России. Он глубоко ценил творчество нашего известного земляка, потомственного казака – писателя Андрея Терентьевича Губина. Роман «Молоко волчицы», проникновенно повествующий через историю трех братьев Есауловых о сложной судьбе терского казачества, стал любимой книгой Виктора Алексеевича. Он тщательно изучал свою родословную, делал запросы в архивы. На протяжении всей своей жизни он искал своих родных Есауловых, устанавливал с ними связь, звонил по телефону, радушно приглашал к себе в гости и сам выезжал в те места, где жили его предки (в ставропольские села Александровское и Круглолесское). Воспоминания Виктора Алексеевича о семье и детстве легли в основу написанных им и опубликованных рассказов-былей, в том числе «Тимошкин овес» [12]. В его архиве сохранились фрагменты рукописи автобиографической повести «В устье Гока», которую он не смог завершить.

Ставропольский поэт Витислав Васильевич Ходарев по рассказанной Виктором Алексеевичем истории о реальной трагической судьбе двух влюбленных из его родных мест написал поэму «Казачья любовь» [13]. Самому Есаулову Ходарев посвятил поэтическое повествование «Городской атаман» (2006 г.), в котором были и такие слова:

*Боль народную и горе,
И былых времен туман,
Все вобрал в себя в ту пору
Городской наш атаман.*

*Не сумел он жить иначе,
В возрожденье сделав шаг,
Под духовный Гимн казачий
Атаманом стал казак.*

В.А. Есаулов в течение ряда лет в 1990-х гг. был членом городского Оргкомитета по возрождению исторических и культурных памятников. Личная заслуга Есаулова есть в сооружении Триумфальной арки и памятного креста в честь основания города, в установлении памятника генералу А.П. Ермолову в Ставрополе, в определении места захоронения и восстановлении на Успенском кладбище памятника первому наказному атаману Терского казачьего войска генерал-лейтенанту Х.Е. Попандопуло. При личном участии Есаулова в начале 1990-х гг. были

начаты работы по благоустройству Святого источника в с. Татарка [14].

Потомственный казак Есаулов на протяжении всей своей жизни с большим знанием и любовью, отдавая много сил и энергии, на собственные средства пополнял фамильную коллекцию казачьих предметов вооружения и традиционного быта. Начало этой коллекции положила казачья шашка, которую смог сохранить в советское время, несмотря на запреты властей, дядя Виктор Алексеевич – Афанасий Чаплыгин. Это памятное оружие по старинной казачьей традиции он подарил племяннику в 1961 г., когда Виктора призвали служить в армию. С годами частное собрание Есаулова расширялось, пополняясь образцами холодного и огнестрельного кавказского оружия, предметами церковной утвари, казачьим обмундированием, наградами, знаками отличия, предметами бытовой и походной жизни казаков Северного Кавказа XIX-XX вв. Значительное число предметов Виктор Алексеевич приводил в порядок и реставрировал сам. В 1990-х гг. коллекцию Есаулова, представлявшую духовную, культурную и большую материальную ценность, называли одним из самых обширных собраний казачьей старины в регионе [15].

Виктор Алексеевич Есаулов всегда стремился к тому, чтобы собранная им коллекция была доступна для обозрения всем, кто интересуется историей казачества. С 1991 г. его частное собрание неоднократно демонстрировалось в Ставрополе и Ставропольском крае, в Карачаево-Черкесии в учебных заведениях, музеях, домах культуры, клубах и на открытых площадках. Ставропольская городская администрация регулярно приглашала Есаулова к участию в ежегодном праздновании Дня города Ставрополя. Масштабные выставки с его личным участием: «Казачество возрождается» (1992 г.), «Казачья старина» (1998 г., 2002 г.), «Старинное казачье оружие» (2004 г.), «Свет православия на Северном Кавказе» (2006 г.), «За службу и храбрость» (2010 г.) проходили в стенах Ставропольского государственного музея-заповедника. Виктор Алексеевич увлеченно проводил экскурсии, лекции, беседы по казачьей тематике. На Всероссийской выставке «Часовые Отечества» в Санкт-Петербурге (2005 г.), рассказывающей обо всех казачьих войсках России, фамильные реликвии, кинжалы и шашки из коллекции Есаулова успешно дополнили экспозиционный ряд по истории Терского казачьего войска [16], предоставленный на эту выставку из фондов СГМЗ.

Виктор Алексеевич со своей коллекцией сам выезжал в северную столицу, принимал участие в монтаже выставки, которая проходила в Российском этнографическом музее, консультировал научных сотрудников этого музея по вопросам

казацкого снаряжения, был почетным представителем Терского казацкого войска на торжественных церемониях открытия и закрытия выставки «Часовые Отечества».

Ставропольский государственный музей-заповедник с помощью Есаулова в 1990-х гг. приступил к формированию коллекции предметов казацкой материальной и духовной культуры. В течение многих лет Виктор Алексеевич был консультантом музея по предметам казацкого снаряжения и вооружения. В 2000 г. по инициативе музея, при поддержке руководства Терского казацкого войска и благодаря предоставленным Есауловым для экспонирования предметам из его личной коллекции при Ставропольском казацком культурном центре был создан музей казачества (ул. Вокзальная, д. 24). Виктор Алексеевич принимал самое активное участие в его создании. В настоящее время этот музей действует как отдел истории казачества Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе [17].

1 февраля 2005 г. Виктор Алексеевич Есаулов был принят на работу в Ставропольский государственный музей-заповедник на должность лаборанта-исследователя. До последних дней жизни он оставался сотрудником отдела истории казачества, не прекращая искренне и преданно способствовать сохранению исторической памяти и делу возрождения российского казачества.

Виктор Алексеевич ушел из жизни неожиданно, в результате трагического случая, 18 октября 2013 г. [18]. Прощание с первым городским казацким атаманом проходило в Ставропольском казацком культурном центре. Виктора Алексеевича с почестями похоронили в Ставрополе на Игнатьевском кладбище.

Виктор Алексеевич Есаулов - Почетный гражданин с. Красногвардейского Ставропольского края. Он был награжден почетным знаком «За возрождение казачества» I и II степени (1991 и 1993 гг.), серебряным крестом «За возрождение Оренбургского казачества», почетным нагрудным знаком «Ставропольский казацкий округ ТКВ» (2000 г.), крестами II, III и IV степени Государственного реестра казацких войск России «За заслуги перед казацеством России» (2005 и 2006 гг.), Терским казацким крестом имени генерала А.П. Ермолова, знаком «За службу на Кавказе» (2006 г.), Серебряным крестом «За возрождение Терского казацкого войска» (2007 г.), медалью «Атаман Платов» (2004 г.), медалью «10 лет Союза казаков России» (2000 г.), медалью «За усердие в службе» (2011 г.), Почетной грамотой Губернатора Ставропольского края (2010 г.).

В память о первом казачьем атамане г. Ставрополя казаки Ставропольского окружного казачьего общества, Ставропольского городского казачьего общества и члены историко-культурной общественной организации «Ермоловский комитет» (г. Ставрополь) выступили с инициативой присвоить имя Виктора Алексеевича Есаулова отделу истории казачества Ставропольского государственного музея-заповедника.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896 гг.) / Составитель В.Толстов. Тифлис, 1900. С. 82, 89-92, 96-97, 128, 136-137, 141, 157.
2. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14, 178; Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. Ставрополь, 1912. С. 26.
3. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 г. Справочник. Ставрополь, 2008. С. 114, 154; Ставропольская губерния / Составитель А.Твалчрелидзе. Ставрополь, 1897. С. 548.
4. Панькова Е. Политика расказачивания. Как на Ставрополье репрессировали казаков // Аргументы и факты. Северный Кавказ. 2014, № 38 от 17 сентября.
5. СГМЗ. М.д. 1851.
6. Якушев А. Казаки в городе // Вечерний Ставрополь. 2016, № 73 от 20 апреля.
7. Вечерний Ставрополь. 1991, № 15 от 07 февраля; Гребенькова Н. Казаки в городе Ставрополе – история и современность // <http://kazak26.ru/stati/kazachestvo/kazaki-v-gorode-stavropole-istoriya-i-sovremennost.html>; Казаки вернулись в современность // http://казачество москвы.рф/news/kazaki_vernulis_v_povsednevnost/2015-09-29-772
8. СГМЗ. М.д. 1851.
9. Андреев. М. Человек чести и долга // Казачий Терек. 2002, № 1.

10. Там же.
11. Быков А. Сокровища тайника в заброшенном колодце // Парламентская газета. 2001, от 13 апреля.
12. Есаулов В.А. Тимошкин овес // Казачий Терек. 2001, № 1-3; Есаулов В.А. Как я стал заикаться // Казачий круг. 1993, от 27 ноября.
13. Ходарев В. Вера, Надежда, Любовь. Ставрополь, 2004. С. 55.
14. Святой источник. Пресс-служба Ставропольского казачьего войска. <http://kasak26.ru/index.php/component/content/article/29-sobytiya/60-svyatoj-istochnik>.
15. Дикалова Н. Самая богатая в России // Вечерний Ставрополь. 1992, № 91 от 18 июня; Овсянников И. Ставрополье – край казачий // Крестьянин. 2000, № 16; Положаева И. Только шашка казаку во степи подмога... // Ставропольские губернские ведомости. 2002, № 44-45 от 16 марта; Иващенко С. Слава нам – страх врагам // Сельская новь. 2007, № 9; Гаврилюк С. Фамильная история в реликвиях // Открытая. 2011, № 20 от 25 мая – 01 июня.
16. СГМЗ. М.д. 1851; Часовые Отечества. Каталог выставки. С.-Петербург, 2006. С. 289, 292; Метелкина О. Ставропольские казаки в северной столице // Вечерний Ставрополь. 2006, № 14 от 31 января; Метелкина О. Ставропольская коллекция вернулась с берегов Невы // Вечерний Ставрополь. 2006, № 54 от 30 июня; Часовые отечества // Ставропольские губернские ведомости. 2006, от 12-19 июля; За честь и доблесть // Открытая. 2010, № 50 от 22 – 29 декабря; Выставка «За службу и храбрость» // www.museum.ru/ 2010, № 41652 от 10 декабря.
17. Измайлова К. Живые предания семьи Есауловых // Ставропольская правда. 2011, № 124-125 от 31 мая; Кнауб И. В музее истории казачества в Ставрополе вы увидите немало удивительного // Ставропольская правда. 2013, № 161-162 от 14 июня.
18. Вольный В. // <http://www.kadetstav.narod.ru>.

Малышева Т.А.

г. Ставрополь,
Гуманитарный институт СКФУ,
студентка

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ, СОСЛАННЫХ НА КАВКАЗ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На Сенатской площади 14 декабря 1825 г. произошло восстание, которое в дальнейшем получило название декабристское. Участники данного события были представителями дворянских фамилий, многие из них имели хорошее образование, окончили лучшие образовательные учреждения России того времени. Декабристы, как представители интеллигенции, выступали против самодержавия и крепостного права, за реализацию принципов, присущих гражданскому обществу. Попытка переустройства общества обернулась для участников восстания казнями, каторгой, ссылками в Сибирь и на Кавказ.

Верховный суд установил различные меры наказания восставшим. Во 2-й половине 1826 г. осужденных группами стали отправлять в ссылку в Забайкалье и на Кавказ.

Будучи в ссылке на Кавказе, декабристы, как представители образованных кругов общества, изучали и описывали в своих трудах все, что их окружало: жизнь, быт, природу, все, что их удивляло и казалось особенным у кавказских народов. Воспоминания ссыльных декабристов являются важным историческим источником, поскольку они отражают повседневность и особенности менталитета кавказских народов.

Александр Иванович Одоевский – представитель старинного дворянского рода – участвовал в восстании на Сенатской площади, был заключен в Петропавловскую крепость, после сослан в Сибирь, где находился 10 лет. В 1837 г. его отправили на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, дорога проходила через Ставрополь. По дороге в Ставрополь Александр Иванович заметил стаи летящих журавлей и написал по этому поводу стихотворение «Куда несетесь вы, крылатые станицы?», где описывает пре-

красную природу Кавказа [1].

Александр Александрович Бестужев – поэт-декабрист, публиковал свои работы под псевдонимом Марлинский. За участие в декабристском движении был сослан в Якутск, в 1829 г. переведен на Кавказ в действующую армию рядовым. Здесь Бестужев участвовал в сражениях, получил Георгиевский крест, был произведен в прапорщики. Он обладал высоким военным мастерством, которое демонстрировал в сложных горных условиях при сражениях с горцами.

Как поэт Бестужев не мог не отметить удивительную природу Кавказа, он писал: «Дайте Кавказу мир и не ищите земного рая на Ефрате. Он здесь» [2], указывая на то, что за чередой сражений и военных действий люди не замечают красот природы.

Александр Александрович сдружился с представителями местного населения, у него были друзья-горцы, по этому поводу он пишет: «Кавказских горцев напрасно обвиняют в жестокости. . . У себя дома горец заботливо промочит раны пленнику, «попотчует бузой», разделит пополам черный чурек свой». Автор описал присущее горским народам гостеприимство. В своих произведениях он старался сломать стереотип об их нелюбви к русским, указывая на то, что их агрессия – это защитная реакция. Воспоминания Бестужева явно романтизированы, поскольку такое отношение горцев к русским не было правилом, так относились к русскому пленнику лишь тогда, когда за него ожидался выкуп.

Также Бестужев отмечал, что горцы – воинственное население. Для них война важна, так как за счет войн и набегов они обогащаются. Поэт отмечал, что горцы – отважные воины: «Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги. . . Как искусно умеют они сражаться, как геройски решаются умирать!». Тем не менее, Бестужев отмечал, что сражения с горцами тягостны для обеих сторон: в них гибнут лучшие воины.

Декабристы, служившие на Кавказе, в своих воспоминаниях писали, что на Кавказе необходимо постоянно носить оружие при себе, чтобы обеспечить безопасность. Бестужев-Марлинский подтверждает это: «Кто бывал часто в горах, кто преломил. . . копье с горцами, тот, конечно, не станет спорить со мной, что осторожность на каждом шагу, отвага. . . и хорошее оружие всегда наготове – самые надежные телохранители и лучшие проводники» [3]. 7 июля 1837 г. Бестужев погиб в сражении с горцами [4].

Весной 1840 г. из Сибири на Кавказ были переведены Александр и Петр Беляевы, которые были определены в Гвардейский экипаж. 12 июня они были в Ставрополе. Александр Беляев пишет о городе в книге «Воспоминания о пережитом и перечувствованном»: «Расположен Ставрополь на возвышенности и очень красив, осененный

садами и рощами, которые вперемешку с белыми каменными строениями придавали ему прекрасный вид».

Братья участвовали в сражениях с горцами, проявили себя в боях как храбрые воины, в результате – им были присвоены чины унтер-офицеров, а в 1846 г. они по болезни были отстранены от службы, и им разрешалось проживать в Самаре [5].

Также в своих трудах декабристы уделяли внимание описанию горских девушек (их внешности, образу жизни, положению в обществе). А. Беляев отмечает красоту осетинок и описывает девушку, которую он встретил в Моздоке: «Это была одна из южных красавиц, перед которыми остановишься невольно, где бы ее ни встретил... Густые, как смоль, черные волосы ее, раскинувшиеся во время движений, роскошными прядями падали по плечам необыкновенной белизны. Она была высока, стройна и вообще прелестна». Армянских девушек тот же автор описывает уже несколько иначе. По его мнению, красота армянок неестественна: «Необыкновенная белизна отбелил и румян, которые, к сожалению, у них в большом употреблении. . .», и далее: «ужасная штукатурка белил и румян уничтожает всю прелесть». Также автор отмечал интересную особенность: мужчины-армяне, в период пребывания Беляева на Кавказе, хорошо говорили по-русски, а представительницы прекрасного пола нет [6].

Например, Розен отмечал, что горянки покрыты чадрую, это дает возможность воображению рисовать их фигуры и очертания. Но в целом авторы отмечают домашний образ жизни горянок, которые не покидают пределы своего дома без особой надобности [7].

Ссылки на декабристы дают важную информацию о наличии временных браков – метеги. Эти браки не одобряло мусульманское духовенство, мораль и законы, но они все же существовали. Такой вид брака был характерен для бедных слоев населения. В частности, Бестужев описывает общества Северного Дагестана, где девушки вступали во временные браки с русскими военными из-за материальных причин. Но он же писал, что среди местного населения преобладали браки на постоянной основе [8].

По воспоминаниям декабристов, многоженство было не частым явлением. По Корану, разрешено иметь 4 жены, но это было весьма затратно для среднестатистического горца. Позволить многоженство могли лишь те, кто был в состоянии содержать всех жен и все свое потомство.

Не обошли вниманием декабристы и русских женщин-казачек на Кавказе. «Достойные матери и жены богатырей!» – так говорит о них Александр Марлинский. Многие ссылки отмечали, что, живя на приграничной территории, многие женщины жили в постоянной угрозе, которая заключалась в нападении горцев. Представитель-

ницы прекрасного пола боялись за семью, мужей, имущество, за уют и быт, который они создавали годами при этом, часто горцы похищали и самих женщин. Н.И. Лорер писал, что девушек увозили в горы, иногда безвозвратно, но иногда их удавалось выкупить [9].

Присущее горским народам гостеприимство отражено в воспоминаниях декабристов, но оценка этой традиции не всегда положительная. Бестужев указывал, что днем горцы могут быть «друзьями», а ночью могут украсть имущество нового «друга» [10]. Тем самым автор отмечает двойственность их морали.

Стоит отметить, что декабристы оставили заметный след в развитии Кавказского региона, в память о них в Ставрополе оборудован сквер у Дворца им. Ю.А. Гагарина. На Ташле их именем названа улица, по которой проходил в свое время Черниговский полк. Улицы Радищева, Пестеля, Герцена, переулки Бестужева и Рылеева носят звучные имена участников движения декабристов.

Профессор М.В. Нечкина отмечала, что декабристы были просветителями России. Они внесли свой вклад в развитие и изучение регионов, где пребывали во время ссылки. Воспоминания декабристов на Кавказе позволяют воссоздать повседневность горцев, их быт, традиции, нравы. Эти сочинения являются важным историческим источником для изучения народов Кавказа. Декабристы отмечали позитивное влияние России на развитие культуры народов Кавказа, но они отмечали, что это достаточно долговременный процесс, который (как знаем и мы) продолжается и сегодня.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. История Отечества в литературе, XIX век: Хрестоматия для учителя / Сост. А. В. Шестаков. М., 1991. С. 58; Котляревский Н.А. Князь А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология в 3-х т. Ставрополь, 2010. Т.1. С. 223; Булыгина Т.А. Александр Иванович Одоевский // Опальные: Русские писатели... Т. 1. С. 392; Савельев А.Е. Кавказская ссылка поэта-декабриста А.И. Одоевского // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2010. С. 220.
2. Соловьева Н. Декабристы на Северном Кавказе. [Электронный ресурс] Геленджик URL//<http://гелмузей.пф/index.php/stati-publikatsii/33-dekabristy-na-severnom-kavkaze> (Дата обращения 20.11.2016)

3. Бестужев-Марлинский А.А. Путь до города Кубы // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. Т. 1. М. 1958. С.184.
4. Кравченко В. Александр Бестужев – активный участник восстания на Сенатской площади в декабре 1825 года [Электронный ресурс] Ставрополь URL// [http://www. stpravda.ru/20141215/aleksandr_bestuzhev](http://www.stpravda.ru/20141215/aleksandr_bestuzhev) (Дата обращения 20.11.2016.)
5. Кравченко В. Декабристы брата Беляевы познакомились с Лермонтовым в Ставрополе [Электронный ресурс] Ставрополь URL// [http://www.stpravda. ru/ 2013 1213/dekabristy_bratsya_belyaevu](http://www.stpravda.ru/20131213/dekabristy_bratsya_belyaevu) (Дата обращения 20.11.2016.)
6. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 254-254, 271.
7. Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. С. 253-254.
8. Лорер Н.И. Указ. соч. С. 256.
9. Там же. С. 247-248.
10. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. Т. 2. С. 461.

Назарова И.М.

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела этнографии,
кандидат исторических наук

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМЯН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В Ставропольском крае проживает 14% армян России. Армяне – второй по численности этнос Ставрополья, здесь проживает 161300 армян (5,8% населения края) – это самая крупная в России армянская диаспора. Интересен тот факт, что количество армян, проживающих в крае, значительно увеличилось за последние

десятилетия. Чтобы в этом убедиться, надо взглянуть на таблицу «Армяне Ставропольского края» [1].

Год	Тысяч человек	% населения
1989	70200	2,9
2002	149200	5,5
2010	161300	5,8

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ) на сегодняшний день располагает довольно значительной группой музейных экспонатов, которые отражают особенности материальной культуры армян Ставрополья. Сотрудник отдела фондов СГМЗ Н.А. Акопова (1956-2016 гг.), наладив связи с армянской диаспорой, за несколько лет упорной работы собрала целую коллекцию предметов старого быта, характерных для армян региона. Благодаря ее стараниям в музее появилась специальная витрина с предметами армянского быта и культуры.

Армяне – народ, сформировавшийся как этнос более 2,5 тысячелетий назад и, несмотря на эволюцию от раннеантичной народности до современной индустриальной нации, сохранивший основные черты своей историко-культурной преемственности. Этот народ сложился на территории Армянского нагорья, которое при всем разнообразии своих высотных зон обладает определенной экологической целостностью: при доминирующем континентальном климате, определенном типе почв, фауне и флоре. Здесь сформировался целостный хозяйственно-культурный тип, основные черты которого оставались неизменными на протяжении многих веков. Это локальный вариант пашенных земледельцев умеренно теплого климата, основанного на возделывании зерновых культур (ячменя, полбы и проса) в сочетании со стойлово-отгонным разведением крупного и мелкого рогатого скота. С давних времен в эту модель вписалось и высокоразвитое садоводство и виноградарство. Занятия населения обеспечивали им всё необходимое для жизнедеятельности: шерсть, кожа и мех были исходным сырьем для шитья одежды, а зерно, мясо-молочные продукты, овощи, фрукты – основой их пищи.

В этнографическом отношении территорию Армении можно разделить на две главные области – восточную и западную. Различия в культуре этих областей обусловлены, в частности, такими политическими факторами: с XVI в. Западная

Армения находилась под владычеством Турции, а Восточная Армения (до начала XIX в.) – под владычеством Персии. Длительная изолированность этих областей сказалась в языке, культуре и быте [2].

Зональные различия четко отразились в традиционном костюме армян Восточной и Западной Армении (крой, цветовая гамма, декор). Армяне шили одежду из шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых, узорчатых тканей. Наиболее распространенными узорами были клетка, прямые, зигзагообразные, волнистые линии, стилизованные изображения деревьев, веток, листьев и плодов [3]. Изучение народного костюма показывает, что армяне чаще всего шили одежду из однотонных и полосатых тканей, причем, как правило, это были полотнища собственного изготовления. Такие ткани производили в Айнтапе, Арабкире (сегодня это пригороды Еревана). Популярными были и ткани с набивным рисунком.

Давней традицией армян было украшение предметов одежды вышивкой. Кроме вышивки, у армян было популярным украшение одежды разноцветной тесьмой и галуном, которые нашивали по краям рукавов и подолу.

Армяне, расселившиеся на территории Северного Кавказа, Предкавказья и Ставрополя, поначалу носили одежду, бытовавшую на их исходной территории. Со временем костюм менялся. Живя здесь, армяне-переселенцы вступали во взаимно-перекрестные браки, и элементы культуры разных территориальных и этнографических групп армянского населения смешивались в совершенно неповторимую своеобразную композицию.

У армянок северокавказского региона мы можем наблюдать черты традиционной одежды как восточных, так и западных областей Армении. Нижние платья-рубахи у армянок, живущих на северном Кавказе, были красные. Западноармянская традиция ношения белых рубах и платьев-антари с вышивкой на груди и с разрезами на боках не прижилась в нашем регионе. Под красной нательной рубашкой (красный цвет считался оберегом, символом здоровья и плодородия) носили длинные красные штаны, нижнюю часть которых шили из более дорогой, орнаментированной ткани.

Сверху надевали верхнюю плечевую одежду – архалух, подпоясанную серебряным поясом или длинным шарфом, сложенным в несколько слоев. Как считают исследователи костюма, традиция подпоясываться широким шелковым шарфом или шерстяным тканым пояском более старинная, нежели ношение серебряного пояса. Вероятно, это влияние культуры соседних народов, не исключено что кабардинцев, которые считались в XIX в. законодателями моды в регионе.

Прорези рукавов женского архалуха застегивали на мелкие серебряные пуговицы в виде листиков или ягодок (предположительно, пережиток магии плодородия). Так как набор серебряных пуговиц стоил достаточно дорого (на каждый рукав нашивали от 5 до 7 пуговиц), не все могли позволить себе такие роскошные аксессуары. В среднестатистических по уровню благосостояния семьях пуговицы на архалухе были в виде узелков, связанных из тесьмы. Иногда вместо архалуха надевали распашное платье с нагрудником.

Платье невесты традиционно шили из шелковой материи. Праздничные нагрудники и фартуки покрывали золотым шитьем. Праздничную одежду украшали золотой или серебряной тесьмой. Тесьму нашивали на край одежды в 2-3 ряда, плотно сшивая края тесьмы, поддерживая таким образом ткань в натянутом состоянии, что подчеркивало ширину подола, а это считалось не просто красивым, но и шикарным (дорогим).

Зимой женщины из богатых семей носили бархатные шубки на куньем меху [4]. У большинства женщин в семьях среднего достатка зимняя одежда отсутствовала, так как традиция предписывала женщинам вести «затворнический, домашний» образ жизни.

Женский костюм обязательно дополняли головным убором и различными украшениями. В составе девичьего головного убора были налобник и шапочка с серебряными нашивками. Замужние женщины носили платки или косынки. Молодые женщины надевали красный платок или косынку поверх нарядного налобника, который выглядел как тулья фески без дна. Налобник богато декорировался серебряными нашивками и подвесками в виде бляшек разной формы и изящных цепочек.

Традиции ношения платка в разных районах Армении различались. В некоторых случаях считалось, что после замужества женщина не только покрывает голову платком (в знак покорности), но и краем платка прикрывает рот и даже кончик носа (в знак молчаливого согласия со всеми действиями мужа). Эта достаточно устоявшаяся традиция стала разрушаться в конце XIX в. у армян, живущих в городах, и у армян-переселенцев, постоянно живущих в России. Здесь сохранялось лишь обязательное послесвадебное покрытие волос.

Женской обувью у армянок были мягкие сапожки или кожаные туфли красного или зеленого цвета на невысоком каблуке с острыми загнутыми носами. Под обувь женщины надевали пестрые вязаные носки. Их вязали из белой шерстяной пряжи, украшая мелким геометрическим узором.

Западные армянки носили распашное цельнокроеное платье-збун, сшитое из шерсти, на подкладке. Разрез на груди платья прикрывал вышитый нагрудник (прямоугольной или трапециевидной формы) из шерстяной ткани, украшенный нарядным орнаментом. Отличительной особенностью женской одежды Западной Армении был передник «гогноц», обильно украшенный вышивкой. К переднику пришивали тканый пояс (2-3 см ширины и 3 м длины).

Поверх шапочки накидывали красный платок, вышитый ромбами и фигурками различных животных.

Архалух, который можно увидеть в зале этнографии СГМЗ, отделан разноцветной крученой тесьмой, пуговицы-узелки являются показателем того, что это одежда армянки из семьи среднего достатка. Нагрудник и фартук богато вышиты традиционным армянским геометрическим орнаментом в технике креста нитями красного и желто-оранжевого цвета [5].

Чем старше была женщина, тем темнее был цвет ее платья и платка. После 60 лет, как правило, женщины носили платья темного цвета и черные головные уборы - поши, но они были богато декорированы вышивкой золотой или серебряной нитью, украшены галуном и бахромой (такого рода образец головного убора мы можем видеть в экспозиции зала этнографии). Как отмечали исследователи армянского быта, в XX в. «из старой одежды в городе уцелел только поши, кусок шелковой материи, которым нахичеванские старухи искусно драпируют свои головы» (Шах-Азиз). Поши бытовали до 1940-х гг. как головной убор пожилых замужних женщин [6].

Покрой одежды в городе и деревне был одинаков, но богатые горожанки для шитья своих костюмов использовали более дорогие, зачастую привозные ткани. В целом горожанки были более подвержены такому явлению как мода. Костюм армянки, живущей в сельском населенном пункте, был более консервативен и сохранялся без видимых изменений на протяжении столетий.

Традиционная мужская одежда армян была многослойной, она состояла из нательной и верхней одежды. Так же как и в женском костюме у мужчин наблюдались различия в одежде в зависимости от района проживания. Мужчины Восточной Армении носили нательную рубашку с низким воротником, застегивавшимся сбоку; на нее надевали сатиновую, шелковую или холщовую верхнюю рубашу «архалух» длиной до колен, который застегивали от ворота до талии на мелкие пуговицы из узелков сутажа.

Под рубашу надевали широкие шаровары с широким подрубным швом на

тали, в который продевали хонджан – узкую узорчатую тесьму с кистями на концах. Горожане носили, как правило, черные шаровары. В деревне были более популярны (в зависимости от сезона) серые шерстяные или синие хлопчатобумажные шаровары. Чтобы было удобнее работать, в деревне нижнюю часть штанины шаровар поднимали и плотно заматывали широкими ткаными обмотками. Сборки шаровар свисали напуском над обмоткой, не закрывая узорных носков.

Поверх архалуха надевали более длинную плечевую одежду типа черкески – шерстяную чуху (черную или темно-коричневую), присборенную в талии и застегивающуюся только на талии. Купцы и зажиточные ремесленники запоясывали чуху красочным шелковым поясом, люди победнее использовали узкие кожаные пояса с пряжкой. Мужскую верхнюю одежду, сшитую из шерстяной ткани, зачастую украшали галуном. В начале XX в. большую часть одежды армяне шили из фабричных тканей, которые активно вытесняли домотканину.

Мужчины Западной Армении носили вместо архалуха елак – род жилета с вышивкой на груди, из-под которого была видна рубаша, рукава которой густо покрывали вышивкой. На елак надевали бачкон – короткую куртку с цельными рукавами, без застежки спереди. Под рубашу чаще надевали не широкие шаровары, а узкие штаны «вартик». Зажиточные молодые люди шили все части костюма из одной ткани и украшали свою одежду обильной вышивкой. Пожилые армяне предпочитали строгую однотонную одежду без вышивки.

Длинный широкий шарф, вязаный или тканый, сложенный в несколько слоев, два и более раза обматывали вокруг талии. Глубокие складки такого пояса служили своеобразными карманами для носового платка, кисета, курительной трубки, ножа и кошелька. В Западной Армении очень любили носить короткие безрукавки из козьего меха, они выручали своих хозяев в прохладную погоду даже летними вечерами. Зимой носили шубы из овчины.

Обязательным дополнением мужского костюма была сезонная обувь и головные уборы. Мужчины-горожане носили каракулевые шапки – бухари, деревенские – довольствовались простыми папахами из овечьего меха.

В каждой области Армении был свой излюбленный фасон мужской папахи; варьировались высота, ширина, степень заостренности этого конусообразного головного убора; выбирался более длинношерстный мех или, наоборот, каракуль. Шапка-арахчи представляла собой усеченный конус 15-20 см высотой. Были распространены и остроконечные войлочные шапки-колоз, их обматывали цветным или черным платком с геометрическим узором. В начале XX в. популярным муж-

ским головным убором (особенно среди горожан) стали картузы. Армяне, живущие в Предкавказье и на Ставрополье, чаще всего носили черные каракулевые папахи в виде усеченного конуса.

В Восточной Армении в деревнях мужчины-армяне обували ноги в остроносые трехи – чувяки из сыромятной кожи, завязывающиеся на шнурки. Горожане и зажиточные армяне носили кожаные сапоги. В Западной Армении армянин надевал кожаные туфли – солер или мягкие невысокие сапоги. Работая в сырых местах, армянин мог надеть деревянную обувь – налик.

Важным аспектом материальной культуры является жилище. Находясь в зависимости от экономических условий и географической среды, оно имело большое число вариантов даже в однородной этнической среде. Довольно контрастно жилища различались по социальному признаку (бедные – богатые, крестьяне – горожане) [7]. Особенности планировки дома зависели от рельефа местности. Интерьер жилища зачастую надолго сохранял черты прежнего места обитания, так как все вещи (мебель, посуду, домашнюю утварь) тщательно упаковывали в дорогу и затем расставляли во вновь построенном жилище в привычных местах. Дом в стародавние времена был заполнен предметами, созданными руками хозяев, и потому интерьер создавал типичную армянскую, но вместе с тем и уникальную для каждого жилища картину.

В качестве основного традиционного жилища армян было распространено в разнообразных вариантах квадратное каменное здание с единственным световым и дымовым отверстием – ердик – в центре потолка, который поднимался ступенчатым венцом. Для строительства использовали местный камень – базальт или туф, а на равнине – обожженный кирпич. В XX в. система строительства жилищ претерпела некоторые изменения. Все дома, как правило, стали строить из кирпича. Внутренние помещения штукатурили и белили мелом или известью. Крыши крыли черепицей или шифером. Полы в домах стали покрывать деревянными настилами. Обязательным элементом строительной конструкции стали окна прямоугольной или квадратной формы.

Армянские строители украшают обрамления окон и дверей сводчатыми конструкциями: с одной стороны, это придает им большую прочность, с другой, является декоративным элементом. Фасады зданий любят украшать резным орнаментом или барельефами. При сооружении домов армяне используют антисейсмические пояса (деревянные в каменных домах, каменные в кирпичных домах). Такого типа приспособления предупреждают во время землетрясений

оседание фундамента, обвал углов, появление трещин.

В таком доме на определенном расстоянии от углов стен на каменных подставках-базах были установлены деревянные колонны. На колоннах параллельно стенам укрепляли бревна, которые образовывали квадрат. На 1-й бревенчатый квадрат закрепляли 2-й квадрат меньшего размера из более тонких бревен. Таким образом, ярус за ярусом закрепляли квадраты из бревен, которые и образовывали свод с отверстием. Высота свода колебалась от 75 до 130 см, а размер отверстия – от 34 до 40 см. Снаружи свод покрывали толстым слоем глины. Исторические источники сообщают, что если при землетрясении такие дома разваливались, то сводчатая крыша оставалась неповрежденной.

Иногда в таких домах были открытые веранды типа лоджии, куда семья в теплое время года выходила, рассаживаясь на широких тахтах или на ковриках, которые лежали поверх циновок. В жилище, в одной из стен, обычно ближе к входной двери, устраивали камин с очагом. Кроме того, в армянском доме архаического типа был еще и тони́р – очаг в земле колодезного типа с выложенными глиной стенками. Для того чтобы дождь не попадал на тони́р, его устраивали в стороне от ердика. Вокруг тони́ра устанавливали каменные плиты, чтобы зола не рассыпалась по полу, а также для сидения.

Так как купались дома, разогревая воду в больших котлах и наливая ее в таз, в одном из углов дома пол цементировали и в этом месте он был немного с наклоном к отверстию в стене дома для стока воды. Это отверстие обычно затыкали тряпкой, а в банный день открывали.

Особый тип жилья был характерен для армян-садоводов. Они, как правило, строили полутораэтажные глинобитные дома с плоской земляной крышей. На верхнем этаже располагались жилые помещения, а в нижнем ярусе – кладовые, в которых хранилось вино, сушеные и свежие овощи и фрукты, маринады.

Хлев сооружали отдельно от жилища. Это было каменное строение в виде вытянутого четырехугольника. Нередко хлев использовали и как уборную.

В винодельческих районах рядом с домом строили специальное помещение для выделки и хранения вина, оно было довольно большим по площади, с узкими окошками почти под самым потолком. На земляном полу в центральной части помещения в 2-3 ряда стояли высокие карасы с вином, вдоль стен располагались кувшины с маринадами, а под потолком на искусно обрезанных сучьях висели гроздья винограда; яблоки, груши, айва и болгарский перец, связанные по нескольку штук шпагатом.

В домах зажиточных крестьян кроме основного жилого помещения были две пристройки-кладовые, где размещали запасы продуктов. Запасы зерна хранили в обширных ямах с обмазанными известковым раствором стенами. Зерно, подлежащее расходованию в первую очередь, держали в жилом помещении или в кладовой в шерстяных мешках, поставленных на поленья.

Внутреннее убранство жилого дома оформлялось в зависимости от сложившейся семейной традиции, но основные черты присутствовали у всех. В углах дома стояла крупная деревянная утварь – корыта и чаны. Вдоль стен тянулись невысокие каменные или дощатые нары не уже метра шириной. Нары были устланы циновками и коврами, на них лежали тюфяки и подушки разной формы (валикообразные и четырехугольные). На нарах сидели и спали.

На стенах закрепляли деревянные резные полочки, на которых была выставлена начищенная до блеска медная и нарядная керамическая посуда. На одной из полочек, как правило, был горкой выложен лаваш, прикрытый салфеткой (хозяйка выпекала лаваш не ежедневно, она занималась этим не чаще, чем раз в месяц). Ниши в стенах служили своеобразными шкафчиками для разнообразных вещей. Их прикрывали деревянными дверцами или цветными занавесками. Женская одежда хранилась в сундуках, которые невестки приносили из родительского дома с приданым.

В одном из углов дома из камня выкладывался тумб – возвышение, которое закрывали ковриком, на нем сидела старуха-хозяйка, занимающаяся прядением. У стены рядом, как правило, устанавливали горизонтальный ткацкий станок. На таком станке работал один человек. У армян, в основном, ткацким делом занимались женщины, но могли быть и мужчины-ткачи. На таком станке можно было ткать узкие полотнища ткани, ленты, тесьму, пояса. Человек, работающий на этом станке, садился рядом с ним на пол, на циновку с тюфяком. Кроме горизонтальных станков, у армян были популярны и вертикальные ткацкие станки, на которых изготавливали широкие полотнища ткани. Такой станок ставили не у стены, а в центре дома таким образом, чтобы на него падал свет через отверстие в потолке. Армяне умели ткать как ворсовые ковры («горг» и «хали»), так и безворсовые («карпеты» и «паласы»). В каждой провинции на протяжении веков сложились свои излюбленные рисунки и цветовая гамма ковров. Со времен средневековья большое количество армянских ковров вывозилось в страны Западной Европы. На знаменитых полотнах итальянских и нидерландских художников эпохи Ренессанса изображены (судя по декору и колориту) армянские ковры. К слову, армяне,

переселившиеся в Предкавказье, ковроткачеством вообще не занимались [8].

Армяне ели, сидя на полу на разложенных циновках и ковриках, а также на маленьких подушках, свитых из соломы или свежего камыша. Стульев или табуреток не использовали. «Стол» накрывали на полу, разложив воловью кожу или разноцветную скатерть. Иногда роль стола играл большой медный поднос, на котором выставляли кушанья. Собственно столы появились довольно поздно (в XIX в.), под влиянием русской культуры. В домах богатых армян сидели и спали на тахтах, покрытых узорными шерстяными коврами ручной работы. Полы также были застланы пестрыми коврами. Основным излюбленным цветом фона ковра был красный. На полках вдоль стен стояла разнообразная по форме и декору посуда, среди которой обязательно были: кувшины для воды и вина, рюмки, бокалы, тарелки, блюда, чаши, подносы. В домах зажиточных горожан можно было увидеть картины в дорогих рамах, часы и зеркала.

Муку и зерно зачастую хранили дома, в больших, украшенных резьбой деревянных ящиках-амбарах на низких ножках. Их изготавливали на заказ. В этих ящиках было по два отделения: одно – для зерна, другое – для муки. Зерно размалывали при помощи ручных зернотерок или на мельницах. Если надо было размолоть зерно в крупу, использовали большие каменные ступки с каменным или толстым деревянным пестиком.

Из льняного, кунжутного, горчичного семени, а также из миндаля или грецких орехов в домашних условиях изготавливали масло, путем отжима его из слегка разогретого сырья при помощи крупных тяжелых камней. Сливочное масло взбивали в висячей или лежачей маслобойке.

В домашнем хозяйстве основной части населения преобладала глиняная посуда. Со времен средневековья и до XIX в. среди армянских мастеров имелось немало умельцев, прекрасно владеющих гончарным станком и обеспечивающих всю округу великолепной посудой. Кувшины, в которых хранилось масло, зерно, крупы и сушеные фрукты, различались по величине и форме, они имели собственные названия; их прикрывали орнаментированными глиняными крышками. Посуда такого типа была гордостью хозяев дома, её напоказ выставляли на полках жилого помещения. Практически все женщины-армянки владели методикой изготовления гончарных изделий, кто-то работал на гончарном круге, кто-то лепил сосуды вручную из глиняных жгутов. Фабричную посуду покупали только представители очень богатых семейств, а бедняки вплоть до 1920-х гг. пользовались самодельной керамикой, поэтому гончарный промысел долго со-

хранял свои позиции.

Из дерева изготавливали корыта для стирки и для замешивания теста, ложки и черпаки с длинными ручками. Вырезанием и выдалбливанием деревянной посуды зачастую занимались мужчины. Медную посуду покупали у ремесленников-профессионалов. Из меди изготавливали мелкие и глубокие тарелки, миски, кружки, тазы, котлы, сковородки, дуршлаг и шумовки.

Для хранения молочных продуктов: молока, мацуна, масла и сыра – зачастую использовали «тик» (бурдюк) из хорошо выделанной козьей или бараньей шкуры. Тик у армян зачастую заменял бочку. В тике с шерстью наружу хранили молочные продукты, а в тике с просмоленной шерстью внутрь хранили вино и водку.

Система питания армян складывалась в течение веков. Пища является не только отражением пищевых предпочтений народа, но и ярким показателем его хозяйственных занятий. Характер питания, состав потребляемых продуктов, способ приготовления пищи, предпочтения и запреты в ней дают яркую картину жизнедеятельности народа [9]. Национальная кухня армян обусловлена особенностями природных условий и хозяйства.

Армянское нагорье считается территорией, где с древнейших времен были окультурены многие сорта винограда. Нагорье славится своими абрикосами и персиками, а также особой сахаристостью всех плодов: яблок, груш, айвы и тугу. Леса Армении славились тем, что в них произрастали дикие плодовые деревья, на которых местные жители делают прививки и спустя несколько лет начинают собирать хорошие урожаи яблок и груш.

Полевые травы Армянского нагорья обильны разнообразными съедобными видами, на сбор которых в соответствующие сезоны выходило все женское население поселка. Армянки делали большие запасы дикой съедобной травы и огородной зелени на зиму, чтобы потом добавлять ее в маринады, соленья, овощные и мясные блюда. Летом во время застолий обязательно подавали огурцы, редис, редьку и зелень: свежий укроп, петрушку, кориандр, мяту и эстрагон. Душистые пряные травы обязательно входили в состав овощных рагу. Армяне любят блюда из баклажан и кабачков с острым перцем, а с XVIII в. они ввели в рацион картофель, томаты и болгарский перец [10].

Система питания армян основана на производстве зерновых и мясо-молочных продуктов. В каждой крестьянской семье была корова или хотя бы коза, чье молоко использовали для приготовления разнообразных блюд. Заквашивали «мацун», сбивали масло. Из сыворотки выпаривали «чортан» – сухую сыворот-

ку. Ее хранили в глиняных сосудах и использовали по мере надобности. С помощью особой закваски из овечьего молока изготавливали сыр в форме сплюснутого шара; из снятого молока делали «тел панир» – сыр, состоящий из тонких нитей-волокон. Сметану не собирали, творог не готовили, вместо этого готовили соленый шор – нечто среднее между сыром и творогом.

Из молока армяне готовят молочный суп – «катнапур». Рисовый плов с изюмом является традиционным блюдом свадебных и поминальных застолий. Вареники с творогом – блюдо, заимствованное от украинцев, армяне готовят в дни религиозных праздников. Пчеловодство обеспечивало армян медом. Охотничий промысел давал армянским хозяйкам возможность готовить блюда из дичи: тетеревов, горных фазанов, перепелов, уток и гусей. Ловили рыбу, хотя рыболовство не было очень популярным занятием у армян.

Основной едой армян, как и многих других народов нашего региона, был хлеб. Своеобразным видом национального хлеба армян был тонкий лаваш «хац». Его готовили из смеси пшеничной и ячменной муки с добавлением закваски и небольшого количества соли, выпекали в тонирах. Тесто налепляли на раскаленные стенки тонира с помощью специальной подушки – «батат».

Лаваш вытаскивают из тонира специальным железным прутом (циган), а на освободившееся место налепляют новый кусок раскатанного теста. Лаваш можно хранить в течение длительного времени. Подсохший лаваш, если его обрызгать водой и завернуть на время в толстое полотенце, вновь становится мягким и почти не отличается от свежего. Хлеб не резали ножом, а отламывали рукой, чтобы он не потерял свою «способность» поддерживать изобилие в доме. У армян была традиция клясться на хлебе и хлебом. Большим грехом считалось ронять хлеб на землю, если такое произошло, хлеб поднимали и целовали, тем самым прося прощения за неловкость [11].

Являясь приверженцами христианства, армяне придерживаются традиционных постов, питаясь в это время, в основном, растительной пищей и мучными постными блюдами. В праздничные дни для всякого рода обрядов и подношений выпекали гата – толстые лепешки на масле с соленой или сладкой начинкой (из муки, растертой с маслом). Верх гаты украшали узором, наносимым с помощью специального штампа (гатанахш). В узорах штампа видны следы дохристианского солнечного культа, весьма популярного у армян в отдаленные времена. К праздничным дням готовили слоеные пирожки с мясом (пури самса). Обрядовым блюдом является «хашил», изготовлявшийся к празднику Св. Саргиса. Это блюдо

готовили из поджаренной грубо смолотой пшеницы, которую в одном случае отваривали в воде, а затем поливали горячим топленным маслом и сывороткой; в другом – отваривали в воде с сахаром или медом. Туда добавляли изюм, миндаль или грецкие орехи.

Излюбленное армянское весеннее блюдо – пирожки с лебедой и цветами фиалок. Впрок армяне запасают сушеный укроп, петрушку и на зиму солят огурцы. Говядина, свинина, баранина и птица у армян употребляется как в отварном, так и в жареном виде. С приправами или без них. Любимое национальное блюдо армян – хоровец (шашлык) из баранины или свинины, поджаренный на вертеле вперемешку с нанизанными на него головками репчатого лука и баклажанами. Со временем это блюдо усложнилось, и в его состав вошли помидоры и сладкий (болгарский) перец.

На праздники готовили хорову – целую тушу барана. На свадьбу или поминки готовили тушу быка на вертеле, но говядина у армян употреблялась реже по сравнению с бараниной и свиной. Из рубленого мяса с луком и пряной зеленью (укропом, реганом, тархуном и мятой) формовали тонкие колбаски, нанизывали их на вертел и зажаривали на углях – это блюдо известно под названием люля-кебаб. Рубленое мясо с рисом использовалось как начинка для голубцов из капустных листьев и для толмы, если начиняли виноградные листья. Рубленным мясом армянские хозяйки фаршируют яблоки, айву, кабачки и баклажаны. Из отбитого деревянным молотком куска баранины или говядины готовили кюфта – мелкие шарики типа фрикаделек, отваренные в воде [12].

Армяне активно используют в пищу такие дикорастущие плодовые и травы как терн и кизил, щавель и крапиву. Острые пряные приправы в виде соусов с луком и чесноком являются характерными для традиционной армянской кухни. В пищевом рационе армян можно часто встретить чечевицу и фасоль [13]. Праздничным блюдом в старину была ариса – пшеничная каша с бараниной, курицей или индейкой. Из головы, ног и внутренностей рогатого скота варили суп – хаш. Из молодой баранины с овощами и сливами – жидкое блюдо бозбаш. Чанах – мясное блюдо с картофелем и помидорами – запекали в печи в небольших глиняных горшочках. Из измельченной баранины со специями готовили армянские колбаски – суджук, их завяливали и высушивали на солнце, после чего они могли долго храниться в прохладном месте.

В бедных семьях и на праздник не могли себе позволить больше, чем зарезать петуха. В семьях не только бедных, но и среднего достатка мясо ели не часто,

больше питались овощами, мучными и молочными блюдами. Разнообразили рацион небогатой армянской семьи блюда из перепелов и куропаток, а также серны и горного козла.

Итак, рассмотрев культуру жизнеобеспечения армян Ставрополя и Предкавказья, мы пришли к выводу о том, что традиционная материальная культура армян стала уходить в прошлое еще в начале XX в., когда горожане-армяне вслед за русскими стали переходить на стандартный тип городского костюма, к середине XX в. стандартизировалось и потеряло основные национальные черты традиционное жилище. Пожалуй, только способы отделки построек и характер интерьера современного жилища могут хранить признаки национальной культурной традиции. Пищевой рацион армян сохранил во многом свои старинные черты, хотя многие традиционные армянские блюда в современное время приобрели новые вкусовые оттенки благодаря расширению пищевого рациона за счет заимствованных от соседей по региону блюд и напитков. В домашнем быту армяне отдают предпочтение блюдам национальной кухни, хотя способы их приготовления изменились в связи с широким распространением газовых и электрических плит. Мучные изделия в современное время зачастую готовит не хозяйка дома, а профессиональный пекарь, кулинар. Сейчас, в начале XXI в., на хлебозаводах и в частных пекарнях выпекают национальный армянский хлеб – лаваш и матнакаш, причем этот хлеб с удовольствием употребляют и представители других этнических групп.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Армяне Ставрополя // Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А. и др. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь, 2014. С. 18-19.
2. Армяне // Народы Кавказа: этнографические очерки / Под ред. Б.А. Гарданова, А.Н. Гулиева, С.Т. Еремяна и др. Т. II. М., 1962. С. 440.
3. Авакян Н.Х. Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX-XX вв. // Советская этнография. 1972, № 4. С. 108-111.
4. Армяне // Народы Кавказа: этнографические очерки. . . С. 513-514.
5. СГМЗ. Нвф. 9977 (архалук); 9978 (нагрудник); 9979 (фартук).
6. Армяне // Народы Дона. Этнографические коллекции в собраниях музеев Ростовской области. Ростов-на-Дону, 2011. С. 107; СГМЗ. Оф. 1938 (поши).

7. Станюкович Т.В. Поселения и жилище // Современные этнические процессы в СССР / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1975. С. 173-174.
8. Лисициан С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. Вып. I. М., 1955. С. 191-192.
9. Станюкович Т.В. Пища // Современные этнические процессы... С. 238-239.
10. Лисициан С.Д. Указ.соч. С. 216.
11. СГМЗ. Оф. 38439 (цыган); Пища // Народы Кавказа: этнографические очерки. Т. 2. М., 1962. С. 520-521.
12. Там же. С. 522.
13. Станюкович Т.В. Пища // Современные этнические процессы... С. 250-251.

Назарова И.М.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела этнографии,
кандидат исторических наук

Бондюх А.В.,

г. Ставрополь,
магистрант Гуманитарного института СКФУ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА (XVIII-XIX ВВ.)

Традиционная культура казаков, их быт, нравы, социальное устройство начинают интересовать российских исследователей с середины XVIII в. В это время выходит статья Т.Ф. Миллера «О начале и происхождении казаков» и «Известия о запорожских казаках» [1], в которых выдвигается одна из ранних версий происхождения казачества.

Разнообразный этнографический материал по черноморскому казачеству содержится в работах Я.Г. Кухаренко, генерал-майора и атамана Черноморского казачьего войска. В частности, его очерк «Пластуны» (1862 г.), рассказывает нам не только о быте казаков, физической подготовке казачьей пехоты, но и раскрывает социально-психологический портрет «пластуна».

Материальной и духовной культуре черноморского казачества посвящена книга И.Д. Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» (1858 г.) [2]. Ярко и выразительно прослеживается повседневная жизнь и культура казачества в творчестве великих русских писателей Л.Н. Толстого и Н.В. Гоголя. Трудно переоценить значение «погружения» в казачий мир, которое испытывает человек, читая повесть «Тарас Бульба» [3].

Создатель «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербина в своем известном труде уделяет значительное внимание казачьей культуре.

На этапе переселения Черноморского казачества складывается его самобытная культура, которая вобрала в себя традиции материальной и духовной жизни народов, населяющих этот край. Черноморцы во многом сохранили черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в домашнем и общественном быту. Они вели свою хозяйственную деятельность в духе прежней экономической жизни Запорожья. Земледелие было слабо развито, главным занятием первоначально было скотоводство и отчасти рыболовство [4].

Черноморцы при устройстве своих первых поселений придерживались такого плана, который был выработан ещё в Запорожской Сечи. Одновременно возникли и другого рода поселочные формы. Это были хутора, зимовники и коши. С 1842 г. куренные селения стали называться станицами, как и в других казачьих районах России. В станицах хаты строились по украинской или южнорусской традиции. Они были глинобитными или саманными, четырехскатные крыши крыли камышом или соломой. Почти в каждом доме имелась русская печь и «красный» угол с иконой под рушником. На стенах висели фотографии с разнообразными сюжетами: проводы и служба казака в армии, свадьбы, праздники.

Неотъемлемой частью повседневности является семейная жизнь. Семьи у казаков были большими. Свободное время станичники проводили в беседах на посиделках. Особое разнообразие в жизнь казачества вносили праздники и воскресенья; после церковной службы часто устраивались ярмарки, скачки, другие развлечения. Казаки были большими любителями хорового пения и разного рода военно-спортивных состязаний.

Казаки широко отмечали в станицах Святки (с 25 декабря по 6 января), Масленицу (по приходу весны), Пасху, Троицу (наступление лета) и другие праздники.

Большую роль в казачьих семьях играли женщины. Так как главной обязанностью казака была военная служба, казачья семья во многом держалась на женщине-казачке, которая вела домашнее хозяйство, заботилась о стариках, воспитывала детей.

Казаки уважительно относились к старшим, строго придерживаясь правила: «Перед лицом седого вставай, почитай лицо старца и бойся Бога». Никогда казак не забывал Священного писания. В присутствии старших не разрешалось сидеть, курить, разговаривать и тем более непристойно выражаться. Уважение к старшим прививалось в семье с ранних лет. Очень почиталась старшая сестра, которую до седых волос младшие братья и сестры величали няней, так как она заменяла им занятую домашней работой мать.

Уважение к гостю обуславливалось тем, что он считался посланцем Божиим. Самым дорогим считался незнакомый из дальних мест, который нуждается в приюте, отдыхе и опеке. Презрению подвергался тот, кто не оказывал должного уважения к гостю. Независимо от возраста гостя ему отводилось лучшее место за трапезой и на отдыхе. Казачье гостеприимство известно всем. Незыблемой эта традиция остается до сих пор.

В семейном быту взаимоотношения между мужем и женой определялись согласно христианскому учению (Священному писанию). «Не муж для жены, а жена для мужа». При этом придерживались вековых устоев: мужчина не должен вмешиваться в женские дела, женщина – в мужские. Обязанности были строго регламентированы самой жизнью. Кто и что в семье должен делать – четко разделено. Считалось за позор, если мужчина занимался женскими делами. Строго придерживались правила: никто не имеет права вмешиваться в семейные дела. Кто бы ни была женщина, к ней надо было относиться уважительно и защищать ее, ибо женщина – будущее твоего народа.

Обычай не допуская, чтобы женщина присутствовала на казачьем сборе (круге) даже для разрешения вопросов ее личного характера. За нее с ходатайством выступал или представлял прошение или жалобу отец, старший брат, крестный или атаман. В казачьем обществе женщины пользовались таким почитанием и уважением, что в наделении ее правами мужчины не было необходимости. В прошлом ведение домашнего хозяйства практически лежало на матери-казачке. Казак большую часть жизни проводил на службе, в боях, походах, на кордоне и

пребывание его в семье, станице было кратковременным. Однако главенствующая роль, как в семье, так и в казачьем обществе, принадлежала мужчине, на котором лежала главная обязанность материального обеспечения семьи и поддержания в семье строгого порядка казачьего быта [5].

Авторитет отца с матерью в казачьей семье был не просто непререкаем, а настолько почитаем, что без благословения родителей не начинали никакую работу. Характерно, что этот обычай сохранен в казачьих патриархальных семьях вплоть до сегодняшнего дня. Неуважительное отношение к своим родителям считалось большим грехом. Почитание старших являлось основой жизненного уклада казачьей семьи и естественной необходимостью повседневного быта, что непосредственно скрепляло семейные и родственные узы и помогало в формировании характера, которого требовали условия казачьей жизни.

Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам: культура повседневности является составной частью общей культуры и включает в себя весь образ жизни человека - от манеры одеваться до своеобразия национальных праздников и ключевых календарных дат, а также весь разнообразный спектр взаимоотношений, поступков, идеалов, правил, формы коммуникаций и ценностных ориентаций. Учитывая заслуги казачества, мы вправе сказать, что они выработали комплекс общезначимых ценностей, который формировался в условиях повседневной жизни.

Культура казачества с самого начала возникновения ассимилировала наиболее рациональные элементы быта, обрядов, обычаев, ритуалов и нравов всех значительных этнических групп из состава местного населения тех территорий, на которых они жили. Из всего многообразия местных обычаев и традиций казаки отбирали наиболее гуманистические и наиболее пригодные к русскому пониманию и быту.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Лураш С.Н. Воспитательные ценности культуры казачества. Ростов-на-Дону – Армавир, 2008. С. 145.
2. Памяти Ивана Диомидовича Попко: материалы научно-практич. конф., посвященной 100-летию со дня смерти историка. Краснодар, 1994. С. 58.
3. Панаэтов О.Г. Идеалы казачества в повести Н.В.Гоголя «Тарас

- Бульба» // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.
4. Попко И.Д., Короленко П.П. История казачества. Черноморские казаки. М., 2002. С. 124.
 5. Фролов П.З. Обычаи, традиции, нравы казаков. Краснодар, 2005.

Обухов Ю.Д.,

с. Прасковья,
Краеведческий музей,
директор

Цицилина О.Н.,

с. Прасковья,
Краеведческий музей,
методист

«КНИГА ПАМЯТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Не один десяток лет прошел с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война 1941-1945 гг., много уже было сказано и написано, спето песен, снято кинофильмов. И кажется, что все уже известно, но...

Мы, живущие в XXI в., знающие о войне из учебников, книг, кинофильмов, считаем своим долгом перед памятью наших отцов, дедов и прадедов восстанавливать имена и рассказывать о судьбах офицеров и простых солдат, которые освободили мир от фашизма. Особенно сейчас, когда мы сталкиваемся с тенденцией фальсификации фактов этой Великой войны и попытками переписать историю.

Нам, потомкам победителей, нужно помнить и сохранять память о Великой Победе, воспитывать своих детей, исходя из ее уроков. От этого зависит наше будущее. Известный русский историк В.О. Ключевский указывал, что «ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем»; «история учит даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает за

невежество и пренебрежение» [1].

В настоящее время существуют различные оценки человеческих потерь Советского Союза и Германии во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Различия связаны как со способами получения исходных количественных данных по разным группам потерь, так и с методами расчета. Бесспорно, что ценным историческим источником в сохранении памяти о Великой войне и различных исследований по этой теме являются Книги Памяти. Работа по созданию Книги Памяти Ставропольского края приобрела статус важного государственного мероприятия после выхода в свет Указа Президента СССР № УП 1440 от 08.02.1991 г. и Постановления Правительства № 1004 от 22.12.1992 г. «Вопросы подготовки и издания Книг Памяти». Важной вехой в работе над Книгами Памяти стал 1993 г., когда был принят закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» № 4292-1 от 14.01.1993 г.

Книга Памяти, выпущенная на каждой территории, не похожа на своих собратьев как по содержанию, так и по оформлению. Книга Памяти Ставропольского края не исключение. Непродуманная подача материала, поспешность в подготовке к изданию и, как следствие, скудность информации о человеке, о месте гибели и захоронения. В большинстве случаев вместо точной даты и места гибели – стандартная формулировка военных комиссариатов «пропал без вести».

Но, даже если человек включен в Книгу Памяти, то об этом очень трудно узнать, так как из-за маленького тиража найти печатное издание практически невозможно. Даже в главных библиотеках России нет полного комплекта изданных мартирологов. Исходя из этого, были запущены проекты ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа», где в единую базу сводится информация из архивов и региональных Книг Памяти.

Сейчас многие регионы России на основе ранее изданных Книг Памяти выпускают обновленные электронные версии. Ставропольский край не стал исключением. Ставропольским книжным издательством была издана Книга Памяти ставропольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., тираж - 50(!) экз.

Как считает директор Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова З. Долина, «с появлением электронной версии Книги Памяти Ставропольского края осуществлен вклад в сохранение исторической памяти о судьбах участников Великой Отечественной войны. Если печатная Книга Памяти на практике реализовала лозунг «Никто не забыт, ничто не забы-

то», то электронный ресурс преследует цель войти в каждый дом как семейная Книга Памяти [2].

Вводить в электронную базу данных сведения из уже изданных книг, не подвергая их анализу, – этого недостаточно. А тем более говорить об этом как об «уникальном проекте, ставшем заметным событием не только на Ставрополье, но и в целом в России, в ряде зарубежных стран» [3].

Эти данные слишком лаконичны и, как правило, они первичны, не проверены по источнику и не снабжены ссылкой на него. В лучшем случае они могут быть начальной заготовкой для дальнейшей работы – проверки и дополнения, но никак не «единственными» и «основными» материалами для единого электронного банка данных на участников Великой Отечественной войны нашего региона, на что и претендует электронная версия Книги Памяти Ставропольского края.

Как бы то ни было, электронная версия Книги Памяти Ставропольского края существует, и люди обращаются к этому источнику информации. Бесспорно, в этом есть положительный момент. Но тогда нужно говорить о том, что материал подается в виде оцифровки такого-то печатного издания без исправления ошибок и проработки ранее изданного материала, и за достоверность предоставленной информации ответственности никто не несет!

Коллектив краеведческого музея с. Прасковья Буденновского района в рамках проводимой работы по увековечиванию памяти погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, патриотического воспитания молодежи и привлечения населения к теме Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г., подготовил и выпустил печатное издание «Солдаты великой войны».

Для работы были использованы такие публикации, как: «Книга Памяти погибших, умерших от ран, в плену, в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» 1995 г., изданная в Буденновске тиражом 1065 экземпляров; «Солдаты Победы», изданная в Буденновске тиражом 300 экземпляров.

Предполагалось, что основой в работе по сбору информации по воевавшим и пропавшим без вести уроженцам с. Прасковья, кроме уже имеющихся электронных баз данных «Мемориал» и «Подвиг народа», станет электронная версия Книги Памяти Ставропольского края, созданная Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

На практике оказалось, что электронная версия Книги Памяти Ставропольского края не может быть взята за основу в работе, поскольку является оцифро-

ванным вариантом печатного издания. Делая первичный сравнительный анализ сведений, можно сказать, что в краевой Книге Памяти не увековечены имена ушедших на фронт из нашего села, в частности те, кто перед войной проходил действительную срочную службу или был призван накануне войны. Имеются десятки повторных записей, большое количество некорректных записей (ошибки в написании имен, отчеств, фамилий), записи пропавших без вести людей, которые после войны оказались живы. Имеющиеся цифры требуют серьезной корректировки и уточнения.

Работа по увековечению памяти защитников Отечества, в том числе по запросам граждан, в регионе ведется разными государственными учреждениями, общественными организациями, энтузиастами. Но эта деятельность недостаточно координируется. Необходимо создание единого центра, который будет вести работу в этом направлении и координировать действия других.

При работе над Книгой Памяти с. Прасковья недостающая информация была найдена в Книгах Памяти с. Арзгир, в республике Дагестан. Но этого мало. Только работая с ОБД «Мемориал» и БД «Подвиг народа», можно найти до 80% нужной информации. Тем более, что на этих ресурсах создана система обратной связи, и ни одно обращение не остается без ответа.

С начала работы по сбору информации для книги «Солдаты Победы» с. Прасковья мы обращались к электронным ресурсам Министерства Обороны ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа». Плодотворно продолжаем работать с этими ресурсами в режиме обратной связи, вносим исправления и дополнения, устраняем противоречия.

Краевая Книга Памяти на 99% опирается на дату признания пропавшим без вести, выставленную военными комиссариатами в послевоенный период. Поэтому существует несоответствие в том, когда семья получила последнее солдатское письмо или известие от сослуживцев о гибели и датой признания пропавшим без вести военным комиссариатом, которое исчисляется иногда не месяцами, а годами. Книга Памяти с такими данными не оставляет возможности внукам или правнукам, заглянувшем в этот печальный каталог, получить даже намек, где искать следы погибшего прадеда. Основными источниками информации на сегодняшний день являются ОБД «Мемориал», сайт Подвиг народа и сайт Центра документации г. Дрезден (Германия).

Чтобы издать Книгу Памяти, коллективу музея понадобился не один год работы. И эта работа не заканчивается в настоящее время. Уже накоплен об-

ширный материал для дополнения. Но если эта проблема не будет решаться на уровне края, то, скорее всего, весь этот материал останется в стенах музея и будет не доступен широкой общественности, так же как и информация, накопленная другими поисковиками в городах и районах Ставропольского края.

Многие в своей работе по сбору информации по погибшим и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны берут сведения из электронной версии Книги Памяти Ставропольского края как окончательную и проверенную. На основании этого материала издают районные Книги Памяти, как печатные, так электронные версии со всеми ошибками и искаженной информацией, дополнив все это своими сведениями (см. Приложение).

К этим скорбным каталогам еще не раз будут обращаться и энтузиасты-исследователи, и историки, и родственники погибших, эти списки будут еще дополняться и уточняться. Тем не менее, Книга Памяти так и останется алфавитным сводом имен погибших земляков. Оценку же в целом Книги Памяти дать довольно сложно. Но приведем лишь два мнения исследователей: «Оказалось, что практически по каждому региону тысячи людей так и остались неучтенными, а по сотням тысяч персоналий в изданные тексты Книг Памяти необходимо было вносить изменения» [4]. «Бесспорно, Книга Памяти является ценным историческим источником по истории Великой Отечественной войны, в которой представлена важная информация о безвозвратных потерях личного состава РККА. Тем не менее, источник этот не точный, т. к. подсчитать все потери, понесенные в годы войны, по нему невозможно» [5].

Электронная Книга Памяти Ставропольского края в основе своей является всего лишь оцифровкой ранее изданных текстов, информация в которых в настоящее время требует тщательного анализа и переработки. Следует сказать, что проблема информационной ценности Книг Памяти – это проблема не только Ставропольского края. Надо создавать Книги Памяти совершенно нового формата. Это должно быть не списочное перечисление имен, а комплекс разнообразной информации, дающей наиболее полное представление о людях, событиях, фактах в период войны и в послевоенный период.

Создание электронного аналога инициировали члены редакционной коллегии печатного издания Книги Памяти, участники Великой Отечественной войны В. В. Госданкер и П. И. Двинский, обратившись с инициативой в Министерство культуры Ставропольского края [6]. Мотивы обращения участников войны ясны и понятны – сохранить память. В крае работают поисковые отряды, музейщики,

краеведы, у которых скопился огромный массив информации по участникам войны 1941-1945 гг., и они готовы им поделиться.

«Книга Памяти Великой Отечественной войны» в современных условиях – это комплекс компьютеризированной многоплановой и разнообразной информации с довоенного времени по сегодняшний день, дающей наиболее полное представление о людях и событиях Великой Отечественной войны и послевоенного периода на территории бывшего Советского Союза [7].

В презентации электронного аналога Книги Памяти Ставропольского края приняли участие ветераны Великой Отечественной войны, представители Правительства Ставропольского края, Министерства культуры Ставропольского края, историки, преподаватели и студенты вузов, работники музеев, архивов, библиотек, ставропольские писатели, представители общественности [8].

В настоящее время эстафета работы над электронным ресурсом «Книга Памяти» передана Ставропольскому региональному отделению Российского военно-исторического общества. В апреле 2016 г. состоялось подписание документов о передаче прав на работу с электронным ресурсом «Книга памяти Ставропольского края». Подписи Двинского П.И. и Шевелева С.А. официально закрепили факт передачи эстафеты работы над электронным ресурсом «Книга Памяти» Ставропольскому региональному отделению Российского военно-исторического общества.

В торжественном мероприятии приняли участие представители ППС кафедры ГД СКIRO ПК и ПРО, учителя истории и обществознания края – члены РО РВИО СК [9].

Книга Памяти в современном понимании – исторический памятник огромной нравственной силы, дань уважения воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны, ценный источник по истории минувшей войны, сохраняющий значимость для исследователей и общественности, находящий применение в учебной, научной и краеведческой деятельности в образовательных учреждениях, архивах, библиотеках, музеях.

В Ставропольском крае существует немало общественных поисковых организаций, поисковых отрядов в школах, поисковиков-энтузиастов, которые десятилетиями ведут поисковую работу в этом направлении в своих районах, городах, селах без поддержки и финансирования со стороны государственных структур. И многие из них уже проделали большую часть работы по сбору материала для такой Книги Памяти. Проделали и продолжают делать, часто не имея выверенной

схемы работы, правильного направления, на интуитивном уровне такую колоссальную комплексную работу.

Объединив усилия общественности, краеведов-поисковиков, организаций и учреждений, работающих в этом направлении, вполне реально осуществить проект, который действительно может стать бесценным в деле сохранения исторической памяти и стать уникальным информативным источником для широкого круга пользователей не только в Ставропольском крае.

Подсчет боевых потерь принадлежит к числу наиболее сложных и политизированных направлений в отечественной исторической науке. Данная проблема имеет методологическое, конкретно-историческое, морально-этическое значение и сопряжена с целым комплексом вопросов идеологического, демографического и нравственного характера.

Не стоит опираться на спорные цифры и факты. Лишь осуществив проект по централизованному сбору информации, мы можем приблизиться к достоверной цифре воевавших, погибших и пропавших без вести в годы войны 1941-1945 гг. уроженцев Ставропольского края и призванных с его территории. Книгу Памяти Ставропольского края необходимо возродить в новом формате.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. Курс русской истории. Т.9. М.,1990. С. 307.
2. Никто не забыт, ничто не забыто // Наша жизнь, февраль, 2016.
3. Там же.
4. Ивлев И. Опыт работы над областной Книгой Памяти Архангельского государственного социально-мемориального центра «Поиск» (рукопись).
5. Шумкова О., Цунаева Е. Книга Памяти Волгоградской области как исторический источник. Волгоград, 2015.
6. Книга Памяти СК // <http://книга-памяти.рф/>
7. Щербанов В.К. Книга Памяти в новых социальных условиях. Ростов-на-Дону, 2010.
8. СКУНБ им. Лермонтова // www.skunb.ru
9. <http://stavropk.ru/index.php/8-novosti/609-torzhestvennoe-meropriyatie-za-strokoj-knigi-pamyati.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сравнительная таблица сведений из ОБД «Мемориал» со сведениями из Книги Памяти Ставропольского края и Книги Памяти с. Арзгир			
	ОБД Мемориал	КП Арзгир	КП СК том 1
1	<p>КАСАЕВ Андрей Иванович, 1907 г.р., Место рождения: с. Б.Маджары, Левокумский район. Призван 04.08.1942 г. Арзгирским РВК Ставропольского края, рядовой. Связь прекратилась в декабре 1942 г. Дальнейшая судьба не известна. Признан п/б 03.1943 г. Основание: Документ Арзгирского РВК, № 74712 от 23.10.1947 г.</p>	<p>КАСОЕВ Андрей Иванович, 1916, Ставропольский кр., Буденновский р-н, с. Прасковья, русский, Арзгирский РВК, красноармеец, пропал без вести 00.03.43.</p>	<p>Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. 1916 г., русский Место рождения: Ставропольский край, Буденновский р-н, с. Прасковья, призван: Арзгирский РВК, звание/должность красноармеец пропал без вести 00.03.43.</p>
2	<p>КОСТЮК Николай Кузьмич, 1900 г.р., место рождения: с. Арзгир. 20.09.1941 г. в районе г. Одесса попал в плен, находился в немецком лагере «Бельцы». После освобождения призван Слободзейским РВК, УССР, рядовой 108 СД. 27.11.1944 г. умер от ран в полевом госпитале № 5202. Первичное место захоронения: Венгрия, г. Сегед, ул. Темете, кладбище, мог. № 12.</p>	<p>КОСТЮК Николай Кузьмич, 1910, Ставропольский кр., Буденновский р-н, с. Прасковья, русский, Арзгирский РВК, красноармеец, умер от ран 27.11.44 г., Венгрия, г. Сегед.</p>	<p>Том 2 Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. 1900 г. Место рождения: Арзгирский р-н, с. Арзгир; призван: Благодарненский РВК, звание/должность рядовой пропал без вести 12.10.44.</p>

	<p>Основание: Донесение о безвозвратных потерях Упр. ПЭП 197 от 21.12.1844 г. Донесение об освобожденных из плена Упр. Тыла 46-й Армии от 12.19.1944 г.</p>	<p>Том 1 Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. 1910 г., русский Место рождения: Ставропольский край, Буденновский р-н, с. Прасковья, призван: Арзгирский РВК, звание/должность красноармеец умер от ран 27.11.44, Венгрия, г. Сегед.</p> <p>Том 3 Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. 1902 г., русский Место рождения: призван: Ипатовский РВК, звание/должность рядовой умер от ран 27.02.44, Венгрия, г. Сегед.</p> <p>Том 8 Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. 1912 г., русский. Место рождения: Ставропольский край, Туркменский р-н, с. Красный Маныч, призван: Благодарненский ОбРВК, звание / должность рядовой умер от ран 27.11.44, Венгрия.</p>
--	---	---

Ольховский В.В.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
специалист отдела истории г. Ставрополя

МЕЖДУ КРЕПОСТЬЮ И СТАНИЦЕЙ. К ИСТОРИИ УЛИЦЫ ЯСЕНОВСКОЙ Г. СТАВРОПОЛЯ

История г. Ставрополя берет свое начало в 1777 г. с момента закладки Ставропольской крепости и строительства казачьей станицы. Первая располагалась на возвышенном месте, «казалось, само Провидение руководило действиями генерала Якоби и полковника Ладыженского, остановившихся на этой площадке» [1], а для второй был подобран более удобный для проживания участок местности у подножия крепостной горы, примерно в 800-х метрах к востоку от крепости и на 40 метров ниже [2]. Из крепости в станицу через Черный лес вела дорога – будущая улица Армянская (современная Шаумяна). На границе восточного склона горы, уже вне крепости, и равнинного участка еще не станичной земли и возникла улица, ведущая от Армянской к крутому склону долины речки Ташлы. Названа она была 1-й Ясеновской.

Казачья станица, где в 1778 г. «успели к концу сентября построить «на форпосте» в Ставропольской крепости до полутораэта домов» [3], и возникший вскоре к югу от крепости мещанский форштадт, иначе – городское поселение, росли и развивались довольно изолированно друг от друга. Сближению двух центров города отчасти мешали бесконечные ссоры за землю.

В 1805 г. ставропольский уездный землемер Пичугин составил план межевания городских и выгонных земель Ставрополя для разрешения всех спорных земельных вопросов между городом и «Хоперского казачьего полка Ставропольской станицы казаков» [4]. Этот план интересен тем, что на нем можно рассмотреть зачатки Армянской и Ясеновской улиц. А на схеме этого плана с нанесенными на него кварталами казачьей станицы [5] хорошо различимы очертания соседних улиц: будущих Хоперской (совре-

менная улица Голенева к северу от проспекта К. Маркса), Казачьей и 4-х Станичных. Планы Ставрополя 1812, 1829, 1833 гг. [6] дают представление о расположении и развитии как городской уличной сети в целом, так и улицы Ясеновской в частности.

Анализ этих планов позволяет предположить, что первые строения будущей Ясеновской улицы появились в северо-западной ее части в конце 1820-х гг. Это подтверждает и дата постройки находящегося там здания под № 5 – 1830 г. [7]. Противоположная же часть, примыкающая к будущей Армянской улице, в это время была сформирована, по-видимому, задней границей усадебных мест более обжитой улицы Хоперской. Это видно на плане города 1812 г., где на обеих ее сторонах обозначены ряды лавок казаков, обывателей и купцов, среди которых были и недавно переселенные в Ставрополь купцы-армяне. Современное очертание улица Ясеновская приобрела на городском плане 1838 г. [8].

План застройки Ставрополя 1848 г. [9] лишь корректировал красную линию юго-восточной части улицы. Интересно, что по этому плану будущая улица Хоперская должна была называться Армянской, а Ясеновская – Казармной.

Существует 2 версии происхождения названия улицы Ясеновской. Сторонники 1-й связывают название с обилием ясеней, здесь произраставших. Другие считают, что в основу топонима положена фамилия конкретного горожанина. В исторических документах встречаются разные по написанию, но одинаковые по месторасположению топонимы: Ясеновская, Ясиновская, Ясеновская, Есеновский.

Первыми «Ясеновскими» были переезд и мост через р. Ташлу. В статье И. В. Бентковского «Ставрополь с открытия городского магистрата», опубликованной в 1876 г. и переизданной Г. Н. Прозрителевым в 1910 г. [10], упомянут купец Василий Есенович, имевший в 1805 г. «на правой стороне речки Члы. . . мыльный завод». В скобках Бентковским или Прозрителевым дано примечание: «от него поныне переезд через р. Ташлу называется Ясеновским».

Сведения о недвижимых имуществах жителей г. Ставрополя в январе 1843 г. сообщают о мещанине Мамонтии Немирове, чье домовладение было расположено «за речкою Ташлой на Есеновском мосту». Сразу же после отвода Немирову земли в 1800 г. он выстроил на этом участке дом [11]. В списке гласных городской думы 1808-1809 гг. одним из представителей от купцов значился Василий Есиновский [12], а в 1818 г. среди купцов, готовых взять подряды на благоустройство города, фигурирует Михаил Есеновский [13]. В «Переписке Управления штаба войск Кавказской Линии и Черномории Кавказского областного правления о найме помещений под областные учреждения 1833-1834 гг.» находится копия контракта от 2 июля 1832 г. о найме дома у губернского

регистратора Василия Михайловича Ясиновского – «попечителя над малолетними сиротами 3-й гильдии купца Ясиновского, родного брата сих сирот» [14].

Сопоставление дат и имен, приведенных в статье В.И. Бентковского и в архивных документах, приводит к выводу: родоначальником купеческого рода в Ставрополе был Василий Есенович (Есеновский), принимавший участие в органах городского самоуправления. Его сын купец 3-й гильдии Михаил Есеновский, по данным, требующим подтверждения, – один из первых ставропольских бургомистров. Внук – чиновник Василий Михайлович Ясиновский.

Не вызывает сомнения, что название моста и переезда – производное от фамилии кого-то из старших Есеновских. В Ставрополе 1-й половины XIX в. прецедентов тому немало. Шесть из восьми переездов, помимо Ясеновского, названы фамилиями их устроителей: Волобуевский, Апальковский, Толстовский, Уваровский, Флоринский. Более трети улиц (как правило, небольших), практически все переулки, группы домов в предместьях города получили имена своих первопоселенцев или наиболее известных жителей.

Возникшая позже группа домов по обоим берегам р. Ташлы, начинавшаяся у Ясеновского моста и заканчивавшаяся на востоке в районе современной улицы Шевченко на Ташле, тоже получила название Ясеновской. Ясеновский переезд (ныне улица Вавилова) соединял предместье с городской окраиной. Его крутой южный участок заканчивался в черте города на площади, названной Ясеновской (ныне перекресток у гимназии № 12). Двум улицам, ведущим от площади к центру города, наши предки дали те же названия. Одна из них, 2-я Ясеновская, была позже переименована в улицу Фрунзе. А 1-я Ясеновская – единственная городская улица, которая никогда не меняла своего названия. Теперь она называется просто Ясеновская.

Первые постройки появились в северо-западной части Ясеновской. Потом формировалась восточная сторона на всем ее протяжении. На юге западной стороны в 1864 г. был построен дом, ставший известным как здание Андреево-Владимирского братства. В последнюю очередь, вплоть до середины XX в., заселялся оставшийся западный участок улицы – неудобья на крутом склоне крепостной горы.

В целом по западной стороне граница улицы менялась наиболее заметно. До появления Андреево-Владимирского переулка (ныне Баррикадный и часть улицы Подгорной) к Ясеновской относились Казанский кафедральный собор, здания причта этого собора, построенные на месте старой почтовой конторы (сейчас улица Подгорная, № 1-3), помещение для фонарщика, находившееся позади современного памятника А.С. Пушкину.

Нумерация вначале была сквозной для обеих сторон улицы с юга на север. По мере застройки западной стороны появились четная и нечетная стороны. В советское время направление нумерации изменилось, и отсчет домов теперь идет с севера на юг. Соответственно поменялись местами четная и нечетная стороны. По этой причине определение местоположения и изучение истории каждого домовладения – не самая простая задача.

Не каждый житель г. Ставрополя слышал об улице Ясеновской. А ведь название маленькой улочки провинциального российского города вошло в геологическую науку благодаря известному геологу Терека и Кубани, члену Геологического комитета (главного государственного геологического учреждения в России в 1882-1930 гг.) Константину Андреевичу Прокопову. Он родился в 1882 г. в семье офицера Терского Казачьего Войска, потомственного дворянина Ставропольской губернии в станице Михайловской Терской области (ныне с. Серноводское Чеченской Республики). В 1902 г. окончил Ставропольскую гимназию и, будучи еще студентом Санкт-Петербургского Горного института, начал проводить геологические исследования Ставропольской губернии по заданию Ставропольской землеустроительной комиссии [15]. Изыскания проводились в течение нескольких лет. В конце 1910-х гг. появились первые научные публикации Прокопова, в том числе в сборниках Ставропольского губернского статистического комитета [16]. Одно из исследований было проведено на Крепостной горе. Здесь была заложена серия шурфов от подножия Казанского собора до нижней части улицы Ясеновской (район современной гимназии № 12). После анализа извлеченных пород геолог пришел к выводу, что гора образована среднесарматскими отложениями, и ввел термин «ясеновский горизонт», или «ясеновская свита»¹. Ясеновская свита была принята в качестве эталона отложений среднего сармата. Геологический район ее распространения – от восточного берега Аральского до западного берега Черного морей. Песчано-глинистые отложения этой свиты разделяются на верхнюю часть из глинистых кварцевых песков и нижнюю – из песчанистых глин.

Нами выявлены сохранившиеся на улице Ясеновской старые постройки и составлен список всех домовладельцев с начала 1880-х (отчасти с 1840-1850-х) по 1914-1918 гг. Изложить весь собранный материал в рамках данной статьи не представляется возможным.

Писатель Илья Дмитриевич Сургучев – самый известный житель улицы Ясеновской. Сведения о его семье, а также о Демьяновых, соседях и друзьях Сургучевых, заслуживают отдельной публикации. Ниже кратко перечислены имена некоторых жителей улицы и отмечены наиболее характерные постройки.

¹ Свита – основная единица местных стратиграфических подразделений.

Угловое домовладение № 1, а по Армянской улице № 4 (сейчас Ясеновская № 60 - Шаумяна № 9)¹ принадлежало купцу Корнею Ивановичу Розенкову. Сыновья Розенкова Алексей и Игнат Корнеевичи записаны уже мещанами. Еще один сын купца, Иван Корнеевич, был сослан в 1865 г. в Сибирь «в каторжную работу на 8 лет» и вернулся домой лишь в конце 1875 г. [17].

Одному из армянских купцов, Григорию Савельевичу Тютюнджиеву, принадлежал участок под № 9 (№ 52), который выходил также и на улицу Хоперскую, № 12 (Голенева, № 29). На плотно застроенной территории к 1896 г. проживало семейство из более чем 50 человек. Дома, как и усадебные постройки, на обеих улицах сохранились. Семья держала мануфактурный магазин возле мещанской управы и еще один на Армянской улице. Исай Тютюнджиев стал Почетным гражданином города, а одна из дочерей Григория – зубным врачом. Тютюнджиевы, вероятно, старейшие жители не только улицы Ясеновской, но и города [18].

Старожилами улицы были семьи отставных военных нижних чинов Моисея Корякина и Михаила Ивановича Гридина, мещан Дмитрия Козьмича Чальцева и маляра, товарища старшины Ставропольской ремесленной управы Василия Петровича Перебейнос [19].

Красивое здание на участке № 13 (№ 48, 46) 1869 г. постройки принадлежало надворному советнику, чиновнику особых поручений канцелярии Ставропольского губернатора Корнилию Георгиевичу Пышненко. Его дед Петр Корнильевич Пышненко дослужился до чина статского советника, был признан во дворянстве вместе с детьми и внуками в 1848 г. Во флигеле дома Пышненко (№ 46) в 1905 г. располагалось Профессиональное общество слесарно-кузнечного производства. В полицейском протоколе от 11 августа 1906 г. перечислены изъятые при обыске дома предметы: «наличных денег звонкой монеты 7 рублей 6 копеек», список книг и брошюр [20].

В доме своего отца на 1-й Ясеновской, № 15 (№ 44) одно время проживал доктор медицины надворный советник Иван Иванович Зубрилин – выпускник Московского университета, лекарь Ставропольского Управления «кочующими иногородцами», врач шестиклассного училища и духовной семинарии, директор Ставропольского отделения Русского музыкального общества, гласный Ставропольской городской думы. Дом был телефонизирован [21].

В глубине участка под № 19 (№ 40), а по улице – № 6 (№ 39 по улице Фрунзе) сохранился колоритный дом из деревянных плах, рубленных «в лапу» и обмазанных глиной, Долгова Пармена Илларионовича. Рядом жили поляки. В доме № 21 (№ 38) – полковник Антон Антонович Фиалковский, бывший ставропольский полицмейстер.

Возможно, он один из трех сыновей Антония Фиалковского (1796–1883 гг.), митрополита всех римско-католических церквей в Империи и Великом Княжестве Финляндском. Соседний участок № 23 (№ 36) принадлежал подполковнику Тимофею Мальчевскому, а затем Зембицкому Венециану Францевичу, сыну отправленного в отставку в 1870 г. Зембицкого Францышека. На фотографии 1910-х гг. запечатлен строящийся дом Венециана Францевича [22].

Усадьба Ореховых выходила на 1-ю и 2-ю Ясеновские улицы. Основатель рода Арехов Никифор Никитович поселился здесь не позднее 1858 г. В начале XX в. незастроенный крутой отрезок между двумя улицами называли по имени старожил Ореховским переулком (ныне Школьный). Соседи Ореховых, тоже старожилы улицы Бабоедовы, «имели . . . деревянный дом близ реки Члы»². Жили они на 2-й Ясеновской с «заднюю часть двора с 1-й Ясеновской» [23]. Глава семейства Иван Алексеевич, 1826 г. рождения, обосновался на участке № 43 (№ 16 и № 18).

Сохранились дома № 49 (№ 8) Олимпиады Бычковой; № 14 (№ 9) Григория Колядина; № 31 (№ 28) смотрителя магазина Ставропольского интендантского склада, титулярного советника Акима Даниловича Дядченко.

Фрол Степанович Мокряков – еще один давний житель улицы, владелец сохранившегося дома № 51 (№ 6). Его дочь или вдова (обе Екатерины) держала в собственном доме трактир. Следующий владелец дома Николай Трифонович Нетесюк был псаломщиком Казанского собора.

Двухэтажным домом 1830 г. постройки под № 16 (№ 5) владел титулярный советник, гласный городской думы Извошников Даниил Спиридонович. Позже хозяином усадьбы стал мещанин Иван Ильич Венецианов 1-й, один из представителей многочисленного ставропольского клана Венециановых [24].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Хоменко Ю.А. Очерки истории градостроительства Ставрополя.// Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / Ред. Шаповалов В. А., Штайн К. Э. Ставрополь, 2007.
2. СГМЗ. Оф. 21650.
3. Казаки: исторические очерки и исследования в 3-х т. / Сост. М. и В. Котляровы. Нальчик, 2015. Т. 3. С. 411.
4. СГМЗ. Оф. 5592.
5. Там же. Оф. 21653.
6. Там же. Нвф. 5934.

¹ Далее в скобках будет указываться только современный номер дома.

² Очень редкая в «Посемейном списке . . . 1874 года» запись места проживания подтверждает примыкание улицы Ясеновской к реке Ташле.

7. Токарева Е. 400 домам Ставрополя капремонт не светит // Комсомольская правда. Северный Кавказ. 2008, от 23 марта.
8. СГМЗ. Нвф. 6373.
9. Там же. Оф. 5525.
10. Бентковский И. В. Ставрополь с открытия городского магистрата. 1870 г. // Сборник Ставропольского губернского статистического комитета. Т.VI. Ставрополь, 1910.
11. ГАСК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 5. Л. 479.
12. Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 38.
13. Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 93.
14. Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1506. Л. 49.
15. Евдошенко Ю.В., Шайдуров В.Н., Головлев А.А. К.А. Прокопов – главный геолог Кубани и Терека // Нефтяное дело. 2014, № 3.
16. Сборник Ставропольского губернского статистического комитета. Т. XI / Ред. А.С. Собириевский. Ставрополь, 1906–1911.
17. Несмачная С. И. История Кавказа в лицах. Биографический словарь в 23-х т. Ставрополь, 2001–2016; Табель домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе, составленный городской полицией. Ставрополь, 1881; ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 268.
18. Табель домов... 1881; Табель домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе, составленный счетчиками городской управы в 1896 г. Ставрополь, 1896; Алфавитный список домовладельцев города Ставрополя. Ставрополь, 1903; Алфавитный список владельцев недвижимых имуществ, расположенных в г. Ставрополе, составленный по сведениям на 1 июля 1911 г. Ставрополь, 1911; Несмачная С. И. Указ. соч.; Список недвижимых имуществ в губернском г. Ставрополе н/К., пересоставленный в 1914 г. Ставрополь, 1914.
19. Несмачная С. И. Указ. соч.; Табель домов... 1881; Табель домов... 1896; Алфавитный список... 1903; Алфавитный список... 1911; Список недвижимых имуществ... 1914.
20. Токарева Е. Указ. соч.; Памятная книжка Ставропольской губернии на 1913 г. Ставрополь, 1912; Несмачная С. И. Указ. соч.; СГМЗ. Оф. 28106. Ед. Хр. 75.

21. Несмачная С. И. Указ. соч.; Табель домов... 1881; Памятная книжка... 1913.
22. Табель домов... 1881; Табель домов... 1896; Алфавитный список... 1903; Алфавитный список... 1911; Список недвижимых имуществ... 1914; Фиалковские [Электронный ресурс] / Всероссийское генеалогическое древо, 2008-2016. URL:http://pprosvita.at.ua/news/prosvita_pid_bagnetom_chastina_i/2010-04-13-309; ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 268; СГМЗ. Оп. 27948-30.
23. Табель домов... 1881; Табель домов... 1896; ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 268; Алфавитный список... 1903; Алфавитный список... 1911; Список недвижимых имуществ... 1914.
24. Алфавитный список... 1911; Список недвижимых имуществ... 1914; Алфавитный список... 1903; Памятная книжка... 1913; Табель домов... 1881; Табель домов... 1896; Несмачная С. И. Указ. соч.; ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 268.

Охонько Н.А.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный

музей-заповедник,

директор,

заслуженный работник культуры Российской

Федерации

НОВЫЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ РЕГИОНА КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Датой образования лечебно-курортного региона Кавказских Минеральных Вод (далее КМВ) принято считать 24 апреля 1803 г. Базовым источником для обоснования именно этой даты считается повеление Александра I в адрес глав-

ноуправляющего на Кавказе князя П. Д. Цицианова. Впервые этот документ был использован для обоснования 100-летнего юбилея КМВ в труде Т. И. Вяземского «К вопросу о столетии Кавказских минеральных вод», вышедшем в 1903 г. Несмотря на то, что эта работа отличается основательностью подхода к обоснованию юбилея КМВ, автор все же проявил вольность, назвав один и тот же документ «повелением» и «указом», что повлияло на вольное использование данного термина в последующие годы. Его вывод звучит следующим образом: «Этим высочайшим указом раз навсегда определяется судьба Кавказских минеральных вод. За ними признается важное государственное значение: больные охраняются войсками, лечение производится под наблюдением официально назначаемого опытного врача.; приступают к постройке необходимых бальнеотерапевтических учреждений; во всеподданнейших ежегодных отчетах Министерства Внутренних Дел находит место и отчет о состоянии Кавказских минеральных вод» и далее: «Одним словом 1803 год является первым годом медицинской жизни Кавказских минеральных вод» [1].

На следующий год вышла книга «Кавказские Минеральные Воды: Пятигорск; Железноводск; Ессентуки; Кисловодск. К столетнему юбилею 1803–1903 г.», составителем которой был Э. А. Старк. Будучи по базовому образованию юристом, он переквалифицировался в журналисты и в 28 лет получил заказ на составление указанного издания. В нем он использовал работы разных авторов, не делая ссылки на источники.

В приводимом им тексте говорится, что 24 апреля 1803 г. произошло знаменательное событие в истории вод, вышло «Высочайшее повеление», а именно, издан «Высочайший указ господину генерал-лейтенанту, Астраханскому военному губернатору, главноуправляющему в Грузии князю Цицианову» [2]. Далее приводится текст этого «повеления» или «указа».

В 1985 г. Ставропольское книжное издательство выпустило книгу «Пятигорск в исторических документах. 1803-1917 гг.» Раздел I-й этого сборника открывает документ под названием «Рескрипт Александра I инспектору Кавказской линии, Астраханскому военному губернатору и главноуправляющему в Грузии князю П. Д. Цицианову о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства» [3].

Источник, откуда взят указанный документ, это 2-й том «Актов Кавказской археографической комиссии». После этой публикации появилось и третье название документа – «рескрипт», которое впоследствии стало самым популярным. Кроме этого здесь была допущена произвольная интерпретация документа и наделение его несвойственным содержанием.

К 200-летию Кавказских Минеральных Вод вышла целая серия изданий, которую открыл фундаментальный том из серии «Наследие народов Российской Федерации», выпущенный большим тиражом при поддержке Министерства культуры России [4]. В нем обсуждаемый документ назван «высочайшим указом». В этом же году вышла книга «Кавказские Минеральные Воды: Хронология. 1803–2008». В ней составители под 1803 г. отмечают: «24 апреля (7 мая) Александр I подписывает Указ (Рескрипт), в котором Кавказские Минеральные Воды признавались лечебной местностью государственного значения» [5].

В другой книге, также выпущенной к 200-летию КМВ, «Управление Кавказскими Минеральными Водами» приводится следующее название указанного императорского акта: «Рескрипт Александра I инспектору Кавказской линии, Астраханскому военному губернатору и главнокомандующему в Грузии князю П.Д. Цицианову о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства. 24 апреля 1803 г., Санкт-Петербург» [6]. Источником документа указаны «Акты Кавказской археографической комиссии». Как видим, здесь полностью повторяется название из вышеуказанной книги «Пятигорск в исторических документах» с небольшой лишь разницей в титулатуре П. Д. Цицианова.

Если же обратиться к первоисточнику – «Актам, собранным Кавказской археографической комиссией», то здесь под № 478 помещен документ, озаглавленный как «Высочайшее повеление (выделен автором – Н.А. Охонько) кн. Цицианову, от 24 апреля 1803 года». А предыдущий документ № 477 называется «Рескрипт кн. Цицианову, от 14-го апреля 1803 года». Таким образом, мы должны констатировать, что в названии императорского акта мы имеем дело с вольной и некорректной подменой понятий, которые имели юридическое закрепление в законодательной системе Российской империи. Согласно этой системе, такие понятия как «указ», «рескрипт» и «повеление» применялись к разноуровневым государственным правовым актам, которые имели различную силу. Среди них те, которые включались в Полное собрание законов Российской империи, имели статус закона.

Следует также признать, что при использовании текста этого повеления нет оснований для таких выводов, как «признание государственного значения Кавказских Минеральных Вод», или того, что «Кавказские Минеральные Воды признавались лечебной местностью государственного значения». Помимо вышеуказанных изданий, эта формулировка вошла в «Энциклопедический словарь Ставропольского края», в некоторые краеведческие и популярные издания и тиражируется средствами массовой информации. Эта неточная трактовка повеления П. Д. Цицианову вошла и в на-

учный оборот [7]. Таким образом, документ оказался наделенным не свойственным ему содержанием и значением.

В свободной и неточной трактовке повеление Цицианову продолжает тиражироваться и в других изданиях, в частности, в вышедшей в 2006 г. книге Боглачева С. В. и Савенко С. Н. «Архитектура старого Кисловодска». Здесь повеление называется «указом... о признании государственного значения за Кавказскими Кислыми и Горячими минеральными водами и установлении над ними правительственного надзора» и делается вывод, что «этот указ Александра I положил официальное начало государственного обустройства новых российских курортов Кавказских Минеральных Вод» [8].

Практически без изменений этот тезис повторяется в книге Боглачева С. В. [9], а также в вышедшей в 2010 г. книге С. В. Боглачева, В. А. Кузнецова, Н. В. Маркелова «Пятигорск в исторических очерках. История Пятигорска с древнейших времен до 1917 года». Здесь говорится о направлении Цицианову уже не «указа», а «рескрипта», согласно которому за Кавказскими Минеральными Водами «было признано государственное значение и установлен правительственный надзор» [10]. В такой интерпретации данный документ, кроме вышеперечисленных, вошел и в другие современные издания о КМВ.

В процессе изучения нами было выявлено 11 изданий, вышедших в период с 2003 г. по 2016 г., в которых: а) основание КМВ ведется от Повеления князю П. Д. Цицианову; б) документ наделяется не свойственным ему содержанием и значением. При этом от издания к изданию документ продолжает развиваться, и его интерпретация приобретает все более вольный характер.

Между тем, согласно существовавшей в то время юридической технике, данное «повеление» являлось одним из видов нормативного акта первого лица в государстве в адрес конкретного лица. Оно построено по всем «правилам жанра». Вначале идет преамбула. Затем Цицианову «поручается» «приступить к устройению» курортной инфраструктуры, что является главной сутью этого акта. После этого он информируется о том, что скоро на Кавказские минеральные источники будет направлен опытный врач с помощником. В заключение император передает на усмотрение Цицианова вопрос о поселении при зарождающемся курорте казаков, а также вопрос о взаимоотношениях с кабардинцами.

Помимо «повелений», в качестве особых правовых актов существовали «указы», «рескрипты» и такая форма, как утверждение проектов, докладов и представлений от различных инстанций и государственных чиновников. Каждый из пред-

ставленных видов актов императора имел свои специфические особенности в общей системе российского законодательства [11].

Затронутая мной проблема не сводится только к этим выводам. Дело в том, что в этот же день, 24 апреля 1803 г., Александр I утвердил еще один государственный правовой акт «Об определении к Кавказским минеральным источникам двух врачей с жалованьем» [12]. Этот документ является собой «Высочайше утвержденный доклад Министра Внутренних дел». В отличие от повеления Цицианову, он вошел в Полное собрание законов Российской империи, что говорит о его высоком значении. Для нас же данный документ имеет два важнейших момента – появление официального топонима «Кавказские минеральные источники», о чем будет сказано ниже, и создание здесь государственной медицинской службы.

На наш взгляд, назначение, как сказано в высочайше утвержденном докладе, «опытнейшего и искуснейшего врача» с помощником на Кавказские минеральные источники, произведенное через министра внутренних дел с подачи медицинской коллегии, не было частным событием. Этим актом здесь по сути дела создавалась медицинская служба, которая являлась частью государственной политики по созданию на базе Кавказских минеральных источников лечебно-курортной базы. Эта база, как известно, играла большую роль в Кавказской войне. На этой базе поправляла здоровье российская знать.

Назначенному сюда главному врачу полагался оклад от 800 до 1000 рублей. По этому окладу можно судить о статусе данной должности, сравнив ее с другими. Так, главный врач Кавказского губернского правления получал тогда 700 руб. [13]. Это также составляло почти половину оклада гражданского губернатора Кавказской губернии (1 800 руб.) и приближалось к окладу главного пристава для управления местных народов Предкавказья и Северного Кавказа (1 200 руб.) [14].

В 1814 г. «главный смотритель» КМВ получал оклад 700 руб. [15]. Как видим из этого сравнения, оклад назначенного императором врача Кавказских минеральных источников был выше оклада главного врача Кавказской губернии и выше оклада «главного смотрителя» КМВ, что лишний раз говорит о его высоком статусе.

Лишь пятигорская исследовательница Г. А. Шевченко правильно поняла значение акта о назначении на Кавказские Минеральные Воды врача, которого она определяет как «правительственного» и «главного» врача. Она интуитивно пришла к правильному выводу, что в основании Кавказских Минеральных Вод лежат 2 правительственных документа – указ о назначении сюда врачей и «рескрипт» П. Д. Цицианову [16].

Повеление П. Д. Цицианову, которое шло в одном пакете документов и было подписано императором в один день с утверждением доклада Министра внутренних дел «Об определении к Кавказским минеральным источникам двух врачей с жалованьем», имеет более частный характер, вследствие чего оно не вошло в корпус законодательных актов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи.

Первый правовой акт создавал государственную медицинскую службу, а второй предписывал местному начальству начать хозяйственное обустройство лечебной местности. Вместе они послужили началом образования лечебно-курортного региона Кавказские Минеральные Воды.

Добавлю, что и в дальнейшем развитии КМВ при создании здесь новых служб и назначении для них штатов они утверждались актами, которые включались в Полное собрание законов Российской империи.

Так, на основании мнения Государственного Совета от 22 марта 1815 г. на Кавказских минеральных водах был назначен Смотритель с годовым окладом 700 рублей [17]. Примечательно, что в этом документе впервые на государственном уровне закрепляется название «Кавказские минеральные воды», которые прежде именовались «Кавказскими минеральными источниками».

В 1834 г. для устройства на КМВ прогулочных зон с парками и скверами, здесь, по высочайше утвержденному Положению Комитета министров «Об определении при Кавказских минеральных водах садовника с тремя помощниками», была создана служба озеленения, что также нашло отражение в Полном собрании законов Российской империи [18].

Оформление Кавказских Минеральных Вод как особой административной единицы завершилось выходом 29 мая 1847 г. Положения об управлении Кавказскими Минеральными Водами, которое также вошло в Полное собрание законов Российской империи [19].

Следует также задаться вопросом и о правомерности вести отсчет основания КМВ от Повеления П. Д. Цицианову.

Здесь следует иметь в виду, что Кавказские Минеральные Воды являют собой не единичный объект, а регион. Создавался он не единовременно, а в течение определенного периода, начиная с 1780 г., когда здесь была заложена Константиногорская крепость. Что касается 1803 г., то на него приходится как минимум 3 важных документа, имеющих отношение к образованию КМВ.

13 марта медицинская коллегия сделала представление министру внутренних

дел В. П. Кочубею [20], 24 апреля доклад Кочубея был утвержден императором и получил статус закона, на основании которого создавалась медицинская служба. В этот же день было подготовлено повеление в адрес П.Д. Цицианова о принятии практических мер по обустройству курорта. Практически в эти же дни (7 марта 1803 г.) император подписал документ «О строительстве укреплений при Кислых колодцах», от которого ведет свой отсчет времени основания Кисловодский курорт [21].

В исторической урбанистике для определения времени основания тех или иных населенных пунктов применяются такие критерии, как официальная закладка, издание указа об основании, первое документальное свидетельство о существовании населенного пункта, первое употребление топонима или появление постоянного населения.

Применительно к КМВ мы имеем не один населенный пункт, а особый регион, который был оформлен в качестве административно-территориальной единицы, получившей название вначале «Кавказские минеральные источники» (1803 г.), а затем «Кавказские Минеральные Воды» (1815 г.). Формировался данный регион, как уже было сказано, не одновременно, а на протяжении определенного периода. У его основания не было официальной закладки, по этому поводу не было специального указа, формирование постоянного населения носило растянутый по времени характер.

Исходя из вышесказанного, следует признать, что при определении даты основания Кавказских Минеральных Вод логичнее будет опираться в первую очередь на государственный правовой акт – Высочайше утвержденный доклад Министра Внутренних дел «Об определении к Кавказским минеральным источникам двух врачей с жалованьем». Этот акт является основополагающим в истории основания КМВ. Благодаря ему на КМВ была создана государственная медицинская служба и утверждено официальное название региона, сохранившееся по настоящее время.

Образование Кавказских Минеральных Вод как особой административно-территориальной единицы следует также рассматривать в контексте проводимых в то время административно-территориальных преобразований. 15 ноября 1802 г. из состава Астраханской губернии была выделена Кавказская губерния с центром в Георгиевске, что было осуществлено на основании именного указа, исполнение которого поручалось «Астраханскому военному губернатору и главноуправляющему в Грузии» генерал-лейтенанту Цицианову [22]. В русле этих преобразований через несколько месяцев вышли документы и по Кавказским Минеральным Водам, которые были частью Кавказской, а в дальнейшем Ставропольской губернии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Т. И. Вяземский. К вопросу о столетии Кавказских минеральных вод. СПб. 1903. С. 14-15.
2. Кавказские Минеральные Воды: Пятигорск; Железноводск; Ессентуки; Кисловодск. К столетнему юбилею 1803-1903 г. СПб., 1904. С. 9.
3. Пятигорск в исторических документах. 1803-1917 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. С. И. Несмачная. Ставрополь, 1985. С. 24-25.
4. Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею 1803-2003 гг. / Гл. ред. А. М. Тарунов, СПб. 2003.
5. Кавказские Минеральные Воды: Хронология. 1803-2003 годы / Сост. В.И. Михайленко, Э.В. Стативкин, В.Н. Вышинский, Ю.А. Лебедев. Пятигорск, 2003. С. 41-42.
6. Краснокутская Л. И., Михайленко В. И. Управление курортами Кавминвод (1803-2003): страницы российской истории. Пятигорск, 2004. С. 5.
7. Карташева О. А. Кавказские Минеральные Воды в начале XIX в. и роль А. П. Ермолова в развитии курортного региона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007, № 4. С. 50.
8. Боглачев С. В., Савенко С. Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006. С. 19.
9. Боглачев С. В. Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск, 2007. С. 19.
10. Боглачев С. В., Кузнецов В. А., Маркелов Н. В. Пятигорск в исторических очерках: История города Пятигорска с древнейших времен до 1917 года / Под ред. Н. В. Маркелова. Пятигорск, 2010. С. 98-99.
11. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-на-Дону, 2005. С. 46, 79, 100.
12. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII, № 20.725.
13. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: Хрестоматия / Под ред. Г. Н. Малаховой. Ростов-на-Дону, 2004. С. 86.

14. ПЗРИ. Собр.1. Т. XXVI, № 19.536.
15. Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 гг.: Сборник документов. Ставрополь, 1997. С. 27.
16. Шевченко Г. А. Благословенный край Пятигорье. История управления курортами Кавказских Минеральных Вод 1803-1916. Пятигорск–Кисловодск, 2005. С. 39-41.
17. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIII, № 25. С. 806
18. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. IX, № 7266.
19. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXII, № 21276.
20. АКАК. Том II. Тифлис, 1868. Вып. № 1902. С. 930-933; Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 гг. С. 12-13.
21. Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 гг. С. 11.
22. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI, № 20. С. 511.

Охонько Н.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
директор,
заслуженный работник культуры Российской
Федерации

СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВЫ В НАИМЕНОВАНИЯХ КРЕПОСТЕЙ АЗОВО-МОЗДОКСКОЙ ЛИНИИ

(к 240-летию основания)

Крепости и населенные пункты на старой Терской линии до возведения Азово-Моздокской получали свои названия различным и, в целом, естественным образом. Чаще всего за основу названия брали местный топоним – Терки, Кизляр,

Моздок. Названия же Азово-Моздокской линии, создаваемой в короткие сроки по единому проекту, были рождены в умах ее строителей и имели особое смысловое наполнение.

Один из первых исследователей истории Азово-Моздокской линии И. В. Бентковский имел следующее мнение о названиях ее крепостей: «Названия эти даны в честь Императрицы, Императорской фамилии и трех главнейших Императорских орденов» [1].

По нашему мнению, для понимания топонимики Азово-Моздокской линии следует начинать с ее первого исследователя и проектировщика академика И. А. Гильденштедта, который изучал Кавказ и Предкавказье с 1770 по 1773 г. Такие названия, как «Екатерины», «Павла», «Марии» и «Андрея» появляются у него впервые при исследовании теплых минеральных источников у с. Брагуны [2]. При этом в своих полевых дневниках он первоначально один из источников предлагал именовать Орловским, в честь графа Владимира Григорьевича Орлова, который в тот период занимал должность директора Академии наук. Но позже, в 1777 г., при подготовке своих работ к публикации, Гильденштедт отказался от этой идеи и назвал один из источников Мариинским. К тому времени граф Владимир Орлов оставил пост директора Академии наук, а у наследника престола Павла (в сентябре 1776 г.) появилась жена София Доротея, получившая в России имя Мария Федоровна (мать Александра I и Константина).

Еще один источник он предлагал именовать Петровским. Здесь он, возможно, следует за Готтлибом Шобером, который еще в 1717 г. обследовал эти источники по указанию Петра I и назвал их именем Св. Петра [3]. Из этих топонимов на Азово-Моздокской линии впоследствии закрепились имена Екатерины, Павла, Марии и Андрея. Последнее слово в утверждении этих названий было за императрицей Екатериной II, которая вложила в них смысл и религиозное содержание и одновременно увековечила членов царской фамилии.

Екатерина II «в отличие от Петра III старалась демонстрировать свою религиозность». Она соблюдала посты и религиозные обряды, «с годами она все глубже осознавала мистическое значение своего выбора веры (православной – автор). Православие и престол она приняла 28 июня. По этому поводу она писала: «В 1744 г. 28 июня... я приняла Грекороссийский Православный закон. В 1762 г. 28 июня... я приняла всероссийский престол... В сей день... начинается Апостол словами: «Вручаю вам сестру мою Фиву, сущую служительницу» [4]. Такой образ мыслей характеризует Екатерину II как личность, которая придавала большое значение духовным и

иным смыслом и которая наделяла этими смыслами окружающий мир. Такой склад мышления не мог не повлиять на наименования возводимых крепостей на новой границе империи.

Отсчет крепостей шел с востока на запад, согласно чему крепостям в проекте, утвержденном Екатериной II 24 апреля 1777 г., поначалу были присвоены простые порядковые номера. В этом государственно-правовом акте речь о названиях построенных крепостей вновь учреждаемой линии не шла, а было лишь сказано: «Назначенные вновь линейные укрепления наименовать, как благоугодно будет» [5]. Однако уже 20 мая этого же года князь Потемкин в своем ордере на имя Астраханского губернатора Якобия дает указание, как наименовать «учреждаемые по линии от Моздока в Азову укрепленные селения» [6]. По нашему мнению, этому предшествовала серьезная работа, к которой могут быть причастны два главных действующих лица – Екатерина II и князь Потемкин [7]. Первые 3 крепости получили названия в честь небесных покровителей членов императорской семьи, которая на тот момент состояла из самой императрицы Екатерины II, наследника престола Павла и его 2-й жены Марии.

12 декабря этого же года у Павла I родился сын Александр, которого Екатерина II воспитывала как будущего императора. К тому времени все крепости Азово-Моздокской линии были уже наименованы, но среди них была и Александровская, названная в честь Святого князя Александра Невского. С рождением Александра эта крепость могла ассоциироваться и с ним, о чем будет сказано ниже.

В 1779 г. у Павла родился 2-й сын Константин. Это имя было дано ему в контексте так называемого «Греческого проекта», согласно которому Константин должен был возглавить восстановленную Византийскую империю с центром в Константинополе. На следующий год после его рождения в системе Азово-Моздокской линии на Пятигорье была заложена крепость Константиногорская, названная в честь нового члена императорской семьи, который был также и очередным наследником трона после старшего брата Александра. Следующие 8 детей Павла рождались с 1783 по 1797 гг., когда главное внимание империи было обращено на освоение присоединенного Крыма и Причерноморья. На наш взгляд, и здесь также могла использоваться топонимика, связанная с императорской фамилией.

В порядке наименования крепостей Азово-Моздокской линии прослеживается определенная иерархия. Первой шла крепость Екатериноградская, названная в честь небесной покровительницы Екатерины II. Во имя этой святой в Екатеринограде была заложена и соборная церковь, храмозданная грамота которой была выдана в 1786 г.

Вторая крепость названа во имя небесного покровителя царского наследника и будущего императора Павла. Если бы в основе этой концепции присвоения названий лежала бы чисто вероучительная основа, то следующая (или предыдущая) крепость называлась бы в честь апостола Петра, так как эти святые в христианском сознании выступают вместе. Однако на тот момент такого имени среди членов императорской семьи не было. К слову сказать, позже на карте Предкавказья появятся такие названия, как Петропавловское и Петропавловка. 3-я крепость названа в честь святой покровительницы 2-й жены Павла Марии, с которой он сочетался в 1776 г.

Следующие 3 крепости носят имена святых, которые олицетворяют определенные идеалы, заложенные в их именах и деяниях.

Святой Георгий является «одним из наиболее известных святых в христианском мире», а в Грузии – самый почитаемый. «Грузинская традиция считает равноапостольную Нину родственницей Георгия по отцу». Святой Георгий почитается «как победитель в духовной брани» [8].

Интересно, что И. А. Гильденштедт называл Грузию «Георгия». Он, в частности, писал: «Нынешняя Георгия, или Грузия русских, является, как известно Иберией и частью Албании древних землеописателей» [9]. Символично, что именно здесь через 6 лет в 1783 г. состоялось подписание трактата о вхождении Грузии под протекторат России.

Имя Святого Георгия может ассоциироваться и с именем князя Григория Потемкина – отца основателя Азово-Моздокской линии. Интересно, что на одной из первых карт, составленной в 1785 г., на месте Георгиевской крепости сделана надпись не Георгиевская, а «Григорьевская» [10].

В ордере князя Потемкина от 20 мая 1777 г. на имя Астраханского губернатора Якобия крепость № 6 именуется в честь «Святого Александра Невского» [11]. Это имя Екатерина II дала своему внуку, который родился 12 декабря 1777 г., в разгар строительства Азово-Моздокской линии. При выборе имени внуку императрица руководствовалась следующими соображениями. По мнению историка Е.В. Пчелова, «Имя старшему внуку Александру Павловичу... было дано императрицей в честь Александра Невского, но при этом подразумевалось и имя другого героя – Александра Македонского». В письме барону Ф.-М. Гримму она объясняет: «Вы говорите, что ему предстоит выбрать, кому подражать: герою (Александру Македонскому) или святому (Александру Невскому). Вы, по-видимому, не знаете, что наш святой был героем. Он был мужественным воином, твердым правителем и ловким политиком и превосходил всех остальных удельных князей, своих современников... Итак, я согласна, что у

господина Александра есть лишь один выбор, и от его личных дарований зависит, на какую он вступит стезю – святости или героизма» [12].

Об особой связи имени Александра Павловича с названием крепости Александровской может свидетельствовать и тот факт, что здесь до революции хранился портрет императора Александра I, который вдовствующая императрица Елизавета Алексеевна подарила г. Александровску. Этот портрет хранился среди регалий в местной церкви до начала XX столетия [13].

Андреевская крепость, как явствует из ордера князя Потемкина от 20 мая 1777 г., названа в честь «Святого Апостола Андрея» [14]. Русской православной церковью Апостол Андрей почитается особо, так как проповедовал христианство на территории Грузии и Северного Кавказа, то есть на землях, ставших под контроль Азово-Моздокской линии. Апостол Андрей также считается «крестителем земли Русской». Петр I, считавший Андрея Первозванного своим покровителем, учредил в его честь главный орден Российской империи – орден Андрея Первозванного, а Андреевский крест стал изображаться на флагах Российского флота и представлял Россию за ее пределами [15].

Владимирская крепость, будучи 10-й крепостью в проекте, должна была располагаться на месте крепости Донской, но «выпала» из Азово-Моздокской линии после устранения крепости в верховьях Буйволы за счет сокращения одного укрепления. Однако и это имя закрепилось на Азово-Моздокской линии, так как в верховьях Егорлыка был построен редут Владимирский, который вместе с Темнолесским ретраншементом, редутом Бударским и постом Недреманным контролировал пересеченную местность между Ставропольской крепостью и крепостью Преградный Стан на Кубани [16].

И. А. Гильденштедт при описании Азово-Моздокской линии в 1779 г. отмечал, что для сообщения между Ставропольской крепостью и Кубанью «на полуденных краях» Черного леса на северо-запад от Ставропольской крепости в сторону Павловской крепости было заложено 2 редута [17]. Логично предположить, что один из них был Владимирский.

Этот редут помещен на «Карте Кавказского наместничества», располагавшегося между Черным, Азовским и Каспийским морями и частью Астраханской области. Эта карта достаточно схематична, так как включает в себя большое пространство. На ней Владимирский редут располагается между Ставропольской крепостью и Прочным Окопом на Кубани. С учетом того, что на карте, в силу ее масштабности, помещены только значимые объекты, Владимирский редут относится именно к таковым.

Е. Д. Фелицын на «Военно-исторической карте Северо-Западного Кавказа» помещает Владимирский редут на правом берегу Егорлыка в районе современной ст. Сенгилеевской, то есть северо-западнее Ставрополя, как и на карте у Гильденштедта. Он датирует этот редут 1781 г.

В любом случае, имя Святого Владимира, фигурирующее в первоначальном проекте Азово-Моздокской линии, нашло свое закрепление в одном из укреплений этой линии. Выдающаяся миссионерская роль этого святого в истории России хорошо укладывается в ту миссию, которую преследовали и Екатерина II с Григорием Потемкиным в целях утверждения христианства на южном направлении, что ярко отразилось в наименовании Ставропольской крепости.

В иерархии официальных российских святых Андрей Первозванный – Георгий Победоносец – Александр Невский – Святой князь Владимир занимают первостепенные места. Эта же иерархия нашла отражение и в высших орденах российской империи, к которым следует добавить и орден Святой Екатерины. Безусловно, прав был И. В. Бентковский, связывающий названия крепостей как с именами святых и членов царской фамилии, так и с высшими орденами империи.

В ряду крепостей Азово-Моздокской линии в 1780 г. была заложена крепость Константиногорская, положившая начало освоению Кавказских Минеральных Вод. Эта крепость названа в честь сына цесаревича Павла, родившегося 27 апреля 1779 г. Имя Константина Павловича было связано с идеями так называемого «греческого проекта Екатерины». По этому поводу она писала: «Меня спрашивали, кто будет крестным отцом. Я отвечала: только мой лучший друг Абдул-Гамид мог бы быть воспреемником, но так как не подобает турку крестить христианина, по крайней мере, окажем ему честь, назвав младенца Константином». Известно, что «Константина готовили на роль будущего Византийского императора» [18].

Традиция называть укрепления в честь святых и членов императорской семьи нашла свое продолжение на Кубани. Несколько месяцев спустя после начала строительства Азово-Моздокской линии, под руководством А. В. Суворова началось укрепление границы по правому берегу Кубани. В течение первой половины 1778 г. здесь было возведено 9 крепостей и 20 редутов и фельдшанцев, которые в районе современной ст. Сенгилеевской состыковывались с Азово-Моздокской линией. Эти укрепления также получали свои названия. И среди них, как и на левом фланге Азово-Моздокской линии, присутствуют 4 наименования в честь членов императорской семьи: в честь Екатерины II – крепость Екатерининская, в честь наследника престола Павла – крепость Павловская, в честь его жены Марии Федоровны – крепость Мари-

инская или Марьинская, а также крепость в честь недавно рожденного Александра. Авторство этих названий принадлежит А. В. Суворову [19]. Здесь, на Кубани, было увековечено и имя одного из учредителей Азово-Моздокской линии князя Григория Потемкина, в честь которого названа станица Григорополисская, основанная в 1784 г. [20].

В ряду крепостей, наименованных согласно вышеприведенной мотивации, находятся 3 крепости, имеющие «символические» и «географические» названия. Это Ставропольская, Московская и Донская. Занимая правый фланг линии, Московская и Донская крепости обеспечивали связь вновь приобретенных земель с такими знаковыми ориентирами метрополии, как Дон и Москва. Московской называлась и дорога, ведущая от Ставрополя на север к крепости Московской.

Об истоках наименования Ставрополя нами опубликована специальная статья в 6-м выпуске «Прозрителевских чтений» [21]. Согласно нашему мнению, в этом названии заложен глубокий миссионерский смысл, утверждающий восстановление христианства на византийском направлении.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Бентковский И.В. Дела наши на Северном Кавказе от построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского наместничества. С 1765 по 1786 г. // Ставропольские губернские ведомости. 1876, № 31. С. 41.
2. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С. 42, 63-64.
3. Там же. С. 387.
4. Православная энциклопедия. Т. XVIII, М., 2008. С. 123.
5. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX, № 14.464, п. 4.
6. РГВИА. Ф. 52 Д. 151. Ч. 1. Оп. 194. Л. 252.
7. Охонько Н. А., Литвиненко Ю. Н. К вопросу о топонимах «Святой крест» и «Ставрополь» // Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 6. Ставрополь, 2011. С. 63.
8. Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 665-666.
9. Гильденштедт И.А. Указ соч. С. 140.
10. Карта Кавказского наместничества, лежащего между Черным и

- Азовским и Каспийским морями и часть Астраханской области // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 342. Д. 553.
11. РГВИА. Ф. 52. Д. 151. Ч. 1. Оп. 194. Л. 252.
 12. Пчелов Е.В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика // Вопросы истории. 2009, № 6. С. 80-81.
 13. Твалчрелидзе С.А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1991. С.3; Прозрителев Г.Н. Архив Ставропольской губернии. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 1. Ставрополь, 1911. С. 11.
 14. РГВИА. Ф. 52. Д. 151. Ч. 1. Оп. 194. Л. 252.
 15. Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 372-374.
 16. Колесников В.А. Былое Невинного мыса. К 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь, 2011. С. 134; ГИМ. Отдел картографии. № 68276/ГО – 3374.
 17. Гильденштедт И. А. Географические и исторические известия о новой пограничной Линии Российской империи, проведенной между Терекем и Азовским морем. Нальчик, 2010. С. 9.
 18. Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 81.
 19. Соловьев В.А. Суворов на Кубани 1778-1793. Изд-е 2-е исправленное и дополненное. Краснодар, 1992. С. 117-132.
 20. Колесников В. А. Город Григория. Очерки истории станицы Григорополисской (1784-1917). Ставрополь, 2014. С. 9.
 21. Охонько Н. А., Литвиненко Ю. Н. Указ. соч.

Сачук С.С.,

г. Ставрополь,
«Музей-усадьба художника-академиста
В.И. Смирнова
с мемориалом К.Л. Хетагурова»,
филиал Ставропольского государственного
музея-заповедника,
заведующая

УСАДЬБА В. И. СМИРНОВА И ЕЕ ЖИЛЬЦЫ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

Василий Иванович Смирнов (1841-1922 гг.) – художник и педагог, преподаватель мужской классической гимназии – был в Ставрополе известен и любим. «Наш почтенный Василий Иванович Смирнов» – с уважением писала о нем газета «Северный Кавказ» [1]. Его дом по ул. Александровской, 16 (ныне ул. Дзержинского, 105) старожилы до сих пор называют «домом учителя Смирнова» [2]. В настоящее время он находится под охраной государства как памятник истории и культуры регионального значения.

В краеведении и публицистике советского времени дом В. И. Смирнова фигурирует главным образом в связи с жизнью и творчеством прославленного ученика и друга хозяина – осетинского художника и литератора Коста Хетагурова, который часто бывал здесь, а в 1894 г. несколько месяцев проживал постоянно. Отдельные главы книг Г. А. Беликова, статьи В. Н. Кравченко, Т. Ф. Головковой, Г. А. Гончаровой и других исследователей описывают жизнь и быт Смирновых в дореволюционный период. Советские годы остались вне поля зрения: сообщалось, что «усадьба продолжала принадлежать членам семьи и наследникам вплоть до 1917 г.», затем здесь была коммунальная квартира, а дочь художника Нина Васильевна Смирнова проживала во флигеле [3].

При изучении советского периода истории усадьбы данные утверждения не подтвердились. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника имеются рукописные воспоминания Нины Васильевны Смирновой (1891-1984 гг.), содержащие подробные и достоверные сведения о жизни ее семьи после революции [4].

Как видно из этих документов, в 1910-е гг. дом действительно стал постепенно пустеть. Взрослый старший сын Смирновых Александр стал юристом, обосновался в Москве (после революции работал инспектором конных заводов СССР). В 1911 г. умер

от болезни нервов средний сын – студент Михаил. В 1912-м старшая дочь Галя со своей семьей уехала из Ставрополя и поселилась в Георгиевске. Работала пианисткой, преподавала; в 1918 г. у нее родился уже 4-й ребенок. Младший сын Смирновых Василий в 1917 г. поступил в Киевский университет, выбрав специальность химика. В Гражданскую войну был мобилизован, попал на Черноморский флот моряком и погиб в бою. «Дунечка, – пишет Нина Васильевна о младшей сестре Евдокии, – отправилась в Москву. «Москва!» – мечта ея. «Буду жить в Москве», – не раз повторяла она. По окончании гимназии в 1917 г., не теряя времени, в течение нескольких месяцев заработала на дорогу и в январе 1918 г. уехала в Москву. С большим трудом попала в вагон железной дороги. Трудное было время – Гражданская война. . . . В Москве был брат Саша, некоторая опора у нея. Нашла работу и поступила в драматическую студию, которой руководил известный артист Чехов. Окончив ее, была принята в Рабочий театр». Впоследствии взяла имя Дина и фамилию матери – Складчиковская. О сестре Елизавете Нина Васильевна сообщает, что та бросила гимназию и посвятила себя музыке, овладев арфой. С 1917 г. училась в Москве, затем в Петрограде. «А дали ей образование мы, 3 сестры – Галя, я и Катюша, вскладчину. А папе сказали, что на таком редкостном инструменте учат даром, так как отец из-за недостатка средств не мог ей пойти навстречу всецело. . . . Я помню голодный 1922 г., февраль месяц, отъезд Лизы с арфой в Москву на работу. Никифор Илларионович Ларионов – друг отца, учитель ремесленного училища, крестный отец почти всех детей отца, чуткий, отзывчивый – прислал ей в дорогу хлеб печеный домашней выпечки – С.С. Это было самое дорогое внимание: он поделился с ней хлебом, зная, что она его не имеет».

Голод 1921-1922 гг., разразившийся в стране, больно ударил по жителям Ставрополя. По официальным данным, на февраль 1922 г. в городе было 13 700 голодающих. Массово умирали беспризорные дети, старики. Не выжил и старый учитель Василий Иванович Смирнов. «Он скончался в голодный 1922 г. 1 мая по новому стилю, на 82-м году жизни, – записала Нина Васильевна. – . . . Отец работал не покладая рук почти до последнего дня. Я помню, как он тихо-тихо шел на уроки в Ольгинскую гимназию – это было на 79-м году его жизни. Отец проработал учителем рисования 40 с лишним лет: до 1918 г. Получил надбавку за выслугу лет, выслужил пенсию. Но, к сожалению, в годы Гражданской войны из-за недостатка денежных знаков пенсию он так и не получил, имея на руках пенсионную книжку, выданную в 1920 г., с определением: 100% нетрудоспособности» [5].

После смерти Василия Ивановича в усадьбе остались его вдова Анисья Федоровна с дочерьми Екатериной и Ниной. Эти 2 сестры были особенно близки, неразлучны с

детства. Нина после окончания гимназии давала частные уроки, а «5 января 1911 г., – пишет она с гордостью, – первая в семье устроилась на работу и получала зарплату». Катя стала работать в городской библиотеке. Свободное время, со слов Нины Васильевны, обе любили проводить дома: «У Кати – книга и рояль. . . Она аккомпанирует, а я пою, много могла спеть за один раз, голос не уставал, желание было большое и вещи все восхитительные». «1918-1919-й, – записано далее в воспоминаниях, – Гражданская война. Никто в семье не работал в то время. Голодали. С приходом Советской власти – 1920 г. – с первых же чисел я пошла на работу: уездный собес, потом нефтесклад, вскоре статистиком статотдела. . . С 1920 по 1924 г., за эти 4 года, я и Катя подвергались бесконечным сокращениям. Бесконечные предлоги были: двое работающих из семьи – одного сократить, угол под крышей имеет – а другому за квартиру платить, не имеет на руках детей – а у другого они есть; преимуществом пользовались вдовы погибших на фронте, комсомолки и т.д. Катя была так огорчена и возбуждена, что сказала: «Умру с голоду, но просить работу больше не буду». И действительно, с 1924 по 1928 г. она не работала. Пережито было много ею. В 1928 г. Катюша скоропостижно умерла от заражения крови. В небольшую открытую ссадину на лице попала бактерия – апрель, ветер, пыль. . . Оборвалась жизнь Кати в расцвете лет – ей шел 38-й год».

Но в июле того же 1928 г. в доме Смирновых произошло событие, долго светившее «ярким, дорогим лучом» (так называла Нина Васильевна светлые моменты жизни): «В Ставрополь на гастроли приехал прославленный Александринский театр. Украшением труппы, ее гордостью и славой был блистательный Николай Николаевич Ходотов, завоевавший свое особое, неповторимое место и в истории театра, и в его репертуаре, и в сердцах зрителей. На время гастролей Николай Николаевич со своей женой, актрисой того же театра Леонардой Яновной Дубицкой, поселился в нашем доме. Моя мама встретила гостей радушно и предложила им жить в большой светлой комнате, 3 итальянских окна которой выходили в сад. В памяти живо встают репетиции у нас дома «Бесприданницы» А.Н. Островского и романса из этой пьесы «Он говорил мне». Леонарда Яновна Дубицкая была молода и очаровательна и в роли Ларисы была необыкновенно хороша. А Карандышева великолепно играл Николай Николаевич. Высокий, все еще красивый, открытый, необыкновенно мягкий и добрый, Николай Николаевич с первого появления в нашем доме привлек наше всеобщее внимание. В то время у нас гостили мои 2 племянницы. Старшая, Зоя, училась в Ставропольском музыкальном училище и прекрасно играла на рояле. Под ее аккомпанемент Николай Николаевич любил исполнять мелодекламации «Каменщик», «Улицы», «Трубадур» и другие. Ах, какие это были прекрасные, незабываемые вечера! Очень привязался Николай

Николаевич и к младшей племяннице Зине, называя ее «Зинок».

Театр, где проходили гастролы александринцев, находился через дорогу, в старом городском парке¹. С 3 по 15 июля в том далеком 28-м году по вечерам ровно в 8 под щемящие звуки оркестра собиралась ставропольская публика в своем Летнем театре² и громом аплодисментов встречала любимого артиста. Но быстро прошло время, закончились гастролы. Жалко было расставаться с Николаем Николаевичем и Леонардой Яновной. В день отъезда мы все вышли проводить дорогих гостей. И сегодня, – писала Нина Васильевна 52 года спустя, – я слышу теплый голос и последние слова Николая Николаевича: «Зинок, Зинок, до свидания!» [6].

В 1934 г. устроилась личная жизнь Нины Васильевны. Она вышла замуж за математика, преподавателя Ставропольского пединститута Якова Мартиросовича Кешемьянца. Он был армянин, уроженец местечка Тенгинка³ у побережья Черного моря, окончил гимназию в Новороссийске, затем Харьковский университет. Фамилию мужа Нина Васильевна не взяла, осталась Смирнова. Супруги были уже немолоды: ей 43 года, ему 51. Своих детей у них не было. В 1936 г. Яков Мартиросович взял в семью племянника Карапета, круглого сироту. «Прожил он с нами, – записала Нина Васильевна, – до весны 1942 г. и сбежал к бабушке своей со стороны матери в колхоз «Красный борец» близ Туапсе. Погиб под бомбежкой».

С 1940 г. Нине Васильевне пришлось оставить работу – она служила статистиком в конторе пути станции «Ставрополь-железнодорожная». Ушла по собственному желанию, по семейным обстоятельствам и состоянию здоровья, не достигнув пенсионного возраста (60 лет). Пенсию из-за неполного стажа не получала. «В тяжелейшие годы войны, – пишет Нина Васильевна, – из семьи нашей я одна была около старушки уже мамы и больного мужа. Мама умерла в 87 лет в начале 1944 г., муж умер в ноябре 1944 г. от анемии сердца в возрасте 61 года – голодные». О себе умалчивает, но из контекста ясно, что и сама находилась на грани выживания.

Очевидно, с этого времени дом Смирновых стал заполняться квартирантами. В воспоминаниях Н.В. Смирновой сведений об этом уже нет. Жизнеописание семьи и самописание она обрывает прощанием с прежним укладом жизни: «Не стало отца, матери, не стало и сада. Невозвратное время!» [7]. Но недавно по счастливому стечению обстоятельств открылись новые источники данных об усадьбе Смирновых в советские годы.

Один из них – переписка с пятигорским журналистом, писателем, краеведом Вадимом Александровичем Хачиковым. Мы познакомились заочно в декабре 2015 г. через ставропольских друзей В.А. Хачикова, которые по его просьбе посетили му-

¹ В настоящее время – Ставропольский парк культуры и отдыха «Центральный».

² Разрушен попаданием авиабомбы при наступлении фашистов на Ставрополь в 1942 г.

³ С. Тенгинка Туапсинского района Краснодарского края. Расположено в долине р. Шапсухо в 3-х км от её впадения в Чёрное море.

зей-усадьбу В.И. Смирнова для фотосъемки «памятных мест». Как выяснилось, с 1944 по 1948 г. семья Хачиковых снимала в доме Смирновых одну из комнат. В настоящее время Вадим Александрович работает над мемуарами, для чего и потребовались фотографии.

В.А. Хачиков попал в Ставрополь в 1937 г. 6-летним ребенком (его родители, работники краевых госучреждений, были переведены из Пятигорска по службе) и проживал до 1948 г. Этот период жизни он обозначает как «Второе детство» («Первое», раннее, провел в Пятигорске). Как отмечает К.Э. Штайн, именно в детском возрасте происходит «схватывание» мира в его сущностных смыслах [8]. Детские воспоминания Хачикова записаны в зрелом возрасте, что сформировало взгляд мемуариста с двух временных проекций: детского «схватывания» и взрослой рефлексии. Таким образом, мемуарам В.А. Хачикова присуща весьма ценная для нас объективация материала. Точно и непредвзято он описывает, в частности, «дом учителя Смирнова», посвятив ему одноименную главу книги [9]. В ходе нашей переписки Вадим Александрович сделал дополнения, касающиеся обитателей усадьбы и соседних домов. Они включены в нижеприведенный текст и публикуются с разрешения автора.

Дом Смирновых запомнился маленькому Вадиму с довоенных лет: «До войны мы бывали в гостях у Кешебьянцев «из старой интеллигенции», и, кажется, это был дом Смирнова. Нина Васильевна Смирнова была замужем за Кешебьянцем, с которым мои родные были знакомы по Сочи, где жили раньше». В 1944 г. Хачиковым, снимавшим жилье на углу ул. Молотова и Леплявкина переулкa, пришлось подыскивать новую квартиру, и выручила их Нина Васильевна: «Она имела большой дом и сдавала в нем квартиры. . . Дом был очень старый и с улицы казался маленьким – один этаж и всего 3 окошка. Но, войдя во двор, вы замечали, что он достаточно велик, к тому же имеет 2-й, полуподвальный этаж и несколько входов. Внутри вы нашли бы не только множество комнат, но и какие-то коридоры, коридорчики, ходы-переходы, закоулки, чуланы. . . Нам досталась одна из самых больших комнат с окнами на улицу, которая, скорее всего, была когда-то гостиной. На одной из ее стен ясно виднелись следы заделанного прохода в соседнюю комнату с аркой наверху. Имелось в доме, по крайней мере, еще 3 или 4 комнаты, где жили постояльцы.

Через стенку от нас жила одинокая дама с дочерью. Дама была довольно видная, стройная, красивая, хорошо одевалась. Кажется, она была культработником. Поговаривали, что пользовалась большим вниманием мужчин. Дочка, лет 15-ти, тоже довольно симпатичная, по-моему, начала брать пример с мамы. Говорили, что она «гуляет с суворовцами» (тогда в Ставрополе было Суворовское училище). В 2-х комна-

тах в самой высокой части дома жила семья слесаря Соколова, помню, он чинил всем примуса.

Кажется, была в доме еще одна комната, рядом с комнатой Нины Васильевны, где тоже жила квартирантка, но ее я совершенно не помню. Помню лишь 2-х девушек-студенток музыкального училища. Одна из них, очаровательная блондинка Люба Рыкус, уже считалась настоящей артисткой, выступала на сценах, и домашние заинтересованно обсуждали платья, которые она себе «справила» для концертов. Жили девушки вместе с Ниной Васильевной в другой большой комнате, видимо, бывшей столовой, окна которой выходили на веранду.

Разумеется, у дома были чердак и подвал. На чердаке хозяева сваливали всякий хлам, а мама сложила там свою нотную библиотеку, для которой в комнате не нашлось места. В просторном подвале хранили дрова и уголь, а свободный уголок у окна я приспособил под фотолабораторию – папа привез с войны фотоаппарат. Во двор вели дверь, расположенная рядом с парадным входом, и «черный ход»... Во дворе находился колодец. Водой Ставрополь снабжался тогда плохо. За питьевой приходилось ходить к водоразборной колонке метров за 300, а в колодце брали воду для стирки, купания и т. д. ... Во дворе стоял небольшой флигелек, тоже сдававшийся внаем. Во флигеле жила семья шофера Белана – он, жена и дочь Людмила, намного старше меня. Потом они уехали, и во флигеле поселилась семья другого шофера, такого же состава. Только дочку звали Валя, она была чуть моложе меня и очень симпатичная, скромная. Я втайне по ней страдал.

За флигелем тянулся запущенный фруктовый садик, граничивший с хозяйственным двором крайкома партии. Разделял территории не слишком высокий забор. Слева сад закрывала высокая стена соседнего дома № 107 – это был большой коммунальный дом со множеством квартир. Ниже нас в доме № 103 жил известный врач Багдасаров. Его сын Эма был хорошо известным в городе футболистом. Далее стоял очень красивый дом, который занимал начальник краевого управления НКВД – позже там сделали детский сад.

Нина Васильевна была очень милой, приветливой пожилой женщиной, во всяком случае, она охотно и подолгу разговаривала на разные темы со мной, 14-летним мальчишкой. О Коста Хетагурове мы говорили мало, просто я знал, что это большой осетинский поэт и художник и что он жил у них в доме. Об отце ее я что-то не помню разговоров... Дом учителя Смирнова, в отличие от предыдущей нашей квартиры, оставил довольно светлые воспоминания».

Еще один очевидец советского быта дома Смирновых – жительница Ставрополя

Наталья Фотиевна Мартыненко, 1948 года рождения. В доме Смирновых она бывала в 1964-1966 гг. Здесь жила ее ровесница, подруга Сидоренко Галя вместе с мамой Ниной Михайловной, служащей Ставропольской краевой конторы Госбанка СССР. Галя училась в Воронежском хореографическом училище, а когда на лето приезжала к маме, подруги встречались на квартире у Гали. Как припоминает Наталья Фотиевна, у северной стены дома была пристройка, «дверь – и сразу маленькая-маленькая квартирка на 1-м этаже. Заходили – и сразу тут у них плита. Типа кухоньки. И тут же место, где мама спала. Собственно, даже двух комнат не было. Одна такая узкая, длинная комната – ее занимала Галя. Быт их был скромный, исключительно скромный... Они жили здесь, видимо, много лет. Окошки были низенькие, маленькие совсем. Два окна на восток были в комнате и одно окно на север – в кухне, она же прихожая, она же мамина спальня. Комната Гали была довольно узкая, длинная. О том, что в этой комнате жил Коста Хетагуров, тогда никто не знал, никто. Это был просто дом, заселенный людьми» [10].

Важный нарративный источник по истории усадьбы В.И. Смирнова в советские годы – рассказ Владимира Владимировича Парфененко, 1958 года рождения [11]. Он помнит дом с 1963 по 1971 г., когда гостил здесь ребенком, затем некоторое время жил. Воспоминания В.В. Парфененко относятся к последнему этапу «коммунальной» жизни дома Смирновых. С его слов, Нина Васильевна сдавала комнаты постоянно, что вполне объяснимо. Оставив работу в 1940 г., пенсию она стала получать только в 1957 г. За 18 лет 9 месяцев стажа при советской власти ей начислено было в месяц 30 рублей [12]. Парфененко подчеркивает, что условия жизни у Нины Васильевны были «настолько привлекательные, что у нее постоянно жили. Теми копейками, что она брала с квартирантов, она не обогащалась. Скорее, она помогала жильцам. Она могла и 5 рублей брать в то время, в 1960-е гг. девочки часто жили по 2 в комнате. И в комнате Нины Васильевны стояли 2 кровати. Она была такой человек, что запросто могла жить в одной комнате со студенткой». По подсчетам Парфененко, в доме и во флигеле одновременно проживало до 20 человек. В основном это были студенты и студентки музыкального и художественного училищ. Подолгу и основательно жили семьи с детьми. Так, в северо-восточной комнате 2-го этажа обитали муж и жена Дворяновы с двумя дочерьми. С внешней стороны дома сделана была пристройка для лестницы, что позволило им иметь отдельный вход со двора. Свою жилплощадь В. Г. Дворянов у Нины Васильевны выкупил.

В 1957 г. в угловой юго-восточной комнате на 2-м этаже поселились супруги Владимир Григорьевич и Лидия Константиновна Парфененко – будущие родители

нашего информанта. Владимир Григорьевич был родом из Георгиевска; в 1930–40-е гг. обучался игре на фортепиано у Галины Васильевны Смирновой-Иванченко, которая сделала из способного мальчика прекрасного музыканта. Семьи Парфененко и Иванченко были дружны. Естественным образом установились близкие отношения и с Ниной Васильевной Смирновой. В.Г. Парфененко квартировал у нее многие годы. Со временем стал «своим» и его сын, тоже Владимир, которого домашние звали Димой. В доме Смирновых он, мальчишкой, изучил каждый уголок. Детские воспоминания прочны и сегодня. В комнате его родителей обстановка была очень простой: стол под окном, диван, радиолы «Ригонда». В комнате Нины Васильевны Диму поразили старинный буфет – «колоссальный, громадный»; в зале – сундук: «обтянутый жесткой тканью, железом окованный весь. Это святыня была – там хранились картины Василия Ивановича». В зале же находился большой концертный рояль. «Поскольку отец музыкант, – рассказывает В.В. Парфененко, – наверняка он садился к роялю. Он писал музыку, неоднократно участвовал в музыкальных конкурсах, сочинял песни, и их публиковали, они звучали по радио. У меня сохранились ноты его вальса «На льду». И с Екимцевым его песня – романс «Разреши мне грустить о тебе».

Ставропольский поэт Александр Ефимович Екимцев в 1960-е гг. бывал среди гостей в старом доме Смирновых, когда В.Г. Парфененко устраивал «посиделки с творческими людьми» [13]. Сам Владимир Григорьевич занимался краеведением и журналистикой, работал много и плодотворно. В частности, с 1958 по 1970 г. в «Ставропольской правде», «Молодом ленинце» и ряде других газет края он опубликовал 9 статей о Коста Хетагурове, что немало способствовало популяризации последнего.

В конце 1960-х гг. настойчиво обсуждалась идея писательской общественности о создании в доме Смирновых музея. Из Тбилиси приехала Елизавета Васильевна Смирнова. «Елизавета Васильевна, – как запомнил ее Парфененко, – была душевная, но строгая. Это чувствовалось по речи. Она четко излагала мысли. Четко, без каких-то колебаний. И форма изречения у нее была отточенная очень. С Ниной Васильевной они наверняка разговаривали по поводу дома, потому что для них этот вопрос был очень важный, очень тревожащий их души. Нине Васильевне – ей лишь бы, лишь бы память Василия Ивановича сохранилась как-то, где-то... Они изначально продавали дом под музей. Но это не звучало, как музей их отца. В то время тут основной упор делался не на Василия Ивановича, а на Коста Хетагурова! И в первую очередь интересно это было, это стояло первым планом» [14].

В 1970 г. на доме В. И. Смирнова установили мемориальную доску, увековечившую имя Коста Хетагурова. В сентябре того же года дом был выкуплен Ставрополь-

ским горисполкомом для размещения в нем Музея литературы народов Северного Кавказа. Наследникам В. И. Смирнова – дочерям Галине Васильевне, Нине Васильевне, Елизавете Васильевне и Евдокии Васильевне, а также Марии Александровне Палисадо (как мы думаем, наследнице по линии Александра Васильевича Смирнова, который скончался в 1956 г.), – выплатили стоимость 13/14 долей в сумме 4912 рублей. За 1/14 долю в праве получил возмещение в размере 377 руб. 85 коп. В.Г. Дворянов [15].

В 1971 г. начали реконструкцию дома в соответствии с музейными требованиями. Нине Васильевне Смирновой дали однокомнатную квартиру на ул. Ленина в доме, № 328/11. Картины и мебель из дома отца она передала в дар будущему музею. В.Г. Парфененко и некоторые другие жильцы, по условию, поставленному Ниной Васильевной, также получили от города жилье в новых домах. Через несколько лет семья Парфененко и Н. В. Смирнова съехались в двухкомнатную квартиру по ул. Дзержинского, 136 а.

В.В. Парфененко заботился о Нине Васильевне до последних дней ее жизни. Их взаимоотношения носили бытовой характер. И только спустя годы пришло понимание ценности общения с ней: «Нина Васильевна была душа-человек. Она была дружелюбная очень. Даже в таких ситуациях, когда нужно было сердиться, она никогда не сердилась... Она столько терпела и оставалась добрым, хорошим, светлым человеком, очень культурным в плане общения, очень деликатным. Я никогда не видел даже намека на неудовольствие на ее лице. Ангельский характер! Бессребреница. Она всегда была готова всем помочь. Я о многом, очень о многом жалею. Зачастую об этом начинаешь думать тогда, когда уже ничего поправить невозможно» [16].

Н. В. Смирнова скончалась в марте 1984 г. и покойся на Игнатьевском кладбище г. Ставрополя. Литературный музей в доме Смирновых преобразован в филиал СГМЗ «Музей-усадьба художника-академиста В.И. Смирнова с мемориалом К. Л. Хетагурова». Задача музея – сохранить для горожан память о Василии Ивановиче Смирнове и его семье, сберечь усадьбу как часть исторического Ставрополя.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Северный Кавказ. 1899, № 5.
2. Хачиков В.А. По реке времени. Воспоминания. (Рукопись, хранится в архиве автора)
3. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя. Т. 2. Ставрополь, 2007. С. 246; Научно-проектная документация на оказание услуг по изготовлению научно-проектной документации на

- капитальный ремонт здания памятника истории и культуры регионального значения «Дом художника В.И. Смирнова, где жил осетинский поэт-демократ К.Л. Хетагуров, 19 век, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 105». Т. 2. Кн. 1. 000 проектно-строительная компания «Энтар». Шифр 00324-2013. Ставрополь, 2013.
4. Воспоминания Нины Васильевны Смирновой. Рукопись. СГМЗ. ЛМС. Нвф. 793; Дети Смирнова. Воспоминания Н.В. Смирновой. Рукопись. СГМЗ. ЛМС. б/н. Черновая запись воспоминаний Нины Васильевны Смирновой. 1983 г. Рукопись. СГМЗ. ЛМС. Ф. 2. Ед. хр.7; Письмо Нины Васильевны Смирновой от 22.09.1980 в редакцию радиoproграммы «Встреча с песней». СГМЗ. ЛМС. б/н.
 5. Воспоминания Нины Васильевны Смирновой. СГМЗ. Нвф. 793; Дети Смирнова. Воспоминания Н.В. Смирновой. ЛМС. б/н. Черновая запись воспоминаний Нины Васильевны Смирновой. СГМЗ. ЛМС. Ф. 2. Ед. хр.7; История городов и сел Ставрополя: Краткие очерки / Изд. 2-е, испр. и доп. Ставрополь, 2008. С. 29.
 6. Письмо Нины Васильевны Смирновой от 22.09.1980 в редакцию радиoproграммы «Встреча с песней». СГМЗ. ЛМС. б/н.
 7. Воспоминания Нины Васильевны Смирновой. СГМЗ. ЛМС. Нвф. 793; Дети Смирнова. Воспоминания. СГМЗ. ЛМС. б/н. Черновая запись воспоминаний Нины Васильевны Смирновой. СГМЗ. ЛМС. Ф. 2. Ед. хр.7.
 8. Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Язык современной исторической науки: Семиотический анализ исторического текста. Учебное пособие Под ред. Лаврик Э.П. Ставрополь, 2006. С. 78-79.
 9. Хачиков В.А. Указ. соч.
 10. Интервью с Мартыненко Натальей Фотиевной, 1948 г. р., жительницей г. Ставрополя, ул. К. Хетагурова, д. 6, кв. 7. Записано 25 августа 2016 г. / Сачук С.С. СГМЗ.
 11. Интервью с Владимиром Владимировичем Парфененко, 1958 г. р., жителем г. Ставрополя. Записано в августе 2016 г. / Сачук С.С. СГМЗ.
 12. Воспоминания Нины Васильевны Смирновой. СГМЗ. ЛМС. Нвф. 793; Дети Смирнова. СГМЗ. ЛМС. б/н. Черновая запись воспоминаний Нины Васильевны Смирновой. СГМЗ. ЛМС. Ф. 2. Ед. хр.7.

13. Интервью с В.В. Парфененко
14. Там же.
15. Договор купли-продажи части домовладения от 22.02.1972 рег. № 3-395 // Ставропольское бюро технической инвентаризации, реестровый № 29-85-17 от 06.03.1972; Договор купли-продажи части домовладения от 08.09.1970 рег. № 3-2234 // Ставропольское бюро технической инвентаризации, реестровый № 29-85-17 от 18.09.1970.
16. Интервью с В.В. Парфененко

Состин Д.И.,

г. Ставрополь,
доцент кафедры истории и права
Ставропольского
государственного педагогического института,
кандидат исторических наук

РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Реалии современного российского общества, проблемы его нравственного здоровья актуализируют концепцию образования в Российской Федерации. С образованием связана деятельность высших учебных заведений, направленная на повышение профессиональной компетентности специалистов, формирование их культуры и духовности. Под «духовностью», в частности, понимается состояние человеческого самосознания, которое находит свое выражение в мыслях, словах и действиях. Понятия «духовность» и «нравственность» во многом перекликаются. Они являются одними из самых высокогуманных и глубоких чувств, закрепленных тысячелетиями у людей и воодушевляющих их на самоотверженную деятельность во имя интересов своей Родины, на благо своего народа. Если судить о понятии «нравственность» по «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, то она представляет собой внутренние, ду-

ховные качества, которыми руководствуется человек в своей деятельности [1].

Вместе с тем нестабильность экономики, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказывают негативное воздействие на общественное сознание большинства населения, прежде всего молодежи [2]. Духовно-нравственная нестабильность грозит всеобщей нравственной деградацией на всех уровнях современного социума. В таких условиях одним из путей преодоления этих проблем является формирование исторического сознания граждан, укрепление преемственности традиций поколений, основанной на взаимной передаче, усвоении, сохранении и использовании материальных и духовных ценностей, социальной информации и опыта предшествующих и ныне живущих поколений [3]. Это касается и подготовки молодых специалистов различных отраслей профессиональной деятельности, которая требует полноценного, комплексного научного и методологического подхода к образованию, вопросам обновления учебных программ, их совершенствованию.

На сегодняшний день задача профессионального образования сводится к тому, чтобы любой начинающий специалист обладал не только специальными знаниями и умениями, был способен реализовывать их в профессиональной деятельности, но отличался высоким уровнем культуры и нравственного сознания. Важную роль в решении этих задач играет историческое краеведение.

Долгие годы краеведение рассматривалось как форма дополнительной работы в образовательной среде. К сожалению, в современный период краеведение иногда воспринимается как периферия научного знания. Оно играет лишь вспомогательную роль в учебном и воспитательном процессе. Распыление понятия «краеведение» становится еще более проблематичным в связи с распространением в последние годы новых направлений: регионоведение, историко-культурная территория и т. д.

Между тем, краеведение обладает значительными возможностями для решения социальных, экономических, образовательных и воспитательных проблем российского общества, что неоднократно подтверждалось в ходе его исторического развития. В полной мере это относится и к подготовке специалистов различных отраслей профессиональной деятельности. В данном процессе велика роль различных форм краеведческого образования. Краеведение в системе дополнительного образования формирует у студентов качества, необходимые им как в учебе, так и во многих областях деятельности. Написание исследовательской работы, экскурсии дают возможность учащемуся научиться самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей науки, техники, истории,

учиться прогнозировать результат, возможные последствия разных вариантов решения, устанавливать причинно-следственные связи.

Часто музейный формат в учебной работе занимает второстепенное значение, уступая современным мультимедиа средствам. Однако использование музейных экспонатов в качестве учебно-наглядных пособий на занятиях, организация и проведение конференций, встречи с интересными людьми, заседания исторических кружков в музее могут дать значительно большие результаты в познавательном плане. В последнее время весьма эффективным в этом смысле является проект «Ночь в музее». В честь Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. музейные сотрудники проводят экскурсии по памятным местам города, края. Кроме темы Великой Отечественной войны сакральной является археологическая тематика. На Ставрополье – это интереснейшие экспозиции, организуемые Ставропольским государственным историко-культурным и природно-ландшафтным музеем-заповедником им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, посвященные различным эпохам от бронзового века и до позднего средневековья [4].

Формой знакомства с достопримечательностями города и края являются историко-краеведческие экскурсии. Такие экскурсии вносят в историческое сознание обучающихся образность, что конкретизирует их знания по истории, воспитывает умение видеть главное, связывая частное, местное с общим.

Изучение биографии известных земляков неизбежно даст учащимся нравственные ориентиры, примеры гражданского служения. Знакомство с основами генеалогии формирует творческое мировосприятие, интерес к собственным корням. Именно через краеведение лежит путь к пониманию сути и форм деятельности гражданского общества, что весьма актуально в современных условиях. Краеведение на местном материале может показать молодежи процесс становления гражданского общества в России и его роль на современном этапе.

Краеведение играет значительную роль в воспитании старшеклассников, формировании у них таких качеств как гражданственность и патриотизм. В последнее время во властных структурах появился ряд документов и государственных программ, касающихся патриотического воспитания граждан, где возрождение и развитие патриотизма рассматривается как важная цель и социальная ценность, основа духовно-нравственного единства Отечества. Актуальность этой проблемы в современных условиях подчеркнута и в Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», которая ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан России и особенно мо-

лодежь. Программа предлагает учитывать опыт и достижения прошлого, современные реалии и проблемы, тенденции развития нашего государства.

В ряде посланий Президента России Федеральному собранию Российской Федерации подчеркнута: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность... и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений» [5].

Образовательная доктрина Российской Федерации предполагает формирование патриотизма. В ней, в частности, говорится: «Система образования призвана обеспечить воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободу личности и обладающих высокой нравственностью...». В Законе РФ «Об образовании» говорится, что одним из принципов государственной политики в области образования является воспитание гражданственности в духе уважения к правам и свободам человека, любви к Родине, семье.

Теоретико-познавательные и нравственные возможности краеведения в этом смысле безграничны. Изучение истории края способствует нравственному развитию личности, формированию гражданственности, сохранению и упрочнению общечеловеческих ценностных ориентаций, помогает развитию самостоятельного творческого мышления, навыков и умений действовать на благо общества. Кроме того, краеведение – это культура мышления, а она неизбежно предполагает большой объем и глубину знания.

Таким образом, одним из эффективных путей профессионального становления молодых специалистов, их духовного и нравственного воспитания является изучение исторического краеведения, с помощью которого осуществляется приобщение к изучению малой родины. Любовь к родному краю, знание его истории, культуры, традиций – вот основа, на которой осуществляется рост духовной культуры общества.

Изучение краеведения становится необходимым в современное время. Участие в краеведческой деятельности повышает уровень самосознания учеников,

воспитывает уважение к культуре и истории своего народа, чувство благодарности к старшему поколению, создает возможности для их самореализации в процессе общественно-полезной работы, а также в будущей профессиональной деятельности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
2. Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.И. Шаронова. М., 1993. С. 176.
3. Преемственность поколений: круглый стол // Человек. 1996, № 5.
4. Восьмые Прозрителевские чтения. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции Вып. 8. Ставрополь, 2015.
5. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011- 2015 гг.» archives.ru>programs/patriot_2015.shtml (Дата обращения 25.10. 2016 г.); Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации rg.ru>2007/04/27/poslanie.html (Дата обращения 25.10 2016 г.).

Стрекалова Е.Н.,

г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России,
кандидат исторических наук, доцент

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ 1930-Х ГГ. НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Как в народной памяти, так и в профессиональной историографии политическая жизнь 1930-х гг. прочно связана с репрессиями. Изучение причин и последствий террора в этот период вызывает неизменный интерес в современной отечественной науке уже почти три десятка лет. Отношения власти и общества в условиях несво-

боды 1930-х гг. становились объектом анализа в исследованиях Г.А. Бордюгова, В.А. Козлова, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, О.В. Хлевнюка, Т.И. Шмидта и др. [1]. Отметим возрастание взвешенной оценки различных сторон репрессий. Доказательством этого может служить Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Политические репрессии 1-й половины XX в. в судьбах технической интеллигенции России» (Самара, 2009). Работы исследователей показывают новый уровень анализа проблем репрессивной политики сталинского времени. Анализируются возможности открывающихся архивных фондов, позволяющих выявить даже биографические детали репрессированных по громким процессам 1930-х гг.

Тем не менее, многие события, особенности и последствия репрессивной политики 1936-1938 гг. до конца не осмыслены, особенно с учетом влияния на массовое сознание. В представленной работе мы обращаемся к специфике отражения этих процессов в региональной прессе. Остановимся на отражении в газетах «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» процесса «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Суд проходил над группой бывших руководителей партии: Г.Л. Пятаковым, К.Б. Радеком, Л.П. Серебряковым, Г.Я. Сокольниковым и др. Поразительно, что все обвиняемые - видные политические деятели, стоявшие у колыбели революции и Советского государства, соратники В.И. Ленина. Они оказались «врагами народа» и свою вину признали [2]. Большая часть обвиненных была связана с троцкистской либо правой оппозицией, то есть с потенциальными противниками сталинской системы и усиления его личной власти.

Сфабрикованный судебный процесс и невероятные обвинения были «выплеснуты» на страницы периодических изданий. Показная открытость судебных процессов (публиковались утренние и вечерние заседания) должна была служить, прежде всего, влиянию на общество. Очевидно, что печатный орган, являвшийся официальным рупором власти в крае, не мог обойти эту тему. Однако оправдание судебных обвинений, создание иллюзии сопричастности к обвинению всего общества прослеживается в газетах, и это, прежде всего, должно было влиять на общественное мнение.

Например, заголовок «Расстрелять всех до одного» содержал материалы газеты, написанной от имени рабочих, которые провели митинг с требованием высшей меры наказания всем фигурантам дела. Газета сообщает, что митинги с «чувством гнева и обвинения» прошли практически во всех населенных пунктах и на всех предприятиях. Ставропольский (на тот момент Ворошиловский) завод «Красный металлист» и мясокомбинат, Кожевенный завод, Пединститут также приняли резолюцию о поддержке «расстрела предателей» [3].

Трудящиеся Ворошиловска, по словам газеты «Северо-Кавказский большевик», «с чувством омерзения и беспощадного гнева» следят за судебным процессом «Параллельного троцкистского центра». «Гадам нет и не может быть пощады», - следовало далее. Текст газеты убеждал читателей: «Чем сильнее наша ненависть к бандиту Троцкому и его презренной банде, тем сильнее и горячее наша любовь к отцу нашему Сталину и нашим вождям» [4]. Взаимосвязь обвинения «вредителей» и восхваления Сталина доказывает главную цель столь широкой огласки процессов и тиражирования их в прессе. Обвинение во вредительстве и шпионаже, устрашающие цели репрессивного давления не возымели бы своего действия без признания их обществом. Средства массовой информации играли в этом процессе важнейшую роль.

Представляется возможным выделить взаимосвязь в построении сюжетных линий газетных публикаций, в расположении материала по страницам, в риторике названий статей, в избираемом стиле изложения, в применении уничижительно-ругательных выражений в отношении проходивших по процессу обвиняемых партийных и государственных деятелей. Заметен переход от громких и пафосных обвинительных заявлений по процессам к детализации обвинения по каждому из обвиняемых, а затем к обвинению со стороны представителей общества. Так, периодические издания из номера в номер демонстрировали ход процесса, осуждали и обвиняли якобы виновных в предательстве политических преступников, а затем шли статьи и заметки рабочих, учителей, студентов и школьников с признанием справедливости обвинения, с требованием справедливого приговора, с требованием расстрела обвиняемых.

«Голоса» обычных советских граждан на страницах газет – это якобы «обратная связь» с обществом. Заметки были коллективными и индивидуальными. Причем, чем ближе было окончание процесса, тем больше было коротеньких, но четко определяющих требование заметок: «Расстрелять мерзавцев троцкистов». Они содержали предложения справедливого жесточайшего наказания, уничтожения, расстрела, смертной казни.

Совершенно очевидно, что у современника, читающего газету, были сомнения в том, что соратники Ленина – Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек, Бухарин, Рыков – были врагами, жаждущими распада Советского государства. Однако после прочтения заметок-обвинений рядовых советских граждан, повторяющих в различных вариациях из номера в номер призыв «Смерть подлым предателям!», у читателя должно было возникнуть сомнение в правильности собственной позиции; чувство страха, что он сам станет тем самым препятствием на пути «победоносного движения вперед» и будет расстрелян. Следовательно, пресса влияла на формирование позиции граждан.

Общественное настроение медленно «отравлялось» угаром этих разгромных публикаций и, тем самым, создавало поддержку власти.

Все началось в январе 1937 г. В газете «Северо-Кавказский большевик» появилась статья «Подлые предатели и изменники». В ней Г. Пятаков, Г. Сокольников, К. Радек, Л. Серебряков, Н. Муралов, Я. Дробнис были описаны как «троцкистские бандиты». На них сыпался шквал обвинений: бывшие большевики, якобы, преследовали цель отступления к капитализму, вынашивали планы расчленения СССР в пользу соседних государств, готовили и проводили диверсии, террористические акты. Современные исследователи считают эти обвинения абсурдными [5].

Несколько номеров подряд на 1-й странице газеты печатались данные о процессе, допросах и обвинениях свидетелей, их последние речи. На последующих страницах газет стали появляться статьи и заметки, письма организаций, коллективов, отдельных граждан с изложением своего «согласительного» мнения. И чем дальше шел процесс, чем ближе было вынесение приговора, тем больше было подобных обвинительных заметок и более резко звучали требования жесткого наказания. Эти голоса организованной «обратной связи» с обществом по основному смыслу можно разделить на осуждающе-обвинительные, признающие в троцкистах помеху социалистическому строительству и требующие наказания, а также восхваляющие Сталина.

К 1-му типу по содержанию относится заметка от имени трактористки-комсомолки Солдато-Александровского района Северо-Кавказского края. Она писала: «Нет конца преступлениям этих проклятых вырожденков рода человеческого, которые были готовы предать свою Родину, закабалить рабочих и крестьян в ярмо помещиков и капиталистов». В конце она высказывала надежду, что советский суд учтет требование всего советского народа и уничтожит врагов. Клич из уст обычной комсомолки усиливал пафос и накал борьбы с вредителями: «Нет им места под солнцем» [6]. Персонафицированное сообщение в публикации усиливало эмоциональное воздействие и призывало всех отдать свой голос за расстрел обвиняемых и, тем самым, поддержать наказание, выдвигаемое обвинением.

Тематическая линия требований справедливого наказания была продолжена восхвалением Сталина, с которым связывали и достижения, и карающую функцию правосудия. Так, слесарь монтажного цеха Сахно, делегат Всероссийского чрезвычайного съезда советов, заявлял, что он увидел, «как беспредельно наш народ любит своих вождей, свою партию, свое правительство». Заметка акцентировала, каких именно вождей любит советский народ или, точнее, каких должен любить. Слесарь Сахно писал, как «глубоко наш народ предан великому Сталину – источнику света,

счастья и радости для трудящихся всего мира». В конце он призывал уничтожить врагов нашей Родины [7].

Преданность Сталину – 2-я тематическая линия, выявленная в процессе контент-анализа статей. Она идет в одном русле с признанием справедливости кары для «вредителей», ранее ведущих руководителей партии и правительства: Г. Пятакова – заместителя Г. Орджоникидзе в Наркоме тяжелой промышленности, видного хозяйственника, большевика с дореволюционным стажем, соратника Ленина; Л. Серебрякова – бывшего Народного комиссара по финансам, творца финансовой реформы НЭПа; К. Радека – соратника Ленина. По мнению А.В.Шубина и О.В. Хлевнюка, этот процесс был организован для давления на «умеренных» в 1936–1937 гг., выступающих за взвешенные темпы дальнейшего индустриального развития [8].

Периодика выполняла политический заказ. «Заявление» стахановца-печатника цеха имени Анджиевского Северо-Кавказского края Писанова «Расстрелять всех до одного» было призвано повлиять на сознание сомневающихся, разоблачить врагов голосом рядового рабочего. Он заявлял, что на грязных руках убийц-троцкистов «еще не высохла кровь славного большевика Кирова, пусть же не ждут гады пощады! Нет прощения им!». Это заявление явно было написано в тематическом поле мести за гибель С.М. Кирова 1 декабря 1936 г., после чего начался новый виток репрессивной политики. Присвоение обвинительных ярлыков должно было создать еще более убедительную картину. Стахановец-печатник писал: «Нет более гнусных и подлых изменников, более озверелых врагов народа, чем господа Пятаков, Радек и их бандитская шайка. Но не уйти Троцкому от народной кары! Народ раздавит эту гадину!» [9].

В том же обвинительном духе «гадам нет и не может быть пощады» была написана и заметка о «многочисленных собраниях», прошедших во всех аулах, в казачьих станицах, колхозах и совхозах, на всех заводах, фабриках и в учреждениях Чечено-Ингушетии. Трудящиеся требовали высшей меры наказания для «озверелых бандитов троцкистской шайки». Одновременно в публикации было сказано и о любви к Сталину. Чем сильнее «ненависть к бандиту Троцкому и его презренной банде», тем оказывается «горячее любовь к отцу нашему Сталину» [10]. Сакрализация власти, Сталина, «отца нашего», на страницах периодики подтверждает смысловую вертикаль религиозной, по сути смысловой нагрузки советской идеологии с политическим антирелигиозным содержанием. От истинно религиозного в формирующемся сакральном культе Сталина сохранился механизм отношения к объекту поклонения, характер и стиль восприятия и насаждение подобных псевдорелигиозных практик демонстрируют страницы прессы 1937 г. [11].

Во имя светлого будущего, «которого гадам не остановить», рабочий второго нефтезавода товарищ Штыковский требовал: «Все трудящиеся единоклюбы! Смерть – вот единственное, что они заслуживают». Продолжая ту же тематическую линию, рабочие 7-й бригады Октябрьских промыслов просили Военную комиссию Верховного суда «расстрелять мерзавцев-троцкистов, чтобы не мешали нам строить наше коммунистическое общество» [12].

«Голоса» граждан, обвиняющих врагов, вначале имели вид небольших заметок, позже они приобрели вид статей. Пресса сообщала: в Ворошиловске состоялись собрания, осуждающие «черных изменников Родины»; трудящиеся «Красного металлиста», Мясокомбината, Пединститута, Кожевенного завода «с чувством омерзения и беспощадного гнева» требовали расстрела вредителей. Подобное происходило и в Кабардино-Балкарии: «Нет места врагам на нашей цветущей земле, заявляли они, «бешеных псов» необходимо истребить. Газеты сообщали о 640 случаях выявленных «вредительских» недоделок на Мариупольском заводе, на Криворожском, Горьковском и других заводах. Рабочие «хором» обвиняли «шайку матерых бандитов», к ним присоединялись колхозники. Заголовок одной из статей недвусмысленно гласит «Приговор суда – наш приговор» [13].

К осуждению «подлых гадов» присоединились и школьники. Обтекаемая фраза «ученики школы № 2» без указания города и района обширного Северо-Кавказского края лишь преследовала цель подтвердить, что даже юность, «на которую покушаются бандиты», не сомневается в их вине [14]. У читающего современника создавалось ощущение всеобщего осуждения «реставраторов капитализма» и одобрения мер наказания, применяемых к ним.

В целом, анализ краевых средств массовой информации 1936-1938 гг. показывает, что не проходило ни одного месяца без обнаружения прорывов, отставаний по вине «враждебных элементов», «троцкистских саботажников», «классовых врагов». Этими определениями называли, например, начальников депо, паровозных служб Северо-Кавказской железной дороги, инженеров и директора Грознефти, начальника дорожного отдела края и т. д. Если обвиняемые объясняли производственные неудачи объективными причинами (нехватка средств, времени, кадров), их слова называли в печати «замазыванием троцкистской деятельности» [15].

В 1936 г. жертвами репрессий стали руководители, инженеры и техники Орджоникидзевской железной дороги, через год – Минераловодского и Ставропольского отделений той же дороги, управляющий трестом «Грознефтезаводы», Карачаево-Черкесского отделения крайавтотреста. Как сообщала местная пресса, агенты иностран-

ных разведок орудовали на транспорте, в нефтяной и пищевой промышленности, в цветной металлургии.

Судебные процессы, в которые были вовлечены производственники, привели к дезорганизации промышленности, транспорта и всего общества. Технические специалисты Северного Кавказа, как и тысячи других по всей стране, постарались сделать все возможное для отмежевания от вредителей и доказать готовность работать в напряженных темпах пятилетки. Так, члены инженерно-технической секции профсоюза коммунального хозяйства Северного Кавказа заверяли «правительство, партию, советское общество», что они теснее «сплотятся вокруг генеральной линии партии и обеспечат выполнение пятилетки в 4 года вместе с рабочим классом» [16].

Аппарат репрессий и система страха, как одна их составных частей тоталитаризма, в этом случае способствовала консолидации технической интеллигенции как ресурса для решения державных задач.

Французский историк Ф. Фюре подмечал, что для победы революции необходим предмет ненависти. Сталинский «Великий перелом», который сравнивают с революцией, сопровождался навязчивой пропагандой, в которой организаторами вражеских происков за неимением дворян и буржуев выступили новые враги революции – кулаки и саботажники-специалисты [17].

На деле идеологические лозунги покрывали потребности текущего момента управления страной, дальнейшего индустриального рывка. Сомневающиеся должны были молчать либо их уничтожали как вредителей.

Конституция 1936 г. провозглашала демократические принципы правосудия: выборность судей и народных заседателей, участие народных заседателей при рассмотрении дел во всех судах, открытое разбирательство дел, проведение судопроизводства на национальных языках, обеспечение обвиняемому права на защиту, независимость судей и подчинение их только закону [18]. Однако именно в 1930-е гг. многие из названных принципов исчезли из реального судопроизводства. Под влиянием политической системы, формирующегося культа личности произошла деформация судопроизводства. Беззаконие и нарушение основных принципов, обеспечивающих права и свободы граждан, привели к осуждению и последующей гибели массы зачастую невинных людей.

Обвинительные клише, словосочетания, лингвистические обороты, уничижительно-ругательные фразы в прессе представляют собой прекрасный материал для анализа методов манипуляции общественным сознанием.

Определенные фразы, словосочетания и выражения, используемые в статьях,

само расположение публикации – на первых страницах газет – все это заставляло общество поверить в правильность приговоров; соглашаться, одобрять и поддерживать обвинение и тем самым, пусть и пассивно, но поддерживать сталинский режим.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989; Бордюков Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992; Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начиная с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М., 1988.; Хлевнюк О.В. 1937 г. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Хлевнюк О.В. От восстаний до террора // Свободная мысль. 1995, № 11; Шмидт Т.И. Дом на набережной. Люди и судьбы. М., 2009.
2. Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 300–302.
3. Северо-Кавказский большевик. 1937, от 24 января, № 19. С. 1.
4. Там же. 1937, от 26 января, № 20. С. 1.
5. Там же. 1937, от 27 января, № 21. С. 2.
6. Там же. 1937, от 24 января, № 19. С. 1
7. Там же. 1937, от 26 января, № 20. С. 1.
8. Шубин А.В. Указ.соч. С. 300–302; Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е гг. М., 1993. С. 89.
9. Северо-Кавказский большевик. 1937, от 28 января, № 22. С. 1; от 26 января, № 20. С. 1.
10. Там же. 1937, от 27 января, № 21. С. 1.
11. Там же. 1937, от 29 января, № 23. С. 1.
12. Аникин А.В. Элементы сакрального в русских революционных теориях (к истории формирования советской идеологии) // Отечественная история. 1995, № 1. С.79.
13. Северо-Кавказский большевик. 1937, от 27 января, № 21. С.1; от 28 января, № 23. С. 2; от 30 января, № 24. С. 2; от 3 февраля, № 27. С. 1.
14. Северо-Кавказский большевик. 1937, от 1 февраля, № 25. С.1.
15. Орджоникидзевская правда. 1937, от 12 мая. С. 1; от 15 мая. С. 1; от 16 мая. С. 3.
16. ГАРО. ФР. 3707. Оп. 1. Д. 143. Л. 4.

17. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 172-173.
18. Смыкалин А. Довоенный период развития советской судебной системы // Российская юстиция. 2002, № 6. С 39-42.

Стрелова А.В.,

с. Донское,
МБУК «Историко-краеведческий музей
Труновского района
Ставропольского края»,
директор

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТУРИЗМ КАК СТИМУЛ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*«Понять литературу не зная мест, где
она родилась, не менее трудно,
чем понять чужую мысль не зная языка,
на котором она выражена.
Ни поэзия, ни литература не
существуют сами по себе:
они вырастают на родной почве
и могут быть поняты в связи
со всей родной страной».*

Д. С. Лихачёв

Культурный туризм – это выезд граждан в другую местность с целью посещения достопримечательных в чем-то объектов (памятников культуры, музеев и т. д.) и приобретения дополнительных знаний по истории и культуре данной местности [1].

Культурный туризм имеет несколько подвидов:

– культурно-исторический (интерес к истории страны, посещение исторических памятников и памятных мест, тематических лекций по истории и других мероприятий);

– культурно-событийный (интерес к старинным традиционным или современным постановочным культурным мероприятиям или событиям – праздникам, фестивалям – и участие в них);

– культурно-религиозный (интерес к религии или религиям страны, посещение культовых сооружений, мест паломничества, тематических лекций по религии, знакомство с религиозными обычаями, традициями, ритуалами и обрядами);

– культурно-археологический (интерес к археологии страны, посещение памятников древности, мест раскопок, участие в археологических экспедициях);

– культурно-этнографический (интерес к культуре этноса, объектам, предметам и явлениям этнической культуры, быту, костюму, языку, фольклору, традициям и обычаям, этническому творчеству);

– культурно-экологический (интерес к взаимодействию природы и культуры, к природно-культурным памятникам, посещение природно-культурных ансамблей, участие в культурно-экологических программах) [2].

В последние годы в Великобритании, Франции и США начал развиваться такой вид культурно-познавательного туризма как «литературный туризм». В Москве, Санкт-Петербурге и ряде других крупных городов проводят экскурсии «Петербург Достоевского» или «Булгаковская Москва» [3]. Но, согласитесь, столицы – это еще не вся Россия! Восхитительная природа нашей родины, ее бурная история, многонациональная культура вдохновляли многие поколения творческих людей. И наше родное Ставрополье – не исключение!

Исходя из этих предпосылок, мы решили разработать свой литературный маршрут по местам, связанным с жизнью и творческим наследием «поэта земли труновской» Андрея Дмитриевича Бахтинова. Во-первых, потому что Бахтинов – замечательный поэт, которому в этом году исполнилось бы 70 лет, наш местный поэт, чье творчество требует изучения и сохранения. Во-вторых, по данным специалистов ВТО, спрос на данный вид туризма будет активно расти [4] и станет одним из наиболее перспективных направлений развития российского туризма. В-третьих, для того чтобы стать «литературным» туристом, потребуется всего лишь любознательность. В-четвертых, этот маршрут будет интересен разному возрастному составу участников – от школьников до людей пожилого возраста.

Литературный туризм определяется как посещение культурно значимых мест, связанных с жизнью и творческой деятельностью писателей, поэтов, а также мест, описанных в художественных текстах.

Наряду с этим необходимо ввести понятие «литературных мест», которые, вслед

за А.В. Фирсовой, определяют как объекты, возникающие на стыке географического и литературного дискурса [5]. «Литературные места» делят на три категории: фактические, символические и прагматические. Фактические места имеют прямую связь с жизненным путем писателя (место рождения и смерти, захоронения, квартиры и т. п.). Например, особняк Рябушинского в Москве, домик Лермонтова в Пятигорске.

Притягательность этих мест естественна, читателям интересно увидеть стол, за которым властитель их дум писал свои произведения, прикоснуться к атмосфере, в которой рос будущий гений.

Символические литературные места включают в себя не только существующие в данной местности физические объекты, но и культурный компонент, ведь турист воспринимает пространство через образ, сформировавшийся у него под воздействием прочитанного, а значит, попадает в представляемый им прототип художественного произведения. Например, образ «нехорошей квартиры», из которой за неделю загадочным образом исчезли пять жильцов и «корректный милиционер в белых перчатках», созданный Булгаковым, привлекает все новые поколения читателей.

Прагматический тип литературных мест представлен специально построенными объектами, призванными привлечь туристов. Он отчасти реализуется в обустройстве тематических музеев и появлении туристской инфраструктуры вокруг литературных мест.

«Литературный туризм» включает в себя и более разноплановые мероприятия, нежели просто посещение мест, связанных с тем или иным писателем.

Андрей Дмитриевич Бахтинов (1946-1993 гг.) родился в с. Труновское. Маршрут проходит по двум селам: Труновскому, родному селу поэта, и Ключевскому, которым Бахтинов посвятил много стихотворений:

*Степь да степь... родимая сторона.
По судьбе моей - твой полынный дух.
От запевки звонкой жаворонка
До щемящей песни журавля
(«Родина») [6].*

В ходе экскурсии звучат строки поэта, относящиеся к тем или иным объектам маршрута. Где бы Андрей Бахтинов ни был (а жизнь забрасывала его в самые разные уголки нашей необъятной страны), поэт с неизменным чувством возвращался в родной дом. Дорогой сердцу пейзаж он помнил и в далеких от родных мест краях:

*Есть одна заветная дорога,
Сколько б в мире ни было дорог,
Что уводит все к тому порогу,
Где остался детства уголок...
Отчий дом... Смеешься или плачешь,
Он, твой добрый друг - не за горой.
Отчий дом - как много это значит!
Больше, чем мы думаем порой
(«Отчий дом») [7].*

В ходе экскурсии туристы посещают библиотеку им. А.Д. Бахтинова в Труновском, где в сентябре 2016 г. был открыт мемориальный комплекс поэта. Там хранятся рукописи его произведений, личные документы и фотографии, а также воспоминания односельчан, знавших поэта, и многое другое.

Творческая группа при библиотеке с 2009 г. проводит литературный конкурс «Журавлиное сердце». Начиная с этого года будут проводить «бахтиновский» 5-дневный районный фестиваль «Поэты не рождаются случайно». Организация литературного тура «В моем степном и песенном краю» в сентябре даст уникальную возможность туристам посетить целый комплекс мероприятий, посвященных творчеству А.Д. Бахтинова, и сделать маршрут более информационно и эмоционально насыщенным.

Дальнейшее путешествие (в виде пешеходной экскурсии) позволит туристам посетить места, связанные с жизнью и поэзией Андрея Бахтинова: школа, которую будущий поэт окончил с «отличием» в 1960 г. и где в начале 2000-х гг. впервые учениками и педагогами был напечатан «самиздатовский» сборник его стихов; Дом культуры им. В. Холодилова, где Бахтинов работал культорганизатором, выступал со сцены, исполняя песни и читая стихи собственного сочинения.

Поэзия Бахтинова удивительно напевна, его строки легко ложатся на музыку, например, песня «Колыбельная для любимой» (музыка написана Александром Локтионовым):

*Пусть маячит уже над судьбой тень осенняя,
Ты со мной, моя сладкая боль и спасение.
Что про нас на людских языках слово тленное...
Я качаю тебя на руках, как Вселенную [8].*

Туристы посетят главную площадь села Труновского «Память». Здесь расположено сразу несколько исторических объектов: здание историко-краеведческого музея им. К.А. Трунова, памятник полному Георгиевскому кавалеру, герою Первой мировой и Гражданской войн К.А. Трунову, братская могила советских активистов, погибших в годы коллективизации от кулацких банд, памятник жителям села, павшим в годы Гражданской, Стена памяти с именами труновцев, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Тема Гражданской войны не является для труновцев далекой и абстрактной: у многих сельчан деды и прадеды сражались в отряде Трунова за Советскую власть. У Бахтинова есть стихотворение, которое называется «Эхо восемнадцатого года»:

*Просыпаюсь, заря цветёт
Буйным всполохом алых лент...
Восемнадцатый грозный год –
Просто эхо былых легенд.
Только ветры порой свистят,
Только вербы весной грустят,
Где упал в свои двадцать лет
Под копыта коня мой дед [9].*

Дед поэта, тоже Андрей Бахтинов, погиб в Гражданскую, его имя есть в списках красных партизан из отряда Трунова. Особое, трогательное отношение поэта к ветеранам Великой Отечественной отмечали многие знавшие Андрея люди.

Отец поэта, Дмитрий Андреевич Бахтинов, - участник войны, вернулся с фронта инвалидом [10]. Андрей, родившийся после войны, называл свое поколение наследниками Победы:

*Наш первый след
был на земле от следа солдат войны,
и мёртвых, и живых;
мы – первые наследники Победы,
зелёные ростки сороковых
(«Ровеснику») [11].*

Пешеходное путешествие завершает храм Покрова Пресвятой Богородицы. Он был построен в 1843 г. Здание храма в годы Советской власти было частично

разрушено: сняты купола, уничтожена колокольня. Храм использовали как Дом культуры.

Из трудовой книжки А. Д. Бахтинова известно, что в 1966 г. он был принят в Дом культуры художественным руководителем [12]. А значит, ходил на работу в здание бывшего храма. Во времена всеобщего атеизма писать о религии и храмах было не принято, но все же есть у Андрея Дмитриевича одно стихотворение, где он в нескольких строках сумел сказать о том, что значат для человека вера и духовность:

*Говорят, что с церковей
посшибало кресты вороньё,
и бредут по Руси
толпы злых и духовно увечных...
Только знаешь, мой друг,
а, по-моему, это враньё:
если ты – человек,
ты всегда сохранишь человечье
(«Под стук колес») [13].*

Маршрут продолжается в с. Ключевском, которое поэт очень любил за его родники, пруды, уникальную природу. В жизни Бахтинова были Днепр и Кама, Ангара и Амур, и Тихий океан... Но о Ключёвке, о родных местах он помнил всегда, где бы ни был:

*О тебе мне названивал
Дождик в дальних краях,
С родниковым названием
Деревушка моя
(«Сказка моя родниковая») [14].*

Чем больше вчитываешься в строки поэта, тем больше влюбляешься в его талант, неповторимость, искренность и лиричность. Нельзя не согласиться с мнением Н. Блохина о том, что за всю историю Терновки и Ключевского эта земля впервые дала России поэта такого масштаба. Как Михайловское - Пушкина, Константиновское - Есенина, Никольское - Рубцова! А Терновка с Ключёвским - Бахтинова! [15].

*Пусть я не был большим поэтом,
Но моих не читавши строк,*

*Лжет молва, что сгорал без света,
Что согреть никого не смог.
Пусть был путь каменист и труден,
И опасен в крутой момент,
Я любил вас до боли, люди,
Ничего не прося взамен.
Было что-то во мне от неба -
От высокой его судьбы,
Пусть я славным поэтом не был,
Но поэтом я все же был!
(«Высота») [16].*

Литературный маршрут «В моем степном и песенном краю» по «бахтиновским» местам позволит реализовать целый ряд туристических потребностей: интеллектуальные – позволит углубить знания по литературе, погрузиться в культурную и историческую эпоху поэта; социальные – провести досуг в кругу единомышленников, встретиться с новыми людьми, поделиться с друзьями впечатлениями о необычном месте; уйти от повседневности, а представителям старшего поколения – предаться ностальгии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Сенин В.С. Введение в туризм: учебник для школ, лицеев, колледжей и вузов. М., 1993.
2. Мошняга Е.В. Международный культурный туризм как фактор межкультурной коммуникации // <http://www.mosgu.ru>
3. Музей Михаила Булгакова [Электронный ресурс] 2014 / URL:<http://www.Bulgakovmuseum.ru/exhibitions>.
4. Статистическая информация по объектам Российской Федерации // Официальный сайт Федерального агентства по туризму Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс] [RussiaTourism.ru](http://www.russiatourism.ru), cop.2009–2014.–URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140723/>.
5. Фирсова А.В. Литературный туризм как продукт культурного картирования // Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. 2012, № 2. С. 142-148.

6. Бахтинов А. Д. Журавлиное сердце. Михайловск, 2006. С. 13.
7. Там же. С. 14.
8. Там же. С. 112.
9. Бахтинов А.Д. Сказка моя родниковая. Ставрополь, 2011. С. 22.
10. Воспоминания об Андрее Бахтинове. Рукопись // Фонды библиотеки им. А.Д. Бахтинова.
11. Бахтинов А. Д. Журавлиное сердце. С. 59.
12. Материалы из фондов библиотеки им. А.Д. Бахтинова.
13. Бахтинов А.Д. Журавлиное сердце. С. 106.
14. Он же. Сказка моя родниковая. С. 42.
15. Блохин Н. Свет Ключевки // Зинзивер. 2014, № 5.
16. Бахтинов А.Д. Сказка моя родниковая. С. 272.

Судаццов Н.Д.,

г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России,
доктор исторических наук, профессор

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

75 лет назад, осенью 1941 г., на Северном Кавказе шло небывалое по своему размаху и участию в нем людей строительство, в котором принимало участие более полумиллиона человек. Возводились оборонительные сооружения от Черного до Каспийского моря.

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР. Началась Великая Отечественная война народов Советского Союза против германского фашизма, стремившегося к мировому господству. Война потребовала перевода всей жизни страны на военные рельсы, огромного напряжения всех сил, перераспределения материальных, финансовых и трудовых ресурсов для достижения победы над врагом. Невидимая

данный героический подвиг во время войны совершили участники боевых действий и труженики тыла, показав, что только в единении сила, только в единении победа. Это был подвиг многонационального государства, его народов в борьбе с сильным и коварным врагом во имя своей свободы и мира на планете.

В условиях невиданных потерь и лишений советские люди жили исходя из того, что тыл и армия едины, под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» Недоедая, недосыпая, надрываясь от непосильного труда, не считаясь со временем, женщины, старики, подростки в тылу делали все возможное и невозможное, чтобы обеспечить действующую армию и страну всем необходимым: продовольствием, вооружением, снаряжением, товарами первой необходимости, организовывали лечение больных и раненых воинов, заботились о сиротах, инвалидах, семьях военнослужащих.

Население Ставрополя не только выполняло все текущие работы, связанные с уборкой урожая и другими полевыми работами, с выпуском продукции на предприятиях, но и проводило колоссальную работу по подготовке края к обороне на случай вторжения немецко-фашистских войск на его территорию.

Когда немецко-фашистские войска стали угрожать Крыму, ворвались в Донбасс, возникла реальная опасность того, что они могут вторгнуться и на Кавказ, чтобы захватить нефтяные районы и продовольствие, в которых так нуждалась Германия. Имелось в виду, что войска противника могут начать наступление на Кавказ с севера из Донбасса, со стороны Ростова-на-Дону, и с запада, с территории Крыма, через Керченский пролив.

Поскольку выход из Закавказья на север по железной дороге был только один, через г. Минеральные Воды, то Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) для создания второго выхода на север 16 августа 1941 г. приняли решение об ускоренном строительстве железнодорожной линии, соединявшей Кизляр и Астрахань по западному побережью Каспийского моря, протяженностью 356 км. Стройка была признана важнейшей, и на ее сооружение отводились сжатые сроки. Рабочее движение должно было начаться 1 августа 1942 г. Дорога проходила по территории Орджоникидзевского (Ставропольского) края, Калмыцкой АССР и Астраханского округа [1]. Линия проходила через Черные земли, кизлярские пастбища, безводные степи Калмыкии. К строительству привлекали железнодорожные войска и население той территории, по которой проходила линия.

По решению Ставропольского крайисполкома и крайкома ВКП (б) от 29 сентября к строительству дороги было привлечено 12 восточных районов края, которые в порядке трудовой повинности должны были немедленно направить на стройку 1800

подвод по 2 человека на каждой, снабдив их необходимыми инструментами и продовольствием [2].

Между тем обстановка на фронтах ухудшалась. Немецко-фашистские войска продвигались по Донбассу в направлении Ростова-на-Дону, к «воротам Кавказа». Складывалась реальная угроза прорыва немецко-фашистских войск на Кавказ и захвата этого стратегически значимого региона, занимавшего важное геополитическое положение, на долю которого приходилось 86 % общесоюзной добычи нефти, 65 % добычи газа, 56 % марганцевой руды и т.д. Кроме того, Северный Кавказ был сельскохозяйственным районом, который являлся поставщиком продовольствия и сырья [3].

Захват Кавказа был очень важен для Германии: здесь имелись запасы нефти и продовольствия, в которых она нуждалась; через Кавказ открывался путь на Средний Восток и к Персидскому заливу, что давало реальную возможность угрожать «жемчужине» Британской империи – Индии. Одновременно создавалась возможность втянуть в войну Турцию на своей стороне и соединиться с войсками, действовавшими в Северной Африке. Таким образом, захват германскими войсками Кавказа мог оказать огромное влияние на весь ход Второй мировой войны.

Учитывая реальные возможности Германии, складывающуюся обстановку, Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление об ускоренном строительстве оборонительных сооружений на Северном Кавказе от Черного до Каспийского морей, чтобы иметь реальную возможность перекрыть путь германским войскам на Кавказ. Предполагалось возводить сооружения силами населения республик, краев и областей региона, для каждой из которых определялись участки строительства.

С этой целью была создана 8-я саперная армия, штаб которой располагался в г. Грозном. В ее состав были направлены сотни тысяч человек из числа колхозников, учащейся молодежи, эвакуированных и др. Техническое руководство работами осуществляли военные инженеры, которые следили за правильным рытьем траншей, окопов, сооружением огневых точек. На территории Ставрополя было создано 3 полевых пункта строительства с центрами в г. Ворошиловске, Невинномысске, Черкесске [4].

В соответствии с решениями ГКО, крайисполком и бюро краевого комитета ВКП (б) 21 октября 1941 г. приняли постановление об организации в крае работ по строительству оборонительных сооружений. А через неделю крайисполком и бюро краевого комитета ВКП (б) приняли постановление о направлении на строительство сроком на 40 дней 113500 человек, 7550 подвод, 99 автомашин, 148 тракторов [5].

На строительство направляли людей из числа эвакуированных, колхозников, учащихся учебных заведений. Краевым управлениям и ведомствам поручали организовать медицинское, торговое, бытовое обслуживание, поддержание порядка и т. д. Питание работающих должны были обеспечить колхозы, торговые организации, местные органы власти.

В конце октября 1941 г. тысячи подвод с колхозниками потянулись из сел края на строительство оборонительных сооружений. Их размещали по квартирам жителей сел, прилегающих к строительству. Но поскольку жилья не хватало, то для этого приспособляли клубы, красные уголки и другие помещения.

Работать на строительстве оборонительных сооружений было очень сложно. Не были исследованы грунты, которые в ряде мест оказались каменистыми. Поэтому по ходу приходилось пересматривать нормы выработки, объемы заданий коллективам. Работали в чрезвычайно трудных условиях, особенно в связи с затяжными осенними дождями, а затем рано начавшимися морозами. Работать на строительстве приходилось в 2 смены до января 1942 года.

В тот год необычайно рано ударили морозы, сырая земля превратилась в камень. Ее практически невозможно было долбить кирками, лопатами, ломami. На трассе часто гремели взрывы на особо трудных участках, устраиваемые подрывниками. Для того чтобы оттаяла почва, разводили костры, лишь после их прогорания можно было продолжать копать траншеи, окопы. У костра люди могли хотя бы немного отогреться, но это удавалось не часто. В безлесной местности негде было взять дров, разве что в редких лесополосах. Для сооружения укреплений, блиндажей использовали все, что только было возможно. Весь камыш, росший по берегам речек, был срезан и доставлен на место строительства, хотя раньше большую часть его просто сжигали, чтобы ликвидировать гнездовья комаров – разносчиков инфекций.

Прибыв на место строительства, посланцы активно включались в работу. Они трудились с раннего утра и до самых сумерек. Для них были установлены нормы выработки. На работу приходилось ходить за несколько километров, невзирая на непогоду: дождь, слякоть, снег и морозы. Повседневным стремлением каждого работающего было выполнение по 1,5-2 нормы. Самоотверженную работу ставропольцев неоднократно отмечали приказами по строительству.

В основном работали женщины и старшекласники. У многих женщин дома оставались дети. Когда их направляли на строительство, то говорили, что это ненадолго – всего на 40 дней. Но, как потом показал ход работ, этого времени оказалось недостаточно. Строительство затянулось до нового, 1942 г. Это было связано с отсутствием

механизмов, рано наступившими холодами. Для работников стройки была введена четкая организация труда, широко развернуто трудовое соперничество. Этим ведали временные партийные и комсомольские организации, командиры подразделений, совет строительства.

Звено соревновалось со звеном, бригада с бригадой, колхоз с колхозом. Механизации почти никакой не было. Основную работу выполняли вручную. Главными инструментами были лопаты, кирки, молоты с клиньями и кое-где отбойные молотки. Все лежало на плечах рабочих: рытье окопов, противотанковых рвов, огневых точек, отвоз земли, перетаскивание бревен, камня и других строительных материалов.

А сводки с фронтов приходили все более тревожные: враг рвался в Москву, был окружен Ленинград. 24 октября немецкая авиация бомбила железнодорожный узел Минеральные Воды – это было уже совсем рядом. Немцы подошли к Москве. Гитлер заявлял, что 7 ноября на Красной площади состоится парад германских войск. Был даже назначен комендант Москвы.

Но 6 ноября в Москве было проведено торжественное собрание, посвященное годовщине Октябрьской революции, а 7 ноября состоялся парад Советской армии на Красной площади. Это вселяло уверенность в ближайшую победу. В подразделениях строительства прошли собрания, митинги, посвященные этим событиям, на которых участники заявляли о своей решимости работать с удвоенной энергией ради победы над врагом.

Вскоре в сводках Совинформбюро появились сообщения о том, что немцами взят Ростов-на-Дону. А это уже было совсем близко. Война стучалась в каждый дом. Эти сообщения подстегивали людей, заставляли их трудиться на строительстве оборонительных сооружений с удвоенной, утроенной энергией. Дни стали короче, на работу выходили задолго до рассвета, возвращались в темноте. Работали, замерзая на холодном ветру. На стройке стали выдавать «наркомовские» 100 граммов водки. Но это не спасало. С работы возвращались промокшие, полуголодные: не всегда вовремя доставляли продовольствие. Строители стали болеть, для лечения не хватало лекарств. Отработав 40 дней, не дожидаясь смены, люди стали самовольно покидать стройку.

Но вскоре пришли радостные вести: войска Красной армии освободили Ростов-на-Дону, началось успешное контрнаступление под Москвой, появилась надежда на то, что война, повернув на запад, скоро закончится..

В ходе развернувшегося зимнего наступления Красной Армии на юге немцы были отброшены от Ростова. В Крым был высажен десант советских войск и образо-

ван Крымский фронт, который должен был деблокировать осажденный Севастополь. Угроза захвата Кавказа фашистскими войсками временно была устранена.

В этих условиях, несмотря на то что часть работ на оборонительных сооружениях не была доведена до конца, ГКО принял решение прекратить их строительство. 20 января в Ставрополе состоялось собрание стахановцев и ударников края, посвященное окончанию строительства оборонительного рубежа на подступах к Кавказу. Более 2500 лучших строителей, проявивших трудовой героизм, были награждены грамотами крайисполкома, крайкома ВКП(б), командованием 8-й саперной армии и премированы [6].

Работа была выполнена огромная. На строительстве оборонительных сооружений осенью 1941 г., работало около 200 тыс. человек из Ставрополя, Карачаевской, Черкесской автономных областей, Кизлярского округа. Ими было выполнено 8 млн. 767 тыс. кубометров земляных работ, построено 533,4 км противотанковых рвов и других преград, 2437 пулеметных и пушечных огневых точек и т. д. [7].

К этому следует добавить, что ставропольцам в это время приходилось выполнять огромный объем работ, связанных со строительством других оборонных объектов: полевых аэродромов, которых в различное время на территории края было от 25 до 37, подъездных путей к ним, дорог, других военных объектов. На их сооружение были брошены значительные людские ресурсы. В это же время полным ходом продолжались работы на народной стройке – железной дороге Кизляр–Астрахань, которая проходила по полупустынной, редко населенной местности с песчаными бурями, холодными и жгучими ветрами, дождями. С октября 1941 до лета 1942 гг. здесь было выполнено 2 млн. 150 тыс. куб. м. земляных работ, построено 4 моста, 27 труб и лотков, установлено 353 км линий связи, подвешено 300 км проводов [8].

Это было сделано с большим напряжением сил. Работали темпами военного времени. Хотя не все на дороге еще было обустроено, но уже в августе 1942 г. по ней пошли поезда из Закавказья на Астрахань и дальше вглубь страны. Это было весьма кстати, так как немецко-фашистские войска, вторгнувшись в начале августа на территорию Северного Кавказа, прервали сообщение Закавказья с центром страны через город Минеральные Воды. Теперь стратегические, военные грузы, пополнение войск из Закавказья могли доставлять войскам, действовавшим под Сталинградом, по новой дороге Кизляр–Астрахань.

К сожалению, оборонительные сооружения, построенные на Ставрополье в 1941 г., при быстром продвижении немецко-фашистских танковых и механизированных войск по степям Предкавказья летом 1942 г. практически не были исполь-

зованы отступающими советскими войсками. Фашистов удалось остановить только на р. Терек и в предгорьях Кавказа. Развернулась небывалая по своим масштабам грандиозная битва на Северном Кавказе и на берегах Волги под Сталинградом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1986. С. 48.
2. ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 22. Л. 27.
3. История Второй мировой войны. Т.5. М., 1975. С. 199.
4. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сб. документов и материалов. Ставрополь, 1962. С.58.
5. ГАСК. Ф. 1852. Оп.12. Д. 20. Л.1.
6. Орджоникидзевская правда. 1942, от 22 января.
7. ГАСК. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
8. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 795. Л. 65.

Фитьмова П.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
социолог отдела
культурно-образовательной
деятельности

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ПОСЕТИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРНОЙ АКЦИИ «НОЧЬ В МУЗЕЕ-2016»

18 мая во всем мире отмечают Международный день музеев. Этот день был учрежден в мае 1977 г. на XI Генеральной конференции Международного совета музеев в Москве по инициативе советской делегации. В преддверии этого дня во многих

странах мира и по всей России проходит акция «Музейная ночь», или «Ночь музеев» (в Москве она называется «Ночь в музее»).

В этот день музеи открывают свои двери для всех желающих, совершенно бесплатно показывая свои выставочные залы и новые экспонаты. К празднику приурочены открытия новых выставок, проведение фестивалей. В музеях организуют тематические лекции, экскурсии, научные чтения, специальные занятия с детьми, проводят музейно-театральные представления.

В Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГМЗ) культурную акцию «Ночь в музее» проводят с 2011 г. Жители и гости города Ставрополя оценили культурную программу, проявили интерес к данному событию. С каждым годом культурная акция набирает все большую популярность, что говорит о большом интересе к этой акции жителей города.

Начиная с 2014 г. во время «Ночи в музее» социологи проводят опрос посетителей для изучения их мнения о качестве проведения акции.

В 2016 г. культурная акция проводилась под лозунгом «Ночь в музее – 2016. Ночь кино. Музеи и культурные ландшафты». Чтобы выявить, насколько была интересна акция для посетителей музея, был проведен социологический опрос. Основными вопросами проводимого исследования были: возраст респондентов; частота посещаемости музея; посещаемость культурной акции «Ночь в музее»; посещаемость культурной акции «Культпоход-2016».

Социологический опрос на «Ночи в музее-2016» проводили студенты-волонтеры 1-го курса факультета экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (10 человек). Студенты опрашивали посетителей культурной акции в головном здании музея-заповедника и в филиалах: «Картинной галерее пейзажей Павла Моисеевича Гречишкина» (далее Галерея) и «Музее-усадьбе художника-академиста В. И. Смирнова с мемориалом К. Л. Хетагурова» (далее Музей-усадьба).

В Галерее и Музее-усадьбе к участию в культурной акции были приглашены определенные категории граждан. В Галерее в акции приняли участие читатели Ставропольской краевой библиотеки для слепых и слабовидящих им. В. Маяковского и члены Всероссийского общества слепых. Музей-усадьбу посетили учащиеся специальной (коррекционной) общеобразовательной школы-интерната № 36 и члены социально-культурного клуба ветеранов труда «Серебро зимы».

В головном здании музея-заповедника (далее Головное здание) приняло уча-

стие в опросе 185 человек, в Галерее – 61 человек, в Музее-усадьбе – 16 человек: итого 262 человека.

По результатам опроса основной контингент респондентов среди посетителей Головного здания составила молодежь от 18 до 40 лет (58%), дети (26%), взрослая аудитория (14%). Несколько человек не пожелали указать свой возраст (2%).

Возраст респондентов	Частота	Процент
От 18 до 40 лет	108	58
До 17 лет	48	26
От 41 и старше	25	14
Не ответили	4	2
Итого	185	100

Основной возраст респондентов, посетивших Галерею и Музей-усадьбу – это посетители от 41 года и старше (47%), такой же процент посетителей среди молодежи от 18 лет до 40 лет (27%), дети до 17 лет (26%).

Возраст респондентов	Частота	Процент
От 41 и старше	36	47
От 18 до 40 лет	21	27
До 17 лет	20	26
Итого	77	100

Среди респондентов Головного здания большинство посетителей впервые пришли в музей в раннем детстве (40%), остальная часть респондентов посетили музей в годы учебы и в зрелом возрасте (30%).

Когда впервые посетили музей?	Частота	Процент
В раннем детстве	76	40
В годы учебы	54	30
В зрелом возрасте	55	30
Итого	185	100

В Галерее и Музее-усадьбе посетители пришли в первый раз (60%), остальные пришли не впервые (40%).

Впервые посетили Галерею и Музей-усадьбу?	Частота	Процент
Нет	46	60
Да	31	40
Итого	77	100

Задавая вопрос посетителям Головного здания о посещении ранее акции «Ночь в музее» в нашем городе, выяснилось, что только треть посетителей бывали на этой акции и ранее (34%), остальные пришли впервые (66%).

Посещали ли ранее акцию?	Частота	Процент
Нет	122	66
Да	63	34
Итого	185	100

Среди посетителей, приходивших на акцию и раньше, больше половины посещали акцию (54%), остальные приходят в музей и в другие дни (46%).

Приходили ли на «Ночь в музее» раньше?	Частота	Процент
Да	34	54
Нет	29	46
Итого	63	100

Главным вопросом, пойдут ли посетители Галереи и Музея-усадьбы в Головное здание на мероприятия, которые там проходили в этот день, больше половины респондентов изъявили желание туда пойти (58%), остальные посетители отказались (42%).

Мероприятия проходят и в головном здании, пойдете ли вы туда?	Частота	Процент
Да	45	58
Нет	32	42
Итого	77	100

Среди вопросов анкеты, задававшихся респондентам в Головном здании, был вопрос об участии посетителей в акции «Культпоход–2016» (приобретение билетов на посещение тематических интерактивных экскурсий). Опрос показал желание 50% посетителей принять участие в этой акции.

Хотите принять участие в акции «Культпоход–2016»?	Частота	Процент
Да	93	50
Нет	92	50
Итого	185	100

Результаты социологического опроса показали, что основной контингент посетителей культурной акции «Ночь в музее–2016» в Головном здании составил от 18 до 40 лет (58%), среди посетителей Галереи и Музея-усадьбы основной контингент посетителей составили граждане от 41 и старше (47%).

60% посетителей Головного здания впервые пришли в музей в раннем детстве; 66% впервые посетили культурную акцию «Ночь в музее». Пришедших не впервые на эту акцию – 34%, больше половины ходят в музей только на культурную акцию. 58% посетителей Галереи и Музея-усадьбы выразили желание прийти на мероприятие, проходившее в Головном здании. 50% посетителей Головного здания, пожелали принять участие в акции «Культпоход - 2016».

Чесняк М.Г.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующая отделом культурно-образовательной
деятельности,
кандидат педагогических наук

EVENT-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

**(из опыта работы Ставропольского государ-
ственного музея-заповедника)**

Новые ритмы общественной жизни на рубеже XX-XXI вв. изменили мотивацию посещения учреждений культуры. Сегодня в музей многие приходят в поиске новых впечатлений, чтобы провести досуг. Следует отметить, что музеи предлагают особый интеллектуальный тип времяпрепровождения, внедряя новые технологии и практики презентации вещей как свидетельств значимых событий, явлений природы и культуры (О. Карпова, В. Дукельский, Е. Зеленцова, Н. Прянишников, А. Лебедев и др.). Такой подход к построению взаимодействий с социумом обусловлен культурно-образовательной деятельностью музея, организующей образование в пространстве культуры. В этом русле «образование» рассматривается как развитие интеллектуальных способностей человека, его личностных качеств и ценностного отношения к миру. Результатом культурно-образовательной деятельности, в частности, являются новые методики и программы работы с посетителями, новые формы музейной коммуникации. Разнообразие и многоплановость предлагаемых музеем услуг актуализируют использование экономически оправданных маркетинговых методов их продвижения. Особенность применения экономических инструментов в музейном деле определяется его гуманистическим, образовательным, воспитательным и развивающим характером.

Рассмотрим сущность экономического понятия «продвижение». Под продвижением (англ. salespromotion) подразумевают любую из форм информационных сообщений, убеждений, напоминаний о предоставляемых услугах (для музея это выставки, экскурсии и др.), общественной деятельности (например, культурных акций), идеях (в том числе проектных) и др.

Рассмотрим некоторые функции продвижения культурно-образовательной деятельности музея:

- ◆ создание образа престижности, низких цен, инноваций;
- ◆ информирование об услугах музея (экскурсиях, лекциях и др.) и их параметрах (условия посещения, содержательная направленность и др.);
- ◆ сохранение популярности основных услуг (выставки, экскурсии, лекции);
- ◆ изменение образа использования услуг как основы формирования индивидуальных и социально-групповых представлений о картине мира на основе инновационных форм музейной коммуникации;
- ◆ создание атмосферы энтузиазма среди посетителей (конкурсы, викторины и др. как мотивирующие условия);
- ◆ ответы на вопросы потребителей (научные и организационно-справочные консультации);
- ◆ распространение благоприятной информации об услугах музея (т. е. услугах, удовлетворяющих потребности человека) [1].

С экономической точки зрения продвижение культурно-образовательных услуг музея может быть реализовано как краткосрочное мероприятие при выпуске новых услуг (выставок, экскурсий, лекций, новых форм их подачи и пр.) или для увеличения объема продаж как новых, так и уже предлагаемых ранее услуг. Это означает, что продвижению культурно-образовательной деятельности музеев способствуют общероссийские культурные акции, в которые активно включается Ставропольский государственный музей-заповедник («Ночь музеев», «Ночь искусств», «Наука 0+», «День кадет»).

В статье приведены результаты анализа реализации функций продвижения культурно-образовательной деятельности музея посредством культурной акции «Ночь в музее», говоря экономическим языком, продвижения музеем услуг, предоставляемых жителям и гостям города (таблица 1). Факт реализации функции в таблице обозначен плюсом, а нереализованной функции – минусом.

Таблица 1. Реализация функций продвижения культурно-образовательной деятельности музея в ходе культурной акции «Ночь в музее»

Функции продвижения	Годы проведения акции «Ночь в музее»					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1) распространение благоприятной информации о музее	+	+	+	+	+	+
2) создание образа престижности	+	+	+	+	+	+
3) создание атмосферы энтузиазма среди посетителей	+	+	+	+	+	+
4) изменение стереотипов восприятия	+	+	+	+	+	+
5) создание образа инноваций	+	+	+	+	+	+
6) убеждение покупателей переходить к более дорогим товарам	+	+	+	-	-	-
7) создание образа низких цен	-	-	-	-	+	+
8) информирование об услуге и ее параметрах	-	-	+	-	-	+
9) сохранение популярности услуг	-	-	+	+	+	+
10) ответы на вопросы потребителей	-	-	+	+	+	+

Как видно из таблицы, культурная акция «Ночь в музее» позволяет довольно полно реализовать функции продвижения культурно-образовательной деятельности музея. Наиболее устойчивое развитие из 10 функций получили 5: «распространение благоприятной информации о музее»; «создание образа престижности»; «создание атмосферы энтузиазма среди посетителей»; «изменение стереотипов восприятия»; «создание образа инноваций».

В рамках статьи приведем результаты исследования вопросов, связанных с реализацией некоторых функций продвижения культурно-образовательной деятельности музея в рамках массовой культурной акции «Ночь в музее».

Массовый характер акции «Ночь в музее» предъявляет особые требования к ее организации, подготовке и проведению. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изменениями и дополнениями) обязывает организаторов публичного мероприятия

обеспечить соблюдение общественного порядка и регламента его проведения [2].

Подготовка и проведение массовой культурной акции музея на основе технологии «event-менеджмент» представляет собой проектную деятельность, которая позволяет соблюдать требования закона.

«Event-менеджмент» включает: формулирование цели и обозначение измеримых результатов; ограниченность времени и ресурсов на проведение мероприятия; обособленность от прочих замыслов мероприятия; разработку организационной структуры под проект.

Началу работы над концепцией культурной акции предшествует «мозговой штурм», в результате которого выдвигаются основная идея и рабочее название акции. Затем выделяются основные направления подготовки акции и создаются рабочие группы: общий менеджмент (1-3 чел.); разработка путей реализации сквозной темы (1 чел.); разработка макетов и печать афиш, программы, буклетов и пр. (1-2 чел.); связи с общественностью (1-2 чел.); социологические исследования (1 чел.); менеджмент в экспозиционных залах и музейном дворике (по количеству мини-мероприятий активной музейной коммуникации); организационно-техническое сопровождение (3-5 чел.).

По каждому направлению определяются конкретные задачи, сроки, назначаются ответственные исполнители, которые отвечают за решение организационных вопросов, ресурсное обеспечение своего направления.

Общий менеджмент включает SWOT-анализ (сильные и слабые стороны, угрозы и возможности), мониторинг основных направлений, расчет сменяемости посетителей, обеспечение безопасности, взаимодействие с партнерами и волонтерами и др.

Для культурных акций 2013-2016 гг. разрабатывалась 6-часовая программа музейных мероприятий, проходивших в экспозиционных залах. Гуманистический характер культурно-образовательной деятельности музея учитывался при составлении программы: указывалась нижняя граница рекомендуемого ограничения по возрасту. Это определялось требованиями к наличию фоновых знаний и умений посетителей для активного участия в музейной коммуникации. Благодаря этому создавались благоприятные условия для восприятия участниками акции предлагаемых форм музейной коммуникации и, как следствие, достижения целей мероприятия и реализации функций продвижения культурно-образовательной деятельности музея.

«Event-менеджмент» (У. Хальцбаур, Э. Йеттингер, Б. Кнаузе, Р. Мозер, М. Целлер и др.) современные теоретики и практики (Р.З. Близняк, О.В. Афанасиади и др.) опре-

деляют его как «специальное событие», обеспечивающее достижение целей: активизация внимания общества к музею (рекламная акция; эксклюзивная программа музейных мероприятий); создание платформы для дальнейшего развития, в том числе на фоне конкурентов (городские музеи, театр, филармония, галереи, выставочные залы, библиотеки, кинотеатры, торгово-развлекательные центры, тематические кафе и рестораны, туристические фирмы и пр.); развитие и укрепление его отношений с настоящими и будущими партнерами (дизайн-студии, вузы, творческие личности и т. д.) [3].

Цели «специального события» способствуют реализации функций продвижения (таблица 2).

Таблица 2. Взаимосвязь «Event-менеджмента» с функциями продвижения (на примере культурной акции «Ночь в музее»)

«Event-менеджмент» культурной акции «Ночь в музее» как «специального события»		Функции продвижения
Цели	Основные направления подготовки	
активизация внимания общества к музею	афиши, программы, буклеты, связь с общественностью	<ul style="list-style-type: none"> ◆ распространение благоприятной информации о музее; ◆ информирование об услуге и ее параметрах
	сквозная тема; призовые мероприятия	◆ создание атмосферы энтузиазма среди посетителей
создание платформы для дальнейшего развития	специально организованная музейная коммуникация	<ul style="list-style-type: none"> ◆ создание образа инноваций ◆ ответы на вопросы потребителей; ◆ сохранение популярности услуг; ◆ изменение стереотипов восприятия; ◆ информирование об услуге и ее параметрах
развитие и укрепление его отношений с настоящими и будущими партнерами	в экспозиционных залах и музейном двореке	

Исследование функции «изменение стереотипов восприятия» проведено на основе анализа форм музейной коммуникации.

В программу акции «Египетская ночь» (2011 г.) входили 4 мероприятия, организованные научными сотрудниками музея (мастер-классы по изготовлению папируса, раскопки египетских пирамид, викторина с розыгрышем статуэток ручной работы, площадка «Комната страха») и 3 театрализованных представления при участии артистов Ставропольского академического театра драмы («Суд Осириса», «Обряд отверзания уст», «Пробуждение мумии»). При этом участие посетителей в музейной коммуникации было преимущественно пассивным. Тем не менее, стереотип восприятия музейной услуги был изменен: услуга воспринималась не как научно-просветительная, а как рекреационная (Д. А. Равикович, К. Хадсон, Ю. Ромедер).

В 2012 г. (акция «Губернский город – путешествие из XIX в XX век!») сотрудниками музея были созданы 2 новые выставки «Аптека и цирюльня» и «Историю рассказывают деньги». На последней прошло театрализованное мини-представление, экскурсия и викторина. В ходе акции было организовано 6 постоянно действующих мини-мероприятий: мастер-классы «Цветочный рай», «Археологические раскопки»; презентация литературы из музейного фонда «Книжная лавка»; викторины «Виды старого города», «Русское чаепитие», площадка «Подземный Ставрополь». Сценические постановки «Школа танцев», «Губернский театр», «Охота» подготовили и проводили как артисты Ставропольского академического театра драмы, так и музейные сотрудники. В акции также приняли участие волонтеры (площадки «Салон», «Фотосалон», «Ремесла», «Ярмарка»). Можно заключить, что акция послужила развитию функции изменения стереотипов восприятия: музей предоставил не только рекреационную услугу, но и создал условия непосредственного участия в музейной коммуникации.

В 2013-2016 гг. культурные акции «Ночь в музее» («За семью печатями», «Ночной культпоход», «Территория истории», «Ночь кино») проводились силами сотрудников музея с целью формирования образа музея как коммуникативной системы. Программы включали около 20 мини-мероприятий музейной коммуникации, проводимых с использованием музейных предметов.

Приведем несколько примеров мероприятий, нацеленных на вовлечение посетителей в активную музейную коммуникацию. Это инсталляции («Татарское городище»), квесты по экспозициям («Дедушки и внуки южного слона»), экскурсии, показ фондовых коллекций («Радуга меха»), игра-детектив («Кто Вы, капитан Мартинес?») и др. Наряду с мини-мероприятиями, в которых использовались непосредственно музейные предметы, были организованы просмотры фильмов о музее и музейных

исследованиях («Спасение южного слона», «100-летие Ставропольского государственного музея»). В акциях принимали участие волонтеры: мастера декоративно-прикладного творчества (мастер-классы «Свадебный венок», «Валяние», «Самопрялочка» и др.).

В эти годы музей выступил как коммуникативная система (Д. Камерон), и функция «изменение стереотипов восприятия» культурно-образовательной деятельности музея-заповедника проявилась в наибольшей мере.

Итак, просматривается динамичное развитие функции «изменение стереотипов восприятия» культурно-образовательной деятельности Ставропольского государственного музея-заповедника в ходе культурных акций «Ночь в музее». При этом продвигаются как традиционные (экскурсии, лекции), так и новые формы музейной коммуникации, то есть реализуются такие функции продвижения услуг музея как «сохранение популярности услуг»; «создание образа инноваций».

В 2013 г. в ходе акции «Ночь в музее» распространялись рекламные флаеры с информацией о предлагаемых экскурсиях (функция «информация об услуге и ее параметрах»). В 2016 г. в ходе акции проводилась предварительная продажа билетов на экскурсии в последующие дни («Культпоход 2016»). При этом были реализованы такие функции продвижения услуги экскурсионного обслуживания, как «сохранение популярности услуг», «информация об услуге и ее параметрах», «ответы на вопросы потребителей».

Обратимся к реализации функции продвижения «создание атмосферы энтузиазма». Реализация названной функции предполагает создание условий для возникновения положительно окрашенных эмоций, состояния воодушевления, мотивирующих их участие в активной музейной коммуникации. С этой целью для посетителей музея, желавших принять участие в активных формах музейной коммуникации, были разработаны мотивирующие призовые мероприятия. Например, в результате участия в музейной коммуникации надо было собрать определенное количество «печатей» (2013 г.), культурных «артефактов» (2014 г.) или «музейных историй» (2015 г.) [4].

Таким образом, event-менеджмент акции «Ночь в музее» способствует реализации функций продвижения культурно-образовательной деятельности музея-заповедника, а именно: «распространение благоприятной информации о музее», «создание образа престижности», «сохранение популярности услуг», «создание образа инноваций», «изменение стереотипов восприятия», «информирование об услуге и ее параметрах», «ответы на вопросы потребителей», «создание атмосферы энтузиазма».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Мельникова Н.А. Событийный маркетинг в сфере культуры: анализ коммуникационного продвижения событий регионального музея // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014, № 3 (17). С. 129-138.
2. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изменениями и дополнениями) – Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12135831/2/#ixzz4PM39tuP8>
3. Афанасиади О.В. Event–маркетинг. М., 2014; Хальцбаур У. Event-Менеджмент. М., 2007; Его же. Коммуникативный маркетинг. СПб., 2011.
4. Проекты // Официальный сайт Ставропольского государственного музея-заповедника – <http://www.stavmuseum.ru/project>; Разумовская, А. PRO движение. Технологии эффективного продвижения услуг / А. Разумовская. СПб. 2009; Стоун М. Маркетинг взаимоотношений с потребителями. М., 2002; Тульчинский Г.Л. Менеджмент специальных событий в сфере культуры. СПб. 2010.

Шамшина Л.Л.,

г. Михайловск,
Михайловский историко-краеведческий
музей им. Н.Г. Завгороднего,
директор

ИСТОРИЯ ГОРОДА МИХАЙЛОВСКА (по материалам Михайловского историко-краеведческого музея)

В фондах музея им. Н.Г. Завгороднего находится 1843 документа, из них 1245 фотографий, 31 письмо и более 100 документов на бумажной основе; а также 150 наименований книг по краеведению.

Основными источниками, содержащими информацию по истории Михайлов-

ска, являются документальные записи (биографии и автобиографии местных жителей) и книга Н.Г. Завгороднего «Неиссякаемая живучесть».

«В сердце каждого человека живет светлое чувство любви к тому уголку земли, где он родился, сделал первые шаги, начал познавать жизнь. И куда бы потом ни забрасывала его судьба, это чувство большой любви к Родине рождает патриотическую гордость за ее героическое и трагическое прошлое», - писал в своей книге «Неиссякаемая живучесть» Николай Георгиевич Завгородний – школьный преподаватель физики и математики, краевед, создатель первого михайловского музея, его первый директор, экскурсовод и писатель-историк.

Когда Николай Георгиевич ушел на заслуженный отдых, он с энтузиазмом увлекся воссозданием истории родного села. Ведь Михайловское имело свою богатейшую историю, не отраженную ни в одном печатном издании. Вот и поставил Николай Георгиевич перед собой цель – рассказать потомкам об их предках и о становлении с. Михайловского. «Если не я, то кто же?» – и всю свою оставшуюся жизнь посвятил добруму и нужному делу.

Получив доступ в ГАСК, Николай Георгиевич проводил долгие часы в его читальном зале, изучая документы, касающиеся истории Михайловки.

Завгородний думал о создании «Уголка памяти», пока живы люди, хоть что-то помнящие об историческом прошлом Михайловки. Еще можно было найти у жителей села уцелевшие бытовые предметы, которыми пользовались предки, старые фотографии. . . Завгородний писал: «Начало историко-краеведческому музею Михайловского, ныне Шпаковского, положило общественное движение 1970-х гг. к знанию исторического прошлого родных мест».

В поисково-собираТЕЛЬскую работу включились общеобразовательные школы, участники Гражданской и Великой Отечественной войн, а также селяне, интересующиеся историей. Было собрано 1600 предметов материальной культуры и редких исторических документов, рассказывающих о прошлом села. Если прежде сдавали, в основном, предметы быта, отжившие свой век, то теперь расставались с вещами более ценными: фотографиями своих предков, холодным и огнестрельным оружием, коврами, вышивками, старинными книгами. Неоценимая помощь в становлении музея была оказана Ставропольским краеведческим музеем.

У Николая Георгиевича нашлась достойная преемница – его дочь Бэла Николаевна Андросова. Человек, давно влюбленный в дело отца, энергичный и настойчивый. А музей города Михайловска по праву носит имя его создателя – Николая Георгиевича Завгороднего.

Сотрудниками Михайловского музея тщательно изучаются работы И.В. Бентковского, в которых встречаются упоминания о ст. Михайловской (позже с. Шпаковское, ныне г. Михайловск) [1]. Бентковский прошел путь от рядового солдата до офицера, казачьего сотника, начальника Михайловской станицы. Это дало ему возможность побывать в различных уголках нашего края, познакомиться с нравами и обычаями народов региона, жизнью переселенцев из России. Бентковский собирал статистический материал о развитии хозяйства и народонаселения. После выхода в отставку в 1857 г. Иосиф Викентьевич смог заняться вплотную историко-краеведческой и литературной деятельностью.

Историки-краеведы, работающие в фондах Михайловского историко-краеведческого музея, изучают документальные источники, отложившиеся там. Итогом изучения этих документов стали опубликованные сборники информационных материалов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Госданкер В.В. Историк-Краевед И.В. Бентковский (1812-1890) (краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности) // МИСК. 1976, № 14. С. 222-251.

Шевчук Р.К.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
научный сотрудник отдела
культурно-образовательной деятельности

СТАВРОПОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ КИНЕМАТОГРАФА

Согласно указу Президента РФ Владимира Путина 2016 г. в России был объявлен Годом кино. Он принял эстафету у Года литературы, так как кино и литература неразрывно связаны. Самые лучшие фильмы российского кинематографа – это чаще всего экранизации великих литературных произведений. Обратившись к источни-

кам того времени, можно узнать, когда же ставропольцы впервые познакомились с замечательным изобретением конца XIX в. – кинематографом (синематографом).

История кинематографа Ставрополя началась 30 марта 1907 г., когда решением Ставропольской городской управы было удовлетворено ходатайство мещанина И. И. Неклеушева и мещанина Ф. И. Беленовского о выделении им места в городском саду для постройки деревянного помещения под электробиограф «длиною 15 сажень, шириною 5 сажень, окрашенного масляными красками в изящном виде и украшенного электрическими лампочками». Кинотеатр назвали «Биоскоп».

Ставропольцы познакомились с кинематографом еще в конце XIX в., когда в нескольких странах – Франции, Германии, Англии, России, США – был изобретен аппарат для воспроизведения сфотографированного движения. В России его создали А. Самарский и И. Акимов. Это были робкие шаги кинематографа. Первым шагом новой отрасли «культуры» были «движущиеся картинки». Это были небольшие книжки, на страницах которых чередовались фазы движения животных, человека, машины. Быстро перелистывая книгу, можно было создать эффект движения.

Мутоскоп стал новым шагом на пути к кинематографу. Это был механический аппарат, вокруг оси которого выкладывались картинки и с помощью рукоятки вращалась ось аппарата, а с нею и картинки, которые возникали у специального окошка – экрана.

В Ставрополе еще не было специального здания для кинотеатра. Вскоре появились заезжие гастролеры. В начале 1896 г. газета «Северный Кавказ» сообщила, что в Ставрополь прибыл известный художник Иванов с оригинальным электрическим аппаратом и демонстрируются живые картины из жизни Петербурга, Москвы, Парижа и Лондона.

Фотографии позволили все больше приблизиться к кинематографу. Та же газета дала объявление о том, что в зимнем театре Т. Иванова работает синематограф Парфияно с демонстрацией разнообразного репертуара картин, которые Парфияно лично собрал, будучи в Лондоне, Париже и Берлине – это много художественных, научных, военных и комических картин.

Известный ученый Марей, изучив способность человеческого глаза сохранять увиденное в течение 0,1 секунды, разработал теоретические основы будущего кинематографа. Широкую известность завоевали братья Луи и Огюст Люмьер, которые сконструировали съемочную и проекционную аппаратуру, назвав ее биоскопом. В России он стал называться в народе «волшебным фонарем». Интересный факт: идея кинематографа пришла в голову Луи Люмьеру благодаря... швейной

машинке.

28 декабря 1895 г. в Париже, на бульваре Капуцинов, в «Гранд-кафе» впервые в мире был произведен показ короткометражных сюжетных документальных фильмов. Братья Люмьер повесили в зале белый экран, поставили аппарат, назвав его кинематографом (аппарат включал в себя камеру, печатающее устройство и проектор), и стали вращать ручку аппарата.

На экране появился движущийся поезд, зрители первых рядов от страха вскочили с кресел и выбежали из зала. Так родился новый вид искусства – кино, который очень быстро завоевал популярность в Европе, Азии, затем в США, где возникла «фабрика грез» Голливуд. Вскоре слух об удивительных движущихся картинах, о появлении на экране живых людей, настоящих машин, паровозов вызвал огромный интерес, и к «Гранд-кафе» стали выстраиваться длинные очереди. Зрителям было показано всего 5 коротеньких сюжетов, но они были в восторге, хлопали в ладоши, смеялись. Поезда уже никто не боялся, но первых рядов люди еще долго избегали.

Начались регулярные сеансы кинематографа. Тогда же они стали приглашать таперов для музыкального сопровождения сеансов. Популярность кинематографа побудила братьев искать новые сюжеты, активнее снимать фильмы на пленку. Они снимали короткие (40-50 секунд) репортажи о будничной жизни города и своей семьи: «Выход рабочих с фабрики», «Завтрак младенца» и др. Свои фильмы Люмьеры создавали без сценария, без декораций, без актеров. Только знаменитый короткий фильм «Политый поливальщик», где мальчик наступает на шланг за спиной садовника, и тот неожиданно обдает себя струей воды. Сцена была снята на камеру, а в качестве исполнителей выступили приятели Люмьер.

Братья устанавливали свою кинокамеру неподвижно и механически фиксировали все, что попадало в объектив. Изменение же масштаба изображения происходило стихийно – за счет самодвижения реальности, приближения и удаления объектов. Их фильмы были очень короткими (15-18 метров) и состояли из одного монтажного кадра.

На следующий год после успеха в «Гранд-кафе» (оно вскоре превратилось в кинотеатр) Люмьер послали в различные страны своих представителей с 2-мя целями: 1-ая – рекламная – демонстрировать фантастические возможности своего кинематографа, 2-ая – творческая – снимать интересные сюжеты. Они и сами съездили в Индию, Китай, Японию. К 1903 г. в их картотеке насчитывалось свыше 2 тысяч лент с разными сюжетами.

Братья, Огюст (1862-1954 гг.) и Луи Люмьер (1864-1948 гг.), были выходцами из Безансона – небольшого городка на востоке Франции. В юности они увлекались фотографией. Съемку вел в основном Луи, он же занимался усовершенствованием фотоаппарата. Огюст был больше организатором, собирал информацию о новых аппаратах для съемки, делал заказы на их приобретение. В самом начале своей деятельности они заказали кинетоскоп, который производился на предприятиях американского изобретателя Томаса Эдисона, но он не увидел перспективы в своем детище, хотя был с коммерческой жилкой. Кинетоскоп – маленький ящик с одним окуляром – предназначался для просмотра картинок одним человеком. В Америке до сих пор убеждены в том, что изобретателем кинематографа является Эдисон.

Братья Люмьер не отрицали первенства Эдисона в создании кинетоскопа. Они даже платили ему откупные, когда их фильмы показывали в США. Кинематограф Люмьер от кинетоскопа отличался тем, что работал на массовую аудиторию. Братья стояли у истоков нового вида искусства, покорившего позднее миллионы людей по всему миру.

В 1898 г. Луи снял фильм «Страсти Иисусовы», затем братья занялись промышленным производством кино- и фототоваров на своей фабрике в Лионе. Они увлеклись идеей создания цветной фотографии, проект которой оказался успешным.

И вот в июне 1907 г. в Ставрополе открылся 1-й стационарный кинематограф в городской роще (ныне парк «Центральный»). Кинотеатр не приносил большой прибыли своим владельцам. И для ее увеличения старались разными способами привлечь зрителей. При кинотеатре «Биоскоп» были выстроены: беседка для оркестра, помещение для кегельбана, буфет, где продавались чай, кофе, пирожные, конфеты, мороженое. На просьбу владельцев разрешить торговлю алкогольными напитками городская управа ответила отказом, заметив, что «городской сад служит местом отдохновения и прогулок для жителей города и находит нежелательным при клубах буфетов с продажей крепких напитков».

В октябре «Биоскоп» перешел в зимнее помещение, в дом Текиджиева на Николаевском проспекте (ныне пр. К. Маркса), ранее на этом месте была гостиница «Найтаки», где имелся вместительный зал, фойе, буфет с напитками, гардероб. Сеансы давались ежедневно с 16 часов. Цены на билеты: закрытые ложи на 4 персоны – 3 руб., 1-е место – 50 копеек, 2-е – 35 копеек, 3-е – 20 копеек, ученические на свободные места – 25 копеек. Дети и нижние чины платили половину стоимости билета. Здесь зрители Ставрополя впервые увидели фильмы братьев Огюста и Луи Люмьер – «Поезд», «Море», «Игра в карты», вызвавшие неподдельный восторг

присутствующих.

Однако помещение дома Такиджиевых мало соответствовало требованиям зрелищного заведения, и хозяин нижерасположенного дома купец Новотни решил возвести с восточной стороны своего дома здание настоящего кинотеатра, с большим фойе, зрительным залом на 330 посадочных мест, демонстрационной комнатой и подсобными службами. Здание в стиле модерн проектировал архитектор А. П. Булыгин, оно вступило в строй в 1912 г.

Ф. Беленовский и И. Неуклешев, не дождавшись ожидаемого дохода, в 1909 г. продали права владения зданием «Биоскоп» Б. Бедросову. Ныне здесь размещается кинотеатр «Октябрь». Став хозяином зимнего театра, Бедросов открыл летний кинотеатр «Свобода» в Воронцовской роще.

Документы того времени помогают представить обстановку в кинотеатре. Фойе освещалось 4-мя люстрами. На стульях, мягких диванах и креслах можно было расположиться и послушать музыку. Помещение украшали зеркала, скульптуры и аквариум. Игра тапера на пианино сопровождала сеанс.

Вскоре у «Биоскопа» появились конкуренты. Почти в одно и то же время на углу Николаевского проспекта и Европейского переулка (ныне ул. К. Хетагурова) в доме П. Чглокова был открыт электробиограф «Патэ».

В 1907 г. открылся кинематограф «Биофон» на 2-м этаже дома купца Зарифьянца на Николаевском проспекте (пр. К. Маркса, 54) предпринимателем Г. Израильским. В нижнем этаже располагался магазин «Золотой улей», здесь продавался мед. В целях борьбы с конкурентами Израильский впервые в городе стал использовать рекламу, подсвеченную электрическими лампочками, подвесив ее на декоративных столбах поперек южной стороны улицы.

За ним, стараясь не отстать от новых веяний, известные купцы Меснянкины в 1909 г. в нижнем зале здания «Пассаж» открыли кинематограф «Модерн» на 200 посадочных мест. Здесь же, на 2-м этаже, был театральный зал на 600 мест с современной сценой, большим фойе и летней прогулочной галереей. «Пассаж» стал самым посещаемым центром торговли и отдыха в городе. Об этом заведении рассказал в своей пьесе «Торговый дом» наш земляк, писатель И. Д. Сургучев. В 1920-е гг. кинематограф «Модерн» продолжал работать, показывая немые фильмы.

В доме купца Стасенкова на Вельяминовской улице (сегодня РОВД Ленинского р-на) открылся кинематограф Тосунова «Детский мир», где для молодежи демонстрировались образовательные фильмы: «Развалины Помпей», «Маленький физик», «По дорогам Лаоса» и др. На Нестеровской улице (ул. Советская) открылся

кинматограф «Гранд-Электро» на 750 посадочных мест (здание не сохранилось). Кинотеатры, соперничая друг с другом рекламами, знакомили ставропольчан с интересными кинофильмами. При изучении текстов старинных афиш видно, что сначала на киносеансах показывали короткие самостоятельные картины, не объединенные сюжетом.

Первые сюжетные фильмы появились в Европе и США в начале XX в. Вскоре собственное кинопроизводство возникло и в России. Первыми кинематографическими произведениями, выпущенными московскими кинофирмами А. Дранкова и А. Ханжонкова, были документальные, а затем видовые и трюковые фильмы.

В России премьера первого русского игрового фильма, который длился всего 7 минут, состоялась 15 октября 1908 г. Это была лента «Понизовая вольница» режиссера Вл. Ромашкова. В последующие годы отечественные постановщики обращаются к экранизации театральных пьес и литературных произведений.

28 марта 1915 г. реклама кинотеатра «Биоскоп» объявила о демонстрации картины «Война и мир». В роли Наташи Ростовой снялась актриса Императорского театра В. А. Коралли. Залы кинотеатров Ставрополя были переполнены, когда шли такие фильмы, как «Отец Сергей», «Пиковая дама» кинорежиссера Я. А. Протазанова. Программа киносеанса тех времен состояла из 3-х частей. В 1-й зрители знакомились с видовыми лентами, полетами дирижаблей и аэропланов, скачками... Затем шел основной фильм – драма или комедия. В заключение публике показывали «что-то веселенькое» - фрагменты комедий, клоунаду. Перед сеансом и в антракте обязательно играл оркестр.

Предприниматель Б. Бедросов использовал французские предохранители от самовозгорания и невоспламеняющиеся киноплёнки фирмы «Раккорд», но кинематограф «Свобода» все же сгорел. Театр «Биофонь» и электробиограф «Патэ», демонстрирующие свои фильмы в мало приспособленных помещениях, также прекратили свою деятельность.

Все первые ставропольские кинотеатры располагались по Николаевскому проспекту. Владелец книжно-музыкального магазина на Воронцовской улице (ныне пр. Октябрьской революции, 19) Людвиг Траубе решил вложить средства в кино. Купив кинопроекторную аппаратуру французской фирмы «О. и Л. Люмьер», он открыл в пристроенном к манежу помещении кинематограф «Солей». Был оборудован зрительный зал с внутренним балконом, площадкой для музыкального коллектива.

В 1918 г. ставропольские кинотеатры были реквизированы. Руководство мо-

лодой Республики, понимая важность развития кинематографа как мощного инструмента пропаганды революционных идей, решило взять кинематограф в свои руки. Всем известна фраза В. И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». 27 августа 1919 г. был издан Декрет СНК о национализации кинодела в стране.

В годы Гражданской войны и послевоенной разрухи кинематограф переживал свои трудности, но не стоял на месте. В 1920-х гг. в кинотеатрах продолжали идти фильмы с участием С. Бернар, М. Линдера, Ч. Чаплина, Д. Фербенкса, М. Пикфорд, а также отечественные ленты: «Красные дьяволята», «Закройщик из Торжка», «Праздник Святого Йоргена», «Броненосец Потемкин» и др.

В 1930-е гг. на смену Великому немому пришло звуковое кино. Советские системы звукового кино были разработаны в 1926-1927 гг. под руководством П. Тагера и А. Шорина. В 1931 г. снят первый звуковой фильм «Путевка в жизнь», затем «Чапаев», «Депутат Балтики», «Ленин в Октябре», музыкальные комедии «Веселые ребята», «Волга-Волга» и др.

В 1930-е гг. кинотеатр «Солей» был перестроен, оборудован новой, отечественной аппаратурой. Он стал самым современным в Ставрополе, ему дали новое название «Гигант». Кинотеатр стал участником Всесоюзной выставки в Москве, был отмечен дипломом и награжден копией скульптуры В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Отмечен был и киномеханик Т. С. Легоцкий. Он еще до революции прослушал курс лекций основателя кино Луи Люмьера во Франции, стажировался в Германии. Вернувшись в Ставрополь, первое время работал в «Биоскопе», затем в «Солее». В 1936 г. в дни празднования 40-летия изобретения кино, Легоцкий направил в Париж на имя своего учителя приветственное письмо, а также получил ответ с благодарностью и наилучшими пожеланиями, которое было опубликовано в феврале 1936 г. в газете «Власть Советов».

В период оккупации Ставрополя немецкими частями здание кинотеатра приглянулось командованию фашистских войск. Здесь был устроен кинозал «Солдатское кино» для немецких военнослужащих.

После войны в кинотеатре «Гигант» демонстрировались, помимо советских фильмов, немецкие трофейные ленты: «Девушка моей мечты», «Тарзан», «Индийская гробница» и др. В начале каждого вечернего сеанса выступал джаз-оркестр.

В 1985 г. по проекту архитектора В. Маркелова кинотеатр «Гигант» был реконструирован и переименован в «Орленок». В 1970-х гг. по призыву «Все лучшее – детям» в этом кинотеатре открыли 3 зрительных зала, зимний сад с фонтаном и

кафе. «Гигант» занял достойное место среди других кинозалов города. Сейчас, к сожалению, это здание пустует.

Еще в конце 1930-х гг. началось первого советского кинотеатра «Родина», но его открытие состоялось лишь в 1957 г. Это был 1-й широкоэкранный кинотеатр, который проработал до 1994 г., затем в этом строении располагался «Дом пограничника». Со временем здание обветшало, ввиду нехватки денежных средств на ремонт, в 2004 г. его демонтировали.

После войны в Ставрополе появились новые кинотеатры: «Пионер» на 80 зрителей (1954 г.); «Ставрополец» (176 мест) и «Мир» (198 мест) были открыты в 1957 г., «Чапаевец» – 40 мест (1968 г.). Кинотеатр «Дружба», построенный в середине прошлого века, работал до конца 1990-х гг., здание снесли в 2011 г.

В начале 1960-х гг. в районе бывшего Верхнего рынка начали возводить 1-й в крае широкоформатный кинотеатр «Экран». В 1966 г. он распахнул свои двери и перед изумленными посетителями предстал невиданных размеров экран, где демонстрировались панорамные картины. В 1990-х гг., когда возникла необходимость ремонта помещения, фильмы здесь уже не демонстрировали, кинотеатр долгое время стоял в полуразрушенном состоянии, а в начале 2016 г. его снесли.

В начале 1987 г. в юго-западном районе Ставрополя закончилось строительство широкоформатного кинотеатра «Салют». Оригинальное инженерное решение позволило на висячих опорах держать всю металлическую конструкцию с объемными потолками 2-х залов, вмещающих в общей сложности 720 зрителей.

1960 – 1970-е гг. называют «золотым веком» кинематографии, это было время зрительского ажиотажа. В 1968 г. в Ставропольском крае был зарегистрирован наивысший показатель посещаемости кино – 25 посещений в год на одного человека.

Многие ставропольские кинотеатры появились в начале XX в. в торговых зданиях, эта тенденция сохраняется до сих пор. В торговом центре «Космос» в 2015 г. открылся кинотеатр «Синема Парк», в котором на площади более 4000 кв. м. разместились 8 кинозалов повышенной комфортности.

В торговом центре «Европейский» открыли кинотеатр «Кино МАХ» с 6-ю залами (пр. К. Маркса, 53). Зал «Премьерный» располагает 277 местами со звуком 3D AURO, который поддерживает воспроизведение звука во всех плоскостях. Изображение в «Кино МАХ» – одно из лучших в Ставрополе – поддержка 3D в системе 4K и воспроизведение фильмов с частотой 60 кадров в секунду. Кинотеатр «Атлантис», расположенный в торговом комплексе «Галерея», имеет 2 небольших зала, вмещающих около 200 зрителей.

В настоящее время в Ставрополе действует ряд кинотеатров. После реконструкции в 2005 г. в кинотеатре «Октябрь» появилось звуковое оборудование новой технологии, система кондиционирования, современные мягкие эргономические кресла производства Франции, 2 цифровых кинозала с размещением 403 зрителей, кофейня.

Продолжает работать кинотеатр «Салют». Остаются центрами культуры кинотеатр «Пионер» (ул. Октябрьская, 101); «Мир» (ул. Серова, 420); киноклуб «Чапаевец» (пр. Чапаевский, 21); «Ставрополец» (ул. Трунова). В их кинозалах проводят сеансы художественных, документальных и мультипликационных фильмов по субботам и воскресеньям.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что кинематограф, вызвавший во всем мире взрыв восторга и интереса, показывает, что он является частью общемировой социально-культурной системы, а заинтересованность людей в поднятии общего культурного уровня дает мощный толчок к дальнейшему развитию индустрии кино.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. Д. 900.
2. Беликов Г.А. Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь: Книжное издательство, 1997.
3. Беликов Г.А. Град Креста. Ставрополь: Книжное издательство, 2005.
4. Беликов Г.А. Облик старого Ставрополя. Ставрополь, Книжное издательство, 2005.
5. Акопьян А.П. От «Солея» до «Орленка» // Про. 2007, апрель. С. 134-136.
6. Громова Е. Великий немой: ставропольские страницы // Ставропольская правда. 2016, от 5 апреля. С. 3.

Шеломанов Е.Г.,
г. Новочеркасск,
Новочеркасский музей истории
донского казачества,
ученый секретарь

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В 1946-1957 ГГ. В МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ КОММУНЫ»

Предметом данного исследования является деятельность Музея истории донского казачества, запечатленная в периодической печати 1946-1957 гг. (на примере статей газеты «Знамя коммуны»). Источниками для анализа послужили подшивки номеров вышеуказанного издания.

Музей истории донского казачества был открыт 22 ноября 1899 г. в специально построенном для него здании. Музейные коллекции формировались в течение нескольких десятилетий, предшествующих его открытию, благодаря стараниям «Комиссии по устройству Донского музея» и лично Харитону Ивановичу Попову, его первому директору.

Первоначально профиль музея предполагался как естественно-исторический с отделами по истории донского казачества и казачьими регалиями. В 1919 г. часть музейного собрания, прежде всего казачьих регалий, была вывезена казаками за рубеж. На этом история нашего музея не закончилась. На протяжении двух десятилетий до начала Великой Отечественной войны музей менял название, структуру, но оставался культурным центром Новочеркаска и всего региона в целом. Однако о казачестве в нем говорилось лишь вскользь, в рамках повествования по общегражданской истории. Лишь накануне Великой Отечественной войны Новочеркасскому областному краеведческому музею был присвоен статус Областного музея истории донского казачества. Несмотря на обретение нового статуса, музей стал формировать новую концепцию лишь в 1946 г., когда из Праги в Новочеркасск вернулась часть вывезенных в 1919 г. реликвий.

Несмотря на подвиги донских казаков в Великой Отечественной войне казачество в официальных средствах массовой информации в 1946-1952 гг. упоминается крайне редко и скудно. Отличительной особенностью таких публикаций была их явная пропагандистская направленность.

В газете «Знамя коммуны» о казачестве в целом стали писать в начале 1946 г. Именно в это время проходили выборы в Верховный Совет СССР 2-го созыва. В № 9 «Знамени коммуны» была опубликована достаточно обширная статья «Кандидаты казачества Тихого Дона», в ней говорится о том, что кандидатами от «казачества Тихого Дона» являются А.А. Жданов, Н.С. Хрущев, Н.М. Шверник, Н.А. Вознесенский [1]. Что же касается самого музея, то статей и заметок, посвященных его деятельности, было немного, и они носили информационный характер.

22 февраля 1946 г. в «Знамени коммуны» была опубликована статья «В краеведческом музее» (хотя к тому времени музей уже 5 лет носил название «Областной музей истории донского казачества»). В этой статье автор кратко описал состояние музейной экспозиции: «Отдел искусств разделен на 2 самостоятельных отдела: русское искусство и западноевропейское. Закончена экспозиция отдела истории донского казачества до 1917 г. Подготовлена выставка части работ Дубовского. Сейчас работники музея собирают материалы, отражающие участие казаков в Великой Отечественной войне» [2].

В этом же, 1946 г., в «Знамени коммуны» была опубликована достаточно интересная заметка «Дар музею донского казака». Олег Витальевич Жук, гвардии майор, преодолевший долгий боевой путь вместе с казачьей дивизией, передал в дар музею 150 трофейных орденов и медалей, принадлежавших офицерам и солдатам нацистской Германии и ее союзникам. Уникальность этого дара в том, что среди прочего там был «Большой рыцарский крест, принадлежавший командующему окружной будапештской немецкой группировкой генералу Пфеферу». Сообщалось также о том, что этот дар будет экспонироваться на выставке «Донское казачество в Отечественной войне с немецкими захватчиками».

Из газетных публикаций нам известно, что в 1948 г. в музее был ремонт и реэкспозиция. Об этом городское сообщество известила редакция местной газеты 31 июля 1948 г: «По-новому теперь размещены экспонаты в зале природы. Громоздкие шкафы убраны из центра зала, и все экспонаты размещены равномерно. В отделе истории искусств впервые будут экспонироваться недавно приобретенные картины художника-земляка Крылова: «Зимний пейзаж» (масло), «Сарай» (акварель). Пополнился отдел истории Гражданской войны. Приобретены фото-

графии дома в Каменске, где в 1918 г. проходил съезд Донского революционного казачества» [3]. Как видно из вышесказанного, публикации о музее в рассматриваемый период носили эпизодический характер.

Следующая статья, посвященная музею, была опубликована спустя год – 19 июля 1949 г. Она носила отчетный характер и содержала несколько важных для данного исследования моментов. Впервые авторы указали количество посетителей музея: «Свыше 15 000 новочеркасцев посетили в этом году залы музея донского казачества. Побывали в музее и трудящиеся Ростова, Миллерово, Шахт, Аксая и других городов области». Более того, в статье есть информация по комплектованию фондовых коллекций: «Приобретены 2 копии картин известного советского художника Грекова: «Трубачи Первой Конной Армии» и «Сталин, Ворошилов и Щаденко в окопах под Цырицыном». Администрация музея в 1949 г. заказала Заслуженному деятелю искусств Дагестанской АССР Мытнику несколько картин, посвященных творчеству М.А. Шолохова, в том числе «Домик Шолохова в станице Вешенской», «Рабочий кабинет писателя» и «Дон у станицы Вешенской». В то же время для отдела «Сталинский план преобразования природы» изготовлен макет лесоборочной машины. Обновлению подверглась и экспозиция «Донские казаки в Отечественной войне с немецкими захватчиками» [4].

Спустя еще год в «Знамени коммуны» появляется небольшая заметка о достаточно значимом для нас событии, называется она «Дар музею». В ней сообщается о том, что сын Дубовского Сергей Николаевич передал музею палитру и кисти, которыми пользовался в последние годы своей жизни Николай Никанорович, несколько фотографий участников передвижной выставки 1897 г., а также бюст работы Беклемишева. Помимо этого, музей приобрел у С.Н. Дубовского более 20 рисунков и акварелей, в том числе наброски портретов художников Маковского и Волкова.

1950 г. для нашего музея был богат на новые поступления. В сентябре 1950 г. ученик Нижне-Кундрюченской школы Раздорского района Анатолий Бодрыков близ старинного казачьего городка обнаружил меч. Предмет был доставлен в музей и помещен в экспозицию [5].

Следующий период в информационно-культурной политике 1950-х гг. охватывает 5 лет (1953–1957 гг.). Он характеризуется обилием информации в прессе относительно музейной жизни. В этой «пятилетке» исключением стал лишь 1953 г. За этот год в «Знамени коммуны» напечатаны всего лишь 2 статьи, посвященные интересующей нас проблематике. Первая повествует об организации археологи-

ческой экспедиции по разведке месторасположения казачьих городков XVI-XVII вв., а вторая рассказывает о жизни и творческом наследии М.Б. Грекова.

Следующий 1954 г. для СССР прошел под эгидой «300-летия Воссоединения Украины с Россией». Газетные передовицы буквально пестрили статьями о дружбе двух народов. Уже в 10-ом номере «Знамени коммуны» за 1954 г. напечатана большая статья директора музея Шмойлова «Боевая дружба донских и запорожских казаков». В статье дано краткое описание совместных походов казаков двух войск против турок, о попытках крымских наместников «поссорить между собой» донское и днепровское казачество.

В эти годы укреплялась материально-техническая база. В январе 1954 г. в музей был доставлен магнитофон. В данный период музей активно работал как культурно-просветительное учреждение. В дни летних каникул музей посетило до 500 человек, а 13 июля 1954 г. число посетителей музея достигло 659 человек. Летом этого же года сотрудники музея проводили реэкспозицию художественного зала: нашли свое место картины Дубовского, Шишкина, Маковского, Айвазовского, Грекова [6].

Нередко, как и в предыдущем периоде, деятельность музея подвергалась критике со стороны общественности, примером может послужить статья, опубликованная в июле того же года под заголовком «Почему в музее не показан современный Новочеркасск?»: «После долгих поисков вы останавливаетесь возле нескольких унылых стендов... это и есть, по замыслу работников, <раздел> «Новочеркасск сегодня».

Подводя итоги деятельности музея в 1954 г., следует сказать, что музей продолжал оставаться культурно-просветительной площадкой Новочеркасска и его окрестностей. Посещаемость музея составила около 60 тысяч человек. Казачество упоминалось лишь в связи с фольклорными фестивалями. В газете частенько печатали как исторические, так и авторские песни на казачью тематику. Проанализированные статьи демонстрируют возрастающий интерес к истории казачества.

Начиная с 1954 г. в «Знамени коммуны» активно муссируется вопрос об открытии Мемориального Дома-музея Грекова. Улица Песчаная получила имя художника, а в марте 1955 г. силами родственников Грекова был начат процесс воссоздания мастерской художника. На страницах газеты в течение всего года, о Грекове пишут как о певце Гражданской войны.

Местная пресса не обходит стороной и комплектование фондов музея. В музей в дар от «Новочеркасского общества охотников» были переданы знаменитые

чучела сайгаков. Что же касается выставочной деятельности, то в июне 1955 г. в музее открылась выставка «К 150-летию Новочеркаска», где особое место уделялось социалистическому строительству в Новочеркасске.

В октябре 1955 г. на базе Новочеркасского музея состоялось совещание работников музеев Ростовской области. На совещании присутствовали директор музея области, таких как РОМК, Таганрогский музей им. А.П. Чехова, Таганрогский краеведческий, РОМИИ, Старочеркасский им. С.М. Буденного. Повесткой дня стало воплощение в жизнь решений XX съезда и обсуждение новой экспозиции МИДК, посвященной 150-летию Новочеркаска [7].

Начало 1956 г. было ознаменовано визитом в Новочеркасск известного советского кинорежиссера С.А. Герасимова. Он посетил здание бывших областных Присутственных мест, с целью подготовки к будущим съемкам «Тихого Дона».

В январе 1956 г. в «Знамени коммуны» писали о том, что заканчивается разработка плана новой экспозиции. В частности указывалось, что новая экспозиция пополнится редкими экспонатами. Сотрудники музея заказали в Центральной библиотеке им. Ленина и в Государственном Архиве копии «прелестных» писем Разина и Пугачева, копии указов Екатерины Великой. Из реставрационных мастерских вернулись старинные казачьи знамена и портрет Ермака. В целом на протяжении всего года с периодичностью один раз в месяц газета освещала процесс создания экспозиции.

В «Знамени коммуны» продолжала «работу» историческая рубрика. Уже в следующем номере от 15 января в разделе «Наш календарь» вышла заметка о Матвее Платове. В ней он представлен как национальный герой, сподвижник Суворова и Кутузова. Была дана краткая биографическая справка с отсылкой к предметам Платова, хранящимся в Музее истории донского казачества (2 сабли и медальон) [8].

8 июня 1956 г. вышла в свет статья «Дар московских художников». В ней анонсировалось скорое открытие Дома-музея М.Б. Грекова. Также сообщалось о том, что Студия военных художников подарила будущему музею 32 живописные работы. Среди них были: эскиз к работе «Рождение Красной Армии», эскиз картины «Бой под Котельниковым». Что касается новых поступлений, то в 1956 г. в дар музею были переданы предметы казачьего быта и похвальный лист Промышленно-этнографической выставки 1913 г.

16 сентября в «Знамени коммуны» вышла большая статья директора музея Л. Шолохова. В ней он дал описание новой экспозиции, рассказал об отделах, пе-

речислил «ударные экспонаты» [9].

Проблема нехватки музейных помещений стояла остро и в 1930-е и в 1950-е гг. Об этом писали в прессе. Музею уже тогда были необходимы помещения для экспонирования работ Дубовского и Крылова.

В 1957 г. продолжилось комплектование фондов музея. Художником Тусовым в музей были переданы портреты Платова и Ленина, написанные им. Примечательно, что портрет Ленина был написан вскоре после его смерти, в 1924 г.

На страницах газеты, как и раньше, печатали критические статьи о работе музея. В июне 1957 г. была напечатана статья, в которой предлагалось создать Музейный совет, прежде всего для помощи администрации музея и его сотрудникам. В Совет предполагалось ввести представителей руководства города, учреждений культуры, краеведов. Совет был создан через несколько месяцев. Помимо Совета при музее существовал и так называемый Музейный актив. В его состав входили старые большевики, участники Гражданской войны. Они занимались «составлением революционной истории и разносторонне литературно-художественными способами отражали мощь революционного движения на Дону».

В июне 1957 г. администрация музея на страницах «Знамени коммуны» торжественно рапортовала об открытии новой экспозиции по истории казачества. Через месяц после создания этой экспозиции в музее произошло важное событие в культурной жизни города: открылся мемориальный Дом-музей М.Б. Грекова. Задачей нового музея стало освещение жизненного пути художника и его творчества [10].

«Знамя коммуны» – это важный источник по истории нашего музея. Изложенные материалы ярко иллюстрируют все вехи развития музейного учреждения. И это заслуга не только корреспондентов, но и сотрудников музея тех лет: Л. Шолохова, В. Егорова-Хоперского.

Городское партийное руководство тех лет смотрело на музей как на «выставочную площадку» для отражения успехов науки, промышленности и сельского хозяйства региона. Поэтому музей все еще имел краеведческий профиль, хотя уже более 10 лет являлся узкоспециализированным.

Все годы музей работал как культурно-информационный центр, принимал большое количество посетителей. Эта деятельность находила отражение в публикациях газеты. В 1940-50-х гг. сохранилась заложенная еще до Великой Отечественной войны концепция казачества. Казак – это защитник Родины, борец за Советскую власть. Позже эта концепция нивелируется в рамках формирования

концепции советского человека Хранителем же истории и традиций казачества на долгие годы оставался лишь музей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Знамя коммуны. 1946, январь.
2. Там же. 1946, февраль.
3. Там же. 1948, июль.
4. Там же. 1949, июль.
5. Там же. 1950, сентябрь.
6. Там же. 1954, январь, июль.
7. Там же. 1955, июнь, октябрь.
8. Там же. 1956, январь.
9. Там же. 1956, июнь, сентябрь.
10. Там же. 1957, июнь.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Бурков С.Б.,

г. Владикавказ,
Институт истории и археологии РСО-А
при СОГУ им. К. Л. Хетагурова,
старший научный сотрудник

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МУЗЕИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Предметы археологии составляют весомую долю коллекций краеведческих музеев края. Их место и роль в формировании общей концепции функционирования и стационарных экспозиций зависит от многих факторов: площадей, отводимых под показ, годовых планов, утвержденных программ, возможностей фондовой работы.

Тематические археологические выставки, проводящиеся в связи с юбилеями исследователей древностей, либо демонстрирующие новые поступления или раритеты, хранящиеся в запасниках, – явление для многих музеев не очень частое, ведь археология для музеев – это только одно из направлений их деятельности.

В то же время на Северном Кавказе есть специализированные археологические музеи. Условно их можно подразделить на несколько категорий: музеи учебно-образовательных учреждений, производственных и научных организаций, а также музеи-заповедники.

К первым из них могут быть отнесены археологические музеи, создаваемые при кафедрах ВУЗов либо при археологических лабораториях учебно-образовательных центров. Иногда небольшие музеи функционируют при общеобразо-

вательных учебных и внешкольных учреждениях, например, центрах детского творчества, республиканских туристических станциях. Для них характерна форма краеведческих уголков. Так, они существуют в Кантышевской сш № 1, а также в селениях Плиево, Верхние Ачалуки, Сурхахи, в республиканской станции юных туристов г. Малгобека (Ингушетия). В значительной степени такие структуры создаются и работают благодаря личной заинтересованности и инициативе отдельных преподавателей или директоров школ.

Ещё одной категорией музеев являются специализированные музеи ВУЗов. Так, в Чечено-Ингушском госуниверситете археологический музей вначале работал (с 1978 г.) при кафедре Всеобщей истории, а затем (с 1986 г.) при археологической лаборатории НИСа и межвузовской кафедры Истории народов Северного Кавказа. Такая же форма была применена и для создания музея при археологической лаборатории Исторического факультета Ставропольского госуниверситета, открытого в 2000 г.

Для создания музея Чечено-Ингушского университета научной и организационной основой послужила археологическая экспедиция под руководством профессора В.Б. Виноградова, для музея СГУ – археологические экспедиции студентов СГУ под руководством профессора А.А. Кудрявцева, проведенные совместно со Ставропольским государственным историко-культурным и природно-ландшафтным музеем-заповедником им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве. Музей был создан как учебно-образовательное подразделение университета, сочетающее возможности хранения и «открытого экспонирования» археологических предметов.

Музей в г. Грозном после событий 1992 г. прекратил свое существование, а в г. Ставрополе, в связи с реорганизацией ВУЗа в 2012 г., деятельность музея также была приостановлена.

В настоящее время археологические музеи работают в Южно-Российском федеральном (бывшем Ростовском) и в Северо-Осетинском госуниверситетах. В первом из них учебный музей археологии был создан в 1983 г., а в 1993 г., в связи с образованием Научно-методического центра археологии РГПУ, он стал одним из его структурных подразделений. Экспозиция состоит из коллекций, полученных в результате многолетних исследований археологических экспедиций госуниверситета. В музее представлены предметы от эпохи энеолита до позднего средневековья. Центральное место отведено находкам из Елизаветинского городища, на раскопках которого проходят археологическую практику студенты исторического факультета.

В 2001 г. на базе Учебного музея при поддержке ФЦП «Интеграция» был создан Центр коллективного пользования ЮФО, целью деятельности которого стала подготовка и осуществление совместных проектов с учебными и научными организациями РФ и зарубежья. В музее проводят практические занятия по археологии, читают лекции для групп школьников, студентов профильных факультетов и ВУЗов г. Ростова и Ростовской области.

Музей древностей Алании Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (СОГУ) является совместным проектом Университета и Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания. Фонды музея составлены из предметов, найденных в ходе экспедиций сотрудниками Института и Университета. Они насчитывают около 300 тысяч единиц хранения, представляющих эпохи от палеолита до средневековья. Одна из крупнейших коллекций – украшения из драгоценных металлов – это произведения искусства мастеров-ювелиров сарматской и аланской культур (более 3000 предметов).

В экспозиции музея, открытой 6 февраля 2014 г., представлены результаты археологических раскопок, непрерывно ведущихся с 1970-х гг. до настоящего времени, а также этнографические материалы. Её украшают 6 манекенов в одежде (это реконструкция) с украшениями и вооружением: мужчина и женщина кобанской культуры, скифский воин-лучник в доспехах, аланский воин, женщина в праздничном платье XVII в. и мужчина в повседневной одежде XVIII в.

Музей древностей Алании призван совмещать культурно-просветительские, научно-исследовательские и образовательные функции, способствовать подготовке профессиональных кадров историков, археологов, этнологов, искусствоведов, художников, музееведов. Сотрудники музея проводят экскурсии для гостей Республики, читают лекции по заранее утвержденной тематике.

Некоторые археологические объекты стали основой музеев-заповедников, таких как археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище», Анапский археологический музей-заповедник «Горгиппия», археологический музей Таманского музейного комплекса, археологический музей-заповедник «Танаис», основой деятельности которых является музеефикация памятников археологии. Постоянно существующие на их базе археологические экспедиции, реставрационные и иные лаборатории, научные центры позволяют им вести работы в широком спектре – от спасательной археологии до экспонирования коллекций и формирования собственных фондов, заниматься проведением научных форумов, издавать отдельные тематические сборники. Туристский поток даёт воз-

возможность заниматься широкой просветительской деятельностью, вести тематические кружки, проводить археологическую практику.

Ведомственные археологические музеи представлены структурами, создаваемыми при специализированных научно-исследовательских учреждениях. Одним из наиболее успешных, полностью соответствующих целям и задачам музейного показа, хранения, учёта и реставрации, до февраля 2015 г. являлся археологический музей ГУП «Наследие» МК Ставропольского края, открытый в 2002 г. Располагая научно выверенной и профессионально исполненной экспозицией, музей вел разнообразную работу: проводил экскурсии, научные конференции, тематические и выездные выставки. Пополняемые в ходе ежегодных экспедиций «Наследия» фонды давали возможность мобильного видоизменения постоянной экспозиции. Значительные средства выделялись и для научно-реставрационных работ, в результате чего многочисленные артефакты, повреждённые временем, вновь становились доступными для посетителей и исследователей. Реорганизация, произведённая в 2015 г., привела к необходимости передачи хранящихся в фондах и выставленных в экспозициях предметов археологии на постоянное хранение в Ставропольский государственный музей-заповедник.

Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН был создан в 1996 г. как его структурное подразделение. Экспозиция музея размещена в 2 залах. Хронологический диапазон - от нижнего палеолита до позднего средневековья, предметы этнографии относятся к XIX-XX вв. Археолого-этнографическая коллекция музея выстроена по тематическому принципу с расчетом на всестороннее освещение различных сторон жизни населения.

Экспозиции периодически обновляются за счет материалов, полученных в ходе работ археологических и этнографических экспедиций института. Музей активно сотрудничает с хранилищами древностей других населённых пунктов Дагестана, оказывает научно-консультативную помощь по созданию археолого-этнографических экспозиций и организации выставок. Его экспонаты были неоднократно представлены в составе российских выставок в Польше, Японии, Австрии, Нидерландах. Большое внимание в музее уделяется фондовой работе, описанию и классификации коллекций, улучшению условий хранения археологических и этнографических экспонатов. Сотрудники музея осуществляют научно-исследовательскую, просветительскую и экспедиционную работу.

В последнее время происходит резкое сокращение финансирования деятель-

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ности археологических музеев, находящихся в составе ВУЗов Северного Кавказа. Оптимизация штатного преподавательского состава, учебных и научных структур в самих ВУЗах, их слияние, иные нововведения самым пагубным образом сказываются на их существовании.

Бурный расцвет «коммерческой археологии» приводит к сужению научных и образовательно-просветительских возможностей археологии как важной составной части культурного пространства России. В этих условиях усилия по созданию научно-образовательных центров, основой которых часто являются археологические экспедиции, нуждаются во всесторонней поддержке, как организационной, так и финансовой.

Одной из таких важных инициатив является строительство в Северной Осетии горного кластера «Учебный научно-производственный комплекс СОГУ». Он будет расположен рядом с одним из древнейших памятников Евразии - пещерой Мыстулагты лагат (пещера Ласок) в Гизельдонском ущелье. Его строительство началось в 2014 г. в рамках программы стратегического развития СОГУ. В состав комплекса включены: биостанция, полевой Музей истории человека и природы, лаборатории, музеефицированные стратиграфические разрезы. Идет строительство учебных мастерских, в которых будут восстановлены древние и средневековые способы работы с керамикой, костью, металлом для того, чтобы студенты, аспиранты и преподаватели разных факультетов университета смогли проходить практику на базе этого комплекса, заниматься научной работой.

Участвовать в исследованиях совместно с учеными смогут до 50 человек одновременно. На этой территории более 20 лет проходили археологическую практику студенты исторического факультета СОГУ, МГУ, ЛГУ (сегодняшний СПбГУ), а также студенты и аспиранты ряда американских университетов. Уже существующий на базе фондов Института истории и археологии археологический музей, как и существующий десятилетия археологический памятник, будут являться важными составными частями вновь возводимого комплекса.

Кравцова С.Л.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующая отделом археологии

Корж Е.А.,

реконструктор

К ВОПРОСУ О ФРАГМЕНТЕ ШЕЛКОВОГО ИЗДЕЛИЯ (VIII-IX ВВ.)

**(из фондов Ставропольского
государственного музея-заповедника)**

Археологические коллекции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГМЗ) представлены огромным количеством очень ценных и редких материалов. В фондах СГМЗ хранится фрагмент (134х60 см) изделия из низкокачественного неокрашенного шелка со следами пришивания меха. Выявленные особенности кроя и деталей позволяют предположить в нем верхнюю часть теплой плечевой одежды (Илл. 1).

Первоначальное изучение названного объекта позволило специалистам предположить, что его происхождение связано с женским погребальным комплексом могильника Подорванная Балка. Погребение было разрушено, и спасательные работы проводились в 1959 г. сотрудником Ставропольского краевого музея Л.Н. Глушковым.

Впервые материалы из парного женского захоронения Подорванной Балки были опубликованы в монографии В.А. Кузнецова «Нижний Архыз X-XII вв.» [1]. Автор описал текстильные образцы из холста, но не упомянул верхнюю одежду, выполненную с использованием шелкового покрытия. Таким образом, встал вопрос об уточнении происхождения памятника.

В результате дополнительного обследования объекта на нем были обнаружены разновременные инвентарные этикетки. Самая ранняя из них принадлежала музею Северного Кавказа. Следовательно, данный фрагмент хранился еще в фондах губернского Музея Северного Кавказа (1905 г). Открытие позволило предположить,

что предмет входил в археологическое собрание Прозрителева Г.Н., конкретно в кабардино-балкарские сборы из скальных могильников, приобретенные и подаренные губернскому музею одним из его попечителей – А.С. Собривским. По этим материалам у Прозрителева вышла статья «Мумии балкарских могильников Терской области, Нальчикского округа», где действительно упоминалось о фрагменте рубахи из грубого шелка [2].

При детальном изучении фрагмента изделия было выяснено следующее:

- ♦ он состоит из 2-х кусков некрашеной ткани полотняного переплетения разного качества;

- ♦ длинный кусок (около 125 см) представляет собой полосу ткани шириной от кромки до кромки 35 см с фрагментами включений, сформированных толстыми шелковыми нитями, что свидетельствует о вторичном использовании ткани, которая при этом сохраняет признаки первоначального изделия – шарфа, декорированного по краю узкими полосами¹.

Анализ образцов ткани был проведен научным сотрудником реставрационного Центра имени И.Э. Грабаря, старшим научным сотрудником института Наследия им. Д.С. Лихачева, старшим научным сотрудником Центра египтологических исследований РАН О. В. Орфинской [3]. Он подтвердил первоначальное визуальное предположение о том, что изделие выполнено из шелка.

Таким образом, предлагаемый к вниманию фрагмент, с достаточной долей вероятности, может быть определен как часть тканевого покрова шубы с размерами, укладывающимися в стандартные характеристики данного вида теплой одежды (Илл. 2) [4].

Использование крупных кусков шелка, перекрывающих полочки изделия, свидетельствует о высоком статусе владелицы. Простоту и низкое качество шелка, возможно, компенсировали количеством ткани, пошедшей на изготовление покрова одежды. Не исключены дополнительные украшения на этом костюме из более дорогого шелка. К сожалению, сохранившиеся фрагменты не позволяют воссоздать крой изделия в первоизданном виде с предполагаемыми элементами декора.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Кузнецов В.А. 1993. Нижний Архыз в X-XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993.
2. Прозрителев Г. Н. Мумии балкарских могильников Терской области, Нальчикского округа // Труды Ставропольской Архивной Комиссии. Вып. 5. Ставрополь, 1913.

3. Орфинская О. В. Аланский костюм VII-IX вв.: по материалам из скальных могильников Карачаево-Черкесии // Культуры Евразийских степей 2-й пол. I тыс. н. э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001. С. 106-122; Она же. Нераспашная женская одежда на меху Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара». Каталог выставки. М., 2016; Она же. Текстиль VIII-IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук (на правах рукописи). М., 2001; Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. М., 1989.
4. Додэ З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001; Она же. «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя» // Российский археологический ежегодник. Вып. 3. СПб. 2013. С. 642-653; Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб., 1992; Она же. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском Шелковом Пути. СПб., 2012. С. 384; Студенецкая Е. Н. Указ. соч.

Кривцова Т.Г.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
младший научный сотрудник отдела археологии,
магистр истории

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА АРХЕОЛОГОМ А.Л. НЕЧИТАЙЛО

Изучение истории древностей Северного Кавказа и Степной Украины с давних пор находится в центре внимания археологической науки. Это не случайно, так как именно эти территории - одни из исключительных, с ними связаны многие важные про-

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

цессы давнего исторического прошлого. Кроме того, доказана важная роль жителей Северного Кавказа в зарождении и развитии важнейшего занятия населения земного шара - скотоводства. Территориально Кавказ занимал особое положение как мост между Древним Востоком и восточно-европейскими степями, так как ни одно общество не развивалось изолированно. Взаимосвязи населения были одним из составляющих общего прогресса. Изучение взаимодействия имеет огромное значение для исторической науки.

Историография бронзового века весьма обширна, однако отношение к нему в отечественной исторической науке неоднократно менялось из-за недостаточности самого археологического материала. Некоторое время учеными отвергалась связь Северного Кавказа и Украины. Лишь на рубеже XIX - XX вв. появляется версия о том, что связи этих регионов возникают в эпоху бронзы. На основании фактов учеными были подтверждены неслучайные связи этих территорий. Вопросам культурно-экономических связей было посвящено огромное количество разнообразных научных статей. Но изучение взаимоотношений этих племен лишь на уровне их характеристик, даже содержательных, не исчерпывало проблематику данного вопроса. Со временем этот вопрос в отечественной исторической науке приобрел статус нерешенного. Недостаточно изучена в рамках этой проблематики и территория Верхнего Прикубанья. Вплоть до 1960-х гг. она упоминалась лишь при обзоре памятников бронзового периода или в трудах обобщающего характера по истории Кавказа.

Огромную роль в изучении бронзового века и становлении археологической науки по вопросам связей Украины и Кавказа сыграли исследования А.Л. Нечитайло. Именно она создала собственную концепцию изучения связей данных регионов на основе археологических данных, полученных ею же в разные годы при исследованиях памятников эпохи бронзы.

Научную биографию Нечитайло А.Л. можно проследить на основании ее личного архива, который был передан ее супругом в Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве после смерти ученого в 2009 г. В фондах музея хранятся ее полевые отчеты и личное дело исследователя. Для того чтобы понять процесс становления научных взглядов ученого, необходимо остановиться на основных моментах ее биографии.

Аннета Нечитайло родилась 16 ноября 1935 г. в ст. Староминской Краснодарского края в семье служащего. В 1937 г. семья переехала в Ставрополь. Не останавливаясь подробно на ранних этапах жизни ученого, необходимо отметить, что в 1958 г. она закончила исторический факультет Ставропольского пединститута [1].

Еще будучи студенткой, Аннета познакомилась с выдающимся археологом Т.М. Минаевой. Позже именно Татьяна Максимовна повлияла на судьбу молодого ученого. В 1958 г. Аннета поступила на работу в Ставропольский краеведческий музей, где она проработала до ноября 1969 г. За эти годы она руководила рядом археологических экспедиций. В 1963 г., например, Усть-Джегутинской.

В 1966 г. Нечитайло были проведены спасательные работы у ст. Суворовской. Кроме того, Аннетой Леонидовной были исследованы могильники вблизи пос. Холднородниковского, на правом берегу р. Овечки (поселение рядом с с. Нижняя Татарка) [2].

В 1969 г. Нечитайло переехала на Украину, поступила в аспирантуру Института археологии АН УССР по специальности «Первобытная археология». Материалы, накопленные ученым в экспедициях на территории Северного Кавказа, позволили ей в 1973 г. успешно защитить кандидатскую диссертацию «Верхнее Прикубанье в эпоху Средней бронзы». Позже она издала эти материалы в виде монографии «Верхнее Прикубанье в бронзовом веке» [3].

В том же году Нечитайло стала младшим научным сотрудником (1973-1980 гг.) отдела энеолита-бронзы Института археологии АН УССР. В это время Аннета Леонидовна участвовала в ряде археологических экспедиций на территории Крыма и Херсонской области. В 1980 г. Нечитайло была избрана на должность старшего научного сотрудника отдела энеолита-бронзы [4].

Итогом ее 35-летней научной работы в Институте археологии стала в 1994 г. в Киеве защита докторской диссертации «Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы» [5]. До самых последних дней Аннета Леонидовна работала в Институте археологии. Ею было написано свыше 140 различных научных работ по проблематике бронзового века.

Аннета Леонидовна – один из крупнейших советских ученых, она внесла огромный вклад в изучение древней истории Северного Кавказа. Ее методологией и работками, связанными с проблематикой формирования различных археологических культур, пользуются и современные исследователи. Аннета Леонидовна была, в первую очередь, археологом-полевиком и исследовала значительное количество памятников не только на территории Кавказа, но и на Украине. При всем этом она понимала, что сами по себе материалы археологических экспедиций не могут прояснить все проблемные вопросы. Их решение возможно лишь на основе комплексного анализа всех групп источников. Труды Нечитайло, несомненно, являются классикой археологии. Они стали своеобразным фундаментом в изучении всего бронзового века на террито-

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

рии Северного Кавказа и Степной Украины.

За более чем 40 лет научной деятельности в данной области Анна Леонидовна прошла огромный путь от анализа археологического материала до создания собственной оригинальной научной концепции. Можно выделить 3 этапа в формировании научных взглядов исследователя.

1-й из них охватывает период 1960-х гг. и знаменуется исследованием территории Верхнего Прикубанья. Именно здесь ею были получены материалы, которые легли в основу исследования культур бронзового века.

2-й этап – это 1970-е гг., археолог в это время занималась систематизацией взглядов тех ученых, которые изучали проблематику связей племен Украины и Кавказа в период XIX-XX вв.

3-й этап в становлении научных взглядов относится к 1980-м гг. Именно в этот период Нечитайло занималась комплексным анализом связей племен Степной Украины и Северного Кавказа в бронзовом веке.

Значение работ Нечитайло для развития отечественной археологической науки особо ярко прослеживается на фоне предшествующего периода в изучении проблемных вопросов бронзового века. Научные работы, имеющиеся к началу исследовательской деятельности Анны Леонидовны, носили лишь обобщающий характер. Археологические раскопки на этой территории хоть и проводились, но они носили в основном характер сезонных работ, а исследование памятников эпохи бронзы проводились вне исторической связи различных культур того периода.

Решение проблемных вопросов бронзового века зависело от новых систематизированных археологических исследований на территории Северного Кавказа. Роль его в древней истории всей зоны была велика, но недостаточно изучена на тот период времени.

Переломным моментом в данном направлении исследований стали экспедиции Усть-Джегутинская (1963 г.), Суворовская и Холоднородниковская (1966-1967 гг.), проводимые Ставропольским краеведческим музеем в Прикубанье под руководством Нечитайло в 1960-е гг. Результаты исследований дали богатейший археологический материал, с помощью которого Анна Леонидовна в дальнейшем рассмотрела влияние 3-х культур бронзового века и проследила генетическую связь между памятниками майкопской культуры и северокавказской культурно-исторической общностью. Кроме того, археолог установила стратиграфическое соотношение культур, их общее и различное, что она объяснила климатической средой и социальными отношениями внутри самих племен.

В своих исследованиях Нечитайло выделила новую классификацию северокавказской культуры. Она условно разделила ее на 3 периода: ранний, средний и поздний и ограничила рубежом III-II тыс. до н.э. (началом 2-й половины II тыс. до н.э.) [6].

На основе археологических исследований, проведенных на территории Верхнего Прикубанья, Нечитайло опубликовала монографию «Верхнее Прикубанье в бронзовом веке». В данной работе археолог обобщает материалы, собранные ею в различные годы на этой территории. В этом труде представлено огромное количество материала, полученного в ходе раскопок, что, несомненно, делает данную монографию весьма информативной. Исследователь не просто рассмотрела археологические памятники Верхнего Прикубанья в контексте их отношения к той или иной культуре, она проследила взаимоотношения этих племен и сравнила их с более ранними и более поздними культурами. Главным итогом археологического изучения территории Верхнего Прикубанья было выделение ее в отдельную локальную группу памятников, которые до экспедиций Нечитайло практически не были изучены.

Характер основных выводов, сделанных исследователем в работах 1970-х гг., отчетливо говорит о начале складывания собственной научной концепции. В работах ученого происходит постепенный переход от рассмотрения взаимоотношений племен этих территорий с точки зрения традиционного подхода, который рассматривал их лишь в связи с производящими формами хозяйства, которые стимулировали контакты, к совершенно новым формам взаимодействия.

Разрабатывая эту теорию в 1980-е гг., Нечитайло рассмотрела взаимоотношения племен как особую сферу жизнедеятельности в динамике этих связей. Археологические исследования, проводимые Институтом археологии АН СССР, способствовали решению многих проблемных вопросов, касающихся территории степной Украины. Полученный в 1980-е гг. в ходе Крымской, Днепровской, Херсонской экспедиций совершенно новый археологический материал позволил Нечитайло накопить огромную источниковую базу, которая, в свою очередь, помогла ей проанализировать связь памятников новоданиловского типа с ранними бронзовыми памятниками Северного Кавказа. Кроме того, именно в этот период она начинает сопоставлять погребальный обряд этих регионов, основываясь на собранных материалах, и раскрывает тем самым единообразное содержание больших групп племен скотоводческого типа всего Северного Причерноморья.

На Северном Кавказе в эпоху средней бронзы, по мнению Нечитайло, сложились традиции добычи и обработки металла. Причем местные мастера обеспечивали металлом не только свой регион, но и соседей. Обменные отношения не были односто-

ронными, их характер по прошествии времени менялся. Нечитайло отметила движение племен катакомбных культур в северокавказские области в горную и предгорную зону. Именно это, по ее мнению, способствовало установлению контакта, в результате которого появились новые элементы культуры, к ним она отнесла курильницы [7].

Итогом многолетних исследований Нечитайло стала работа «Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы». В ней Аннета Леонидовна предлагает вполне законченную и во многом оригинальную концепцию по проблематике связей этих регионов в довольно больших хронологических рамках - с IV тыс. до н. э. по I тыс. до н. э.

Данная работа не лишена дискуссионности. Основные позиции автора по проблематике и динамике связей прошли проверку временем и являются актуальными и сегодня. Вполне решенным Нечитайло можно считать вопрос о характере культурно-экономических связей, о том, что именно экономические отношения между этими двумя регионами способствовали поднятию уровня экономики на территории Украины и возникновению здесь локальных центров производства изделий из металла.

В своей монографии автор довольно подробно остановилась на проблеме восприятия населением этих регионов культурных традиций. Важным основанием для этого, по мнению автора, было сохранение единства в хозяйственной деятельности. Именно единая производственная база, которая создавалась еще в период ранней бронзы, способствовала, по утверждению автора, близости культур, а отсюда и формированию сходных традиций у населения этих регионов. Ученый говорит о том, что именно восприятие и передача элементов как раз духовной культуры является показателем не просто длительных связей этих регионов, но и возникновения понимания традиций, которые складывались в достаточно плотном контакте [8]. Современные археологические исследования подтверждают выводы Нечитайло, что, несомненно, говорит об универсальности и фундаментальности данного исследования.

Таким образом, А.Л. Нечитайло является не просто археологом, проводившим огромное количество разного рода археологических экспедиций, но и создателем оригинальной научной концепции изучения связей племен Северного Кавказа и Степной Украины.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. М. д. № 1941. Л. 1.
2. Там же. Л. 2.
3. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

4. СГМЗ. М. д. № 1941. Л. 2.
5. Нечитайло А.Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991.
6. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье... С. 102.
7. Нечитайло А.Л. Связи населения... С. 24.
8. Там же. С.100.

Кухарук М.Ю.,

г. Ставрополь,
Институт живых систем СКФУ
кандидат биологических наук, доцент.

Арустамова С.Н.,

г. Ставрополь,
институт живых систем СКФУ, студентка

МОНИТОРИНГ САПРОБНОСТИ ОЗЕРА КРАВЦОВО

В десяти километрах от Ставрополя находится Кравцово озеро, являющееся одним из уникальных объектов Ставропольской возвышенности. Будучи реликтовым и храня в толще своих отложений историю всего своего существования, озеро вызывает большой научный интерес у исследователей.

Кравцово озеро-болото находится на высоте 560 м над уровнем моря, вытянуто с востока на запад, его общая площадь не превышает 1 кв. км, а глубина – 2,5 м.

Удивительной особенностью Кравцова озера является то, что периодически оно зарастает, мелеет и превращается в болото, а затем вновь восстанавливается в озеро. Это объясняется чередованием засушливых и дождливых годов, а также различной подпиткой грунтовыми водами.

В середине озера имеется небольшой плавучий остров. Он образовался из торфа, поднявшегося на поверхность воды, на который были занесены споры и семена растений.

Кравцово озеро – природный заказник, находящийся под охраной государства. Заказник является гидрологическим, предназначенным для сохранения флоры и фа-

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

уны реликтового объекта водно-болотистых экосистем лесостепи.

Целью нашего исследования было изучение разнообразия микроорганизмов, обитающих в оз. Кравцово, а также определение экологического состояния водоема. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

1. Установить и проанализировать видовое разнообразие микрофлоры озера Кравцово, провести подсчет численности и биомассы водорослей;

2. Оценить сапробность оз. Кравцово.

Наши исследования проводились осенью 2016 г. Материалом для исследования являлись пробы воды, отобранные на оз. Кравцово. Сбор проб фитопланктона проводился с помощью планктонной сети, фитобентоса путем сбора наилка в пробирку, перифитон собирались методом соскоба. Для изучения и определения видов диатомовых водорослей изготавливали постоянные препараты с использованием смолы Эльяшева. Фиксация водных проб производилась спиртом. Для определения видовой принадлежности и экологической характеристики водорослей использованы отечественные источники [1].

В результате проведенных нами исследований было определено 42 вида микроорганизмов, относящихся к двум царствам: Plantae Protozoa (таблица 1).

Таблица 1. Общий список видов

Царство	Отдел/ тип	Род	Вид
Plantae	Bacillariophyta	Amphora	Amphoraovalis
		Caloneis	Caloneisamphisbaena
		Cocconeis	Cocconeisplacentula
		Cyclotella	Cyclotellameneghiniana
			Cyclotellastelligera
		Cymatopleura	Cymatopleurasolea
		Cymbella	Cymbellahelvetica
			Cymbellatumida
		Diatoma	Diatoma vulgare
			Diatomaehrenbergii
		Epithemia	Epithemiaadnata
		Fragilaria	Fragilariacapucina

		Gomphonema	Gomphonemaacuminatum	
			Gomphonema sp.	
		Gyrosigma	Gyrosigmaacuminatum	
		Navicula	Naviculaamphibola	
			Navicula hasta	
			Naviculamenisculus	
			Navicularhynchocephala	
			Naviculatransitans	
			Nitzschia	Nitzschiapalea
			Rhoicosphenia	Rhoicospheniacurvata
	Rhopalodia		Rhopalodiagibba	
	Scenedesmus		Scenedesmusquadricauda	
	Trachyneis		Trachyneis sp.	
	Tryblionella		Tryblionellaacuminate	
	Chlorophyta	Closterium	Closteriumdinae	
		Cosmarium	Cosmariumlaeve	
			Cosmariumpygmaeum	
			Cosmariumwittrockii	
		Monoraphidium	Monoraphidiumcontortum	
		Scenedesmus	Scenedesmusquadricauda	
		Staurastrum	Staurastrum sp.	
		Tetraedron	Tetraedroncaudatum	
		Tetraedron	Tetraedron minimum	
		Gomphosphaeria	Gomphosphaeria aponina	
	Cyanophita	Merismopedia	Merismopediaglauca	
		Oscillatoria	Oscillatoria sp.	
	Euglenophyta	Euglena	Euglenasp. 1	
			Euglenasp. 2	
			Euglenaintermedia	
	Protozoa	Ciliophora	Paramecium	Paramecium sp.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Водоросли отдела Bacillariophyta занимают подавляющее большинство в биогидроценозе озера Кравцово. Наибольшее разнообразие наблюдается в роду *Navicula* (5 видов). Водоросли отдела Chlorophyta и Cyanophyta представлены в малых количествах.

В ходе изучения данного водного объекта нами фиксировалось также и место обитания представителей альгоценозов, на основе чего производилось группирование: фитопланктон, фитобентос и перифитон. Важность такого разделения определяется эколого-морфологическим своеобразием представителей различных отделов и экологических группировок.

В таблице 2 представлены данные об экологических группировках альгоценоза озера Кравцово:

Таблица 2. Экологические группировки альгоценоза озера Кравцово

Вид	Фитопланктон	Фитобентос	Перифитон
Bacillariophyta			
<i>Amphoraovalis</i>	-	-	+
<i>Caloneisamphisbaena</i>	+	+	+
<i>Cocconeisplacentula</i>	+	-	-
<i>Cyclotellameneghiniana</i>	+	+	+
<i>Cyclotellastelligera</i>	+	+	-
<i>Cymatopleurasolea</i>	-	+	-
<i>Cymbellahelvetica</i>	+	+	+
<i>Cymbellatumida</i>	+	+	+
<i>Diatoma vulgare</i>	-	-	+
<i>Diatomaehrenbergii</i>	+	-	-
<i>Epithemiaadnata</i>	-	-	+
<i>Fragilariacapucina</i>	+	+	+
<i>Gomphonemaacuminatum</i>	-	-	+
<i>Gomphonema sp.</i>	-	-	+
<i>Gyrosigmaacuminatum</i>	-	+	-
<i>Naviculaamphibola</i>	+	-	+

<i>Navicula hasta</i>	-	+	+
<i>Naviculamenisculus</i>	-	+	+
<i>Navicularhynchocephala</i>	-	+	-
<i>Naviculatransitans</i>	-	-	+
<i>Nitzschiapalea</i>	-	+	-
<i>Rhoicospheniacurvata</i>	-	+	-
<i>Rhopalodiagibba</i>	-	-	+
<i>Scenedesmusquadricauda</i>	-	+	-
<i>Trachyneis sp. 1</i>	-	-	+
<i>Tryblionellaacuminata</i>	-	-	+
Chlorophyta			
<i>Closteriumdinae</i>	-	-	+
<i>Cosmariumlaeve</i>	-	+	+
<i>Cosmariumpygmaeum</i>	-	+	+
<i>Cosmariumwittrockii</i>	-	-	+
<i>Monoraphidiumcontortum</i>	-	-	+
<i>Scenedesmusquadricauda</i>	-	+	+
<i>Staurastrum sp.</i>	-	-	+
<i>Tetraedroncaudatum</i>	-	+	+
<i>Tetraedron minimum</i>	-	+	-
<i>Gomphosphaeria aponina</i>	-	+	+
Cyanophita			
<i>Merismopediaglauca</i>	-	+	+
<i>Oscillatoria sp.</i>	-	+	+
Euglena			
<i>Euglena sp. 1</i>	-	-	+
<i>Euglena sp. 2</i>	-	-	+
<i>Euglenaintermedia</i>	-	+	-
Ciliophora			
<i>Paramecium sp.</i>	-		+

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Основываясь на данных, полученных нами в ходе исследования, можно сделать вывод, что подавляющее большинство видов встречается в перифитоне. В пробах фитобентоса наблюдается преобладание численности и биомассы водорослей. Объем и видовое разнообразие фитопланктона скудны.

Стоит отметить, что представитель царства Protozoa, *Paramecium* sp, был обнаружен только в перифитоне. А представители рода *Euglena* в большем объеме распространены в фитобентосе, однако наибольшее видовое разнообразие этого рода наблюдается в перифитоне.

Для оценки степени загрязнения водоема наиболее широко применяется метод Пантле-Бука (Pantle, Buck, 1955) в модификации Сладечека (1967). В основе метода лежит способность организмов выживать в условиях органического загрязнения среды, называемая сапробностью. Для ряда видов водорослей установлены сапробные значения (таблица 3). Степень сапробности водоема характеризуется индексом сапробности, который рассчитывается по формуле:

$$S = \frac{\sum (sh)}{\sum h},$$

где S – степень сапробности водоема;

s – сапробное значение организма – сапробионта;

h – частота встречаемости сапробионта в воде. [1]

Таблица 3. Сапробное значение организма – сапробионта и частота встречаемости сапробионта в воде

Вид	s	h
<i>Naviculamenisculus</i>	2,6	3
<i>Navicularhynchocephala</i>	2,7	3
<i>Diatomavulgare</i>	1,85	1
<i>Cyclotellameneghiniana</i>	2,6	2
<i>Tetraedroncaudatum</i>	2,0	4
<i>Tetraedron minimum</i>	1,15	4
<i>Euglenaintermedia</i>	2,05	1
<i>Cocconeisplacentula</i>	1,35	1
<i>Symbellahelvetic</i>	0,5	2
<i>Symbellatumida</i>	1,65	2

Rhoicospheniacurvata	1,85	4
Fragilariacapucina	1,6	1
Closteriumdinae	1,0	1
Amphoraovalis	1,65	1
Gyrosigmaacuminatum	2,2	1
Gomphosphaeria aponina	1,7	4
Rhopalodiagibba	1,0	1
Nitzschiapalea	2,75	4
Cymatopleurasolea	2,35	2

Проведем расчет сапробности:

1. $\sum sh = 83,2$
2. $\sum h = 42$
3. $S = \sum sh : \sum h = 1,98$

Основываясь на данных, полученных нами в расчетах можно сказать, что класс чистоты воды озера Кравцово III, категория воды – лимносапробная, вода умеренно чистая.

Однако, согласно исследованиям сапробности прошлых лет, а именно 2011 г., когда $S = 1,6[5]$, а также 2014–2015 гг., $S = 1,9$, органическое загрязнение воды повысилась. Это свидетельствует о том, что оз. Кравцово переходит в состояние болота.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Глезер С.И., Макарова И.В., Моисеева А.И., Николаев В.А. и др. Диатомовые водоросли СССР (ископаемые и современные). Т.2. Вып. 2. СПб., 1974; Голлербах М.М., Косинская Е.К., Полянский В.И. Сине-зеленые водоросли. М., 1953. (Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 2); Дедусенко-Щеголева Н.Т., Матвиенко А.М., Шкорбатов Л.А. Зеленые водоросли. М.-Л., 1959. – 230 с. (Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 8).
2. Баринаева, С.С., Медведева, Л.А., Анисимова, О.В. Водоросли-индикаторы в оценке качества окружающей среды. Владивосток, 1996.
3. Кухарук М.Ю. Альгофлора озер Ставропольской возвышенности: состав, экология, динамика: дис. на соис. уч. ст. канд. биол. наук. Ставрополь, 2011.

Леонова С.Г.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
младший научный сотрудник отдела археологии

Григорьева М.А.,

г. Ставрополь,
Издательство «Ставролит»,
генеральный директор,
научный журнал «KANT», шеф-редактор,
кандидат политических наук

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ЭКСКУРСИЙ: НА ПРИМЕРЕ МЕРОПРИЯТИЙ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Развитие информационного общества и информационных технологий, стремительный рост знаний, новые потребности человека, а в сущности – эклектичность, сложность и мозаичность современной культуры в числе прочих порождают культурную интеграцию, которая на практике находит выражение во взаимопроникновении форм, методов, направлений деятельности различных субъектов культуры, в том числе учреждений, осуществляющих мемориальную функцию, – музеев и библиотек.

На фоне этого в трудах культурологов, социологов, музееведов наметился отход от институциональной трактовки музея по принципу набора исполнительных функций. Происходит переосмысление феноменологии музея в рамках толкования его как формы существования культуры или как способа отношения человека к окружающему миру.

Меняется мир – меняются музеи, поскольку «всякий человек носит в себе музей», заметил Н.Ф. Федоров. Интерактивность становится актуальной темой для

музеев. Начиная со 2-й половины XVIII в. концепция музея трансформировалась от образовательной модели через просветительскую (с конца XIX до начала XX вв.) к политизированной (1920-1950-х гг.), затем к информативной (1960 – сер. 1980-х гг.) и, наконец, к коммуникативной модели конца 1980-х – 2000 гг.

В отличие от предшествующей модели коммуникативная рассматривает посетителя как активного участника культурного диалога и реализуется через разработку следующих направлений культурно-образовательной деятельности музея: информирование (экскурсия), обучение (музейные уроки, конкурсы, викторины), развитие творческих начал (студия, творческая лаборатория или фестиваль, игры (исторические, интеллектуальные, деловые, игры-имитации) и др.), общение (встреча, клуб), отдых (ярмарка, ежегодная акция «Ночь в музее», музейный праздник, концерт и др.) [1]. Этот список отчетливо дает представление о том, как музеи становятся более активными агентами общественных процессов, возрастает их роль как учреждений образования и развлечения.

Появившийся в зарубежной музеологии термин «edutainment», который буквально переводится как «образвлечение» [2], определяет степень вовлеченности музеев в рыночные отношения при серьезном сокращении государственного финансирования. Тенденции глобализации и сопутствующие процессы привели администраторов музеев к необходимости использовать элементы маркетинга, изменили взаимоотношение музея и посетителя, выстраивая их с учетом интересов различных групп посетителей: «отдыхающих» и посещающих музей с образовательной целью, отечественных и иностранных туристов, профессионалов [3].

По словам Е.С. Соболевой и М.З. Эпштейна, «коллекции сами по себе не обеспечивают успеха музея, равно как и количество посетителей. Критерием успеха является оценка коллекции публикой, отражающая приобретенный в музее опыт. Уникальность потребления продукции музея состоит в том, что посетитель контролирует многие аспекты этого процесса: он сам должен выбирать, что и как долго смотреть, слушать ли экскурсовода или читать этикетки и т.д. Одним из важных факторов успеха музеев стал переход от концепции созерцания к концепции участия. Музеи, учитывая изменения в образе жизни посетителей, стали использовать их вовлечение в активную деятельность» [4].

Среди многообразия вариантов организации эффективного взаимодействия в музейной среде особая роль принадлежит интерактивной технологии обучения, ориентированной на личностное и профессиональное развитие. Интерактивное обучение подразумевает методы организации коммуникации; методы обмена деятельностя-

ми (предполагают сочетание групповой и индивидуальной деятельности участников взаимодействия); методы мыследеятельности (создание благоприятной атмосферы способствует мобилизации творческих потенций участников и стимулирует активную мыслительную деятельность); методы смыслов творчества (создание непосредственными участниками своего индивидуального смысла изучаемых явлений, проблем, обмен этими смыслами); методы рефлексивной деятельности (фиксирование и оценка участниками состояния своего развития); интегративные методы (вбирает в себя все ведущие функции вышеназванных активных педагогических методов) [5].

Интерактивные технологии следует отличать от мультимедийных. Предположим, обычный просмотр видеofilmа об экспозиции музея не предполагает интерактивности. Однако это не умаляет его значения. Сами по себе мультимедийные средства хороши и вбирают в себя достоинства всех аудиовизуальных средств, но не вытесняют их, обладая своими специфическими особенностями в системе художественной коммуникации, формирующими свой, новый язык мышления. Интегрируясь в музейное пространство, мультимедийные технологии создают огромные ресурсы для его жизнедеятельности, раскрывают новый потенциал возможностей передачи информации посетителям [6].

Для примера: в рамках культурной акции «Ночь в музее-2016» и Года кино в России отделом археологии СГМЗ был снят документальный фильм, состоящий из коротких интервью с учеными, археологами и деятелями культуры Ставропольского края и жителями города: «Археология в обыденном сознании» и «Археология в обыденном сознании: монологи». Помимо этого, были запечатлены интересные кадры о работе авторской выставки Елены Корж «Праздник и повседневность Великой Монгольской Империи», а также фильм-зарисовка о том, «как собирались археологические сокровища».

Видеоинсталляция – наиболее распространенная область применения мультимедийной техники в музеях. Использование ее в экспозициях создает особую атмосферу и динамику. Именно с помощью аудиовизуальных средств удается достичь эффекта погружения в прошлое, почувствовать особенности прошлых эпох и совершенно другими глазами увидеть саму экспозицию [7]. Данная форма была опробована в аудиоэкскурсии «Время возвращаться домой» (слушателям предстоит отправиться в путешествие вслед за героями, преодолевающими временные пространства от станции «Каменный век» – «Ранний бронзовый век» – «Эпоха средней бронзы» – «Ранний железный век» – «Раннее средневековье» – «Развитое средневековье» – до станции «Инновационные технологии»). Разработан сценарий текста со звуковым

и музыкальным сопровождением, в завершение – произведена запись и сведение звука в профессиональной студии.

Вместе с тем, в работу отдела археологии СГМЗ активно внедрены интерактивные методы работы. Примером такой работы являются видеэкскурсии «Сказка – ложь . . .» (видеоэкскурсия сопровождается комментариями научного сотрудника, общение выстроено в форме диалога с аудиторией), экскурсии «Алгоритм Цицерона» и «Занимательная археология» и квест «13 скелетов на сундук мертвеца» и игра «Методу» [8].

В заключение среди основных тенденций изменения концепции современных музейных технологий следует выделить следующие:

1. Динамика социальных функций музеев наряду с просветительской, образовательной и информационной определила новое – коммуникативное направление и дополнила ее функцией организации свободного времени.

2. Информационные, маркетинговые и социально-психологические технологии меняют облик музея, вплетая образцы культуры прошлого в живую ткань современной культуры, в связи с чем число музейных контрагентов существенно расширилось за последние пару десятилетий, к привычным – посетители, государство, музейные сообщества – присоединился институт спонсорства и виртуальное пространство.

3. Изменения оказали влияние и на стиль управления в части повышения гибкости маркетинговой политики музеев. Объем и доля временных выставок ощутимо выросли, как и необходимость пополнения коллекций новыми экспонатами, оформления и затрат на представление музея мировому сообществу, то есть за пределами музея.

4. Внедрение новых методов музейной педагогики в практику музейной работы привело к значительному увеличению доли интерактивных и мультимедийных методов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Макеева И.А. Культурно-образовательная деятельность музея: содержание и формы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2011. Т. 17. С. 164-168.
2. Демченко Ю.А. интеграционные процессы в современной культуре: на примере библиотек и музеев // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2009, № 18 (156). Вып. 12. С. 13-19.
3. Соболева Е.С., Эпштейн М.З. Эволюция концепции музеев в ме-

- няющемся мире // Эволюция концепции музеев в меняющемся мире. М., 2011, № 1(3). С. 8-19.
4. Там же.
 5. Караманов А.В. Организация интерактивной музейной среды: от методов к моделям // Вопросы музеологии. М., 2012, № 2(6). С. 171-178.
 6. Бутакова Д.А., Гаврилова Н.И. Музей в социокультурном пространстве города: особенности культурной коммуникации // Теория и практика общественного развития. М., 2011. Вып. 8. С. 79-81.
 7. Курило Л.В. Новые концепции музеев: интеграция в современное общество // Вестник РМАт. Химки, 2014, № 2. С. 139-144.
 8. Ванеева О.В. Комплексное использование интерактивных технологий в рамках музейного пространства // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2015. Т. 212. С. 189-196.

Проконова Т.В.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела природы,
кандидат биологических наук

**ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ
В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ
И СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА
(к 155-летию со дня рождения
Г.К. ПРАВЕ)**

Основатель Музея учебных наглядных пособий Георгий Константинович Праве (1862-1925 гг.) с самого раннего детства вынашивал мечту о создании музея, в котором экспонаты служат наглядными пособиями, способствующими развитию познавательного интереса учащихся. С детских лет Г.К. Праве увлекался сбором всевозможных

природоведческих коллекций. Но его самой любимой, дорогой сердцу была коллекция насекомых, которую маленький Георгий с поддержкой и наставлениями отца собрал еще в детстве – в 9 лет [1]. В дальнейшем эта коллекция пополнялась учениками, последователями Г. К. Пправе – энтомологами В. Н. Лучником, К. А. Запасником и другими учеными. Именно поэтому основу природоведческой экспозиции музея учебных наглядных пособий, учрежденного в 1905 г., благодаря настойчивым рекомендациям Г. К. Пправе первоначально составляла энтомологическая коллекция [2].

Большая часть экспонатов была приобретена Г. К. Пправе за счет личных сбережений в самом начале XX в. в магазине Ф. Шеера, о чем свидетельствуют тексты этикеток (Петровка, Кузнецкий переулок, № 3. Ф. Шееръ-Москва) [3]. По сей день она вызывает неугасающий интерес посетителей разных возрастов. Энтомологические экспонаты продолжают выполнять функцию, изначально возлагаемую на них Г. К. Пправе: служат в качестве учебных пособий и способствуют усвоению самых сложных биологических понятий.

Для научного и художественного восприятия экспозиции важную роль играет способ ее топографического расположения в музейном пространстве и концептуальная связь между отдельными предметами. На это обращали внимание ученые, стоящие у истоков возникновения музееведения как науки [4].

Особую «пикантность» энтомологической коллекции придает ее топографическое размещение: она помещена на антресолях 2-го этажа. Для того чтобы ее рассмотреть, посетителю необходимо подняться по винтообразной лестнице и, оказавшись на высоте полета насекомых: бабочек, жуков, пчел – погрузиться в атмосферу цветочного луга. Связь между отдельными экспонатами энтомологической коллекции определяется раскрытием разных сторон жизни насекомых – способами развития, защиты от врагов, заботы о потомстве и, в конечном итоге, их практической значимости для человека.

Показ энтомологической коллекции начинается с модели майского жука (*Melolontha melolontha*), рассмотрев которую, посетители узнают об анатомическом строении насекомого. Экспонат преднамеренно увеличен в объеме по отношению к его природному аналогу \approx в 25 раз. Интересной и полезной особенностью экспоната-насекаемого является его конструкция – он разбирается на отдельные анатомические части. Благодаря этому учащиеся четко могут усвоить то, что тело насекомого состоит из 3-х отделов: головы, груди и брюшка.

Весьма распространенной ошибкой учащихся является представление о том, к какому отделу прикрепляются конечности насекомого: грудному или же брюшному?

Строение экспоната не позволит сделать ошибку в этом вопросе – он четко указывает на прикрепление конечностей насекомого к его грудному отделу.

Разные типы ног насекомых – бегательные, прыгательные, плавательные, хватательные – указывают на зависимость строения отдельных частей тела от образа жизни и среды обитания. Так, у ног насекомого бегательного типа четко прослеживается удлинненное бедро и лапка, у ног хватательного типа – раздвоение лапки, у ног плавательного типа четко видны щетинки, покрывающие лапку с обеих сторон.

Одним из самых сложных вопросов в энтомологии является вопрос о развитии насекомых. Усвоению этого понятия способствует следующий экспонат коллекции – «Развитие майского жука». Изучив его, учащиеся могут составить полное представление о последовательности стадий развития насекомого, а также об отдельных возрастных характеристиках каждой стадии – яйца, личинки, куколки, имаго (взрослой особи).

Особенности формы, строения и размеры насекомого четко взаимосвязаны с факторами окружающей среды. Об этом нам рассказывает следующий экспонат – «Индивидуальная изменчивость жука-олени (*Lucanus cervus*)». Рассмотрев его, учащиеся узнают, что пределы индивидуальной изменчивости (в данном случае размеры самого жука и его верхних челюстей – «рогов») в биологии называют нормой реакции. Одни признаки (например, размеры тела жука) обладают широкой нормой реакции, другие (например, размеры «рогов» жука-олени) – гораздо более узкой.

Расположенные в порядке убывания жуки формируют вариационный ряд, слагающийся из отдельных вариантов (индивидов). В некоторых случаях морфология особи (ее форма, размер, окраска) зависит от пола, о чем свидетельствует следующий экспонат коллекции – «Половой диморфизм».

Наглядным примером того, как влияют природно-климатические условия на размер особей, является коллекция тропических жуков, которая представлена особями разных семейств – усачей, долгоносиков, рогачей. Жуки этих же семейств распространены в Средней и Южной полосе России, что отражено в энтомологической коллекции «Жуки – Coleoptera».

Экскурсантам при осмотре этих двух коллекций сразу же бросается в глаза разница в размерах между тропическими жуками и жуками российской территории. Последние в 3-7 раз мельче, чем их тропические «собратья», т. к. теплый влажный климат и обилие растительности повлекли за собой увеличение размеров особей.

На морфологию насекомых оказывает влияние наличие большого числа вра-

гов – рептилий, птиц, приматов. В ходе эволюции у насекомых сформировалось удивительное приспособление – умение подражать окраской и формой тела неодоушевленным предметам. Это явление, называемое в биологии мимикрией, представлено энтомологическими экспонатами бабочки *Kallima Philarchus* и палочника отряда привиденьевых (*Carausius morosus*).

В первом случае мы можем восхититься тропической бабочкой с незабываемо яркой окраской крыльев, которые, однако, в случае опасности приподнимаются и полностью сливаются с листвой. Во втором случае мы имеем дело с насекомым, название которого «говорит» само за себя: палочник подражает сухим веточкам дерева. Однако мимикрия свойственна не всем насекомым. В некоторых случаях поддержание численности особей в популяции достигается благодаря наличию материнской заботы о потомстве.

У представителей отряда жуков подобная забота проявляется в серии действий строго определенной последовательности. Так, копр туркестанский (*Copris turkistanicus*) находит навозную кучу, роет нору и с силой, характерной для него, катит навозный шар к норе. У жука удивительная сила: при весе 2 - 2,5 г жук способен катить шар в 20 раз тяжелее собственного веса [5].

Все стадии работы жука демонстрирует энтомологическая рамка «Жилище туркестанского копра», в которой в натуральную величину помещен жук, катящий навозный шар. Действия, совершаемые жуком, направлены на сохранение потомства: в скатанный шар самка откладывает яйца, из которых в течение 3-х недель вылупляются личинки. В данной возрастной стадии, при которой будущие жучки не способны самостоятельно позаботиться о пище, они, тем не менее, снабжены ею благодаря материнской заботе.

Роль насекомых в жизни человека трудно переоценить. Когда мы поднимаем этот вопрос, нельзя говорить об исключительном вреде, наносимом насекомыми урожаю сельскохозяйственных культур, лесному хозяйству, распространении эпидемий синантропными видами, такими как клопы и тараканы.

Необходимо помнить, что каждый индивид занимает в природе определенную экологическую нишу, выполняя тем самым отведенную ему функцию. В практической значимости таких насекомых как бабочки-шелкопряды или пчелы сомневаться не приходится. Этой стороне жизнедеятельности насекомых также отведен уголок экспозиции, сохранившийся со времен Г. К. Пправе.

Для более четкого восприятия связи между представленными экспонатами и формируемыми понятиями предлагаем к рассмотрению следующую таблицу.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Таблица

Энтомологические понятия, формируемые в ходе экскурсии по экспозиции
«Мир насекомых»

Название экспоната или коллекции	Материал экспоната, способ его демонстрации, стоимость на момент приобретения	Формируемые понятия
Жук майский (Melolontha melolontha)	Объемная модель жука на деревянной подставке, папье-маше, 30 р.	Анатомия насекомого
Типы ног насекомых	Объемные модели типов ног насекомых, папье-маше, 10 р.	Зависимость строения отдельных частей тела от образа жизни и среды обитания
Развитие майского жука	Влажный препарат с разными стадиями развития от яйца до взрослого насекомого (имаго), 20 р.	Развитие насекомых
Индивидуальная изменчивость жука-оленья (Lucanus cervus)	Навесная энтомологическая коробка с жуками разного размера, расположенными в ряд по убыванию, 10 р.	Индивидуальная изменчивость, норма реакции, вариационный ряд
Коллекция жуков, демонстрирующая явление полового диморфизма	Энтомологическая коробка с жуками разных семейств, расположенными парами: самец-самка, 10 р.	Половой диморфизм: различие в строении, окраске, размерах между самцами и самками
Жуки - Coleoptera	Навесные энтомологические ящички с жуками разных семейств, расположенными в соответствии с зоологической номенклатурой, 10 р.	Многообразие видов жуков, зависимость размеров от среды обитания
Бабочка (Kallima philarchus)	Энтомологическая коробка с бабочками, подражающими сухим листьям, 5 р.	Мимикрия
Палочник – индийская фазма (Carausius morosus)	Энтомологическая коробка с палочниками, подражающими сухим веточкам дерева, 5 р.	

Дубовый шелкопряд (<i>Antheraea pernyi</i>)	Энтомологическая коробка с бабочками дубового шелкопряда, стадиями формирования куколки и результатом деятельности – пряжей, 5 р.	Значение насекомых в жизни человека
Породы и гибриды тутового шелкопряда (<i>Bombyx mori</i>)	Энтомологическая коробка, антурированная куколками тутового шелкопряда и пряжей, 10 р.	

Сотрудники музея чтят память его основателя. К 150-летию дедушки Пправе, как его называют в музейной среде, сотрудниками был разработан проект «Вода из реки Лимпопо», ставший победителем VIII Грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимого Благотворительным фондом В. Потанина. Свое необычное название проект получил по одноименному рассказу Г. К. Паустовского, в котором главный герой, учитель географии, во время урока выставлял пробирки с водой, на которых были приклеены этикетки «Вода из реки Нила», «Вода из реки Амазонки», «Вода из реки Лимпопо» и т. д. Ученики во время перемены втайне от учителя подходили к пробиркам, читали названия этикеток и даже пробовали нюхать и пить воду. Разумеется, что вода в пробирках была самая обыкновенная. Однако после этого им непременно хотелось подойти к карте, найти реку, узнать о флоре и фауне этой местности. Таким образом, учитель географии достигал своей цели – с помощью наглядного материала вызывал живой интерес к своему предмету.

Г. К. Пправе воплотил в жизнь идею учителя географии из рассказа Г. К. Паустовского – создал музей учебных наглядных пособий.

В ходе реализации проекта сотрудники музея оформили мемориальный кабинет, призванный воспроизвести психологическую атмосферу и обстановку экспозиции Музея учебных наглядных пособий. В кабинете были представлены экспонаты – разборные модели, демонстрирующие физические и химические явления, а также чучела животных и видеотехника начала XX в. Наряду со старинными экспонатами в экспозиции демонстрировались достижения техники: микроскоп с увеличивающей способностью в 600 раз, воспроизводящий увиденное на современном планшете. Практически все предметы были использованы в ходе проведения интерактивных экскурсий – желающие могли ознакомиться с принципом их действия.

Одна из креативных идей проекта - создание квеста-путеводителя по залам музея с остановками на станциях, знаменующих предметами из коллекции Г. К. Пправе. Станции связали единой нитью старинные предметы основателя музея. Одной из самых интересных являлась станция № 6 «Коллеоптерология» (от лат. Coleoptera – жук), на которой посетителям предлагалось восстановить по порядку стадии строительства норы жуком-копром. Изучив соответствующую витрину, посетители с заинтересованностью выполняли данное задание. С удивлением они узнавали о том, что экспонату более 100 лет!

В истории музея 2017 год знаменуется особой датой – 155-летием со дня рождения Георгия Константиновича Пправе. Можно с уверенностью констатировать, что труды Пправе не пропали даром. Его судьба служит ярким примером того, как самоотверженная бескорыстная любовь к делу всей своей жизни и кропотливый труд помогли осуществить детскую мечту, воплотившуюся в храм муз – Музей учебных наглядных пособий, послуживший в дальнейшем фундаментом для образования Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Г.К. Пправе – основатель Музея учебных наглядных пособий // Ставрополье. 1923, № 8. С. 13.
2. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1531.
3. СГМЗ. Оф. 9374, 9404, 9412, 9420, 9429, 10417, 10418, 10419, 10436, 10451, 10452, 11602, 11608.
4. Разгон А.М. Музейная экспозиция – искусство? // Декоративное искусство СССР. 1976, № 9. С. 18; Стриженова Т.К. Современное понимание искусства музейной экспозиции // Труды НИИ культуры. Вып. 45. М., 1977. С.6-29.
5. Акимушкин И.И. Мир животных: Насекомые. Пауки. Домашние животные. М., 1993.

Прокопенко Ю.А.,

г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры социальной философии и
этнологии,
доктор исторических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ, ВЫЯВЛЕННЫЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАВРОПОЛЯ

В последние годы наблюдается особое внимание исследователей к открытым в Предкавказье комплексам предскифского времени IX – 1-й половины VII вв. до н. э., т. е. черноголовского и новочеркасского периодов (по А. И. Тереножкину) или периодов НаВ2 – НаВ3 (по центральноевропейской системе хронологии) [1]. Это объясняется дискуссионностью вопроса, связанного с уточнением позднего этапа существования киммерийской культуры и соответственно – начала скифской архаики, а также проблемой хронологии функционирования в регионе центров металлообработки.

В опубликованных сводках в большей степени рассматриваются предметы из памятников Прикубанья, района Кисловодской котловины, предгорных и горных районов Центрального Предкавказья. При этом фактически не затронуты комплексы и отдельные находки предскифского времени, обнаруженные в районе Ставропольской возвышенности – в окрестностях г. Ставрополя.

Из вещей, непосредственно относящихся к предскифскому времени, в публикациях фигурируют: каменный молоток цилиндрической формы, отмеченный В. И. Козенковой и С. Л. Дударевым (ставропольское погребение – найден с бронзовым ножом белозерского типа и кремневым орудием) [2] и прекрасно сохранившийся биметаллический кинжал с крестовидной рукоятью (случайная находка в окрестностях г. Ставрополя), опубликованный автором настоящего исследования в 2010 г. [3]. Предмет был переопубликован В. И. Козенковой в 2013 г. [4].

Следует отметить, что кроме указанных находок к настоящему времени известен еще ряд комплексов и отдельных предметов, либо малоизвестных из-за

характера региональной публикации, либо совсем неизвестных широкому кругу исследователей.

В 1995 г. автором настоящей статьи в совместной с А. В. Найденко публикации, посвященной материалам из культурных слоев Грушевского городища VIII – III вв. до н. э. (юго-западные окрестности г. Ставрополя), в стратиграфической таблице были отмечены предметы, характеризующие I – ранний период существования памятника (VIII – VII вв. до н. э.): бронзовая булавка с витым в верхней части стержнем и уникальный костяной черешковый наконечник стрелы с шипом [5].

Особо следует отметить раскопки, проводившиеся на могильнике № 2 Татарского городища (южные окрестности г. Ставрополя) в 1996-2002 гг. Здесь, кроме погребений скифского и раннесарматского времени, были открыты и исследованы 2 захоронения VIII – начала VII вв. до н. э. (№№ 10 и 12). Погребение № 10 (женское захоронение (2000 г.) [6]; погребение № 12 мужское (2001 г.) – воинский комплекс (секира, наконечник копья, колчаный набор, набор конской упряжи) [7].

Еще 2 фрагмента бронзовых трехпетельчатых псалий с загнутой лопастью обнаружены в 2008 г. в западных окрестностях г. Ставрополя (в 3-4-х км в сторону ст. Новомарьевская). В этом же районе в 2009 г. был выявлен бронзовый наконечник стрелы, вырезанный из бронзового листа (площик).

Также следует отметить еще 1 колчаный набор новочеркасского (или жаботинского) типа, выявленный в одном из погребений могильника № 1 Грушевского городища в ходе раскопок А. В. Найденко. В конце 1990-х гг. мы были ознакомлены с этим материалом. По словам автора раскопок, в настоящее время документация о раскопках утеряна.

Таким образом, разнообразный комплекс предметов, открытый к настоящему времени в памятниках окрестностей г. Ставрополя, позволяет с достаточной степенью полноты охарактеризовать материальную культуру населения Ставропольской возвышенности в предскифский период.

В числе воинского набора, характерного для населения Ставропольской возвышенности предскифского времени, фиксируется 5 видов оружия: молоты, кинжалы, секиры, копья, колчаные наборы (из них: молот, секира, наконечник копья и 2 колчаных набора выявлены в захоронениях). Кроме воинских комплексов в окрестностях г. Ставрополя случайно были обнаружены: биметаллический кинжал и 2 наконечника стрел.

Биметаллический кинжал был найден в грабительском отвале грунтового могильника, расположенного на левом берегу р. Бучинка (северные окрестности

г. Ставрополя) [8].

Кинжал имеет бронзовую цельнолитую (крестовидную) рукоять с грибовидным навершием и прямым перекрестием. Размеры предмета: общая длина – 28,8 см; длина рукояти – 10,4 см; длина клинка – 14,4 см (острие утеряно); длина перекрестия – 10,5 см; ширина перекрестия – 1,1 – 0,9 см; профильная ширина перекрестия – 0,4 см; ширина рукояти (у перекрестия) – 1,4 см; ширина рукояти (у навершия) – 1,6 см; профильная ширина (высота) навершия – 0,8 см; ширина клинка у перекрестия – 2,8 см; в середине клинка – 2,4 см. Перекрестие с ударной стороны имеет небольшую вогнутость. Ближе к расширенным краям крыльев перекрестия имеются округлые отверстия. Обоюдоострый железный клинок – средней сохранности. Посредине прослеживается продольное рельефное, уплощенное ребро.

По классификации В.И. Козенковой, кинжал относится к 1-й группе (кавказские формы), подгруппе В (бронзовые и бронзово-железные кинжалы и мечи с перекрестием), 1-му отделу (кинжалы и мечи с грибовидным навершием), типу II (мечи и кинжалы с прямым перекрестием) [9]. Согласно типологии С. Б. Вальчака, ставропольский кинжал относится к 1-му отделу (эфес с рукоятями овального сечения), к первому подотделу (эфес с гардой), группе 1 (с гладким стволом), типу 1 (с отсутствием орнаментации), 1-му подтипу (эфесы с длинной гардой), 1 варианту (с прямой гардой) [10].

Такие мечи и кинжалы известны в памятниках западного варианта кобанской культуры. В частности, аналогичный меч зафиксирован в погребении 6 могильника 1 Мебельная фабрика в г. Кисловодске [11].

Подобные кинжалы также выявлены на территории восточного варианта (Сержень-Юртовский (погребение 44) и Зандакский 2 могильники) [12]. Однотипные кинжалы представлены на Левобережье Кубани в памятниках протомеотской культуры (Николаевский могильник (погребение 83), могильник Псекупский № 1) [13].

В лесостепной зоне Украины мечи с аналогичными эфесами происходят из случайных находок у с. Головятино и в Среднем Поднепровье. 2 случайные находки из с. Демкино и г. Билярска известны в Поволжье [14].

Близкими к восточноевропейским находкам являются изделия из нескольких местонахождений Центральной Европы. Мечи из Лейбница и Панад имели железные клинки и бронзовые эфесы 1-го типа, 1-го подтипа и 1-го варианта (по С.Б. Вальчаку). Следует отметить и цельнобронзовые мечи, найденные в кладе 1900 г. у Кляйн Нойендорф в Германии и Комарно в Словакии [15].

По вопросу происхождения такой формы вооружения как кинжалы с крестовид-

ной рукоятью до настоящего времени нет единого мнения. Как считал А.И. Тереножкин, они были на вооружении степняков (киммерийцев) уже не позже 1-й половины IX в. до н. э., но продолжали использоваться и позднее [16]. Большинство специалистов поддерживают данную точку зрения, особенно это касается ранней формы кинжалов, аналогичных найденному в окрестностях г. Ставрополя. В частности, ряд исследователей (С.Л. Дударев, С.Ф. Махортых, В.В. Эрлих и др.) считают, что на оформление ранней группы биметаллических кинжалов (БМК – группа 1) оказали влияние степные образцы [17]. С.Б. Вальчак уточнил поздний период использования таких клинков. Как считает автор, мечи и кинжалы с округлыми рукоятями и длинной гардой существовали на протяжении VIII в. до н. э., их бытование в VII в. до н. э. пока недоказуемо [18].

В составе колчанных наборов, характерных для воинов-лучников Ставропольской возвышенности в предскифский период, выделяются костяные и бронзовые наконечники стрел.

Костяные наконечники – 7 экз. относятся к двум группам: черешковые – 1 экз. (Грушевское городище); втульчатые – 6 экз. (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12).

Черешковые - наконечник стрелы (Грушевское городище – 1 экз.) с треугольным очертанием головки, с острыми опущенными книзу жальцами и длинным черешком, имеющим шип, направленный книзу (Дл – 52; наибольшая Ш – 22 мм), является разновидностью типа III варианта 1 костяных наконечников (по классификации В.И. Козенковой).

По форме головки грушевский наконечник близок наконечнику из погребения 1 могильника Красные Камни (окрестности г. Кисловодска). Однако наличие шипа позволяет отнести экземпляр из Грушевского городища к отдельной разновидности. Аналогии этим находкам не прямые, но близкие из слоев XI - VIII вв. до н.э. Змейского и Сержень-Юртовского поселений [19]. Скорее всего, данный наконечник является подражанием бронзовым плошкам с прямым черешком, имеющим боковой шип (например, находка на Бамутском поселении) [20].

Бронзовые наконечники – 12 экз. представлены двумя группами: плошки – 2 экз.; втульчатые – 10 экз. (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12). Один из плошков обнаружен случайно в западных окрестностях г. Ставрополя (в 3-4 км в сторону ст. Новомарьевская (находка 2009 г.).

Головка треугольная с опущенными к низу острыми шипами. Черешок слегка расширен в нижней части и закруглен. Размеры: Дл – 41; Ш головки – 18; Т – 1 мм.

Плошк относится к типу II (вырезанные из бронзового листа), варианту 1 по

классификации В.И. Козенковой [21]. Данные наконечники в единичных случаях встречаются в комплексах V-IV вв. до н. э. (Минераловодский могильник, погребение 30), однако, более характерны для колчаных наборов воинов кобанской культуры VIII-VI вв. до н.э. (Березовский могильник, погребение 5 (1946 г.); Белореченский 2 могильник, погребение 3; могильник Индустрия, погребение 2; Султангорский могильник 3 (1976 г.), погребение 6) [22].

В числе втульчатых бронзовых наконечников стрел выделяются 2 комплекта новочеркасских экземпляров (могильник № 1 Грушевского городища; могильник № 2 Татарского городища, погребение 12).

Как уже было отмечено, кроме различных видов вооружения в памятниках в окрестностях г. Ставрополя выявлены предметы конской упряжи предскифского времени: удила, псалии, бляшки.

Удила – бронзовые двусоставные – 2 комплекта (один из них двухкольчатые – могильник № 2 Татарского городища, погребение 12). 2-й комплект – удила бронзовые цельнолитые однокольчатые (случайная находка в г. Ставрополе – СГМЗ, оф. 3250). Стержни оформлены рельефным устрожением в виде перевитого шнура, елочного нарезного декора и конических шипообразных выступов. Размеры: № 1 – Дл – 77 мм; Д звеньев – 24 – 28 и 24x24; Д стержня – 6x7 мм; № 2 – Дл – 76; Д звеньев – 28x29, 23x27; Д стержня – 7 мм.

Удила относятся к 1-му варианту типа III по В.И. Козенковой, 2-му типу I отдела по С.Л. Дудареву (II тип по А.А. Иессену). В.И. Козенкова на основании им сопутствующего материала (шлемовидные бляхи, топор, бронзовая посуда и др.) отнесла такие удила ко времени Новочеркасского клада – серединой – 2-й половиной VIII в. до н.э. [23]. По характеру устрожения наиболее близкой аналогией ставропольской находке являются удила из погребального комплекса в окрестностях Эльбруса [24]. Как считает С.Л. Дударев, экземпляры, декорированные рядами «литой» веревочки или острыми шипами, тяготеют к концу предскифского периода [25].

Псалии – бронзовые – 5 экз. (из них 3 – могильник № 2 Татарского городища). 2 экземпляра найдены случайно:

1) Фрагмент бронзового литого трехпетельчатого псалия (находка 2008 г. в западных окрестностях г. Ставрополя (в 3-4 км в сторону ст. Новомарьевская). Предмет со слабо дугообразно изогнутым туловом. Загнутый стержень завершается овальной уплощенной лопастью. Шляпка и 1-я петля утеряны. Стержень псалия овальный в сечении. Размеры: сохранившаяся Дл – 98 мм; Дл лопасти – 15; Ш лопасти – 12; Т лопасти – 8; Д тулова – 7x8; Д петель – 15; 17 мм;

2) Фрагмент бронзового литого трехпетельчатого псалия (находка 2008 г. в западных окрестностях г. Ставрополя (в 3–4 км в сторону ст. Новомарьевская). Предмет с дугообразно изогнутым туловом. Загнутый стержень завершается овальной уплощенной лопастью. Шляпка и 1-ые 2 петли утеряны. Стержень псалия овальный в сечении. Размеры: сохранившаяся Дл – 82 мм; Дл лопасти – 15; Ш лопасти – 11; Т лопасти – 5; Д тулова – 7х8; Д петли – 16 мм.

По форме дугообразно изогнутого тулова с сильно загнутой лопастью псалии относятся к 6 варианту II вида I типа I отдела псалиев предскифского времени по типологии С.Л. Дударева (тип Баксан – Филипповская по С.Б. Вальчаку; Султан-гора I – Клинь-Яр III по С.Л. Дудареву) [26]. Согласно наблюдениям С.Л. Дударева, подобные псалии найдены в комплексах преимущественно с двукольчатыми удилами (Султан-гора, Клинь-яр, Баксан) с двурядно-прямоугольным орнаментом, редко с острыми шипами [27].

Особо нужно отметить фрагмент псалия № 1. Сильно загнутый стержень с уплощенной округлой лопастью на конце является признаком типа 6, а слабо изогнутое (почти прямое) тулово предмета сближает его с типом 7 (формирующиеся псалии «классического» новочеркасского облика по типологии С.Л. Дударева). Возможно, в данном случае мы имеем дело с переходным вариантом, свидетельствующим о вольной трактовке стандартов и поиске наиболее удачных уздечных форм.

Кроме удил и псалий в памятниках предскифского времени в окрестностях Ставрополя также выявлены различные виды бляшек и наконечник-обойма для повода (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12).

В настоящее время считается, что в Предкавказье существовали 2 центра производства в предскифский период конской упряжи – Прикубанье и предгорные районы Центрального Предкавказья. Находки такого значительного количества предметов предскифского времени в окрестностях г. Ставрополя свидетельствуют о существовании в указанное время еще одного центра отливки предметов конского убора – на территории Ставропольской возвышенности.

Как считает В.И. Козенкова, находки стремечковидных удил в «западнокавказских» древностях незначительны и чужеродность их в местной среде очевидна [28]. Эта точка зрения опровергается находкой в 1990-е г. на периферийной части Грушевского городища фрагмента керамической формы для отливки стремечковидных удил. Интересно, что при переходе стремечка в стержень предмет декорирован рельефным декором, напоминающим изображение птичьей лапы, известное по находкам наконечников стрел в Богазгее.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде. М., 2013. С. 91.
2. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 81. Табл. XXII, 1; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С. 113. Рис. 31, 9.
3. Прокопенко Ю.А. Новые находки предметов вооружения и конской упряжи IX – VIII, VI, IV – III вв. до н.э. в окрестностях г. Ставрополя // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 2010. С. 9. Рис. 1.
4. Козенкова В.И. Указ. соч. С. 93. Рис. 47, 2.
5. Найдено А.В., Прокопенко Ю.А. Археологические материалы Грушевского городища VIII-III вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы заочной конференции. Ч. I. Ставрополь, 1995. С. 35. Табл. 2.
6. Кудрявцев А.А., Галаева В.Н. Грунтовое погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 2001. С. 30-33. Рис. 3-4.
7. Отчет о работе на Татарском городище в 2001 году // СГМЗ. Ф. 70. Ед. хр. 112. С. 13.
8. Прокопенко Ю.А. Новые находки предметов вооружения и конской упряжи... С. 9.
9. Козенкова В.И. Указ. соч. С. 32. Табл. X, 6.
10. Вальчак С.Б. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII – VII вв. до

- н.э.) // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее / Под. ред. О.В. Двуреченского. М., 2008. С. 8-9.
11. Козенкова В.И. Указ. соч. Табл. X, 5.
 12. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. В2-5. М., 1982. Табл. XIV, 10.
 13. Вальчак С.Б. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII – VII вв. до н.э.) // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее / под. ред. О.В. Двуреченского. М., 2008. С. 10. Рис. 1, 1, 5, 6, 7.
 14. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 40, 70, 81, 117. Рис. 12, 4; 37, 7, 48; 71, 1; Вальчак С.Б. Указ. соч. С. 10. Рис. 2, 1, 3, 4, 5.
 15. Тереножкин А.И. Указ. соч. С. 121. Рис. 74, 1, 8; Chochorowski J. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993. S. 113-115. Rys. 12, 1; Вальчак С.Б. Указ. соч. С. 10. Рис. 2, 1, 6-8.
 16. Тереножкин А.И. Указ. соч. С. 105 – 106.
 17. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С. 29. Рис. 22.
 18. Вальчак С.Б. Указ. соч. С. 18.
 19. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 7.
 20. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант... Табл. XI, 25.
 21. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология)... С. 8-9.
 22. Там же. С. 9.
 23. Там же. С. 104.
 24. Там же. Табл. XXVI, 7.
 25. Дударев С.Л. Указ. соч. С. 125.

26. Там же. С. 132.
27. Там же. С. 132-133.
28. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология)... С. 104.

Смирнова Ю.Н.,
с. Кочубеевское,
Станция детского и юношеского туризма
им. В. Федорова,
заместитель директора

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА ЛЕПКИ И ОБЖИГА КУРИЛЬНИЦ (КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ)

Курильница – ритуальный сосуд, который представители катакомбной культуры широко использовали в погребальном обряде. Предлагаемые заметки – результаты экспериментов по изготовлению курильниц.

Для лепки копий курильниц автор использовал среднезаспеченную глину из карьера «Ивановский 5» (Кочубеевский район Ставропольского края). Для создания условий, приближенных к технологии изготовления керамических изделий периода средней бронзы, в экспериментах не были использованы современные технологичные материалы. Техника изготовления копий курильниц – ручная лепка на ручной поворотной подставке.

Обычно курильницы изготавливали согласно определенному канону, допускавшему иногда незначительные вариации. Самый распространенный тип представляет собой округлую чашу, внутренняя часть которой разделена на 2 неравные части [1]. Формы поддона курильниц разнообразны, что не исключает экземпляры с отсутствием таковых.

Традиционно закрепилось мнение, что все сосуды ручной лепки изготавливали в ленточно-жгутовой технике [2]. Проведенные опыты моделирования копий

курильниц показывают, что данный способ подходит только для изготовления моделей малого размера. При изготовлении чаши-курильницы с большим диаметром при таком способе изготовления получают большой процент брака.

Процесс лепки курильницы начинается с формовки чаши. Для изготовления донца на поворотное устройство укладывают округлый уплощенный комок глины толщиной около 0,5 см. Для наращивания стенок чаши раскатывают глиняные жгуты, их укладывают кольцами по периметру курильницы с необходимым углом расхождения для создания наклона стенки чаши. Стыки жгутов затирают как с внешней, так и с внутренней стороны с постепенным выравниванием поверхности.

Средняя толщина стенок курильниц 1-2 см. При наложении округлых жгутов формируется чаша с более толстыми стенками. Для изготовления более тонкой стенки раскатанные жгуты немного сминают и накладывают на нижележащий ряд жгутов. Более эффективным способом лепки (меньше брака при обжиге) является соединение сплюснутых жгутов.

Эксперимент показал, что наложение целого круга жгута или его построение из нескольких фрагментов – более коротких жгутов – не влияет на качество изделия. Важнее – тщательное затираие всех слоев жгутов, что создает большее механическое сцепление глиняных частиц на стыках отдельных слоев. Поверхностное затираие приводит к образованию мелких пустот и, в дальнейшем, к разламыванию изделия во время обжига. В процессе проведения эксперимента по изготовлению копии курильницы из могильника Темтра III был опробован способ промежуточного подсушивания.

Конструкция курильницы Темтра III сложная. Курильница в виде чаши округлой формы с двумя отделениями, расположенными рядом, в каждом сквозное отверстие в стенке (Рис.1). Диаметр чаши – 19,3 см. На дне – кольцевой налп. Внешняя сторона чаши оригинально оформлена: в центре на дне сформирован «умбон» грибовидной формы; вокруг него располагаются 6 округлых ножек [4].

Широкую чашу формовали в 2 приема. После возведения дна чаши и соединения 2-х первых слоев жгутов изделие оставляли подсыхать на 4 часа, предварительно накрыв влажной тканью и оставив открытой нижнюю часть чаши. За время просушки нижняя часть стала более упругой и в дальнейшем хорошо выдержала возведение стенок чаши. Но даже промежуточное просушивание не защитило от образования небольших трещин на внутренней поверхности чаши при прикреплении массивного «умбона». Мастер, изготовивший эту курильницу, наложил на внутреннюю поверхность чаши кольцевой налп. Таким образом, это не декоративный

элемент, а техническое решение прекращения дальнейшего распространения трещин по внутренней поверхности чаши.

На примере этой курильницы можно отметить, что прокалывание сквозных отверстий проводили после полной формовки чаши и 2-х отделений с внешней стороны. Об этом свидетельствует образование валика выдавливания глины вокруг отверстия и несимметричное расположение одного отверстия внутри отделения.

Автор исследования использовал 2 варианта последовательности крепления стенки маленького внутреннего отделения чаши-курильницы: в процессе формования чаши и после полного изготовления курильницы. Выбор последовательности зависит от сложности конструкции курильницы и личных предпочтений мастера. В плане маленькое отделение чаши курильницы может быть округлым, подтреугольным или в виде прямой стенки, разделяющей чашу на 2 неравные части. Высота стенки отделения по отношению к верхнему обрезу чаши курильницы может быть ниже уровня, выше уровня, на уровне венчика.

Независимо от формы для изготовления стенки внутреннего отделения формируют лунообразный лоскут глины необходимого размера и крепят его ко дну и стенкам чаши. Стыки затирают. Следующий этап – прикрепление ножки-поддона. За исключением круглого монолитного поддона, все остальные виды ножек формируют отдельно и затем прикрепляют к чаше.

Технику изготовления многолепестковой ножки рассмотрим на примере часто встречающейся 4-лепестковой формы. Первоначально из глины формируют крестообразную заготовку. Для скрепления ножки и чаши срезают дно чаши и часть ножки в месте их соединения, создавая максимально ровные поверхности (чтобы не образовывались пустоты). После их соединения срезают лишнюю глину и придают необходимую форму (внешний скос ножки, округление окончания лепестка, выдавливание несквозных отверстий и пр.). Затираание шва проводят с «наплывом» глины от ножки к чаше, создавая плавный переход между деталями.

В некоторых 4-лепестковых ножках есть сквозные отверстия, примером может служить курильница (Рис. 2) из могильника Ивановский 5 (курган 5, погребение 4) [5]. В этом случае отверстие делают после полного завершения лепки курильницы (скрепление чаши и ножки-поддона, крепление перегородки отделения). Изделие ставят на ножку-поддон и только тогда прокалывают основания ножек.

Изготовление полого квадратного поддона рассмотрим на примере курильницы (Рис. 3) из курганного могильника Ивановский 5 (курган 5, погребение 1) [6]. Эта курильница представляет собой полусферическую чашу без отделений на 4-х

ножках, имеющих хорошо выраженные грани. Ножки объединены квадратной подставкой.

Для изготовления данной ножки-поддона отдельно формируют 4-гранные ножки равной длины, которые последовательно крепят к нижней части чаши (предварительно перевернутой). Отдельно формируют квадратную платформу основания и накладывают на ножки. Все детали тщательно затирают с наплывом на нижнюю часть чаши.

Техника нанесения орнамента на курильницы разнообразна. Поверхность курильниц украшают штампом (полой трубочкой; круглым штампом; точечным, спиральным, треугольным, зубчатым, ногтевым вдавливанием); шнуром (линейными вдавливаниями); прочерчиванием.

При изготовлении конструктивно несложных форм курильниц орнаментацию производят сразу же, по еще не подсохшей глине. Если при изготовлении изделия требуется промежуточное подсушивание, то перед орнаментацией поверхность обмазывают жидкой глиной.

Для орнаментации внешней поверхности чаши и нижней поверхности ножки готовую курильницу переворачивают и ставят на венчик чаши. В таком же положении производят прокол отверстия в кармашке чаши. Затем курильницу переворачивают и производят орнаментацию верхнего обреза чаши и перегородки отделения.

Распространенный вид орнаментации курильниц – вдавливание шнуром различной толщины (1-3 мм). На некоторых курильницах шнуровые вдавливания создают композицию из многочисленных спиралей одной нити.

Мастер, изготовивший курильницу из могильника Ивановский 5 (курган 5, погребение 4) (Рис. 4), использовал хаотичный шнуровой отпечаток внутри чаши курильницы для скрепления трещин, образовавшихся внутри чаши во время лепки.

Сушка готового изделия при проведении эксперимента в условиях полевого лагеря производилась в палатке на теневой стороне (закрытой от прямых солнечных лучей) в течение 5-7 дней с переворотом изделия 1 раз в день. При температуре более +20 °С происходит слишком быстрое высушивание изделия. Это может привести к появлению трещин. Во избежание этого сосуд следует прикрыть хлопчатобумажной тканью. Во время сушки вода, находящаяся в глине, не только испаряется с поверхности изделия, но и под действием силы тяжести просачивается в нижележащие части изделия. Место соединения ножки-поддона и чаши-курильницы – самая массивная часть изделия. Регулярный переворот дает более равномерное

ее просушивание без деформации. Недосушенное изделие во время обжига покрывается сетью мелких трещин с характерным выгибанием краев разрыва наружу.

Эксперименты по обжигу копий курильниц были проведены в обжиговой яме с перекрытием из сырых веток [7]. Выкопанную в земле яму, в которой помещают 1-2 курильницы, перекладывают сырыми ветками, сверху разжигают костер. Ветки быстро прогорают, костер обрушивается в яму. Созданная бескислородная среда приводит к образованию восстановленной среды (черный цвет изделия).

В процессе проведенных экспериментов был использован способ перекрытия ямы обжига 5-6 металлическими прутами для удержания костра над поверхностью ямы. В средней бронзе могло иметь место перекрытие ямы бронзовыми ножами, прутами и пр. (t плавления бронзы + 885-1050 °С, t пламени костра + 700 °С).

Для качественного обжига изделия используют сухие дрова, разрубленные на большие поленья. Веточки быстро прогорают, просыпаются в яму, создавая толстый слой пепла и, как следствие, большую площадь восстановленного обжига. Большие поленья, прогорая, также просыпаются в яму, но не полностью засыпают изделие. Минимально темный окрас готового изделия достигается, когда оно во время обжига стоит на поддоне. Если изделие во время обжига поставить на обод чаши, то вся внутренняя поверхность чаши будет черной.

Более интенсивный темный окрас придает изделию закладывание в костер ели и сосны. При использовании бука, вяза, груши, яблони, ясеня такого интенсивного окраса не наблюдается.

Минимальная продолжительность активного горения костра во время обжига – 1,5-2 часа. После завершения активного горения изделие достают только после полного остывания, примерно через 10-12 часов.

Необходимым условием качественного обжига являются сухие стенки ямы обжига. В этом случае она равномерно прогревается, к концу процесса обжига внутренние стенки ямы приобретают красный цвет.

Эксперименты по обжигу в сырой яме привели к тому, что даже через 1,5 часа нижняя часть ямы недостаточно прогрелась и подверглась обжигу только чаша курильницы, а ножка вначале напиталась влагой, а к концу обжига только подсохла. Готовое изделие протирают сухой тканью или кожей (частички белого пепла могут забиваться в углубления орнамента).

Таким образом, мы рассмотрели процесс лепки и обжига курильниц в ходе реконструкции, что позволяет нам лучше представить себе ремесленные занятия эпохи средней бронзы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Панасюк Н.В. Орнаментация курильниц катакомбной культуры – анализ композиционных схем // Вестник РУДН. Вып. 2. М., 2009.
2. Васильева И.Н., Салугина Н.П. 2015.
3. Панасюк Н.В. Курильницы катакомбных культур Предкавказья. На правах рукописи. 2015.
4. Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Пахомов М.М., Бобров А.А. Степная археологическая экспедиция ГИМ: Результаты этнографических исследований // Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 223. М., 2009.
5. Колесниченко К.Б. Материалы раскопок: рукопись из архива автора. Ставрополь, 2007.
6. Там же.
7. Чухаркин А.Л. О некоторых особенностях технологии производства курильниц эпохи средней бронзы // Материалы по изучению Историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М., 2008.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис 1. Курильница из раннекатакомбного погребения
могильника Темтра III

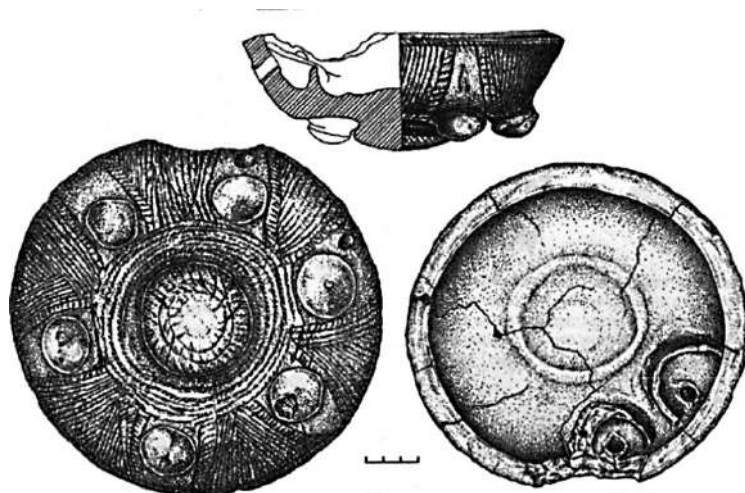

Рис. 2. Курильница из могильника Ивановский 5

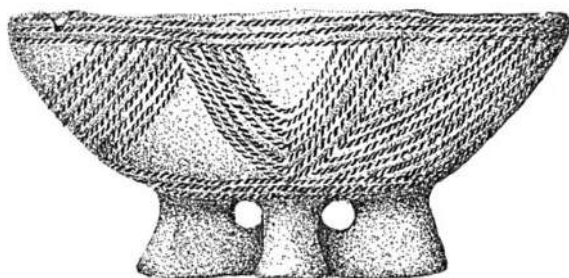

Рис. 3. Курильница из могильника Ивановский 5

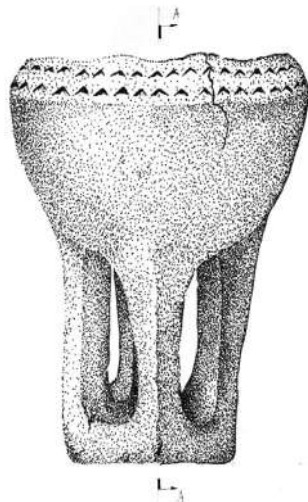
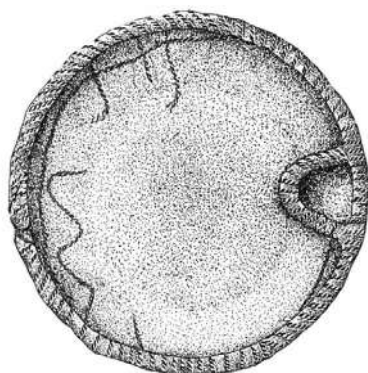

Рис. 4. Курильница из могильника Ивановский 5

Швырёва А.К.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела природы,
кандидат биологических наук, палеонтолог

НАЙТИ, СОХРАНИТЬ И ПЕРЕДАТЬ ПОТОМКАМ

**(ИСТОРИЯ ОБРЕТЕНИЯ
ОДНОГО ЭКСПОНАТА)**

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ) – старейший на Северном Кавказе. История музея, подобно реке, имеет два истока, которые вначале развивались независимо друг от друга: Ставропольский губернский музей Северного Кавказа, основанный общественным деятелем, ученым, юристом Григорием Николаевичем Прозрителевым (1849-1934 гг.), и Городской музей учебных наглядных пособий по естествознанию местного нотариуса и видного общественного деятеля Георгия Константиновича Праве (1862-1925 гг.). В 1927 г. указанные музеи были слиты в единое учреждение.

В марте 2015 г. было отмечено 110-летие со дня основания музея. Это был достойный повод, чтобы еще раз напомнить о большом историческом пути и достижениях музея. Кульминацией юбилейного праздника стало событие планетарного значения – открытие обновленной палеонтологической экспозиции «В мире ископаемых слонов», жемчужиной которой стал восстановленный 5-й в мире и 2-й на Ставрополье скелет южного слона *Archidiskodon meridionalis Nesti*, обитавшего на Земле около 2 млн. лет назад.

Если учитывать количество скелетов южного слона в музеях мира *sensu lato* (в широком смысле), до сих пор в музеях мира числилось менее десятка скелетов слонов этого вида. Однако они: 1) имеют разную степень комплектности, 2) не все восстановлены и экспонируются в музеях и, наконец, 3) самое главное – новейшие исследования показали, что часть останков имеет отклонения от эталонного *Archidiskodon meridionalis meridionalis* из местонахождения Вальдарно (Италия), где был впервые обнаружен слон этого вида. Поэтому находки скелетов южного слона

типичной формы на территории Ставропольского края относятся к разряду уникальных.

Ставропольский музей-заповедник стал единственным на планете Земля местом, где экспонируются 2 практически полных скелета *Archidiskodon m. meridionalis Nesti*. По своему статусу они представляют собой выдающееся научное и культурное наследие России. Музейный фонд России, в состав которого входят и коллекции Ставропольского музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, имеет экспонаты планетарного уровня.

Народное поверье, что слон приносит счастье, оказалось очень актуальным для Ставропольского музея-заповедника. Все началось в сентябре 2007 г., когда на территории Ставропольского края, в балке Твердова в карьере между хутором Родионов и поселком Равнинный Новоалександровского района, была сделана сенсационная палеонтологическая находка – практически полный скелет ископаемого слона *Archidiskodon meridionalis Nesti*. На этом месте были проведены спасательные палеонтологические раскопки, в результате которых в музей был доставлен костяк ископаемого гиганта, сохранившийся более чем на 70%.

Ценность этой находки особенно высока потому, что скелет залегал *in situ* (в первичном захоронении) и большинство его фрагментов находилось в анатомическом порядке. Это кости передних и задних конечностей, грудные и поясничные позвонки, часть ребер.

Однако произвести раскопки – это полдела. Сложнее сохранить находку. Это кропотливый труд, требующий не только больших физических и интеллектуальных затрат. Это еще довольно дорогостоящее дело. Подсчеты показали, что для реставрационных работ потребуется 3,5 млн. рублей. Таких средств музей, конечно, не имеет – вся надежда на спонсоров. Но где найти их?

Было решено принять участие в V грантовом конкурсе музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире», который проводится Благотворительным фондом В. Потанина и Министерством культуры РФ.

Наш проект получил несколько эпатажное название «Ставрополье – родина слонов». Название вполне объяснимо: самая первая в России находка южного слона *Archidiskodon meridionalis Nesti* сделана в окрестностях Ставрополя в 1887 г. Это верхнекоренной зуб старого животного, который ныне хранится в Зоологическом институте РАН в Санкт-Петербурге [1].

Находки останков южных слонов на Ставрополье – не редкость. Здесь зарегистрировано более 100 местонахождений, в которых собраны остатки 12 видов раз-

ных слонов: платибелодонов, мастодонтов, дейнотериев, трогонтериев, мамонтов. На особом учете находится усыпальница древних слонов в окрестностях г. Георгиевска. Здесь в песчано-гравийном карьере был обнаружен практически полный скелет южного слона. С 1962 г. он экспонируется в Ставропольском музее-заповеднике [2]. В октябре 1964 г. там же были обнаружены 2 черепа южного слона хорошей сохранности. Один из них [3] хранится в Зоологическом музее Российской академии наук (Санкт-Петербург). Второй экспонируется в Пятигорском краеведческом музее [4]. И вот новая сенсация – на территории края обнаружен еще один, второй на Ставрополье скелет доисторического гиганта.

Музейный проект «Ставрополье – родина слонов» прошел все круги отбора, был высоко оценен компетентным жюри. Он стал победителем в номинации «Музейные исследования», получив солидный грант на восстановление уникальной палеонтологической находки.

Началась кропотливая работа по реставрации скелета. Каждую кость, чтобы сохранить ее от разрушения, надо было пропитать клеящим раствором. Часть костей пришлось собирать из множества обломков (как шутили коллеги, «играли в пазлы»). На период работы с костяком реставраторы превратились и в стоматологов, и в травматологов, и в криминалистов. Попутно решались проблемы анатомического характера. Постоянно тревожили поиски площадей для создания будущей экспозиции.

Создав инновационный проект, мы получили удивительный эффект – постепенно он стал обрастать дополнительными идеями. Рождались новые замыслы, развивающие тему слонов на Ставрополье. На наш взгляд, проект превратился в живое существо, способное к самовоспроизведению и развитию. Но самое главное – на всех этапах реализации он полностью отражал основную миссию музея – сохранение и пропаганда научного и культурного наследия страны.

Наконец наступил момент, когда уникальный палеонтологический экспонат должен был занять достойное место в экспозиции. И на этом пути решающим, пожалуй, оказался человеческий ресурс, с его опытом, эмоциями, целеустремленностью. Плодом совместных размышлений, споров, разочарований и радостных открытий стал новый проект «Ставим на ноги слона». И снова коллектив Ставропольского музея-заповедника в реализации нового проекта пошел своим путем.

Суть новизны заключается в следующем. Как правило, когда в музее создается новая экспозиция, зал, где идут работы, перекрывается для доступа посетителей. Возникает некая тайна за семью печатями. Творческий коллектив музея решил

снять завесу таинственности и позволить посетителям стать свидетелями такого многотрудного, но очень увлекательного процесса рождения уникального экспоната. Идея получила название экспо-экшен, т.е. действие в экспозиции.

Реализация новой формы экспозиционных работ стала возможной благодаря особой архитектуре отдела природы. Он построен по образу и подобию российских академических музеев. Высокие потолки (460см) позволили построить антресоли. Вход наверх обеспечивают 2 винтовые лестницы. Вначале этот архитектурный пояс использовался как дополнительное хранилище экспонатов. В настоящее время там расположилась экспозиция, представляющая многообразие беспозвоночных животных. Сверху открывается интригующий вид экспозиционного зала. Оценив обстановку, мы приняли решение использовать антресоль как смотровую площадку. Это было выиграно минимум по двум позициям: 1) самый востребованный отдел музея оставался открытым для гостей музея, и, таким образом, не было потерь посещаемости музея; 2) посетители получали возможность реально посмотреть, как создается музейный экспонат.

Обычно, попадая в комфортную обстановку в залах музеев, человек получает ложное представление о неспешности и легкости труда музейного работника. Экпо-экшен дает возможность понять цену музейной работы. Поскольку реставрационная мастерская располагалась прямо в экспозиционном зале, люди были свидетелями не только того, как вылепливаются недостающие детали скелета слона, как реставрируются кости, каких трудов стоит перемещение того или другого фрагмента костяка ископаемого гиганта. Они чувствовали порою неприятные запахи процесса рождения нового экспоната. Слыша переговоры сотрудников музея, посетители понимали, каких титанических усилий стоят эти «роды». Это были не молчаливые созерцатели мук творчества, потому что в процесс восприятия были включены все органы чувств людей. Порою, они вступали в диалог со скульпторами и научными сотрудниками музея, высказывая свое отношение к увиденному, внося деловые предложения в технологию монтажа, предлагая свою помощь. Иногда они просто проявляли элементарное любопытство. Тогда возникала импровизированная лекция об ископаемых слонах, их эволюции и о путях расселения этих животных по миру. Словом, метод экспо-экшен оказался обоюдовыгодным со всех сторон.

Итак, скелет 5-го в мире южного слона введен в экспозицию, открыта новая экспозиция «В мире ископаемых слонов», Ставропольский музей-заповедник стал первым в мире хранителем двух практически полных скелетов южного слона *Archidiskodon meridionalis* Nesti.

Настала пора подвести итоги, что принесла музею, кроме больших хлопот и крупных финансовых затрат, многолетняя работа по спасению, реставрации и продвижению уникальных палеонтологических экспонатов. С удовольствием отмечаем, что все научно-просветительные мероприятия Ставропольского музея-заповедника полностью совпадают с просветительной и образовательной миссиями музея.

Одним из главных качественных показателей этого процесса является востребованность описанных проектов. Несмотря на пройденные годы, интерес к ним огромен и по сей день. Как и предполагалось, результаты нашей работы, учитываемая аттрактивность и большую научную и культурную ценность объектов, нашли благодарного потребителя в лице самой многочисленной группы посетителей – молодежи. Очевидно, это объясняется тем, что в работе с посетителями используются не только традиционные формы, но создаются новые, более привлекательные для аудитории.

Особо отметим День подарков от слона. Это благотворительная акция, которая проводится в старинных русских традициях в Рождественские праздники для детей из бедных и малообеспеченных семей. Подарки для них готовят спонсоры. Приятно видеть, как преображаются наши юные гости, как расцветают не только лица, но и души детей. Они с удовольствием принимают участие в конкурсах, викторинах. И каким задором светятся их озорные глазенки, с каким доверием шепчут они свои сокровенные желания на ушко слонику Фантику (это ростовая фигура слона – наш талисман). А чего стоят слова благодарности этих детей! Видя и прочувствовав все это, сотрудники музея ни на минуту не усомнились в необходимости таких акций.

По счастливой случайности Всемирный день защиты слонов (22 сентября) совпадает с днем начала экспедиции по спасению уникальной палеонтологической находки. Это послужило основанием учреждения нового музейного праздника – Дня рождения слона. Под эгидой слона в музее прижилось восхитительное действо – в стенах музея стал традиционным шахматный турнир «Белый Слон». Обычно он проводится в День рождения слона при обязательном участии Остапа Бендера, роль которого исполняет актер Ставропольского драматического театра Александр Ростов.

Мы мечтали «вывести» наших слонов из стен музея на улицу. 19 сентября 2015 г. наша мечта осуществилась. В День Ставропольского края и г. Ставрополя на Александровской площади Ставрополя был проведен первый городской праздник День рождения слона. Это было настоящее не только веселое, развлекательное, но и познавательное шоу, привлечшее большое количество горожан и гостей города. Надеемся, что проведение таких праздников тоже станет одной из привлекательных

традиций Ставрополя, которая войдет в обойму событийного туризма.

И последнее. Реализация проектов «Ставрополье – родина слонов» и «Ставим на ноги слона» стала возможной за счет гранта конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», двух грантов Министерства культуры Российской Федерации и при поддержке правительства и министерства культуры Ставропольского края.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Зоологический институт РАН (Санкт-Петербург). Оф. 12820.
2. СГМЗ. Оф. 14120.
3. Зоологический институт РАН (Санкт-Петербург). Оф. 36230.
4. Пятигорский краеведческий музей. Оф. 4266.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Монтажные работы

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Слоны в зале Природы

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Бармина Т.Б.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела этнографии,
кандидат исторических наук

ИГРУШКИ И ИГРОВАЯ СРЕ- ДА РЕБЕНКА В XIX – XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ СГМЗ)

Игры и игрушки – такой же неисчерпаемый источник для исторических исследований, как и необъятный мир детских фантазий, связанных с ними.

В этнографических исследованиях описываются, в основном, детские подвижные игры, и в гораздо меньшей степени сюжетно-ролевые игры. А ведь именно в них игрушка выступала во всей своей смысловой и образной полноте. Только в действии, в игре раскрывается художественный образ игрушки и ее нравственная ценность. В игре ребенок живет и действует не только в зримом, реальном пространстве, но и в пространстве воображаемом, представляемом. В игре происходит «оживление» игрушек. Фантазируя, ребенок комбинирует свои знания и впечатления, «создает» новую действительность. Выдающийся русский педагог И. А. Сикорский рассматривал игру как деятельность, как условие умственного развития, как школу мышления [1].

К сожалению, вещественных источников по рассматриваемой теме не так много, поэтому, чтобы полнее отразить игровой мир ребенка, в исследование будут активно привлекаться документальные источники. Хотя и они в полной мере не отражают особенности вербального и невербального общения детей внутри обозначенной игровой среды.

В конце XIX в. количество игрушек у ребенка зависело от многих факторов: материального положения семьи, образованности родителей (особенно матери) и, наконец, наличия свободного времени у самого ребенка.

В описываемое время были широко распространены гуманистические идеи, проповедующие полный отказ от физических наказаний детей, когда «проективно-репрессивная» модель воспитания сменилась «либерально-диалогической» [2]. Подобные педагогические веяния нашли сторонников прежде всего в среде ставропольской интеллигенции. Необыкновенная привязанность и сплоченность, безмерная любовь к родным ярко просматривается в письмах учительской семьи Ивановых. Весьма интересным и трогательным является письмо Якова Иванова своей маленькой дочери – Зине, оно практически не написано, а умело нарисовано [3]. Отец и мать постоянно интересуются здоровьем своей дочери.

В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ) хранятся материалы по истории семьи Ивановых, среди которых присутствует различная детская литература, несомненно, приобретенная для маленькой Зиночки: ежемесячный журнал «Куколка» (1908 и 1909 гг.); книга «Дедушка Мазай и зайцы»; бесплатное приложение к журналу «Светлячок»; подписка детского журнала «La roupee modele» – модели для куклы (1908 и 1909 гг.) [4].

Интересным историческим источником является книга «Гимназистка», основанная на дневниковых записях и устных воспоминаниях М.В. Сивовой-Запорожцевой. У детей семьи Запорожцевых было поистине счастливое детство: семейные торжества, церковные празднества, в том числе рождественские, отмечались широко и с размахом. Особенно любил баловать детей подарками отец, в дни празднеств им не было счета: книжки, картинки, конфеты и многое другое.

По признанию Марии Вячеславовны, на ее детское воображение сильно влияли поучительные сказки старой няни и бабушки [5].

Совершенно иная жизненная ситуация разворачивается на страницах другого документального источника – небольшой автобиографической эпistolы А.Г. Абрамовой «Мои воспоминания» (школьная тетрадка). «Семья наша была большая, семеро детей и вечная нужда. Я в семье была самой старшей, и мне больше всех досталось, хотя и остальные мои братья и сестры пережили свое детство как тяжелый кошмар». Вместо беззаботных развлечений и игр девочка с 10 лет вынуждена была непрерывно работать, сменив множество мест. Она работала прислугой и нянькой у «ставропольских богачей», паяла и запаковывала ручные гранаты на предприятии «Парадиева» [6].

Из двух разных исторических источников автобиографического характера мы видим совершенно контрастные картины быта и жизненного мира двух девочек-сверстниц.

Обратимся к вещественным источникам – игрушкам. В фондах СГМЗ содержится очень мало игрушек конца XIX – начала XX вв. Это две деревянные фигурки людей, которые скорее могут рассматриваться как предметы прикладного творчества центральной России и две небольшие куколки [7], привезенные в Ставрополь значительно позже представительницей рода Зайцевых-Долинских. Куколки эти фабричного производства, точно установить место и время их изготовления, к сожалению, не удалось. Такая «несущественная» проблема, как детская игрушка, не рассматривалась правительством Российской империи как нечто заслуживающее особого внимания. Лишь касающиеся этой темы учителя и врачи отмечали общий низкий уровень педагогической грамотности в семьях мещан того времени [8].

Совершенно иной подход к вопросам детства был определен новым Советским правительством начиная с 1930-х гг. Так, Комитет по игрушке при Наркомпросе РСФСР осуществлял «политико-идеологическое руководство и контроль над игрушкой» на всех этапах, начиная с производственного процесса и заканчивая их использованием в детских садах и дома [9]. Одной из самых распространенных советских мифологем была мифологема счастливого советского детства с его лозунгами: «Все лучшее – детям», «Дети – наше будущее».

В постановлении ЦК ВКП(б) и ЦКК-РКИ от 26 августа 1933 г. ценностные ориентиры в производстве игрушки были определены так: здоровье и жизнерадостность, смекалка, коллектив (коллективный труд, коллективный отдых, коллективная игрушка); Родина (многонациональная родина), патриотизм («оборонная игрушка», знания о стране, гордость за страну); труд (физический и умственный), культурный быт и досуг [10].

В качестве подтверждения установленных «игровых ориентиров» обратимся к советским периодическим журналам по детской тематике. Они как нельзя лучше отражают игровую среду и повседневную деятельность советского ребенка. Насколько серьезным было отношение к игрушке в СССР, говорит уже факт существования методического журнала «Советская игрушка», где из «Центра» давались четкие указания, какими игрушками и почему должны играть советские дети. Каждое тематическое направление игрушек представлено в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника:

– куклы-пупсы [11] воплощали образ маленького ребенка, куклы-октябрят и пионеры были предназначены для детей постарше;

– игрушки сюжетные (мебель, посуда) [12] помогали организовывать сюжетные игры и способствовали социализации ребенка в игре в «новую советскую действительность» – детсад, школу, общественную столовую;

– игрушки технические (военная техника, транспорт, станки, конструкторы) [13] были адресованы детям среднего и старшего возраста, подросткам, задумывающимся о выборе профессии. В соответствии с требованиями времени перспективным считался выбор профессии инженера;

– настольные игры должны были выработать усидчивость и приучить к командной, коллективной работе [14];

– веселые «мягкие» игрушки вызывали яркую эмоциональную реакцию [15], способствовали развитию внимания у детей младшего возраста;

– музыкальные игрушки (имитации музыкальных инструментов, шарманки) [16] были призваны развивать музыкальный слух и развлекать;

– через игру и игрушки советская педагогическая мысль последовательно формировала у ребенка представление о Родине, прививалась любовь к ней. Родина выступала как большая (через географические и исторические знания) и многонациональная страна – через идею интернационализма и знания о других «братьях русского народа». Этой идее служили коллекции кукол в традиционных костюмах дружественных республик [17];

– желание служить в армии укрепляла так называемая оборонная, т.е. военная, игрушка [18];

– привить любовь к труду (в первую очередь физическому) предлагалось через игрушечные инструменты и инвентарь. Это могли быть сельскохозяйственные орудия труда (игрушечные лопатки, ведерки, грабли) [19] или, к примеру, маленькие швейные машинки [20].

Игровой мир советского ребенка находился в рамках границ детского сада или детской площадки [21]. Вот как описывается материальное наполнение детского сада в колхозе «Россия» (Курганинский район Краснодарского края): «Для сада отвели хороший дом. В комнатах повесили картины, шторы, постелили коврики, каждому малышу поставили никелированную кроватку. Приобрели много игрушек, детских книг... Приучаем мы детей к посильному труду. Каждый убирает свою кроватку, копается в огороде, ухаживает за цветами, занимается рукоделием: шьет куклам белье, платьица. Зимой дети любят очищать дорожки от снега» [22].

Кроме того, постоянно встречаются рекомендации о привлечении «старших ребят» (вероятно, начиная со школьников) к работе. Присутствует множество статей об удачном опыте подобной деятельности: «Ребята ежедневно работают по 4 часа: два часа в колхозе и два часа по благоустройству лагеря [23].

Что касается семейного воспитания, то во многих статьях женской советской периодики пропагандируется требовательная любовь к ребенку [24]. Рубрика «Досуг в семье» в журнале «Работница» содержала советы о «часах семейного досуга», где встречаются такие полезные во все времена рекомендации, как «почитать вслух рассказ и поговорить о нем, организовать игры за столом, соревнования на решение загадок, задач, шарад, ребусов, головоломок, изготовить простейшие игрушки и забавные самоделки из бумаги [25].

Со страниц периодики родителей призывали к активным занятиям с ребенком. Для того чтобы игрушка заинтересовала ребенка, нужно показать ее игровые возможности. Нельзя рассматривать игрушки как баловство. Мать должна уделять внимание играм. Например, соорудить «садик» вокруг домика из кубиков. «В пустые катушки из-под ниток можно вставить сухие листья, цветы бессмертника или даже мелко нарезанную зеленую бумагу». «Покупать детям очень много игрушек не следует. Это рассеивает их внимание. Избалованные дети не ценят и не берегут своих игрушек. Очень важный игровой материал – кукла. Она оказывает матери большую помощь в воспитании ребенка. В игре с куклами любая мать может дать детям уроки хорошего поведения, чистоты и опрятности. «Любая мать может показать своему ребенку, как из малых кусочков материи смастерить подушку, одеяло, простыню для куклы. Научить культуре советского быта» [26].

«Не следует нашивать большое приданое своим куклам, достаточно рабочего костюма и праздничного, пусть ребенок заботится об этих костюмах! Можно приучать к шитью ребенка, заставляя его пришивать пуговицы к кукольным платьям» [27].

Таким образом, мир детства был неразрывно связан с игрой и игрушками. Во все времена игрушки вызывали у ребенка разнообразные чувства, были смыслом детской жизни, удовлетворяли его познавательные потребности. К сожалению, письменных «детских» источников почти не сохраняется в истории, тем ценнее «игрушечный» мир для рассмотрения основ формирования мировоззрения ребенка. Однако, какие бы игрушки мы ни рассматривали: трогательные дореволюционные или «правильные» советские, нужно учитывать, что в исследованиях, посвященных игрушкам, всегда будет отражаться взрослый взгляд на детский мир.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Сикорский И.А. Душа ребенка. Владимир: ВКТ, 2009.
2. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. / Сост. В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. М., 2009. С. 89.
3. СГМЗ. Ф. 425. Ед. хр. Л. 43.
4. Там же. Оф. 26309/15-18; 26309/19-24; 26309/25; Ед. хр. 78, 425-78-1; Ед. хр. 26309/ 26-37.
5. Чеха Н.В. Гимназистка. Ставрополь, 2008 . С. 78.
6. СГМЗ. Ф. 571. Ед. хр. 3. Л. 2.
7. Там же. Ф. 131. Оф. 33023; 33024.
8. Бахутов К. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя // Ставропольский текст: Описание, очерки, исследования. Хрестоматия / Под ред. Лаврик Э.П. Ставрополь, 2005. С. 228.
9. Сальников А.А., Хамитова Ж.А. Журнал «Советская игрушка» как источник по истории советского детства 30-х годов XX века» // Ученые записки казанского университета. 2013, № 8. С. 200-211.
10. Там же.
11. СГМЗ. Оф. 27760/20; 28774/21; 36338.
12. Там же. Оф. 28437/4-13; 28437/19 – 37.
13. Там же. Нвф. 7629; Оф. 32031/1-2; 38274-38279, 38281.
14. Там же. Оф. 13088, 23764-1-33, 28265/4.
15. Там же. Оф. 27760/1, 27760/9, 28972/1.
16. Там же. Оф. 28265/3, 32031/6, 33559.
17. Там же. Оф. 29257/1-12.
18. Там же. Оф. 35616, 32744, 38704/1-4, 38705.
19. Там же. Оф. 28774/29-30, 36659/1.
20. Там же. Оф. 28265/5, 36919.
21. Крестьянка. 1954, № 8. С. 16-17.
22. О малышах заботятся // Крестьянка. 1957, № 12. С. 28.
23. Крестьянка. 1957, № 1. С.12.

24. Там же. С.13; Уразовская М. Родительская любовь должна быть требовательной // Крестьянка. 1957, № 5. С. 29.
25. Работница. 1953, № 10. С. 31; Работница. 1954, №12.
26. Уразовская М. Указ. соч. С. 29.
27. Там же.

Бородина С.Н.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
научный сотрудник отдела истории

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АРТИСТОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ Н.В. ЮМАТОВА И В.М. ВАЩИНИНОЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

Ставропольскому краевому театру оперетты в 2016 г. исполнилось 77 лет. В его истории встречаются имена, знакомые широкому кругу любителей оперетты, но есть и такие, которые не запомнились. Были в истории театра такие артисты, которые проработали на его сцене немного времени, но создали яркие образы, полюбившиеся зрителям.

Такой была супружеская пара – Валерия Медардовна Ващинина и Николай Васильевич Юматов. Информации об их жизни и творческом пути сохранилось немного. В СГМЗ в 1968 г. был сформирован документальный фонд № 151. В нем отложились материалы о жизни и деятельности музыкальной пары, в том числе и их воспоминания. Основная часть коллекции была передана Валерией Медардовой после смерти мужа.

Известно, что в 1920-х гг. молодые супруги окончили Национальную музыкальную академию Украины им. П.И. Чайковского. Остались в Киеве, приступили к работе. Юматов устроился в Государственный оперный театр имени К. Либкнехта (ныне Национальная опера Украины).

Директором оперы в то время был Л.В. Собинов¹. На просмотр молодых певцов было допущено 300 человек. После просмотра Собинов публично поцеловал Юматова в голову, похвалил и предсказал блестящее будущее. Из 300 человек было принято в оперу всего трое, в том числе и Николай.

Ващинина устроилась на работу в киевскую «Концертную бригаду». Молодым было трудно жить в разлуке, тем более что они только что поженились. Николай принял решение ради жены выступать на эстраде [1]. С того времени супруги начали совместную творческую карьеру. В 1921-1923 гг. они работали в концертной бригаде, колесили по бывшей Кременчугской губернии². Давали концерты в пользу голодающих Поволжья, собирали деньги и ценные вещи. Кроме этого Юматов организовал для молодежи бесплатную студию искусств (с квалифицированными преподавателями) и руководил ею [2].

Первые шаги были наитруднейшими. Приходилось работать в непростых условиях. В 1924-25 гг., во время разрухи и голода, супруги ездили по шахтам.

Как потом вспоминала Валерия Медардовна, это была чудесная, очень благодарная и душевная публика. Песни, которые она исполняла, были им по вкусу. В то время в ее репертуар входили «Лапти-лапатошки», «Валенки», «На горушке калина», «Помню, я еще молодухой была».

Однажды их концертная бригада была направлена на шахту в г. Сталино, где в то время гастролировал театр оперетты. После очередного выступления на шахте супруги помчались в театр, чтобы успеть хотя бы на 2-й акт. Шла «Гусарская баллада». В это мгновение в Валерии проснулась кипучая жажда стать опереточной актрисой. Тем более, что не так давно на их концерте побывал актер оперетты, который наговорил им массу комплиментов, а в конце добавил: «У Вас (прим. – Н.В. Юматова) голос чудный, а жена просто рождена быть каскадной³. Как Татьяна Бах⁴!».

Приехав в Киев на побывку, супруги узнали, что бывший опереточный дирижер штудирует репертуар оперетт с молодыми актерами. Целый месяц Ващинина занималась с ним, разучила три партии: «Баядерку», «Жрицу» и «Коломбину».

Вместе с подругой по консерватории, тоже эстрадной певицей, они отправились

¹ Леонид Витальевич Собинов – русский оперный певец, один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

² Кременчугская губерния – губерния в составе УССР с 16 мая 1920 г. до 21 октября 1922 г. Закреплены территории, ранее входившие в состав Киевской, Полтавской и Херсонской губерний. Донбасса: Макеевка, Грушовка, Горловка и другим. Гостиниц не было, спали в клубе, зачастую на полу в кочегарке. Но, работая здесь, они ощущали свою востребованность.

в РАБИС, где Ващиной была предложена работа в театре оперетты в г. Лубны под Киевом. Через месяц она написала мужу: «Приезжай, забирай меня, так как здесь больше ухаживают, чем работают со мной! Надо быть вместе с мужем, иначе нельзя!»

К этому времени о них уже немного знали в опереточном мире, в основном в провинциальных театрах. Но с годами они «доросли» и до театров больших городов [3].

В 1931 г. Ващина устроилась ведущей актрисой в театре Западно-Сибирского края⁵. Работала в Новосибирске, Омске, Томске, Сталинске, получила грамоту ударника.

Большая перемена в ее судьбе произошла во время работы в Омске. Заболела главная героиня, а другая ведущая артистка вышла замуж и уехала к месту работы мужа. Надо было выручать театр несмотря на то, что у нее было другое амплуа. Валерия спела партию Люси в опере «Ярмарка невест». Публика поддержала ее. Потом второй спектакль, третий... И так начался новый этап в их жизни.

С годами рос опыт. Супругов пригласили работать в Киеве, в столичном театре. Ващиной к тому времени исполнилось 36 лет. Несмотря на уже имеющийся опыт, она продолжала дополнительно заниматься пением. К ней относились как к оперной певице. У нее был хорошо поставленный голос. В 1934–1936 гг. Ващина стала ведущей актрисой Киевской музыкальной комедии.

С супругом они объездили много городов – Киев, Омск, Томск, Новосибирск, Тбилиси, Баку, Ереван, города Дальнего Востока и др.

В театральный сезон 1934–1935 гг. в Сталинске Юматов и Ващина пели в оперетте венгерского композитора Якоби «Ярмарка невест». Супруги исполняли ведущие роли: Ващина – Люси Гаррисон, Юматов – Тома Миглеса.

В 1936–1937 гг. Ващина стала ведущей актрисой театра музыкальной комедии Дальневосточного края (Владивосток, Хабаровск) [4].

В 1937 г. супруги перешли в театр г. Сталинска. Н.В. Юматов был назначен директором Сталинского театра музыкальной комедии [11], а Валерия стала ведущей актрисой этого театра [12].

В октябре 1940 г. театр ликвидировали. Юматов с женой переехали в Ереван. В театре оперетты при АрмГосЭстраде он стал художественным руководителем, она – артисткой театра [13].

³ Каскадная (устар.) – опереточная.

⁴ Татьяна Бах – известная артистка Московского театра оперетты.

⁵ Западно-Сибирский край – административно-территориальная единица РСФСР с 1930 по 1937 г.

Накануне Великой Отечественной войны супруги были переведены на те же должности в театр Грузинской ГосЭстрады в Тбилиси. А через несколько месяцев началась война... [14].

С первого дня войны, 22 июня 1941 г., Николай Васильевич организовал театр музыкальной комедии, который был в ведении окружного Дома Красной Армии Закавказского фронта. С июня 1941 г. по октябрь 1943 г. он руководил театром как директор, художественный руководитель и главный режиссер.

В трудовой книжке Н.В. Юматова сохранилась запись «Переведен на работу в театр оперетты Окружного Дома Красной Армии Закавказского военного округа в Тбилиси. Зачислен на должность художественного руководителя и артиста театра» [15].

Театр все время, будучи театром военного ведомства, обслуживал кавказские гарнизоны: Тбилисский, Ереванский, Бакинский, Кутаисский, Батумский, Потийский, Ленинканский, Кировоградский, Орджоникидзевский, Грозненский и Нахичеванский.

В период с июля 1942 г. по март 1943 г. театр работал в Тбилиси, где были организованы спектакли для курсантов Тбилисского артиллерийского училища, призывников, служащих резервных частей, дислоцировавшихся в Тбилиси. В Грозном и Орджоникидзе артисты театра были задействованы на окопных работах [16]. Они принимали активное участие во всех мероприятиях, проводимых театром по культурному обслуживанию воинских частей в прифронтовой полосе [17].

Юматов получил грамоту I степени от Политического Управления Закавказского фронта «За организацию и руководство театром музыкальной комедии ДКА ЗакВО и шефскую работу. Ноябрь 1942 г.»

Н.В. Юматов проводил большую культурно-шефскую работу по организации красноармейской самодеятельности в 39-м гвардейском артиллерийском полку и на крейсере «Ворошилов» Черноморского флота, был представлен генерал-лейтенантом Ф.Т. Ремизовым к правительственной награде. Но ввиду запрета награждения боевыми медалями не за боевые заслуги награды не получил.

В фондах СГМЗ хранится письмо от 31 января 1942 г., написанное в Тбилиси. Главному режиссеру ДКА ЗакВО артисту Н.В. Юматову от сержанта танковой бригады 104 батальона Бориса Саввича Коваленко [18]:

«Дорогой любимец слушателей оперетт! Ваше величие сочетается со скромностью величия, с силой артиста, в могуществе Вашей игры. Исполнение Вами арий и дуэтов исключительно сильное, обстоятельное, располагающее... Разрешите мне душевно поблагодарить и поздравить Вас и в лице Вашего весь славный коллектив Ваш, руководителем которого являетесь Вы, с колоссальными успехами, по праву

принадлежащими Вам и Вашему коллективу. Ваш творческий путь высоко оценен слушателями оперетт; частицей чего являются аплодисменты, которыми так щедро, по заслугам, наделяет Вас публика».

В октябре 1943 г. супругов перевели на работу в Ставропольский театр музыкальной комедии в качестве артистов высшей категории с окладом 1750 рублей в месяц [19]. С 1944 г. Юматов проводил шефскую работу в Ставропольском суворовском военном училище и в 10-м кавалерийском полку [20].

За творческую работу в годы Великой Отечественной войны Юматов и Ващинина были награждены медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [21], «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [22], «За оборону Кавказа».

С 1 октября 1943 г. по 16 августа 1945 г. супруги работали в Ставропольском краевом театре музыкальной комедии [23].

Здесь работали их друзья по Киевской музыкальной комедии. Они и зазывали их в Ставрополь, а главное, сулили квартиру. Шла Великая Отечественная война, был голод, разруха и прочие ужасы. Друзья им писали, что в Ставрополе дешевая жизнь, первоклассный паек, вообще полно чудес. Слукавили немного, конечно, но им нужно было заманить коллег в свой новый театр. Из Тбилисского театра их категорически не отпускали [24].

Тогда из Ставрополя тайно был командирован в Тбилиси администратор музыкальной комедии, который в буквальном смысле выкрал артистов. Ночью перевез сундуки, а затем они втроем бежали. По воспоминаниям Валерии Медардовны, Тбилисский театр остался самым любимым ее театром [25].

Приехав в Ставрополь, они были ошарашены – такой разрухи они не представляли. Только что был снят оккупационный режим [26]. Девять месяцев супруги спали на полу в гримировочной уборной.

Все изменил счастливый случай. Михаил Андреевич Сулов, 1-й секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б), принимал большое участие в судьбе актеров, он не раз высказывал нарекания дирекции театра о недопустимых условиях жизни артистов. Однажды М.А. Сулов в окружении других начальников и директора театра обходил и осматривал театр. Неожиданно открылась дверь в комнату, где жили супруги. Там на соломе лежала Валерия. Сулов присмотрелся: «Да ведь это наша вчерашняя Сильва!» Директору театра он тут же поручил срочно найти возможность устроить их быт. Сулов не бросал слов на ветер, он контролировал ситуацию, и вскоре все нуждающиеся актеры получили пайки и были обеспечены жильем [27].

На улице Кагановича (ныне Морозова) в разрушенном фашистами жилом доме супругам была отведена квартира. Но она была без окон и дверей, с дыркой в потолке, со вздыбленным, прогоревшим паркетом. После репетиций почти ежедневно ходили актеры на стройку и помогали рабочим восстанавливать здание. И только через 2 года заехали в отремонтированную квартиру [28].

В сентябре 1945 г. они стали работать в Краевой государственной филармонии [29]. В это время театр оперетты переехал в Пятигорск [30].

В 1946 г. их творческие пути расходятся: Валерия Медардовна остается в Ставрополе и работает в Ставропольской государственной филармонии, а Николай Васильевич был принят на работу в Пятигорский театр музыкальной комедии в качестве артиста высшей категории [31].

Через год он уехал на работу в театр музыкальной комедии Удмуртской АССР. А через полгода, в январе 1948 г., его назначили на должность директора этого театра [32]. В марте того же года, ввиду слияния двух театров – театра драмы и музыкальной комедии – его перевели в объединенный театр [33]. В мае театр музыкальной комедии выделяют из объединенного театра драмы и музыкальной комедии; и Николай Васильевич снова был назначен директором театра музыкальной комедии Удмуртской АССР с обязанностями актера на разовых началах [34].

Осенью 1949 г. он вернулся в Ставропольский край, где был принят на временную работу в Краевое отделение культпросветработы на условиях срочного договора и направлен в Буденновский Дом культуры на должность художественного руководителя [35].

В 1950-1951 гг. Валерия Медардовна вместе с мужем руководила художественной самодеятельностью Буденновского районного Дома культуры [36]. Но она также оставалась артисткой филармонии.

Вместе супруги объездили все районы Ставропольского края, все колхозы и совхозы. Когда-то начав с донбасских шахт, они закончили колхозами Ставропольского края [37].

Этот период работы супругов ярко отражен в характеристике, выданной руководителю Буденновского Дома культуры Н.В. Юматову заведующим отделом культурно-просветительской работы Александровского исполкома райсовета депутатов. В ней говорится о посещении Александровского Дома культуры по обмену опытом практической работы коллектива художественной самодеятельности под руководством Юматова. Было дано два концерта, прошедших с большим успехом. Особенно зрителям запомнилось выступление В.М. Ващининой в пьесе «Дочь Родины» и исполнение партии Ганны Главари из «Веселой вдовы». Весь коллектив заслужил глубокую

благодарность за хорошее исполнение, и особенное место в этом занимает художественный руководитель Н.В. Юматов [38].

По записям в трудовой книжке известно, что в сентябре 1950 г. Николай Васильевич был освобожден от работы в Доме культуры ввиду перевода его в Ставрополь, где он был зачислен на должность руководителя культмассовой работы при Ставропольском суворовском военном училище [23].

В характеристике на Юматова Николая Васильевича имеется следующая запись: «Работая руководителем культурно-массовой работы Ставропольского суворовского военного училища с октября 1950 г. по февраль 1953 г., тов. Юматов показал себя как дисциплинированный, инициативный и умелый организатор и квалифицированный практический работник в создании творческой самодеятельности в училище [24].

Уйдя на пенсию, супруги остались жить в Ставрополе. До самой кончины они жили в доме на ул. Кагановича, 1, в квартире 85 [25].

Находясь на пенсии, Николай Васильевич продолжал творческую деятельность: для Краевого театра музыкальной комедии (г. Пятигорск) он писал оперетты. В договоре за ноябрь 1959 г. есть запись о предоставлении им театру трехактной оперетты-сказки «В некотором царстве» [26].

Николай Васильевич ушел из жизни в 1961 г., в возрасте 71 года. Дата смерти Валерии Медардовны неизвестна.

Супруги прожили тяжелую, но насыщенную творчеством жизнь. В Ставропольском государственном музее-заповеднике хранятся документальные материалы об этой талантливой паре советских артистов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. Нвф. 8320/1.
2. Там же. Оф. 28128/1.
3. Там же. Нвф. 8320/1.
4. Там же. Оф. 28128/1.
5. Там же. Оф. 28128/39.
6. Там же. Оф. 28128/1.
7. Там же. Оф. 28128/39.
8. Там же. Нвф. 8320/1.
9. Там же. Оф. 28128/3.
10. Там же. Ф. 151. Ед. хран.1.

11. Там же. Оф. 28128/39.
12. Там же. Оф. 28128/19.
13. Там же. Оф. 28128/4.
14. Там же. Оф. 28128/33.
15. Там же. Оф. 28128/17.
16. Там же. Нвф. 8320/1.
17. Там же. Оф. 28128/39.
18. Там же. Нвф. 8320/1.
19. Там же. Оф. 28128/39.
20. Там же. Оф. 28128/1.
21. Там же. Нвф. 8320/1.
22. Там же. Оф. 28128/20.
23. Там же. Оф. 28128/39.
24. Там же. Ф. 151. Ед. хр. 2.
25. Там же. Оф. 28128/40.
26. Там же. Оф. 28128/46.

Бортникова Ю.А.,

г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

ОТ РУБЕЛЯ ДО УТЮГА

Человеку свойственно интересоваться историей вещей, которые его окружают и помогают благоустроить жизнь. Утюг, как бытовой предмет, знаком каждому человеку, но мало кто знает, какой предмет был его предшественником. Интересно также, когда утюг впервые появился в России, как менялся его внешний вид и его качества.

В фондах Музея истории Изобильненского района имеется коллекция утюгов разных видов, насчитывающая более 30 предметов. Наиболее интересные утюги выставлены в постоянной экспозиции музея «Крестьянская изба».

Долгое время до появления утюгов люди разглаживали ткани с помощью двух камней, нагретых на солнце или на костре. Это было очень тяжело и малоэффектив-

но. В России хозяйки изобрели свой способ глажения. Гору стираного, но мятого белья ждал долгий процесс. Осуществлялся он до изобретения утюга с помощью скалки и специального деревянного предмета, который в разных местностях назывался по-разному: «рубель», «пральник», «праник», «гранчак», «ребрак» или «раскатка».

Рубель – это плоский деревянный брусок с рукоятью и ребристой нижней поверхностью. На скалку наматывали сложенное в несколько слоев полотнище (скатерти, рушника, юбки или фартука). Затем хозяйка брала в руки рубель и начинала катать им по скалке, придавливая и разглаживая белье до тех пор, пока оно не становилось выглаженным.

Современные утюги не справились бы с глажением старинных вещей, так как они были сшиты из льна или конопли. Эти ткани были грубыми, жесткими. Во время разглаживания рубелем ребра «деревянного утюга», касаясь ткани, не только разглаживали ее, но и придавали ей мягкость. После такой процедуры даже плохо постиранное белье становилось светлее. Отсюда и пословица: «Не мытьем, так катаньем!».

В разных регионах России мастера, которые изготавливали рубели, по-своему украшали их резными узорами или разнообразными рисунками. В фондах Музея истории Изобильненского района хранятся десятки рубелей, разных по форме и декору.

Один из рубелей из числа выставленных в постоянной экспозиции музея был изготовлен во Владимирской губернии. Отличительной чертой таких рубелей является геометрический или растительный резной орнамент на лицевой стороне предмета. Рубели, изготовленные в Архангельской губернии, отличаются формой: они широкие или длинные, трапециевидные.

Одной из разновидностей рубеля является каток. Этот предмет для глажения белья состоит из трех ребристых валиков, соединенных между собой. В Музее истории Изобильненского района есть такой каток, его передал в дар музею краевед Сергей Иванович Конев.

Точной даты появления в России утюга в его привычном виде нет. Благодаря данным письменных исторических источников известно, что в XVII-XVIII вв. появились первые цельнолитые чугунные утюги. Они весили от 1 до 10 кг. По желанию заказчика мастер придавал утюгу определенную форму и украшал его. В фондах Изобильненского музея хранится 12 цельнолитых чугунных утюгов. Несмотря на схожесть форм, каждый из них имеет свои особенности. У одних – ручка гладкая и ровная, у других – закрученная в спираль, у третьих – высокая, загнутая. Корпу-

са утюгов отличались друг от друга декором. Как правило, на корпусе проставляли клеймо мастера или завода.

Цельнолитые чугунные утюги разогревались долго, не менее получаса. Их нагревали на открытом огне или в печи. Взять горячий утюг можно было только с помощью прихватки из нескольких слоев ткани. Со временем такие утюги стали усовершенствовать – стали делать утюги с одной съемной ручкой на два чугунных основания. Пока одним утюгом гладили, второй нагревался, таким образом, процесс глажения ускорялся.

В фондах нашего музея хранятся два утюга со съемными ручками. У одного из утюгов ручка металлическая, в виде овала, имеет винтовое крепление с корпусом. У второго утюга деревянная ручка полукруглой формы, она прикреплена к корпусу с помощью металлической планки.

В середине XVIII в. появляются угольные, или духовые, утюги. Они были похожи на небольшие печки, состояли из корпуса и крышки. Внутри корпуса закладывались раскаленные угли и разогревали подошву утюга. Для лучшей тяги по бокам корпуса делали отверстия. Если угли затухали, их нужно было разжечь. Для этого дули в отверстия или размахивали утюгом из стороны в сторону.

В фондах музея зарегистрирован 21 угольный утюг. По форме и составным частям все утюги похожи, но некоторые выделяются особой формой крышки или украшениями корпуса.

Один из утюгов состоит из 3 отдельных частей: подошвы с внутренними шипами, корпуса с решетчатым дном, сквозь которое проходят шипы подошвы, и крышки. Внутренние шипы увеличивают площадь теплообмена, равномерно распределяя тепло по подошве. Удобен этот утюг и тем, что когда уголь снизу прогорает, хозяйка может откинуть пластину подошвы, вытряхнуть золу, сверху засыпать свежий уголь и продолжить глажение. На передней части крышки утюга имеется задвижка, которая фиксирует крышку и подошву в закрытом положении. Нижний край крышки – с ажурными зубцами, которые не дают плотно прижимать ее к корпусу. Ручка отсутствует. Вокруг креплений для ручки – надпись «IDEAL» ОАО PATENT».

Такая модель утюга была запатентована немцами. На внутренней стороне крышки надпись «ПАТЕНТЪ № 21981». Эти утюги считались многофункциональными: с их помощью можно было гладить белье, печь вафли, колоть орехи, давить чеснок. Такой утюг можно было использовать даже как мышеловку.

Еще один утюг из коллекции угольных утюгов Музея истории Изобильненского района был изготовлен артелью «Молот» в Нижегородской области. Задвижка на

верхней части крышки утюга напоминает стилизованную голову льва или барана. На крышке надпись «Арт МОЛОТ, г. Городец». На нижней части крышки – крупные трапециевидные зубцы. Ручка деревянная, круглая, крепится к полукруглой металлической скобе, стоящей на ножке, прикрепленной к крышке. На задней стенке корпуса имеется прямоугольное отверстие с подвижной заслонкой для тяги.

В отличие от большинства угольных утюгов, хранящихся в нашем музее, один утюг имеет ребристую, «чешуйчатую» поверхность резервуара для углей и крышки. Он был изготовлен на заводе «Краснолит» в одноименном поселке Краснодарского края. В задней части утюга, на крышке, надпись «Краснодар», а в верхней части задней стенки – надпись «Краснолит». Внутренняя часть подошвы утюга имеет 4 небольших параллельных ребра вдоль всей подошвы.

В фондах музея хранятся 3 угольных утюга, изготовленных в разное время на Касимовском заводе. Некоторые виды угольных утюгов снабжены миниатюрной трубой. Такая разновидность угольных утюгов в свое время была очень популярна. Они работали по принципу обычной дровяной печи: уголь горит за счет тяги, а сила тяги регулируется с помощью заслонки в задней части корпуса. Труба улучшает тягу и предохраняет руки от ожогов, отводя лишнее тепло. Отличительной особенностью утюгов такого вида является отсутствие отверстий по бокам корпуса.

В фондах Музея истории Изобильненского района хранятся 2 угольных утюга с трубой. Один из этих утюгов, судя по его внешнему виду мог быть изготовлен в Польше, в городе Конск, или в России, в Ковенской губернии, на заводе братьев Шмидт. Утюги с трубами, изготавливаемые на этих заводах, были очень похожи: деревянные ручки, защитная пластина с узорами, заслонка поддувала на задней стенке корпуса, выполненная в виде головы старика, ровная поверхность крышки с цифрами, проставленными в левом углу.

Второй утюг имеет свои особенности. На гладкой поверхности крышки слева четко виден типоразмер – 61/2, заслонка поддувала на задней стенке корпуса круглая, выполнена в виде цветка с выступом в центре. Главное отличие этого утюга от всех ранее описанных состоит в том, что внутри корпуса имеется продолговатая выгнутая пластина длиной около 9 см, со сквозными отверстиями вверху. Эта пластинка прикреплена к задней стенке корпуса на уровне с поддувалом. В утюге такой конструкции можно было раздуть большее количество угля, что позволяло увеличить время использования утюга. Определить место производства данного утюга и завод не представляется возможным, так как ручка и защитная пластинка утеряны.

Утюги различались не только по форме, весу и размеру, но и по назначению.

Для глажения сукна применялись большие и тяжелые утюги. Портные использовали множество специальных утюгов: для разглаживания рукавов, перчаток, воланов, оборок.

Некоторые вещи – шелковые, кружевные – большими утюгами гладить сложно. Поэтому для разглаживания таких «деликатных» изделий изготавливали маленькие и легкие утюжки.

В фондах Изобильненского музея хранится утюжок, длина подошвы которого всего 9 см, а высота вместе с ручкой – 11 см. В отличие от больших утюгов, на маленьком утюжке задвижка, которая держит крышку в закрытом состоянии, прикреплена к задней стенке корпуса. Крючок, за который цепляется задвижка, находится в задней части крышки. Поддувала, как у больших утюгов, нет, так как этот утюжок нагревали до невысоких температур и пользовались им недолго.

Иногда для определенного вида утюгов изготавливали дополнительные приспособления. Например, для цельнолитых чугунных утюгов изготавливали специальные маленькие печки для нагрева, которые работали на дровах или углях. Угольные утюги снабжали дополнительно колосниковыми решетками, которые укладывали на дно корпуса утюга, под угли. Это делали для того, чтобы угли не касались подошвы утюга и не создавали «горячие точки».

Для удобства во время глажения хозяйки использовали металлические подставки, которые очень выручали женщин: горячий утюг не нужно было все время держать в руках. Такая подставка представлена в постоянной экспозиции музея. Она чугунная, на трех ножках, с растительным орнаментом и металлической ручкой.

В конце XIX в. появились первые электрические утюги. Днем рождения электрического утюга считают 6 июня 1882 г. Именно в этот день американец Генри Сили запатентовал свое изобретение.

У посетителей нашего музея вызывает неподдельный интерес выставка «Из истории утюга», на которой экспонируются различные виды цельнолитых и угольных утюгов, рубели и другие приспособления для глажения. На этой выставке сотрудники музея рассказывают об истории возникновения утюга, о его «предках», о том, как модифицировался утюг и когда преобразился в современный вариант. Дети, посещающие эту выставку, имеют возможность погладить льняную салфетку с помощью рубеля и скалки или при помощи чугунного утюга. Они могут явно ощутить, какими тяжелыми были старинные утюги.

История утюга не закончена. Во все времена этот «полотняный пароход» был

верным спутником человека, делая быт значительно комфортнее, а одежду человека опрятнее. Каким утюг станет в будущем – покажет время.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Фонды Музея истории Изобильненского района.
2. <http://ru.wikipedia.org/> Рубель
3. Кузина Е.В. Энциклопедия открытий и изобретений человечества. М., 2006.

Волкова С.М.,

г. Изобильный,
Музей истории
Изобильненского района,
главный хранитель

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ФОТОГРАФИИ?

История мира, страны или малой родины – это история конкретных людей. С их радостями, переживаниями, ратными подвигами и трудом. С доисторических времен человек старался запечатлеть моменты своей жизни на каком-нибудь «носителе». Сначала это были наскальные рисунки, позже – фрески, станковая живопись. С появлением фотографии люди получили возможность таким образом «документировать» реальность и фиксировать информацию, содержащуюся в ней. Важнейшим свойством фотографии является ее достоверность и подлинность запечатленных событий.

В фондах музея истории Изобильненского района хранится более 5,5 тысячи фотографий. Каждый снимок – это чья-то жизнь, это какое-то реальное событие.

Фотографии – это всегда интересно. А старые фотографии интересны вдвойне и по содержанию, и по технике исполнения. Старые фотографии, как и старинные вещи, вызывают трепет в душе и желание заглянуть в это своеобразное «окно истории».

В коллекции «Фотографии и фотонегативы» Музея истории Изобильненского района есть цикл фотографий конца XIX – начала XX в. Снимки сделаны в разное

время и в разных местах. История жизни изображенных на этих снимках людей нам не всегда известна. Но эти фотографии сами могут многое рассказать.

В конце XIX – начале XX в. услугами фотографа пользовались представители разных слоев населения: чиновники, врачи, учителя, купцы, духовенство, казаки, военные, рабочие и даже крестьяне. Всем хотелось иметь свой портрет.

На индивидуальных и групповых снимках мы можем видеть людей прошедших эпох. Фотографировались по случаю памятных дат: окончание школы, гимназии, юбилей. Фотографировались группами, поодиночке и целыми семьями, дабы запечатлеть сплоченность и благополучие семьи. Фотографии бережно хранили в семейных альбомах и передавали их по наследству детям и внукам. Фотографические карточки в рамках развешивали на стенах, выставляли на полках и тумбах, украшали ими интерьер.

В то время фотография была удивительна своей новизной, точностью и скоростью – в отличие, например, от живописного портрета. В городские ателье и фотомастерские публику привлекало любопытство и сравнительная дешевизна снимков.

В больших городах, как правило, было по несколько фотомастерских, конкурирующих между собой. Они зазывали горожан оригинальной рекламой, предлагая много видов выполняемых работ самого высокого качества.

В Музее истории Изобильненского района хранятся фотографии того времени из архива семьи Буниных. Нельзя сказать, являются ли эти Бунины родственниками знаменитого русского писателя И.А. Бунина. Никаких подтверждающих или опровергающих это документов в музее нет.

Члены семьи Буниных сфотографированы в разных фотоателье города Ставрополя. Закон о печати 1865 г., коснувшийся в том числе и фотографических заведений России, обязывал их владельцев выпускать снимки только с обозначением фирмы, их сделавшей. Для своей мастерской каждый фотограф заказывал в типографии паспарту – художественно оформленный картон с указанием фамилии мастера, города, где был сделан снимок, наград фотографа. На аверсе паспарту снимков Буниных имеются типографские надписи, своего рода фирменные знаки хозяев фотоателье: «Фотография С. М. Тосунова», «Фотография С. Андрюшечкина», «Фотография Н. Петрушинъ и В. Свищевъ», «Фотография Н. С. Трегубова». Причем на некоторых указан адрес фотоателье, например: «Фотография Н. Петрушинъ и В. Свищевъ. Ставрополь Кавказский. Александровская улица. Дом Митина», а указание о том, что «негативы сохраняются», говорило о надежности и солидности

фотостудии.

В оформлении паспарту применялись тиснение, золочение и серебрение, пышные виньетки и узоры, поэтому снимок, наклеенный на него, выглядел богато и торжественно.

Крупным поставщиком паспарту и других фотопринадлежностей в России в конце XIX – начале XX в. был И. И. Покорный, чье имя мы тоже видим на паспарту. Коммерсант и фабрикант, он 17-летним юношей начал свою коммерческую и производственную деятельность, устроив в Одессе в 1879 г. литографию и фабрику фотографических принадлежностей. И уже через год он получил бронзовую медаль Императорского общества сельского хозяйства южной России «за фотографические бланки» на фотовыставке в Одессе.

С 1895 г. И. Покорный работал в Москве – открыл фотоателье, организовал фабрику фотографических бланков, занялся изготовлением павильонных аксессуаров из папье-маше. Наряду с производством и коммерцией, И. Покорный активно занимался общественной деятельностью. Он вступил в Русское фотографическое общество в Москве и остался его действительным членом до самой смерти в 1914 г. Был известен как частый участник и призер выставок Русского фотографического общества, меценат.

С 1903 г. на фабрике И. Покорного началось изготовление стереоскопических фотокамер «Покорнископ», а в 1907 г. в Москве им была открыта фабрика фотографических пластинок, которые были выпущены в продажу под названием «ИРИС». К этому моменту И. Покорный уже был владельцем Фабрики «бристольского картона и фотографических бланков» в Либаве (Латвия), складов фотографических принадлежностей в Москве, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону.

После смерти И. Покорного его фирма продолжала существовать и даже в 1915 г. объявила о намерении купить фотографии в Крыму, на Кавказе и в Сибири. Фабрика «Ирис», оборудованная новейшими заграничными машинами, в 1924 г. перешла в ведение Госкино.

Многие фотографии того времени были выполнены в стиле кабинет-портрета. На паспарту размещалась пометка «Cabinet Portrait». Кабинет-портреты впервые появились в 1866 г. в Англии. Фотоснимки имели определенное оформление: портрет снимался в специальной студии на фоне «кабинетной» декорации. При этом использовались рисованные декоративные фоны – интерьер или пейзаж, бутафорская мебель, решетки, балюстрады из папье-маше, стулья, кресла, тумбы и колонны. Кстати, первым в мировой практике рисованный фон начал применять

русский фотограф С.Л. Левицкий в 70-х гг. XIX в. Эта идея оказалась очень привлекательной: рисованные фоны просуществовали около 100 лет. Кабинет-портреты обычно печатали на заказ по 12 штук, а негативы еще долго хранили в ателье.

На обороте паспарту делали надписи, дававшие много информации о возможностях и заслугах фотографа. «Снимки вечеромъ въ электрическомъ павилионе», «Увеличеніе портретовъ до натуральной величины», «Придворный фотографъ», «Высочайшія награды» – таковы некоторые из надписей на фотографиях того времени.

На работе придворного фотографа И. М. Полити на аверсе паспарту мы видим указания о том, что данный мастер имеет награды «Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны», «Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны, Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго». Интересен момент присвоения звания «Придворный» – будь то поставщик товаров или услуг. В списке поставщиков Двора Его Императорскаго Величества за 1902 г. значится И. М. Полити, фотограф.

Звание «Придворного поставщика» было введено в начале царствования императора Александра II в 1856 г. С 1862 г. фабрикантам, художникам и ремесленникам, которые поставляли приготовленные ими предметы к Высочайшему Двору или исполняли заказы для Двора в течение 8-10 лет, было разрешено использовать государственный герб на вывесках и изделиях. Звание «Поставщика Высочайшего Двора» давалось лицу, показавшему добросовестность, трудолюбие и особые способности.

С 1901 г. у придворных поставщиков появился новый знак с указанием статуса поставщика и года присвоения звания. Выдавалось специальное удостоверение из Канцелярии Министерства Императорскаго Двора с цветным изображением знака.

Звание «Придворного поставщика» считалось самым почетным и уважаемым у деятелей промышленности и торговли. Присваивалось оно дважды в год, на Рождество и на Пасху, по прошению самих фирм.

В книге В. Скурлова и А. Иванова «Поставщики Высочайшего двора» указано следующее: «Для предоставления звания «Поставщика Высочайшего Двора» и сопряженного с этим званием особого знака по решению Канцелярии Министерства Императорскаго Двора и уделов требовалось соблюдение следующих условий:

1. Испрошение на это Высочайшего разрешения.

2. Исполнение поставок или работ для потребностей Высочайшего двора.
3. Непрерывность поставок или работ.
4. Известная продолжительность поставок, работ или услуг не менее 8-10 лет.
5. Производство поставок или работ непосредственно лицом, ходатайствующим о получении упомянутого звания.
6. Производство поставок по преимуществу из предметов собственного производства или изделий из собственных фабрик, мастерских, заводов.
7. Успешность поставок или работ, то есть исправное, добросовестное, по сравнительно малым ценам исполнение заказов, засвидетельствованное начальством надлежащего установления.
8. Звание Поставщика предоставляется лишь на то время, пока производятся работы или поставки к Высочайшему Двору» [1].

К сожалению, о самом фотографе Иване Полити нашлось совсем немного информации. Известно лишь, что он был достаточно известным мастером в Новороссийске, наряду с Жоржем Леконте. Работы новороссийских мастеров фотографии неоднократно отмечались почетными дипломами на фотовыставках. Затем, в начале XX в., И. М. Полити переехал в Ростов-на-Дону, организовав там и в Новочеркасске фотосалоны.

В соответствии с указанием на аверсе паспарту фотомастерская Полити имела возможность производить съемку в вечернее время с искусственным освещением. С развитием фотографического дела в городах все чаще стали появляться съемочные павильоны.

На заре фотографии, в середине XIX в., когда электрическое освещение было редкостью, фотопавильоны строили со специальной стеклянной крышей. Наклон ее подбирался так, чтобы оптимально использовать свет северной части небосвода, избегая попадания прямых солнечных лучей.

Позже в фотопавильонах стали успешно применять электрическое освещение. С. Л. Левицкий одним из первых добился замечательных успехов в применении электрического света в фотографии.

Портреты Левицкого по эффекту и мягкости освещения не уступали лучшим снимкам, выполненным при дневном свете. Фотографы также совмещали естественное и электрическое освещения, добиваясь замечательного художественного сочетания света.

Один из наиболее интересных разделов коллекции фотографий в Музее истории Изобильненского района – событийная фотография. На фото мы видим

сюжеты из реальной жизни: военные события и портреты казаков, факты истории становления Советской власти и коллективизации, альбомы о строительстве Ставропольской ГРЭС и заводов в городе Изобильном, фотографии, запечатлевшие шествия и митинги, открытие памятников и новых школ.

Особое место в коллекции занимает подборка фотографий «Изобильный вчера и сегодня», которая помогает наглядно проследить, как менялся облик города от 50-х годов XX века до наших дней. Большой популярностью у посетителей пользуется одноименная фотовыставка, где представлены фотографии старого города и эти же места, снятые в наши дни.

Ежегодно в музее и вне музея экспонируется около тысячи фотографий, десятая часть которых находится в постоянной экспозиции.

Важность фотографии в историческом краеведении трудно переоценить. Ее образный и универсальный язык способен оказывать влияние на визуальный опыт человека и одновременно передавать память о событиях и людях от поколения к поколению.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Скурлов В.В., Иванов А.Н. Поставщики Высочайшего Двора. СПб., 2002. С. 162-163.
2. Пальчевский Б.В. Фотография. Минск, 1982.
3. Крауш Л.Я. Первые шаги в фотографии. М., 1973.
4. Иофис Е.А. Техника фотографии. М., 1973.
5. Фотография // Большая Советская энциклопедия. Т. 27. М., 1977.
6. Митчел Э. Фотография. М., 1988.
7. История городов и сел Ставрополя. Краткие очерки. Ставрополь, 2008.
8. Музей истории Изобильненского района. Ф. 1. Ед.хр. 1; Ф. 11. Ед.хр. 19, 57.

Волошенко Л.В.,

г. Ставрополь,

Ставропольский краевой музей

изобразительных искусств,

старший научный сотрудник, искусствовед

ЧАСТНЫЕ СОБРАНИЯ И МУЗЕЙ

В истории формирования коллекций Ставропольского краевого музея изобразительных искусств тема частных собраний занимает значительное место.

Венценосные особы, члены Высочайшей фамилии, российский император Александр III и его жена, императрица Мария Федоровна, были собирателями и покровителями искусств [1, 2].

Еще будучи наследником, Александр III жил со своей семьей в Аничковом дворце Петербурга. Для экспонирования художественной коллекции во дворце по проекту архитектора И. А. Монигетти был создан личный музей, где демонстрировались произведения русского и зарубежного искусства.

Из представителей художественной интеллигенции часто бывал здесь Алексей Петрович Боголюбов, профессор Академии художеств, художник-маринист [3], у которого с будущим императором сложились достаточно дружеские отношения. При посещении Александром III Дании художник был в свите цесаревича (1867 г.), давал рекомендации по приобретению фарфоровых изделий для украшения Аничкова дворца; передал в коллекцию наследника свой альбом акварелей и рисунков – 50 видов Дании и 8 небольших пейзажей на датские сюжеты, выполненные во дворце Беренсдорф и на морском курорте Клампенберг. В дальнейшем он значительно повлиял на коллекционные предпочтения Александра III: будучи за границей, вел с ним переписку, сообщал наследнику о художественных новинках зарубежных мастеров и русских художников, работавших в то время в Париже и Риме. В письмах Боголюбов высылал фотографии произведений по просьбе цесаревича, делал предложения для закупки, осуществлял их.

В одном из писем из Рима (1872 г.) Боголюбов благодарит наследника за интерес к художественным делам, сообщает о том, что познакомился с торговцем народной керамикой, представляющей большую художественную ценность;

рекомендует приобрести, приобщив к датским и кавказским еще и итальянские образцы керамики [4]. В ответном письме цесаревич благодарит «за постоянную готовность помогать ему в разных заказах и покупках» [5]. В переписке много свидетельств о художественных вкусах будущего императора, составе его коллекций.

Великая княгиня Мария Федоровна пожелала, чтобы Боголюбов руководил ее занятием живописью. «Конечно, никогда не позволял себе быть учителем на жалованье, – вспоминал Боголюбов, – что дало мне право быть гораздо свободнее с нею в моих беседах об искусстве» [6]. Сохранились свидетельства о хорошем овладении Марией Федоровной техникой масляной живописи и сами работы.

В коллекции Аничкова дворца были полотна датских художников, хранящиеся теперь в Ставропольском собрании. О них следует сказать особо, так как датская школа практически не представлена в собраниях нашей страны и плохо знакома зрителю. Произведения Антона Мельби, Элизабет Иерихау, Генриха Бунцена оказались в Аничковом дворце не случайно: Дагмар они напоминали о родине и знакомых мастерах живописи.

Величавый морской пейзаж с видом на столицу Османской империи Стамбул (Константинополь) написан Мельби в 1862 г. Критики расценивали художника как одного из лучших маринистов, в том числе за пределами родины и не имеющего себе равных в передаче прозрачных морских волн [7].

Небо у Мельби занимает большую часть картины. Спокойная водная гладь, отражающая небо и неяркие лучи солнца, придают марине легкость и строгую простоту. Благодаря очень светлому колориту художнику удается слить в одно живописное целое большие плоскости неба и воды. Реалистически точно показанные архитектурные сооружения на берегу уходят на второй план. Внимание привлекает великолепный парусник под французским флагом, так достоверно написанный художником.

Картина с изображением пастуха на фоне Парфенона написана широко известной в Европе Элизабет Иерихау в 1869 г. в результате поездки в Грецию [8]. Прежде чем оказаться в Аничковом дворце, картина участвовала во Всемирной выставке в Вене, а в 1874 и 1879 гг. она выставлялась в Берлинской Академии художеств. Фигура юного пастуха с барашком на руках дана крупным планом, портретно. Иерихау внимательно прослеживает особенности его внешности; подчеркнута этнографически показывает пастушескую одежду, которая почти не претерпела изменений со времен античности. Тщательно прорисовывает особен-

ности архитектуры главного храма Афинского Акрополя. При этом наименьшее значение придает живописным средствам, колориту, что определялось критиками как «тяжеловесность».

Два видовых пейзажа со старинными зданиями выполнены выпускником Копенгагенской Академии Генрихом Бунценом, оба датированы 1870 г. [9]. По всей видимости, они были более чем дороги хозяйке Аничкова дворца. Ведь в пейзажах изображены резиденции Датской королевской семьи.

На одном («Дворец в парке») со стороны парка запечатлен Фреденсборг, который и сейчас является резиденцией датских монархов [10].

История дворцового комплекса началась в 20-х годах XVIII в. в охотничьих угодьях. Строился дворец в стиле французского барокко, элементы которого ясно читаются в изображении Бунцена. Первоначально он состоял из почти квадратного полутораэтажного главного здания с куполом, над которым возвышался медный шпиль. Позже была возведена балюстрада, оранжерея, перестроенная в дальнейшем. В 1753 г. дворец расширили: к главному зданию добавили 4 угловых павильона с пирамидальными крышами. Таким и предстает дворец на полотне. Архитектурное сооружение, в подробностях переданное художником, доминирует в пейзаже. На первом плане виден уголок дворцового парка с аллеями, расходящимися лучами. Между ними широкие, засаженные деревьями участки. В парке много скульптур. Умиротворение царит в природе. Фигуры людей, неторопливо прогуливающих, не передают особого колорита усадебной жизни, однако придают мотиву сдержанный характер. Все здесь подчинено логической ясности и исполнено поэтического чувства [11].

На полотне «Пейзаж с замком» Бунцен запечатлел летнюю резиденцию датского короля – дворец Бернсторф и его живописные окрестности (так называемый Олений парк, Фазаний сад) [12]. Здесь принцесса Дагмара слушала сказки из уст самого Г.-Х. Андерсена. Бывала и после того, как стала членом русской императорской семьи. Александр III во время летнего отдыха с азартом предавался здесь охотничьим забавам, особенно на оленей.

Величественный пространственный пейзаж тщательно скомпонован, уравновешен. Чередование света и тени помогает взгляду зрителя двигаться в глубь композиции. Колорит, построенный на искусном сочетании оттенков зеленого, синего и коричневого, создает ощущение прозрачности атмосферы. Фигурки людей кажутся почти случайными в этом величественном окружении. Пейзаж академически традиционен, но не лишен свежести восприятия.

Если в Петербурге жизнь Александра III и Марии Федоровны была в основном связана с Аничковым дворцом, то из загородных резиденций императорская семья чаще всего посещала коттедж в Петергофе и Гатчинский дворец. Гатчину Александр III предпочитал Петербургу, здесь чувствовал себя в безопасности после гибели Александра II. На протяжении многих десятков лет в стенах дворца накапливались художественные ценности. В 1880-е гг. при Александре III здесь появились работы В. Д. Поленова, А. П. Боголюбова, М. А. Зичи и других отечественных мастеров.

В бельэтаже Арсенального каре Гатчинского дворца парадные апартаменты украшало монументальное полотно «Дорога в Кахетии». Автор понравившегося Александру III произведения И. Н. Занковский служил в Тифлисе при военно-топографическом отделе Кавказского военного округа [13]. По долгу службы художник объездил все горные районы Кавказа. Одно из своих ярких впечатлений перенес на холст. Панорамное изображение череды гор в легкой рассветной дымке отличается мастерством в передаче свето-воздушной перспективы. С большим вниманием и этнографическими подробностями написана эта жанровая сцена.

Стремление к точности изобразительного языка сочетается в пейзаже Занковского с поэтической сущностью природы. Кавказ предстает как бы в двух своих ликах – во всем своем гордом величии и со своим колоритом обыденной жизни. По всей видимости, именно этим произведение привлекло внимание Александра III во время путешествия на Кавказ в 1888 г.

Собранная императорской четой за 28 лет совместной жизни художественная коллекция оказалась значительной. Большая ее часть легла в основу музея отечественного искусства в Петербурге, который будет открыт Николаем II в 1895 г. и назван им в честь отца «Музей Александра III (ныне – Государственный Русский музей). Несколько произведений из этой богатейшей коллекции вошли в «золотой фонд» СКММИ [14].

Помимо произведений из коллекций императорской семьи, в Ставропольском собрании находятся произведения из частных собраний известных российских коллекционеров.

Козьма Терентьевич Солдатенков родился в купеческой старообрядческой семье, занимался торговлей, с середины 1850-х гг. – издательской деятельностью, получившей в России широкий общественный резонанс; оказывал материальную помощь ученым, художникам, литераторам. Уже в зрелом возрасте прослушал курс древней истории профессора всеобщей истории Московского университета

Т. Н. Грановского, русского историка-медиевиста, заложившего основы научной разработки западноевропейского Средневековья в России.

В 1840-х гг. Солдатенков увлекся коллекционированием произведений живописи, отдавая предпочтение мастерам русской школы. Его собрание, известное в Москве как «частная художественная галерея» (Мясницкая ул., 37), включало свыше двухсот произведений русских художников (А. А. Иванова, И. Н. Крамского, И. И. Левитана, В. Г. Перова, В. А. Тропинина, П. А. Федотова), сотни рисунков и гравюр, древние русские иконы.

Солдатенков внес крупный вклад во вновь открытый Румянцевский музей и с 1862 по 1890 г. ежегодно жертвовал по тысяче рублей на его содержание. После ликвидации Румянцевского музея часть художественного собрания вошла в фонды Третьяковской галереи, книги – в Государственную библиотеку в Москве (ныне РГБ), часть художественной коллекции – в собрание Русского музея в Петербурге.

В Ставропольском собрании хранятся 11 произведений из коллекции Солдатенкова: 6 из которых в свое время Солдатенков подарил Румянцевскому музею, другие 5 – демонстрировались там [15].

Картина К.П. Пынеева «По миру» (1892 г.) была приобретена коллекционером на XV выставке Московского училища живописи, ваяния и зодчества. С 1901 г. в составе коллекции Солдатенкова она экспонировалась в картинной галерее Румянцевского музея, опубликована в иллюстрированном каталоге галереи. Тем самым Солдатенков не только поддержал молодого начинающего художника, но привлек внимание к его творчеству. В 1911 г. с разрешения Пынеева издатель И.Д. Сытин воспроизвел «По миру» в солидном труде «Великая реформа 1861-1911 гг.» – посвященном 50-летию отмены крепостного права.

В собрание СКММИИ входят художественные произведения, принадлежавшие ранее другим московским собирателям.

И. С. Иосаджанов, родом из Эриванской губернии, поселился в Москве в начале 1890-х гг. Он служил в банковском доме «И.В. Юнкер и К^о». Иосаджанов собирал новейшую русскую живопись, основу которой составляли художники объединения «Бубновый валет». Его коллекция была национализирована в 1919 г., часть её находится в Третьяковской галерее, часть – в других музеях России. Через Государственный музейный фонд 2 произведения [16] поступили в ставропольское собрание: это работа выпускника Арзамасской школы Н. Е. Рачкова «Мальчик-разносчик» (1880 г.) и набросок «Портрет неизвестного» (1912 г.), сделанный С. А. Виноградовым на даче К.А. Коровина в Охотино.

Иван Петрович Свечников, купец, директор торгово-промышленного товарищества «Петр Свечников и сыновья». Занимался обработкой и оптово-розничной торговлей мехами и лесом. В Москве владел домами и магазинами на Тверской улице, имел дело в Переславле-Залесском Владимирской губернии.

Свечников был не очень образован, но любил «художество», был знаком с П. М. Третьяковым, который помогал ему правильно оценивать произведения искусства. Он занимался коллекционированием произведений русских художников конца XIX–начала XX в. В собрание Свечникова входили картины И. И. Шишкина, представителей семьи Маковских, А. П. Боголюбова, Л. Ф. Лагорио, В. П. Бычкова, Ф. А. Рубо, Н. Н. Дубовского, братьев В. М. и А. М. Васнецовых, С. А. Виноградова, И. И. Левитана, В. В. Переплетчикова.

В 1911 г. по завещанию «Переславль-Залесского гражданина Свечникова» вся его коллекция, насчитывавшая 343 произведения, перешла в Румянцевский музей. Когда музей расформировали, 45 картин из собрания Свечникова перешли в Переславль-Залесский музей, рисунки русских художников 2-й половины XIX в. – в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Два произведения: картина ученика А. И. Куинджи И. Л. Калмыкова «Взморье», завещанная собирателем Румянцевскому музею, и акварель Н. Н. Каразина «Сахара» (1900 г.) поступили в музейное собрание также через Государственный музейный фонд.

Давид Вульфович Высоцкий, крупный московской торговец чаем и сахаром, сын основателя фирмы «Чай Высоцкого», собирал русскую живопись конца XIX – начала XX в., особо выделяя творчество Л. О. Пастернака. В СКММИ хранятся выполненный пастелью графический лист «Натурщица» К. Е. Маковского, рисунок сепией «Морская набережная» А. П. Боголюбова, портрет «Старушка» В. Т. Тимофеева, принадлежащие ранее Д. В. Высоцкому.

Павел Иванович Харитоненко, украинский сахарозаводчик и благотворитель, «добрый гений» городов Сумы и Харькова, был возведен в потомственное дворянство; за ним был утвержден герб с девизом: «Трудом возвеличиваюсь», присвоено звание почетного члена Академии художеств. Он был председателем Общества друзей Румянцевского музея (1-е в России общество подобного рода, учрежденное в 1913 г. искусствоведами и меценатами-любителями искусства). Собирал русскую и западноевропейскую живопись, иконы, фарфор, оружие, гобелены. Вместе с женой Верой Андреевной в своем имении Натальевка (Харьковская губерния) построил церковь в древнерусском стиле и поместил в ней богатейшее собрание икон. Другие их коллекции находились в доме на Софийской набережной в Москве (ныне посоль-

ство Великобритании). Их дочери Елена и Наталья продолжили собирательскую деятельность родителей. Елена была портретирована Валентином Серовым.

После смерти П. И. Харитоненко собрание было унаследовано его вдовой, а в 1918 г. национализировано. Ныне отдельные его части находятся в Третьяковской галерее, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Русском музее и ряде музеев России. Два живописных произведения из собрания Харитоненко находятся и в нашем музее: «Курган» В. Д. Поленова и «Катание на Масленицу» А. С. Степанова.

В золотой фонд СКММИИ входит часть бывшего художественного собрания купцов греческого происхождения Алафузовых. Глава семьи Иван Антонович Алафузов, уроженец о. Санторино, обосновался в Ставрополе в 1827 г., приехав сюда «без письменного вида по случаю возмущения греков против турецкого правительства», как было сказано в «Ведомости иностранца, принявшего Присягу подданства российскому престолу». Купец 1-й гильдии, еще при жизни он стал Почетным гражданином города за значительный вклад в его развитие и благоустройство. В семье Ивана Антоновича и Ольги Федоровны Алафузовых было 5 сыновей.

2-й сын Николай увлекался коллекционированием художественных произведений. Путешествуя по России и Европе, делал ценные приобретения. Часть сформированного таким образом собрания была размещена в одном из домов Алафузовых, у старшего брата Ивана. По словам историка и краеведа Г.Н. Прозрителева, здесь хранились полотна известных мастеров России и Европы. Галерея Алафузовых была доступна для обозрения не только узкому кругу лиц. В особо торжественных случаях ее посещали учащиеся гимназий и училищ. В 1899 г. в здании дома командующего войсками Кавказской линии открылась выставка, на которой была показана алафузовская коллекция. Тогда ее могли видеть практически все жители губернского центра. По сути Алафузовы в то время стали для Ставрополя культурными проводниками, просветителями.

До нас дошла небольшая часть (22 предмета) [17] некогда богатой коллекции, собранной с эстетическим пониманием и художественным вкусом: произведения живописи известных отечественных мастеров, современников коллекционера: И. К. Айвазовского, Л. Ф. Лагорио, А. И. Мещерского, Ю. Ю. Клевера, А. Н. Шильдера, а также копии с оригиналов выдающихся европейских художников: Рафаэля Санти, Эстебана Мурильо, Гвидо Рени.

Таким образом, собирательская коллекционная деятельность Алафузовых имела большое значение для периферийного города и оставила заметный след в его истории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Александр III (1845-1894 гг.), российский император с 1881 г. 2-й сын Александра II.
2. Императрица Мария Федоровна (1847-1928 гг.), с октября 1866 г. миропомазана, получила титул Великой княжны. В девичестве Мария-София-Фредерика-Дагмар Датская, дочь датского короля Христиана IX. Руководила делами Ведомства учреждений Императрицы Марии и Российского Общества Красного Креста. Была шефом ряда полков. В военное время занималась организацией госпиталей, лазаретов, санитарных поездов, санаториев для выздоравливающих и т.п. С 1916 г. жила в Киеве, с марта 1917 г. – в Крыму, с 1916 г. – в Дании. Скончалась в Копенгагене и похоронена в усыпальнице датского королевского дома.
3. В Ставропольском собрании хранится 7 работ А.П. Боголюбова.
4. ЦГАОР. Ф. 677. Ед.хр. 712.
5. ЦГАЛИ. Ф. 705. Оп.1. № 4.
6. Огарева Н.В. Изучение художественного наследия А.П. Боголюбова в музее имени А.Н. Радищева в Саратове// Научная работа в художественных музеях. Труды НИИ музееведения. М., 1965. Вып.17. С. 140.
7. Мельби, Антон-Даниэль-Герман (1818-1875 гг.). Родился в Копенгагене. Учился в Копенгагенской Академии художеств. Стажировался у Эккерсберга. В начале 1840-х гг. посетил Марокко. В 1847-1856 гг. жил в Париже. В дальнейшем работал в Копенгагене, Гамбурге, Париже. Большинство его работ находятся в Гамбурге.
8. Иерихау, Элизабет-Мария-Анна (1818-1881 гг.). Жена датского скульптора Иенса Адольфа Иерихау, члена Королевской Академии. Училась в Дюссельдорфе. Много путешествовала. В 1845 г. посетила Рим. В 1860-е гг. – Грецию, Малую Азию, Египет, Францию. В 1866 г. была награждена золотой медалью Берлинской Академии художеств. Автор жанровых композиций, портретов, произведений на исторические, религиозные, аллегорические темы.

9. Бунцен, Вернер Карл Фридрих Генрих (29 сент.1803 г., Киль – 12 янв.1892 г. Ордруп. Основы изобразительного искусства освоил в немецком городе Киле, под руководством живописцев братьев Bunsow. Изучал пейзажные офорты голландского художника Антониса Ватерлоо (1610-1690 гг.). (Пример работы Ватерлоо есть в ставропольском собрании). В 1821 г. переехал в Копенгаген, поступил в Академию художеств и неоднократно поощрялся как пейзажист. В 1838 г. получил право творческой поездки на два года. С 1840 г. продолжил обучение в академии. С 1850 г. – академик пейзажной живописи. Творчество Бунцена было признано рано. В 1831 г. у ученика Академии приобрели пейзаж с ночным освещением в королевскую коллекцию для украшения летней резиденции в Шарлоттенлунде. В 1863 г. Бунцен получил звание профессора, в 1877 г. – Рыцаря Даннеброга.
10. Фреденсборг – дворец на восточном берегу озера Эсрум на датском острове Зеландия, в 30 км от Копенгагена. Один из залов дворца называется «русским», так как здесь собраны предметы прикладного искусства и живопись, связанные с Россией, в частности, портрет Николая II. Другой зал Фреденсборга украшают парадные портреты Маргрете II и ее супруга, написанные в 1993 г. Д. Д. Жилинским в связи с 500-летием 1-го российско-датского договора о дружбе.
11. Шарлоттенлунд – дворец, бывшая королевская летняя резиденция, около 10 км к северу от центра Копенгагена. Назван в честь Шарлотте-Амалия, ответственного за строительство. В начале 1880-х гг. расширен и предназначен для наследного принца Фредерика. В окрестностях Шарлоттенлунда у Бунцена было свое небольшое поместье.
12. Здание в пригороде Копенгагена было построено в 1759-1765 гг. французским архитектором Н.-А. Жардин для министра иностранных дел Бернсторфа, оставалось в собственности до начала 1800-х гг. Позже было куплено королем. Бернсторф и его окрестности с лесными и сельскохозяйственными угодьями использовался в качестве летней резиденции членами королевской се-

- мы до 1939 г. Гостили здесь с семьями российские императоры. Сохранились фотографии на фоне фасада.
13. Занковский, Илья Николаевич (1832-1919 гг.), живописец, пейзажист. В 1862-1863 гг. учился в Академии художеств. С 1864 г. жил в Тифлисе. С 1888 г. принимал участие в выставках «Кавказского общества поощрения изящных искусств», «Общества взаимопомощи кавказских художников», «Общества русских акварелистов» и других. Преподавал в Тифлисской рисовальной школе с 1886 г. Произведения Занковского хранятся в Государственном Русском музее, музеях Махачкалы, Баку, Одессы, Владивостока. Пейзаж ставропольского собрания в истории своего бытования имеет еще один адрес: Северо-Кавказский музей горских народов в г. Ростове-на-Дону. Находился там до 1936 г.
 14. Поступили из Государственного Русского музея: Боголюбов А. П. Лунный вечер в Константинополе. Холст, масло; 93х136,3 см; Он же. Заход солнца. Картон, масло; 29х40 см; Он же. Порт Данцио. Холст, масло; 32х52 см; Он же. Скалы. 1872. Холст, масло; 23х33,5 см; Он же. Вель. Мельница. Холст на картоне, масло; 30х38 см; Он же. Киссинген. Водопад. Картон, масло; 26х40,5 см; Заряноко С. К. Копия с автопортрета Карла фон Штейбена (1788-1856 гг.). 1869. Холст, масло; 63х55 см; Куинджи А. И. Лес зимой. Картон, масло; 20,3х32 см; Он же. Сумерки в степи. Картон, масло; 20х26,7 см; Неизвестный художник. Россия, первая треть XIX в. Женский портрет. Холст, масло; 50х40 см; Переплетчиков В. В. Михайловское озеро Архангельской губернии после дождя. 1907 г. Бумага, акварель; 36х94 см; Соломаткин Л. И. Бродячие актеры. 1871 г. Холст на дереве, масло; 19х27,5 см.
 15. Произведения из коллекции К. Т. Солдатенкова. Подаренные коллекционером Румянцевскому музею: Дюккер Е. Приближение грозы. 1869 г. Холст, масло; 94х152,5 см; Жамет А. Д. Купальщицы. Холст, масло; 84х73 см; Киселев А. А. На пруду. 1894 г. Холст, масло; 43х32 см; Мартынов Н. А. Ледоход на Хопре. Холст, масло; 160х240 см; Мещерский А. И. Зимний вечер в Финляндии. 1866 г. Холст, масло; 173х266 см; Ясиновский Ф. И. Пасмурный

- день. Холст, масло; 62,5x84 см; Экспонировались в картинной галерее Румянцевского музея: Кёлер-Вилиади И. П. Итальянский пастушок. 1859 г., Рим. Холст, масло; 52x45 см; Ковалевский О. П. Переход через перевал. 1873 г. Холст, масло; 34x50 см; Пынеев К. П. По миру. 1892. Холст, масло; 54x42,5 см; Тишин В. Я. Крестьянский мальчик. 1899 г. Холст, масло; 75x49 см; Эрасси М. С. Фирвальдштетское озеро. Холст, масло; 92x128 см.
16. Государственный музейный фонд – специальная организация Отдела музеев Наркомпроса, осуществлявшего в 1921-1928 гг. распределение между музеями национализированных предметов и коллекций русского и мирового искусства.
17. Из коллекции Алафузовых: Айвазовский И. К. Вид Судакской бухты. 1879 г. Холст, масло; 73x94 см; Клевер Ю.Ю. Зима в Гатчинском саду. (Зимний пейзаж. Отблеск заката на верхушках деревьев и замка). 1894 г. Холст, масло; 89x71 см; Гофман О.А. Диана. Холст, масло; 71x57 см; Лагорио Л.Ф. Горный вид в Италии. Холст, масло; 100x145 см; Леман Ю. Я. Парижанка. (Дама в красном. Француженка). Холст, масло; 100x74 см; Мещерский А.И. На реке (Река. Облачный день). 1898 г. Холст, масло; 93x132 см; Семирадский Г. И. Сократ застаёт своего ученика Алкивиада у гетеры (Из римской жизни. Ваза или женщина). Авторское повторение картины 1875 г. Холст, масло; 112x185 см; Шильдер А. Н. Овраг осенью (Осенний серый день). 1915 г. Холст, масло; 110x142 см; Он же. Березовый лес (Привал в лесу летом). 1908 г. Холст, масло; 106x142 см; Он же. Дача в Финляндии (За двором усадьбы). Холст, масло; 133x98 см; Он же. Осень в лесу. Холст, масло; 106x112 см; Он же. Ручей в лесу. 1906 г. Холст, масло; 76x103 см; Перонн Ш. Франция, сер. XIX в. Улица в Каире. Холст, масло; 56x47 см; Он же. Франция, сер. XIX в. Вид на Каирскую мечеть. Холст, масло; 56x47 см; Ровелли К. Буря на море. Холст, масло; 75x100 см; Симони. Италия, XIX в. Волы (Стадо, идущее на водопой). Холст, масло; 30x60 см; Марченко. Россия, XIX в. Копия с картины Г. Рени (1575-1649 гг.). Раскаяние апостола Петра. Фрагмент. Холст, масло; 47x37,5 см, внизу текст копииста:

«с картины Гвидо Рени, находящейся в Императорском Эрмитаже. Живописец Марченко»; Неизвестный художник, копия с картины Мурильо. Мадонна с младенцем. Холст, масло; 171х113 см; Неизвестный художник, копия с картины Рафаэля Санти. Мадонна в кресле. Холст, масло; 74х74 см; Неизвестный художник, XIX в. Мадонна с младенцем. Холст, масло; 118х55 см; Неизвестный скульптор. Аполлон Бельведерский. Бюст. Мрамор, 60х43х23 см; Столик. Европа, XVIII в. Бронза, оникс; литье, золочение; 83х52 см.

Гальфингер Н.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
главный хранитель фондов

Гальфингер О.А.,

г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
магистрант

ИСТОРИЯ АЭРОСНИМКА ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В марте 1918 г. в Ставропольский центральный народный музей имени М. В. Пявзе среди предметов, привезенных ставропольцами с фронтов Великой войны, поступили 24 «фотографических снимка с аэроплана». Куда делось большинство из них, не известно. В 2016 г. одна фотография была обнаружена случайно при систематизации архивного дела «Природа Ставропольского края», куда снимок был включен в 1964 г. Почему – уже никто не скажет. Там он и хранился невостребованным, неброский и малопонятный. Заснеженное пространство, мелкие леса, тонкие линии петляющей реки, дорога. В кадре часть крыла аэроплана и его пересекающиеся опоры.

На обороте фотографии текст «№ 750 – Углы-Мильковщина (а.) Снято летчиком-наблюдателем 34-го Корпусного Авиационного отряда поручиком Гончаровым

при полете с командиром отряда военным летчиком И. М. капитаном 2-го ранга Яцук 30-го января 1917 г. в 16-м часу на аппарате Румплер с высоты 1100 м (аппар. Потте)». Под текстом штампы: «Командир XXXIV-го Корпусного Авиационного отряда воен. летчик, И.-М. капитан 2-го ранга» и «Адъютант отряда прапорщик», а также печать корпусного авиационного отряда. Эта аннотация позволила воссоздать историю аэрофотоснимка.

Накануне Первой мировой войны в русской армии было 39 авиаотрядов. В первый же день мобилизации в Петербурге из летчиков-инструкторов и кончавших обучение учлетов Школы авиации Императорского Всероссийского аэроклуба был сформирован еще один – Особый добровольческий авиационный отряд под командованием начальника школы Н. А. Яцука. С мая 1915 г. – это 34-й корпусной авиационный отряд (34-й КАО).

Осенью 1916 г. в 34-м авиаотряде было 5 самолетов: по 2 французских биплана «Вуазен» и «Фарман», построенных в России, и немецкий «Румплер» – личная трофейная машина командира Яцука. В русских военно-воздушных силах трофейные самолеты выдавали отличившимся авиаторам. Немецкий «Румплер» с надежным автомобильным двигателем и высокими летными и эксплуатационными данными был достойной наградой. Летчики летали на корректировку артиллерийской стрельбы и на бомбометание. Перед ними ставили также задачи воздушной разведки.

Для массовой разведки с помощью аэрофотосъемки были необходимы специальные фотокамеры. С 1915 г. русские самолеты были снабжены лучшим для этого времени специальным аэрофотоаппаратом для маршрутной и площадной съемки с самолета системы «Потте», изобретенным в России подполковником В.Ф. Потте. Первый в мире полуавтоматический аэрофотоаппарат с однодисковым затвором и катушечной фотопленкой позволял делать фотографии, мало уступающие современным аэроснимкам. Размер их был таким же, как и размер кадра фотопленки: 13х18 см.

Для разведки важны непрерывность и быстрое использование ее данных. Воздушную разведку вели так часто, как позволяли условия погоды и материальная часть авиаотрядов. Командование требовало, чтобы снимки местности предъявляли без разрывов между ними. Приходилось строго выдерживать заданный маршрут и делать несколько полетов. Обычно снимать начинали с 1-й линии окопов и далее в тыл противника на глубину 5 – 10 км.

Туманский А. К., начинавший свою долгую службу военного летчика в 34-м КАО, в своей книге «Полет сквозь годы» описывает процесс аэрофотосъемки: «На высо-

те 2000 метров повернули вправо и пошли над линией немецких окопов. Все мое внимание было сосредоточено теперь на том, чтобы вести самолет ровно, не меняя высоты и не уклоняясь от цели. Гончаров, сидевший сзади, регулярно нажимал грушу фотоаппарата «Потте»¹.

Поручиком Николаем Даниловичем Гончаровым (1895 года рожд.) был сделан и музейный аэроснимок. Гончаров, выпускник Киевского военного училища, в самом начале войны оказался на фронте. Командовал армейской ротой. За отличия в боях был награжден орденами. После ранений окончил школу летчиков-наблюдателей, воевал в 34-м КАО, заслужил Георгиевское оружие.

Туманский, вспоминая фронтовую жизнь, тепло отзывается о Гончарове, с которым они вместе летали на боевые задания, вместе сбили немецкий «Альбатрос». Во время 2-го полета молодой летчик испытал потрясение – самолет попал в кольцо вражеского огня. «В это время Гончаров, наклонившись, дружески похлопал меня по плечу, и я увидел его спокойное, улыбающееся лицо. Мне стало стыдно за свой внезапный испуг; чувство страха пропало... За этот полет я получил свой первый Георгиевский крест». Туманскому запомнилось, как Гончаров, невзирая на субординацию, остановил старшего по званию офицера, который грубо распекал моториста, а потом и поднял на солдата руку.

По возвращении самолета-разведчика на аэродром фотопленки немедленно передавали в фотолабораторию авиаотряда, отпечатки отправляли в аэрофотограмметрическое отделение авиадивизиона или штаба армии, там их расшифровывали и развертывали в карты.

Судя по штампу на снимке, к этому имел отношение адъютант отряда. Им служил Николай Васильевич Рахманинов (1893-1917 гг.) – сводный брат русского композитора С. В. Рахманинова. Когда началась война, Николай учился в реальном училище в Санкт-Петербурге. Сразу вступил в 34-й КАО «охотником» на правах вольноопределяющегося. Позже сдал экзамен на чин прапорщика, стал летнабом. Был он «разбитной весельчак, балагур, остряк и прекрасный музыкант, песенник». Не раз выполнял задания с риском для жизни, был награжден орденами, Георгиевским оружием.

Аэрофотосъемку часто вели при интенсивном обстреле с земли: при отсутствии в то время зенитных орудий против самолетов противника обе стороны применяли полевую артиллерию. На самолетах были установлены пулеметы, при встрече с вражескими машинами случались и воздушные бои. Туманский вспоминает: «Почти всегда мы возвращались с пробоинами... Один Яцук летал на своем «Румплере» так,

что никогда не привозил пробоин; снимки же он доставлял всегда изумительные».

Николай Александрович Яцук (1884-1930 гг.) – выпускник Морского инженерного училища в Санкт-Петербурге, инженер-механик², капитан 2-го ранга, участник Русско-японской войны, большевик с 1912 г. Он стал одним из первых русских авиаторов, пройдя путь от постройки планера собственной конструкции до профессора Института инженеров Красного Воздушного Флота³. Он – автор первых в мировой военной литературе публикаций о применении авиации в морском деле, о воздушном таране; стоял у истоков радиоуправления, гидропланирования, полярной авиации, авиационной медицины, тактики военной авиации, общей методики обучения пилотов и др.

Яцук был отважным летчиком и замечательным командиром. «Его уважали и любили все без исключения». У подчиненных он пользовался безукоризненным авторитетом. В январе 1915 г. при отступлении авиаотряд лишился обоза и не мог подняться в воздух из-за сильной метели. «Люди, возглавляемые Яцуком, понесли 2 самолета «Фарман» на руках. Так они прошли 52 версты, питаясь сухарями, брошенными нашими отступающими войсками, и отстреливаясь от наседавших неприятельских разведов». За этот подвиг, за личные воздушные разведки, отличие в делах против неприятеля и руководство боевой работой авиаотряда Яцук был награжден орденами.

Командир берег драгоценные самолеты, но еще больше по-отечески – своих людей. В 34-м авиаотряде был налажен быт, царила демократическая обстановка в отношении к нижним чинам, а дисциплина была значительно выше, чем в отрядах, где процветали наказания и мордобой. Летчику, пережившему сильный обстрел, он мог дать несколько дней передышки. К первому вылету под огонь неприятеля новички должны были не только запомнить топографические карты, но и «выучить наизусть стихи, подробно описывающие участок фронта, и сдать зачет Яцуку – автору этого, в основном непечатного, произведения. . . В его сочинении, например, были такие строки: «А южнее «пистолета» (так назывался лес, имеющий форму браунинга и густо насыщенный неприятельской артиллерией) есть особая примета: деревень там очень много и железная дорога. Гуты там, Рогалевщина, есть Затишье, Мельковщина, 2 фольварка⁴ и т. д.». Эти простые рифмы впечатывались в память сами собой и могли спасти жизнь летчикам при глубоком потрясении или ранении.

На 30 января 1917 г. 34-й КАО был причислен к штабу 38-го армейского корпуса 10-й армии. Штаб 10-й армии располагался в белорусском местечке Молодечно, а 34-й корпусной авиаотряд – в фольварке Адамполь юго-восточнее местечка Воложин.

² На обороте снимка указано сокращенно – «И.М.»

³ Ныне Военно-воздушная инженерная академия имени профессора Н. Е. Жуковского.

⁴ Обособленные усадьбы землевладельцев (польск. folwark).

С августа 1915 г. 10-я армия отходила по территории Белоруссии. К концу сентября русские войска остановили противника. Обе стороны стали возводить мощные линии обороны, началась позиционная война, длившаяся более 800 дней. В марте и июне 1916 г. российской армией были предприняты 2 крупные наступательные операции: в районах озера Нарочь и местечка Барановичи. Сражения были одними из самых кровавых и бессмысленных в Первой мировой войне. Русские войска показали пример несгибаемого духа и мужества, однако прорвать немецкий фронт не удалось.

Очередная наступательная операция – Кревская – планировалась на весну 1917 г. Основной удар должна была наносить 10-я армия. С начала 1917 г. она занимала позицию: Геверишки – Крево – Саковичи – Кунава – Сморгонь.

Барсуков Е. З., генерал-майор артиллерии, доктор военных наук, описал события того времени на фронте 10-й армии. Позиции противника были искусно применены к местности. Она, южнее Сутково пересеченная, покрыта лесами, которые сильно вырубали зимой 1916/17 гг. Первая линия окопов с тяжелыми блиндажами и несколькими полосами проволочных заграждений, в том числе на обратных скатах, располагалась по холмам. Эти возвышенности вместе с лесами укрывали ближайший тыл. Изломанные начертания окопов позволяли держать подступы к ним под перекрестным огнем. После тяжелых уроков операций 1916 г. русское командование осознало, что наступление без мощной артподготовки приводит к неудачам и напрасной гибели людей. В помощь артиллеристам летчики фотографировали расположение противника в течение всей зимы. Обнаруженные на снимках данные наносили на карты.

После сбора информации о музейном аэроснимке для определения на местности были использованы схема «Расположение артиллерии на фронте главного удара 10-й армии при прорыве германского фронта в июле 1917 г.», составленная Барсуковым Е. З., и электронные ресурсы «Яндекс. Карты», «Google Карты», «Подвижная» карта «Глобуса Беларуси» с топографическими картами 1-й половины XX в. Оказалось, что на фотографии запечатлен именно тот участок фронта, который в своем стихотворном опусе обрисовал Яцук. Под фюзеляжем самолета, уже пролетевшего 22,8 км от аэродрома, с высоты 1100 м видны меандры реки Западная Березина, протекающей у подножия Синей горы¹, прибрежные деревни Углы и Синяя Гора. Покрывающий возвышенность лес Волкштолы, тот самый «пистолет», теряется на горизонте. Гору огибают и уходит вдаль линия железной дороги², правее которой деревеньки Мельковщина, Затишье (ныне Затишек), Рогалевщина, Гуты, фольварки

Каролиново и Эс-Пэ. Левее темными цепочками на снегу другие деревни, пятно усадебного парка Хребтовичей, лес Клим.

Многочисленные линии у реки, на белом поле пригорка – германские ходы сообщения и окопы. Это подтверждает карта, включенная в историю немецкого 75-го пехотного ландверного³ полка, опубликованная в 1922 г. в Гамбурге. Здесь Синяя гора обозначена как Баварская высота. На карте вся местность прорезана окопами; крупные имеют собственные названия – Фридрихштрассе, Хандорфштрассе. На траншее, открытой обзору русских, предупреждение «Запрещено для просмотра!». Близ вершины горы опорный пункт, кладбище. В лесу лагеря, артиллерийские позиции.

Позиции русских на аэроснимке не видны, они находились по другому борту аэроплана, на высотах левого берега Западной Березины.

Кревская операция весной не состоялась, ее неоднократно откладывали до лета. Солдатские массы отказывались воевать. 9 июля после мощной артподготовки в наступление пошли немногие части. Подвиги офицеров граничили с мученичеством. Но этими силами прорвать фронт не удалось. Среди частей, подчинившихся приказу, были все авиаотряды 10-й армии, кроме 34-го-КАО, который был на стороне большевиков.

Летнаб Рахманинов погиб в сентябре 1917 г. – самолет попал под сильный обстрел, дотянул до своих и упал на глазах у товарищей.

Яцук «за то, что в течение января и февраля 1917 г., управляя самолетом старой конструкции без вооружения, произвел 14 блестящих полетов на небольшой высоте с целью разведки и фотографирования неприятельских позиций, совершая таковые каждый раз под действительным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем неприятеля, особенно 30-го января и 18-го февраля», в сентябре 1917 г. был награжден Золотым оружием «За храбрость». Получается, что музейный аэроснимок имеет к этой награде прямое отношение.

После Октябрьской революции товарищи из ревкома корпуса на собрании 34-го КАО предложили: «Кто за большевиков – отходи вправо, а кто против – влево». Летнаб Гончаров, один из немногих, шагнул влево: «Я – офицер, давший присягу честно и до последней капли крови защищать веру, престол и Отечество, и обязан выполнить это». Позже он воевал в составе Добровольческой армии, в эмиграции стал капитаном французской авиации.

Яцук дослужился до должности помощника начальника Главвоздухофлота, организовал первую в стране школу военной маскировки, преподавал в летных воен-

³ Ландвер – войсковые формирования из военнообязанных запаса

но-учебных заведениях. Его труд «Авиация и ее культурное значение» надолго стал программой развития гражданского воздушного флота.

О том, как аэроснимок попал в Ставрополь, можно только догадываться. Возможно, ставропольцы воевали в составе 10-й армии, входящий в нее 2-й Кавказский корпус формировался в Кавказском военном округе, куда входила Ставропольская губерния.

Синяя гора и ее окрестности после Советско-польской войны 1919-21 гг. отошли к Польше, с 1939 г. – это земли Белоруссии. Здесь до сих пор сохранились остатки германских бетонных укреплений, окопов, кладбище с памятником немецкого 1-го ландштурменного¹ пехотного батальона «Алленштейн» 20-го армейского корпуса. Это каменная глыба с высеченным портретом немецкого солдата, единственный обелиск такого рода в Белоруссии.

30 января 2017 г. редкой фотографии исполняется 100 лет. Этот документальный памятник Первой мировой войны с удивительной историей достоин широкого представления в музейной практике. С целью увеличения аттрактивного потенциала фотография обработана в графическом редакторе Adobe Illustrator. Получена серия изображений, удобных для визуального восприятия и самостоятельной расшифровки аэроснимка посетителями музея.

Авторы выражают благодарность известному исследователю Первой мировой войны в Белоруссии В. Богданову за предоставленные фотографии сохранившихся оборонительных сооружений и кладбища на Синей горе, а также карту из редкой книги об истории германского 75-го пехотного ландверного полка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914-1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М: Российская политическая энциклопедия, 2006.
2. Александров А. О. Петров Г. Ф. Крылатые пленники России. СПб.: Б.С.К., 1997.
3. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900-1917 гг.). Т. IV. М.: Воениздат, 1948.
4. Бондаренко В. В. Сражения Первой мировой войны в Беларуси. 1915-1917. [Электронный ресурс] // Материалы чтений «Пе-

- рекличка веков: Первая мировая война и мир сегодня» / Белорусский зеленый крест, 2014 – URL: <http://www.greencross.by/>.
5. Дыбовский А. Глобус Беларуси [Электронный ресурс] / Глобус Беларуси – URL: <http://globus.tut.by/index.htm>.
 6. Кондратьев В. Фронтовые самолеты Первой мировой войны. Ч. 1. М.: Техника – молодежи, 1997.
 7. Кузнецов В. Развитие аэрофотосъемки в Российской империи [Электронный ресурс] / Красные соколы: 2000-2015. – URL: <http://авиару.рф/aviamuseum/aviatsiya/>.
 8. Лукьянов А. Авиационные отряды Первой мировой войны [Электронный ресурс] / Красные соколы: 2000-2015. – URL: <http://www.airaces.ru/stati/>.
 9. Российское зарубежье во Франции, 1919-2000: биограф. слов.: в 3 т./ Общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008.
 10. СГМЗ. Оф. 40353.
 11. Туманский А. К. Полет сквозь годы. М.: Воениздат, 1962.
 12. Яндекс.Карты [Электронный ресурс] / URL: <https://yandex.ru/maps/>
 13. Яцук Николай Александрович. Биографическая справка [Электронный ресурс] / РетропланЪ: 2008 – 2016. – URL: <http://www.retroplan.ru/>.
 14. Google Карты [Электронный ресурс] / URL: <https://www.google.ru/maps/>.
 15. Holzmann M. Hanseatische Landwehr im Felde (Geschichte des L.-I.-R. 75.): [in 2 Teilen]. / Teil 2. Die Wacht im Osten. Hamburg: Knachstädt & Co, 1922. (Erinnerungsblätter deutscher Regimenter / Berlin: Oldenburg i. Co, 1928).

Карагодин Е.В.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заместитель директора по научной работе

«ЗНАМЁНАМ И ШТАНДАРТАМ СЛУЖИТЬ БЕССРОЧНО»

В деятельности любого музея бывают ситуации большого везения, когда в музейное собрание по воле случая попадают предметы необыкновенной художественной и историко-культурной ценности. Такие поступления не только повышают общую ценность фондов музея, но и позволяют свежим взглядом посмотреть на известные исторические события.

Одна из таких ситуаций произошла в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве летом 2016 г.

Прекрасным августовским днем 2016 г. в музей пришел священник Ставропольской и Невинномысской епархии Русской Православной Церкви Московского патриархата Александр Мансуров. Заместителю главного хранителя фондов музея О.М. Нафталиевой он предъявил 2 юбилейные ленты к знамени 14-го гренадерского Грузинского Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича полка. Приняв данные предметы в фонды музея, Ольга Михайловна обратилась ко мне за консультацией и предложила провести работу по изучению этих предметов и постановке их на государственный учет.

В телефонном разговоре со священником удалось выяснить, что эти ленты он получил примерно в 2013-2014 гг. от жителя пос. Комсомолец Кировского района Ставропольского края Омари Искандаровича Гусейнова с просьбой передать их в «главный музей Ставропольского края». В указанный период священник служил в одном из храмов Кировского района в качестве настоятеля прихода и по объективным обстоятельствам некоторое время просьбу выполнить не мог, но предметы бережно хранил и передал их в музей, как только представилась возможность.

9 сентября 2016 г. после проведения предварительной исследовательской работы мною был осуществлен выезд в пос. Комсомолец, с целью встретиться с О.И. Гусейновым и выяснить обстоятельства происхождения указанных предметов, а также

получить официальное заявление о передаче их в дар музею.

В результате беседы с Омари Исхандаровичем удалось установить следующее: данные предметы он получил в наследство от своего отца – Исхандара Алискеровича Гусейнова (1902-1983 гг.), а он, в свою очередь, получил их от своего тестя (деда дарителя по материнской линии) – Николая Васильевича Выгорбина (1865-1944 гг.), коренного тифлисеца, старого большевика, активного участника революционных событий 1905-1907 гг. в Тифлисе и борца за установление Советской власти в Закавказье. По семейному преданию, данные предметы хранились у Н.В. Выгорбина с 1920-1930-х гг. Как они попали к его деду, даритель пояснить не смог.

Отец дарителя, работавший в 1930-1940-е гг. актером и режиссером в азербайджанских народных театрах в Ереване и Кировабаде, попросил знаменные ленты у своего тестя с целью использования их в качестве театрального реквизита при постановке одного из спектаклей на сюжет из дореволюционной истории России. После ликвидации театра в 1954 г. ленты хранились у отца дарителя среди личных вещей. При переезде О.М. Гусейнова с семьей из Тбилиси в Ставропольский край в начале 1990-х гг. эти ленты были вывезены как семейная реликвия.

В беседе Омари Исхандарович заявил, что всегда понимал необычность данных вещей, но их действительной историко-культурной ценности не знал. Передать вещи в музей он решил в связи со своим преклонным возрастом и пошатнувшимся здоровьем, не желая, чтобы они были утеряны для общества. Во время моего визита Омари Исхандарович также передал в дар нашему музею металлический (предположительно, латунный) предмет в виде старого российского герба — императорского «двуглавого орла», сказав, что этот предмет прилагался к лентам.

На вопрос о судьбе собственно полкового знамени грузинских гренадеров, Омари Исхандарович по существу ничего пояснить не смог, но рассказал, со слов своей покойной матушки, что у Н.В. Выгорбина среди личных вещей действительно хранилось полотнище какого-то старого знамени. Это знамя после смерти Николая Васильевича пропало. Возможно, оно было уничтожено родственниками при разборе вещей покойного, как не представляющее для них на тот момент особой ценности.

Попавшие в фонды нашего музея юбилейные знаменные ленты являются уникальной реликвией 14-го Грузинского гренадерского полка, одного из старейших полков русской императорской армии, и отражают его славную историю с 1700 по 1868 г. Для того, чтобы понять подлинную историко-культурную ценность этих вещей и этого дара, нам необходимо обратиться к истории и традици-

ям российской императорской армии, в частности, такому аспекту, как отношение к полковым святыням – знаменам и штандартам.

С древнейших времен вексиллум (хоругвь, стяг, прапор, знамя, штандарт, флаг и т. п.) в армиях разных стран был необходимой принадлежностью частей и соединений, а также неотъемлемым предметом воинского ритуала.

В российской военной традиции к знаменам издавна существовало двойственное отношение. С одной стороны, знамя рассматривалось как часть материального имущества полка и служило практической цели сбора ратников на поле боя; с другой стороны, как определенный священный символ. Знамя служило единению однополчан в самом высоком смысле.

В течение великокняжеского периода русской истории существовали княжеские стяги, служившие в то же время знаменами княжеской дружины, и стяги воеводские, служившие знаменами составных частей рати. В конце XV в. слово «стяг» на Руси постепенно было заменено словом «знамя».

В царский период знамена стали жаловаться царем, в большинстве случаев благословляться патриархом и лишь в исключительных случаях, для отдаленных окраин, допускалось изготовление знамен «усердием воевод».

Знамена этого периода: большое царское знамя сопутствовало в походах царю; малое царское – служило знаменем царского полка; знамена воеводские, именовавшиеся по названию полка, состояли под началом воеводы; и, наконец, существовали малые сотенные (дружинные) знамена.

С образованием в 1550 г. стрелецких полков им стали жаловать знамена большого размера (одно на полк), называвшиеся царским, или сборным, и сотенные (в каждую сотню по одному), имевшие меньшие размеры. Излюбленными изображениями на знаменах в допетровский период были: Нерукотворный образ Спаса (лик на плате), помещавшийся преимущественно на большом царском знамени (но не на стрелецких); изображение Иисуса Навина и архангела Михаила; на сотенных знаменах помещали изображения св. Георгия или других святых. Шили и вышивали знамена преимущественно в Оружейной палате, и со времен царя Алексея Михайловича вошло в обычай прежде пожалования знамени в полк представлять его «пред царские очи». Прослужившие в походах знамена по возвращении войска сдавались в Оружейную палату, кроме знамен стрелецких, иноземных и пограничных полков [1].

К царствованию Алексея Михайловича относится первое упоминание требований к офицерам, служащим при знамени, и определение их статуса. В царской

грамоте князю Якову Куденетовичу Черкасскому от 5 июня 1655 г. говорится о необходимости «к своим Государевым знаменам выбрать дворян добрых, отеческих детей, конных и оружных, во всякой сотне по два и по три человека. И велеть быть им у его Государевых знамен безотступно. А в городах дворянам, и детям боярским, и всяких чинов сотенным людям велел сказать вслух, которые из них, по нынешнему Государеву указу, к его Государевым знаменам будут выбраны, и им то в безчестье и в укоризну не ставить, и знаменщиками не называть. А буде кто им учнет, то в безчестье и в укоризну ставить, и знаменщиками называть, тем от Государя и Великого князя Алексея Михайловича быть великой опале и жестокому наказанию без пощады» [2].

Стоит отметить, что формирование отдельных знаменных групп было обосновано практической необходимостью, так как старинные знамена были велики и тяжелы, и одному человеку было крайне неудобно обращаться со знаменем, особенно на поле боя. Эта и другие царские грамоты стали относить службу при государевых знаменах к числу почетных пожалований, доступных лишь детям боярским и дворянам.

В 1700 г. формированием 27 пехотных и 2 драгунских полков император Петр I положил основание Российской регулярной армии. С петровских времен и вплоть до царствования последних Романовых традиции и регламент использования военных знамен – ритуалы пожалования, вручения, размещения, отдания воинских почестей и изъятия полковой святыни – претерпевали почти непрерывные изменения.

В «Уставе воинском» 1716 г. в разделе «Об экзерцициях и приготовлении к маршу» впервые четко оговаривалось место нахождения знамен на марше, в бою, при размещении полка на квартирах. Кроме того указывалось, какие команды подаются при выносе знамен, как происходит при этом построение полка, а также, как знамена участвуют в различных государственных и воинских ритуалах, в том числе с участием коронованных особ и генералитета. Подробно описывали обязанности прапорщиков, коих полагалось иметь по одному в каждой полковой роте. Среди прочего в Уставе было четко оговорено, что прапорщику: «В бою не надлежит свое знамя оставлять под смертной казнью, но держа оное в левой руке, правой обороняться даже и до смерти, не оставляя оное, понеже вся рота при нем содержится. И того ради надлежит ему при том знамени присягу чинить. А когда опасный случай учинится в ретиреде (или при отводе), тогда знамя от древка отодрать надлежит и у себя схоронить или около себя обвить, и так спастись» [3].

По Уставу Петра I жестокое наказание за потерю знамени полагалось не

только прапорщику, но и всем служащим этого полка, для которых такой случай становился величайшим бесчестьем.

В петровскую эпоху в русской армии были заложены представления, неразрывно связывающие знамя с воинской честью, как личной так и коллективной. Не зря император определил, что процедура «шельмования», т. е. лишения провинившегося офицера воинской чести и звания, происходит публично и при развернутых знаменах его полка, равно и возвращение чести испутившему свою вину происходит по определенному ритуалу, включающему покрытие этого человека полотнищем полкового знамени.

Любопытно, однако, что хотя в Уставе и предусмотрена обязанность прапорщиков оборонять знамя «даже до смерти», а про солдат, оставивших свое знамя, говорилось, что «без процессу на первом дереве, которое случится, повешены будут», но само знамя и его построение были отнесены «к прочим полковым припасам», и табелью 1711 г. срок службы знамени был установлен в 5 лет, а цена построения (для ротного знамени) в 2 рубля.

Определенных законоположений о знаменах при Петре I издано не было, лишь окончательно закрепился обычай делать полковое знамя белым, а ротные — цветными. Также было определено, что для построения гвардейских и армейских знамен используются разные по качеству ткани, а изображения и шитье на полотнищах гвардейских и армейских знамен не должны совпадать. В гвардии помимо положенных по Уставу были знамена, жалованные в знак особого благоволения и по особым обстоятельствам.

При преемниках Петра Великого взгляд на значение знамени как временной вещи войскового довольствия вплоть до царствования императора Павла I не изменялся, но зато образцы знамен менялись не только с каждым царствованием, но чуть ли ни при каждом пожаловании. Определенных постановлений по части единообразия знамен не издавалось. Во время каждого последующего царствования изменялись размеры знамен, расцветка, воинская арматура и геральдические элементы, использовавшиеся при их построении. На знамена добавлялись и убирались различные девизы.

В царствование Екатерины II Военной коллегией было решено при построении знамен для всех армейских пехотных и драгунских полков исходить из принципа единообразия, что уже было прогрессивным шагом по сравнению с предшествующим периодом. Были определены обязательные элементы, которыми надлежало пользоваться при создании знамен мушкетерских полков: на одной стороне знамени

вензель императрицы, на другой государственный герб – двуглавый орел, на груди которого размещался геральдический щит с гербом того княжества, губернии или города, наименование которого носил данный полк. В гвардейских и гренадерских полках в щите на груди орла повелевалось изображать герб Москвы (Св. Георгия). Также было решено, что хотя драгунские полки и относятся к кавалерии, им будут вручаться по традиции знамена, тогда как прочим кавалерийским полкам только штандарты [4].

Эпоха правления великой императрицы – время славных побед русского оружия на суше и на море. В екатерининской армии знамена постепенно стали выделяться из общего массива полковых амуниционных вещей. Потеря знамени стала восприниматься как событие недопустимое, а сами знамена стали неотъемлемой частью государственных торжеств и воинских ритуалов.

Подлинная мировоззренческая революция по отношению к полковым реликвиям произошла в краткое правление императора Павла I. До его правления знамена и штандарты жаловались в полки на время, а по истечении установленного срока службы их списывали и сдавали в армейские магазины как использованное имущество. В 1796 г. императором был утвержден новый «Устав полевой пехотной службы», где детально описывался ритуал освящения и прикрепления знамени к древку и отдания ему полком воинских почестей. Также указывалось, что и старым знаменам, отдаваемым по причине ветхости на хранение в Арсенал, оказывается должный почет [5]. Эта часть павловского Устава является отправной точкой для всего последующего развития знаменного ритуала в императорской армии.

В 1797 г. Павел Петрович повелел «знаменам и штандартам служить бессрочно», что сразу подняло эти вещи до уровня воинских святынь, символов чести и истории подразделения, которым теперь предстояло, переходя из поколения в поколение, символически объединять всех однополчан – живых и мертвых. Именным указом от 30 апреля 1797 г. было установлено, что отныне и впредь все лица, поступающие на службу в российскую армию или удостоенные повышения по службе, приводятся к присяге не иначе как под своим знаменем [6].

При Павле I был утвержден и новый образец знамен. Знамена нового образца император жаловал лично гвардейским полкам во время смотров и парадов, а в армейские полки эти знамена передавались высочайшими именными грамотами через шефов. При этом впервые знамена, пожалованные в предыдущие царствования, также оставались «в строю».

В 1798 г. князь Долгоруков составил «Хронику Российской императорской ар-

мии», в которой были описаны все знамена и штандарты, находившиеся на тот момент в полках – вплоть до ткани, цвета древка, времени пожалования или освящения.

В 1799 г. император повелел, чтобы при отчислении из полка для службы или формирования другой части ротное знамя оставляли при этой роте [7]. В 1800 г. было определено, что в пехотные полки знамена жалуют по одному в каждую роту гвардейскую, гренадерскую или мушкетерскую. С 1802 г. по два на батальон, а с 1814 г. – по одному на батальон, кроме егерских, которым знамен не полагалось по штату. В тяжелой кавалерии выдавали один штандарт на эскадрон, а в легкой – штандарты жаловали только отдельным эскадронам за особые заслуги.

В 1800 г. были введены новые знаки отличия для полков, совершивших акт коллективного героизма: Георгиевские трубы, особые знаки на гренадерские шапки, а также особые наградные знамена, с надписями, указывающими, где и как отличилась воинская часть.

В период антинаполеоновских войн эта традиция была развита, и в императорской армии появилась новая форма награды – Георгиевское знамя. В намерении этих знамен крепили белый крест ордена Св. Георгия, кисти подвешивали на георгиевских лентах, а вдоль края полотнища шло описание подвига, совершенного подразделением. За подвиги в период 1812-1814 гг. Георгиевских знамен и штандартов были удостоены 18 пехотных полков, 16 кавалерийских и 6 казачьих полков, а также Гвардейский морской экипаж. В 1813 г. был утвержден новый образец знамен.

Император Николай I значительно развил и дополнил систему знаменного ритуала, полученную в наследство от двух предыдущих царствований. С 1827 г. он стал жаловать знамена легкой пехоте (егерским и карабинерным полкам) и инженерным войскам (саперным и пионерным батальонам). До того же времени из этих частей имели знамена (Георгиевские) лишь лейб-гвардии Егерский и Финляндский полки (за кампанию 1813 г.); гвардейские саперы получили простое знамя в 1824 г. Учебные части получали знамена со светло-синим, а военные учебные заведения – с красным крестом. Некоторые отличия имели новые знамена Первого кадетского корпуса, сохранявшие в двух углах изображения шпаги.

В николаевское царствование произошло окончательное закрепление за знаменами роли войсковых святынь. На обычные в предыдущие царствования ходатайства войсковых частей о замене пришедших в ветхость знамен новыми, Николай I ответил (приказ Генерал-инспектора по инженерной части от 21 июня 1827 г.), «что жалующимся полкам знамена в знак мужества и в память отличных в войнах

подвигов, присвояются уже навсегда полкам, как отличительные воинские доспехи, свидетельствующие о храбрости и доблестях воинов, под оными служивших. Каждый полк обязан с особенным попечением охранять знамена свои от ветхости и в самой древности их находить лестнейшее удостоверение в достоинствах и заслугах тех воинов, коими приобретены оные». Еще одно событие повлекло издание особого именного Указа «О хранении ветхих знамен и штандартов» от 14 января 1835 г., определившего на будущие времена порядок хранения устаревших полковых регалий. В ответ на обращение инспектора государственных арсеналов генерал-майора Жуковского об уничтожении 242 ветхих знамен и штандартов, хранящихся в арсенале Санкт-Петербурга, а также о продаже полагающихся к ним серебряных вещей, император повелел «знамена и штандарты, со всеми их принадлежностями, сохранить навечно как святыню» [8].

В 1838 г. были учреждены новые знаки отличия для полков – вызолоченные серебряные скобы на древки и особые юбилейные ленты.

Именным указом Николая I было установлено жаловать на знамена и штандарты частей, существующих 100 и более лет, юбилейные орденские ленты, для гвардии – Андреевские (ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, голубые), для армии – Александровские (ордена Св. благоверного князя Александра Невского, красные).

Все шитье (вензеля, надписи и каемки) – по прибору полка. Надписи были следующие:

Верхняя сторона верхней половины (лицевая): внизу ленты вензель Императора или Императрицы, основателя полка. Если составные части полка сформированы в разные царствования, то вензеля основателей изображали в хронологическом порядке, сверху вниз, отделенные поперечными каемками. Выше вензелей, по направлению к банту, вышиты год основания и первоначальное название части, поступившей на формирование полка. Если таких частей было несколько, то они помещались в хронологическом порядке, одна над другой, с соответствующими годами.

Нижняя сторона верхней половины (внутренняя): внизу вензеля Государей, пожаловавших отличие (если знамя или штандарт Георгиевские или за отличие) и половина надписи отличия, как на самой регалии.

Верхняя сторона нижней половины (внутренняя): внизу кованный Государственный герб по прибору и 2-я половина надписи отличия.

Нижняя сторона нижней половины (задняя): год пожалования ленты и название полка на тот момент.

Под завершением из такой же ленты образован бант, на котором вышит год по-

жалования ленты. Бант прикреплен к самой ленте при помощи мундирной пуговицы. Лента посередине перегибалась вдвое под углом 10° так, что оставались видными половина верхней стороны ленты с вензелем основателя части, годом основания и первоначальным названием, а из-под нее выступала часть внутренней стороны другого конца ленты с кованым гербом.

Концы ленты обшивали золотой или серебряной бахромой. Ленты привязывали особым серебряным шнуром с прошивкой черным и оранжевым шелком (аксельбантным) на трубку наверх, но одевались на знамена лишь на смотры в Высочайшем присутствии и в других особо торжественных случаях, а в остальное время хранились в дубовом футляре за печатью полкового командира. На скобах гравировали: вензель Государя-основателя, год основания и первое название части, надпись отличия и год ее пожалования, год пожалования скобы и название полка и батальона, которому знамя принадлежит.

Юбилейные ленты были длиной 142,4 см и шириной 4,45 см. Размеры юбилейных лент были уточнены 5 августа 1860 г.: длина 151,3 см, бордюры на расстоянии 0,28 см от краев, кисти на концах ленты длиной 11,68 см, в гвардии – канительные, в армии – нитяные. Надписи высотой 3,89 см.

На расстоянии 11,13 см от кистей располагался поперечный бордюр; между ним и кистями находился вензель либо Государственный герб. Серебряный шнурок с примесью черного и оранжевого шелка для привязывания лент имел толщину 0,46 см и продевался в кольцо на металлической скобе, у перегиба ленты. Прочее осталось без изменений.

В царствование императора Александра II первоначально жаловали знамена образца 1813 г., но уже 21 августа 1857 г. был утвержден новый образец, который отличался от предыдущего рисунком орла в среднем круге и в наверхии (крылья округленно подняты, на груди Московский герб, окруженный цепью ордена Св. Андрея) и системой расцветки. У всех знамен углы двуцветные – из черной и белой половины, а по шву этих половин и по шву креста и углов нашиты узкие оранжевые полосы. Кресты во всех гвардейских частях желтые, в армии и военных учебных заведениях – приборного цвета, а в казачьих частях – мундирного цвета: в пехоте по полкам (красные, светло-синие, белые и зеленые); у стрелков малиновые, у саперов черные. Наверхия в гвардии и военных учебных заведениях в виде орлов, а в армии – в виде копий.

Александр III установил в 1883 г. новый образец знамен, совершенно отличный от предыдущих образцов 1796-1883 гг. и долженствовавший напоминать старин-

ные русские стяги. Первые знамена нового образца были пожалованы лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам 23 мая 1883 г. Знамена образца 1883 г. оказались неудобными: крайне тяжелыми, непрочными и дорогими. В 1897 г., уже в царствование Николая II, вышивка знамен золотом или серебром в армии заменена шелковой.

21 апреля 1900 г. был утвержден образец цельнотканого шелкового полотнища одинакового для всех частей с образом Спаса Нерукотворного и надписью над ним «С нами Бог».

К началу XX в. в императорской армии в целом, и в особенности в гвардейских частях, окончательно сформировался взгляд и отношение к воинским реликвиям. Вот как князь Владимир Трубецкой описывал отношение к полковому штандарту, бытовавшее в годы его службы в лейб-гвардии Ее императорского величества Кирасирском полку: «Полковой штандарт представлял собой прямоугольное шелковое голубое полотнище с изображением лика Христа. Это полотнище было подвешено на двух позолоченных цепочках к высокому и тяжелому резному древку, увенчанному золотым двуглавым орлом – таким же, каким были увенчаны кирасирские каски, но несколько большего размера. Наш штандарт хранился в Гатчинском императорском дворце, и при нем круглые сутки стоял на часах кирасир. Штандарт считался полковой святыней – как бы душою полка – и ему оказывали особые почести. Штандарту присягали молодые солдаты и офицеры, штандарту отдавали честь, становясь во фронт, даже генералы. Вблизи штандарта никто не смел произнести ругательства или скверного слова. Штатские люди и обыватели обязаны были снимать шапки при встрече со штандартом. В полковом строю штандарт встречали особой музыкой и при его появлении брали «на караул», обнажая холодное оружие и салютуя им. Без штандарта не мог существовать полк, и в случае потери штандарта в бою полк подлежал бы расформированию. Штандарт был символом полковой чести, полковой доблести, я чувствовал себя очень польщенным и даже гордым, что состою ассистентом при этой замечательной полковой реликвии» [9].

Самый поверхностный обзор развития знаменного комплекса и ритуала в Российской императорской армии показывает, какой огромный путь прошла она в становлении своего корпоративного самосознания, в том числе и во взгляде на свою историю через призму воинских реликвий. Как менялся взгляд на значение знамен и предметов знаменного комплекса в жизни армии. Лишь в контексте этой большой истории становится понятна истинная ценность поступивших в фонды музея предметов. И если предположить, что знамя грузинских гренадеров и другие полковые

реликвии утеряны для нас навсегда, то неизбежен вывод – только эти юбилейные ленты символизируют их славную историю и продолжают бессрочную службу Отечеству. Теперь уже в качестве памятника истории и культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. СПб., 1912. Т. 10. С. 534.
2. ПСЗ РИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 364.
3. Там же. Т. 5. С. 445.
4. Там же. Т. 20. С. 1014.
5. Там же. Т. 24. С. 84.
6. Там же. С. 298.
7. Там же. Т. 25. С. 778.
8. Там же. Собрание второе. СПб., 1836. Т. 10. С. 43.
9. Трубецкой В.С. Записки кирасира // Наше наследие. 1991, № 2. С. 90.

Коркмазова З.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
научный сотрудник отдела фондов,
кандидат философских наук

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ АКРОБАТИЧЕСКИХ ПРЫЖКОВ М.В. СТРАХОВА

(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ
СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

В СССР спортивная акробатика оформилась в самостоятельный вид спорта в конце 1930-х гг. Становление этого вида спорта в Ставропольском крае началось на

рубеже 1940-х-1950-х гг. на базе кафедры спортивной гимнастики факультета физкультуры Ставропольского педагогического института. Это был центр спортивной жизни края, где собиралась увлеченная спортом молодежь, а преподаватели входили в тренерскую элиту не только Ставрополья, но и других городов страны. Ставропольская школа стала одной из ведущих в мировой спортивной акробатике. На соревнованиях за каждой фамилией участника судья-информатор объявлял: «Тренируется у Михаила Страхова (Ставрополь)».

Ставропольские спортсмены навечно вписали свои имена в историю мировой акробатики. Новый для советских людей вид спорта полюбился жителям Ставрополья, на подготовку квалифицированной команды акробатов ушло несколько лет. Ими было завоевано множество побед на высшем уровне и установлено немало рекордов. Успех, который многими был оценен как случайный, повторялся из года в год. Ставропольские спортсмены были признаны лучшими и больше никогда не опускали эту высокую планку. Их мастерство вызывало удивление и восхищение и коллег, и зрителей по всему миру. Исполняемые элементы были сложнейшими, зрелищными, от них захватывало дух.

На IV первенстве мира в Лондоне (1967 г.) сборная СССР выступала вне конкурса (наша Федерация акробатики не входила в состав Международной Федерации). Это был дебют команды. Среди них было три ставропольских акробата – Василий Скакун (тренер М.В. Страхов), заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион страны Юрий Страхов (тренер М.В. Страхов) и чемпион Советского Союза по прыжкам на батуте Игорь Токарь (тренер В.Г. Акиншин). Оргкомитет соревнований в виде исключения наградил спортсменов серебряными медалями, которые вручались только официальным участникам [1].

Михаил Владимирович Страхов (1928-1999 гг.) первым из ставропольцев стал чемпионом России (1952 г.), первым мастером спорта СССР по акробатике (1952 г.), четырехкратным чемпионом России, первым заслуженным тренером СССР по акробатике (1976 г.).

М.В. Страхов родился 18 марта 1928 г. в с. Красногвардейское Ставропольского края, но вся его жизнь была неразрывно связана со Ставрополем. Его отец, кадровый офицер В.М. Страхов, работал в органах госбезопасности в Ставрополе, в 1941 г. ушел на фронт и пропал без вести в 1944 г. В последнем письме с фронта отец написал: «Хорошенько, сынок, учись, закаляйся и будешь летчиком». С детства Михаил мечтал стать летчиком-испытателем. Хотя здоровье у него было отменное, но по зрению он был признан непригодным к авиации. И все-таки в 60 лет

он осуществил свою юношескую мечту – поднялся в небо на дельтаплане.

Еще в 16 лет Михаил записался в секцию борьбы, но ее вскоре закрыли из-за отсутствия нужного оборудования. Но он смог присоединиться к гимнастам, изучал прыжки, соскоки с гимнастических снарядов, связанные с большим риском, со сложнейшими движениями тела в полете. В июле 1947 г. он принял участие в 1-м послевоенном спортивном состязании – Спартакиаде народов СССР [2].

Во время учебы в Ставропольском педагогическом институте на факультете физического воспитания он занимался многими видами спорта, имел разряды по плаванию, стрельбе, волейболу, ходьбе на лыжах и, конечно, гимнастике, акробатике с ее опасными и сложными прыжками. Свой образ жизни он подчинил стремлению идти вперед без оглядки на прошлое и, став великим тренером, главным качеством в работе считал верность долгу и не отступал от этого принципа.

В 1949 г. при детско-юношеской спортивной школе была открыта секция акробатики. Ведущим тренером стал М.В. Страхов. Свою акробатическую школу Страхов создавал почти с нуля. В то время не было элементарных методических пособий, спортивного инвентаря, помещения. Вместе с ним заниматься акробатикой начали ставшие в дальнейшем известными спортсменами Виктор Шаулис, Марк Пантух, его брат Юрий Страхов и позднее Виктор Гончаров, Юрий Зайцев, Борис Калюжный. Все они считали его своим тренером. А сам Страхов изучал акробатику с азав, открывая ее и для себя, и для других. Но, вопреки всему, его первые ученики шли вперед трудной, порою непреодолимой дорогой, прокладывая путь к высшим ступенькам пьедестала.

По инициативе и под руководством Страхова и его учеников были оборудованы ямы для акробатических прыжков при школах, на Комсомольском пруду, в парках города и края. На этих примитивных базах готовились спортсмены высокого класса и мастера спорта. Для популяризации акробатики и привлечения молодых талантливых учеников Михаил Владимирович со своими акробатами ездил по городам и районам Ставропольского края. Он помогал открывать отделения акробатики во многих городах при ДЮСШ и общеобразовательных школах [3]. С конца 1950-х и до начала 1970-х гг. акробатика стала одним из ведущих видов спорта на Ставрополье. Благодаря этой работе стали развиваться и женские школы акробатических прыжков.

В 1947 г. 19-летний гимнаст М.В. Страхов принимал участие во Всероссийском параде физкультурников на стадионе «Динамо» в Москве, делал сальто с высокой перекладины. Последний Всесоюзный физкультурный парад прошел на стадионе

«Динамо» в Москве в июне 1954 г. В нем приняли участие около 40 тысяч человек. В массовых гимнастических выступлениях участвовало около 30 тысяч человек. В составе делегации от России среди 2800 спортсменов выступали и 2 брата-гимнаста Михаил и Юрий Страховы. 26-летний Михаил делал сальто с высокой перекладины в роте солистов, а его младший брат – 16-летний Юрий – сальто назад с горизонтальной лестницы.

В 1954 г. история Всесоюзных физкультурных парадов заканчивается. В дальнейшем было принято решение проводить Спартакиаду народов СССР, открывая их большими массовыми спортивными представлениями. Юрий Страхов участвовал в Спартакиаде народов СССР в 1956 г., а в 1966 г. стал победителем.

Четырехкратный чемпион РСФСР М.В. Страхов как действующий спортсмен на первенствах СССР не поднимался выше 4-го места, но как талантливый тренер он воспитал спортсмена высокого класса – своего младшего брата Юрия Страхова – ставшего пятикратным чемпионом СССР (1959-1964 гг.). Ему не было равных на акробатической дорожке в течение 10-12 лет. В 1955 г. на первенстве Российской Федерации Юрий Страхов завоевал второе место, уступив звание чемпиона старшему брату и своему тренеру Михаилу. Десятиклассник Юрий выполнил норматив мастера спорта СССР.

Ю. Страхов в 1963 г. получил звание заслуженного мастера спорта СССР по акробатике. [4].

В 1954 г. М. Страхов был приглашен в Москву для работы со сборной российских гимнастов, с 1956 г. он отрабатывал акробатические элементы в вольных упражнениях с гимнастами олимпийской сборной СССР, отобранными для участия в Олимпиаде 1960 г. в Риме, где наши спортсмены произвели настоящий фурор. Он принял участие в Олимпиаде как один из тренеров советской сборной.

М.В. Страхов был требовательным тренером, прививал своим воспитанникам любовь к дисциплине, фанатичному труду. Великий тренер считал, что сложные элементы надо отрабатывать, шлифовать так, чтобы они исполнялись уверенно, легко и красиво. Еще в 1950-е гг. он внес вклад в создание новых технологий по подготовке спортсменов высокого класса, внедрил новую технику прыжков и постоянно совершенствовал условия для обучения сложнейшим прыжкам в акробатике. Страхов первым в стране ввел двухразовые тренировки: первая начиналась в 6 часов утра, чтобы к 8 часам освободить зал для учебных занятий, а ученики могли успеть добраться до школы. Впервые систему двухразовых тренировок он применил для обучения своего младшего брата Юрия. Тренировались акробаты в

небольшом зале – размером 9x18 м. Летом вместе со своими спортсменами он выезжал в горы со спортоборудованием на тренировочные занятия. Новая методика обучения намного сокращала сроки подготовки первоклассных акробатов.

Над расчетами сложнейших акробатических элементов Михаил Владимирович работал более 20 лет, анализировал наблюдения, заметки с тренировок, продумывал правильное построение методики обучения сальто, чтобы ее мог применить любой тренер, любой спортсмен. В этом ему помогало содружество с бывшим воспитанником Борисом Калужным, математиком, занимавшимся в Московском физико-техническом институте теорией системного анализа, что привело к написанию определенных формул для успешного разучивания сальто [5].

Ставропольские прыгуны, в результате внедрения научных исследований в спортивную практику, всегда отличались сверхсложностью своих программ на чемпионатах страны, Европы, мира. Изобретения Страхова прославили их на весь мир.

В 1965 г. Юрий Страхов впервые в мире выполнил в конце сложной комбинации тройной пируэт. И только любители сверхсложных трюков – японцы – выполнили эту связку на первенстве мира в 1970 г. Первой среди девушек страны сложнейшую комбинацию из двойных пируэтов выполнила трехкратная чемпионка и четырехкратная обладательница кубка СССР Наталья Тимофеева. Ранее эта комбинация была по плечу лишь пятикратному чемпиону СССР среди мужчин Юрию Страхову. Валентина Чухарева, 15-летняя спортсменка, первой в мире исполнила в комбинации два с половиной пируэта.

Необходимо отметить, что М.В. Страхов разработал такую систему, что более опытные и квалифицированные спортсмены всегда шефствовали над начинающими, набирались тренерского опыта. Это позволяло им после завершения спортивной карьеры переходить на тренерскую работу. Страхов, как неординарный и самобытный тренер, привлекал внимание не только коллег в нашей стране, но и зарубежных тренеров, мечтавших встретиться с «мистером Страховым» из Ставрополя. А «Кузнечики» из Ставрополя показывали преимущество страховской акробатики во многих спортивных центрах страны.

В 1956 г. Комитетом по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР было учреждено почетное спортивное звание «Заслуженный тренер СССР». До 1956 г. за тренерские достижения присваивалось звание «Заслуженный мастер спорта». В 1976 г. звание «Заслуженный тренер СССР» было присвоено М. В. Страхову – первому из 8 тренеров Ставропольского края, удостоившихся это-

го звания. В 1967 г. ему была вручена медаль «Тренеру чемпиона» за подготовку Ю.В. Страхова.

М.В. Страхов пользовался поясами, разработанными и изготовленными им и его товарищами в конце 1960-х гг. Спортивная батутная сетка, сшитая из капроновой тесьмы для тренировок в 1970 г., прослужила невероятный срок – 10 лет (подобные сетки фабричного изготовления выдерживают едва полгода регулярных тренировок). Целый год вся семья Страховых, его ученики и товарищи работали после тренировок над ее изготовлением [6].

Дело учителя продолжили его ученики Василий Скакун и Вячеслав Акиншин. Скакун разработал лучшую в мире прыжковую акробатическую дорожку. На лучших в мире батутных сетках, усовершенствованных Акиншиным, тренировались не только акробаты, но и советские космонавты – готовились к полетам в космическое пространство.

Тренеры Страхов и Акиншин, его бывший ученик, развивали у своих спортсменов необыкновенные способности удивительных положений в воздухе, особенной координации движения тела в состоянии невесомости. В физической подготовке к космическим полетам советские космонавты неоднократно обращались к опыту ставропольских мастеров, к методике обучения сложным акробатическим движениям в воздухе Михаила Страхова. Два бывших его воспитанника входили в тренерский штаб космонавтов. Прыжки на батуте были взяты в комплекс тренировок космонавтов.

В ноябре 1968 г. в Ставрополь пришло приглашение от Героя Советского Союза Германа Титова и дважды Героя Советского Союза Георгия Берегового, адресованное Ставропольскому краевому комитету по физической культуре и спорту, с просьбой командировать сильнейших ставропольских акробатов-рекордсменов по батуту для участия в показательных выступлениях в Звездном городке 28 ноября 1968 г. [7].

Наши спортсмены: В.Скакун, Н. Тимофеева, Н. Козеко, И. Токарь, И. Страхов, А. Лаврова, Ю. Шуклин, Г. Кривсун и их тренеры Страхов, Акиншин – приняли участие в показательных выступлениях с советскими олимпийцами в Звездном городке. Выступления прошли успешно. Каскад стремительных, четких и точных переворотов прыгунов сменялся уверенно и виртуозно исполненными двойными и тройными сальто на батуте. Ставропольские спортсмены и их тренер М. Страхов встречались в Звездном городке с космонавтом Г. Береговым, побывали в музее космонавтики Звездного городка, передали вымпел с надписью «За спортивные

достижения» советским космонавтам. Вымпел был очень похож на тот, что был доставлен космической станцией на Луну [8].

После показательных выступлений в Звездном городке космонавты подарили ставропольским гимнастам спортивный универсальный металлический пояс системы страховки и помощи во время тренировки акробатических элементов; карабины спортивные стальные (защелки) с пружинными фиксаторами [9]. Спортивная практика показала, что использование данных поясов, сделанных из дюралаля, как и такого типа карабинов, очень опасно и травматично для спортсменов. И от них пришлось отказаться. Этот отрицательный опыт был учтен и в научно-исследовательском испытательном Центре подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина в Звездном городке.

Своим тренерским талантом М.В. Страхов создал в спортивной акробатике целую эпоху. Он разработал уникальную систему подготовки спортсменов высшей квалификации и по праву считается основателем теперь уже знаменитой на весь мир ставропольской школы акробатических прыжков. За 42 года тренерской деятельности он подготовил более 60 мастеров спорта по акробатике. Из акробатической школы вышло более 150 мастеров спорта, среди них мастера спорта международного класса Юрий Страхов и Василий Скакун. Его дело продолжают сыновья: Игорь, Владимир, Михаил, внуки: Святослав, Владимир и внучка Даша.

Юрий Владимирович Страхов, младший брат Михаила Владимировича, проявил себя как выдающийся спортсмен и тренер. Он воспитал знаменитых чемпионов: Валентину Чухареву-Завалий, Наталью Тимофееву, Юрия Аселедкина. Его тренерская работа была удостоена высокой оценки руководства Союза спортивных обществ и организаций СССР и РСФСР за подготовку чемпионов Советского Союза. За большой вклад в развитие отечественного спорта он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, золотой медалью Болгарской Народной Республики «30 лет социалистического спорта». Ему присвоено почетное звание «Заслуженный тренер Российской Федерации» [10].

Дело Страхова в Ставрополе продолжил Василий Александрович Скакун, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, 1-й чемпион мира по акробатике, многократный чемпион СССР, член Европейской федерации акробатики, судья международной категории по акробатике, кандидат педагогических наук, Почетный гражданин Ставрополя и Светлогорода. Он подготовил 18 абсолютных чемпионов мира по акробатике. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В.А. Скакун создал одну из лучших акробатических спортивных баз в России. Для изучения опыта работы специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва (СДЮШОР) им. В.А. Скакуна сюда приезжают специалисты из многих регионов России и зарубежных стран.

По инициативе В.А. Скакуна 17 мая 2013 г. на здании спорткомплекса (на территории бывшего гимнастического зала Пединститута, ныне Северо-Кавказского федерального университета), была установлена мемориальная доска в честь заслуженного тренера СССР М.В. Страхова. Памятный знак разместили на стене одного из залов вуза, где с 1947 по 1979 г. работал тренер.

Ежегодно в Ставрополе проводится международный турнир по акробатическим прыжкам «Звезды прыжков», посвященный памяти великого тренера Михаила Владимировича Страхова.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. Оф. 15804, 15810; Нвф. 5864, 5870.
2. Чернов П. Полет души // Ставропольская правда от 20 марта 1988. № 56.
3. Еремин В.И. Детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва №1: история становления и развития. 1947-2010. Ставрополь, 2010. С. 12.
4. СГМЗ. Оф. 15807, 15808, 15809, 22007, 22009, 22010/1-2.
5. СГМЗ. Оф. 26898; Нвф. 5770; Волшебник // Спортивная жизнь России. М., 1973. Вып. 6. С.16-17; Город акробатов // Смена. 1968. Вып. 16. С. 18-19.
6. СГМЗ. Оф. 27423.
7. СГМЗ. Оф. 15466, 15465, 15465.
8. СГМЗ. Нвф. 5772, 5768, 15467; Оф. 26895, 26896.
9. СГМЗ. Оф. 27421, 27422.
10. Семья Страховых // Спортивный вестник Ставрополя. 2013. Вып. 11. С. 21-22.

Лапшова Н.В.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела фондов

СЕРГЕЙ МАТВЕЕВИЧ ДОЛИНСКИЙ – ЧЛЕН СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

В 2016 г. исполнилось 110 лет Ставропольской Губернской Ученой архивной комиссии.

В работе Комиссии активное участие принимал статский советник Сергей Матвеевич Долинский. Сергей Матвеевич родился в 1850 г. в Полтавской губернии, в дворянской семье. Окончил Петербургский университет.

В 1876 г. в Красноярске была открыта женская гимназия. Основные вопросы, связанные с деятельностью гимназии, решал Попечительский совет, в состав которого избирались известные люди города. Председателем Попечительского совета был избран С.М. Долинский.

С 1887 г. он – коллежский асессор, советник, с 1889 г. – статский советник. С 1 июля 1889 г. был председателем Енисейского губернского суда, с 1891 г. – одним из директоров тюремного комитета.

Долинский был знаком с художником Василием Суриковым. Его дочери Анна, Надежда, Вера были подругами Ольги – дочери Сурикова. В письмах брату Александру, который служил под руководством Долинского, В. И. Суриков передавал приветы Сергею Матвеевичу и очень сокрушался, когда в 1893 г. Долинский был переведен в члены Рижского окружного суда.

В Красноярской краевой библиотеке хранятся книги с отметками о дарителе: «Библиотека С. М. Долинского».

В начале 1900-х гг. Долинский был членом Бакинского окружного суда. Долголетняя судебная служба дала ему возможность исколесить почти всю Россию. На базарах, аукционах, у паломников он приобретал оружие, предметы старины,

археологические находки, старинные монеты, предметы быта и культуры разных народов. Собранные им коллекции по минералогии, археологии и нумизматике свидетельствуют о широком кругозоре Сергея Матвеевича.

После выхода по болезни в отставку Долинский поселился в Ставрополе. Отсутствие средств на лечение стало причиной продажи личных коллекций в 1911 г. Ставропольской Ученой архивной комиссии для Музея Северного Кавказа. В отчете Комиссии за 1911 г. сказано: «Было куплено обширное собрание предметов по палеонтологии, археологии и этнографии и коллекция минералов у статского советника С.М. Долинского».

Эти коллекции были весьма ценным приобретением Комиссии. Выставленные в Музее, они привлекали внимание посетителей, которые с особенным интересом останавливались около «минералогической коллекции, прекрасно и вполне научно составленной, с крупными образцами красивых отшлифованных минералов. Чтобы не перечислять всех предметов, входящих в эти коллекции, прилагается подробный список».

К сожалению, список коллекции не был опубликован. По черновикам описей Ставропольского губернского «Музея Северного Кавказа» удалось частично восстановить этот список. На полях черновиков Г.Н. Прозрителев писал: «Куплено у Долинского». Коллекция насчитывала более 600 предметов. Описание некоторых предметов не найдено. В конце статьи дан список предметов коллекции.

Черновики дают представления не только о предметах, но и о географии их бытования: Сибирь, Средняя Азия, Азербайджан, Крым, Керчь, Дагестан.

Грамотно, со знанием минералогии была составлена Долинским коллекция минералов и горных пород. География образцов минералов и горных пород: Урал, Персия, Бухара, Дагестан, Закавказье.

Была в черновике и опись дендритов. Рукой Долинского записано, откуда были привезены дендриты: из Мекки (получено от паломников), из путешествий по Средней Азии. 163 раковины были собраны на берегах восточной Африки, Багамских островов, Индийского океана, Карибского моря, Средиземноморья, Японского, Северного, Красного морей. Был составлен и список морских рыб, звезд, кораллов, губок, коробочек, которые были приобретены Долинским в Гамбурге и Баку.

В коллекции палеонтологии, собранной им, были зубы мамонта (северная часть течения реки Лена), зубы и позвонки ископаемой рыбы (Арал), окаменелые деревья (Шемахинский р-н), аммониты (Дагестан, Южный Урал).

О принятии этих коллекций были сделаны записи: «По уполномочию Ставро-

польской Ученой архивной комиссии приняла все по списку Александра Николаевна Можарова 2 сентября 1911 г. Сдал Сергей Матвеевич Долинский 2 сентября 1911 г.».

Богатая коллекция была собрана Долинским в Азербайджане (Старая Шемаха, Баку), Туркмении (Мерв, Мисриан, Байрам-Али), Узбекистане (Самарканд, Бухара). О том, что Долинский бывал в тех краях, в черновиках было найдено письмо военного следователя Афанасьева, адресованное Г.Н. Прозрителеву. Афанасьев описывает развалины древнего города Мисриан и приглашает Григория Николаевича в гости, а в конце добавляет: «В Чикишляре (Закаспийская обл.) квартира моя к услугам С.М. Долинского». Об археологических находках своей коллекции Долинский писал, что это предметы «из развалин древнего города Мисриан, что в 70 верстах от Александровского у Каспийского моря».

В фондах СГМЗ хранятся красивейшие персидские вазы и сосуд для благовоний в виде павлина, выполненные в технике прорезного металла; изразцы, которыми была украшена мечеть в древнем городе Мисриан; кошкуль из кокосового ореха, палка дервиша и другие интересные предметы.

Из Старого Мерва были привезены 3 текинских щита из верблюжьей кожи, текинская плеть и бритва. Г.Н. Прозрителев в статье о вооружении (Оружие кавказских горцев) упоминает об одном из этих щитов. «В музее имеется щит текинский, он совершенно тождествен с подобными щитами кавказской работы. Над этим щитом была произведена проба. Казачий урядник хорошей шашкой казенного образца нанес сильный удар по щиту, положенному на табуретке. Шашка разлетелась вдребезги, а на щите остался небольшой след. При этом присутствовал статский советник С.М. Долинский».

Список оружия из коллекции Долинского был опубликован в каталоге Музея Северного Кавказа в военном отделе. Кинжал с золотыми насечками и армянской надписью «кровавый поток» – самый старый в коллекции музея (1852 г.), он был куплен Долинским на аукционе в Баку.

Последними предметами в перечне коллекции Долинского идут археологические находки с горы Митридат в Керчи.

В 1-м выпуске Трудов Ставропольской Ученой архивной комиссии в 1910-1912 гг. были опубликованы 3 небольшие статьи Долинского: «Нумизматические заметки», «Интересный аул в Дагестане», «Из прошлого Дербента. Бестужев. Ольга Нестерова. А. Дюма».

Сергей Матвеевич был знатоком нумизматики. В статье «Нумизматические заметки» он дал характеристику парфянской драхме, найденной в Ставрополе на

1-й Воробьевской улице. В статье «Интересный аул в Дагестане» он писал: «Прожив в течение 15 лет на крайнем юге России, ради нумизматических целей. . . мог ли я воздержаться от посещения славного аула Кубачи». Он опровергает слухи о том, что кубачинские мастера занимаются чеканкой фальшивых монет.

О его коллекции персидских монет Г.Н. Прозрителев писал: «По своей скромности и из-за нехватки средств Сергей Матвеевич редко печатал свои произведения. Особенный интерес представляет его капитальный научный труд «Парфянская нумизматика». Эта работа может заинтересовать не только специалиста, но и вообще образованного человека, так как является весьма доступно изложенным исследованием истории Парфянского царства, очень остроумно прослеженной по монетам бывших там династий. Работа эта тем более ценная, что к ней приложена целая масса фотографических снимков, найденных в раскопках монет, из которых некоторые являются большою редкостью». Эта коллекция также была приобретена Прозрителевым для музея.

Последние годы С.М. Долинский был прикован к инвалидному креслу. Он умер 25 января 1918 г. В некрологе Г.Н. Прозрителев очень тепло вспоминал его: «Необычайно приветливый и в высшей степени симпатичный Сергей Матвеевич обладал большими и разносторонними знаниями не только по своей специальности, как юрист, но и по другим наукам, и поэтому беседа с ним доставляла большое удовольствие... Продолжительная и тяжелая болезнь не позволила ему занять видное место в общественной работе и проявить здесь свои выдающиеся способности, . . . судьбе угодно было оставить его в тени».

Чтобы уяснить, что сохранилось до наших дней из коллекций Долинского в СГМЗ, необходимо тщательно сопоставить описи Ставропольского губернского «Музея Северного Кавказа» с современными музейными описями.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. ГАКК. Ф. 32. Д. 163. Памятная книжка Енисейской губернии. 1889. С. 49. 1890. С. 46, 49.
2. Болдырев Ю. Женская гимназия. Историко-краеведческий календарь. Красноярск, 2001. С. 127-129.
3. Суриков В.И. Письма. Воспоминания о художнике. Сб.ст. // [http://az.lib.ru/s/surikow w i/text 0010.shtvl](http://az.lib.ru/s/surikow_w_i/text_0010.shtvl).
4. СГМЗ. Ф. 2. Д. 186. Опф. 27398/170. С.3-4.

5. Там же. Д. 6. Оф. 27398/117.
6. Там же. Д. 36. Оф. 27398/730.
7. Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (Оружие кавказских горцев) // СГМЗ. Ф. 2.
8. СГМЗ. Ф. 7. Д. 13. Оф. 27533/131.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опись коллекции С.М. Долинского

Предметы: наконечник металлический стрелы; Образ Св. Николая, старинный, эмаль; Образ Богоматери, медный, четырехугольный; Образ Богоматери; Образ Св. Николая; Образ Славы; 8 образов разных, маленьких; Лик Христа на опоке; Успение Богоматери на перламутре; Икона (старая) Св.Иоанна Крестителя с младенцем Иисусом Христом на руках, в серебряном позолоченном окладе и киоте (1787 г.); изображение церковки из металла, для лампы и свечей; складень четырехугольный, большой; складень четырехугольный, средний; складень трехстворчатый, малый, эмаль; складень трехстворчатый, еще меньше, эмаль; 5 брелков из Персии, выдаваемые за кавказские изделия: книжечка; сапог; счеты; голова, показывающая язык; пластинка для вензеля; коробочка из темно-полосатого агата; 2 медных креста; крест небольшой металлический, масонский; крест металлический с украшениями из серебра; 3 серебряных креста; 4 глиняных обломка; модель церкви на братской могиле в Севастополе (из мрамора); 4 крупных глиняных обломка, выброшены во время землетрясения 1901 г.; 5 картин рельефных, в красках, изображающих подвиги шаха Надира; 2 рельефных медных изображения, выдаваемых за буддийские иконы; фотографическое изображение в красках двух китайок в рамке под стеклом; дощечка с золотым узором; дощечка медная круглая, с узором по обеим сторонам; дощечка, с изображением шаха с придворными; заставка светлой бронзы, ажурная; изразец, изображающий подвиги героя; изразец – всадник с соколом; картина, затканная на бумажной ткани, изображение хана с придворными; картина: государственный Герб Персии «Лев и Солнце», была вышита в Баку в 1906 г., в доме, где был шах; табакерка деревянная с украшениями; «Безбант» нанизываемый на шнурок внутрь амулета,

старинный с украшениями из стекла, гранатов и бирюзы; свиток – деловое сообщение китайского правительства на китайском языке; брошки – жужелицы; миниатюры – портреты на металлах работы персидских художников; 2 цветка из мыльного камня или пагодита; полукруглая группа цветов из мыльного камня или пагодита; каменная обезьяна; изображение бога Анубиса (барельеф) (египетская древность); статуэтка Анубиса; пистолет кремниевый, украшен серебром; пистолет кремниевый побольше с инкрустацией, старой работы; пистолет пистонный, с широким дулом; пистолет пистонный маленький; сабля старая от Бека; сабля старая с белою рукояткою и надписью; сосуд из белого мрамора для благовоний; сосуд из пестрого мрамора для благовоний; икона под ржавчиной; предмет вроде перстня; статуэтка из глины, напоминающая Аполлона; картина, изображающая знатную персиянку, ручная вышивка шелками по бархату; кинжал с золотыми насечками и армянской надписью «кровавый поток» (1852 г.); нож с ручкой из горного хрусталя, украшен бирюзой; снаряд летательный (бомба) из обожженной глины, найден в крепости при проведении железной дороги; сосуд для выплавки металла, найдено при проведении железной дороги; 3 щита текинских старых из верблюжьей кожи; барабан с городских ворот, оповещающий время закрытия их; топор дервиша из металла с изречениями из Корана; кошель - «кошкуль» на цепочке для сбора подаяний, из цельного кокосового ореха, со священными изречениями; палка дервиша с бирюзой; палка дервиша сучковатая, длинная; костыль сеида или гаджи металлический; железное пятиконечье для зажигания шерсти или пакли, пропитанной нефтью или душистыми жидкостями (профессиональные знаки огнепоклонников); голова бычка для зажигания внутри горячих веществ (профессиональные знаки огнепоклонников); 3 кувшина из белой меди с красивой резьбой; сосуд для прикрытия плова; 3 кувшинчика из желтой меди плоские с крышкой; сосуд светлого металла, с узким горлышком, без крышки; священный сосуд «Минара» из 4 частей, в общем – изображение мечети, нижние 2 части подобны погребальным сосудам, верхний – казан со священными изречениями; ваза фаянсовая с извитыми рисунками и украшениями под японский вид; миска из фарфора большая (подклеен бок); 2 больших блюда из фарфора; 2 маленьких блюда из фарфора; чашка с оригинальным блюдцем белая с синим в китайском стиле; чашка с блюдцем желто-зеленая в китайском стиле; кувшинчик каменный без крышки; ваза из серпентина, с

крышкой; баклага для воды из глины, найдена в подземном ходе из цитадели к морю; амулет круглый из глины; 2 бусины из агата; 2 амулета из глины; 2 подсвечника медных резных старинных из армянской церкви; 2 шандала медных не старинных; «чирах» (светильник) старинный с надписью из Шемахинского уезда; чашечка-блюде из перламутра в серебряной оправе для притираний; ажурная чашечка из серебряной проволоки, работа ссыльного в Енисейской губернии; чашечка с подставкой резная, медная; 2 амулета из металла (многоугольник пустой внутри); блюдо глиняное, глазированное (по определению гр. Уварова - XVII в., казачье, 1-х поселенцев на р. Терек); блюде металлическое с орнаментом из Японии; ваза медная ажурная с крышкой и подставкой; 5 коробочек в виде цилиндров, медные с крышечками, ажурные, для хранения благовоний; ваза с крышкой, ажурная; коробка для хранения дорого чая из кяхтинского товарищества Кяхты; корзинка из бересты; салфеточка японская; шкатулка с инкрустациями из рога и с зеркалом; кувшинчик желтой меди с крышкой, украшен бирюзой; ваза медная ажурная с крышкой с подставкой; ваза большая ажурная с крышкой; животное, на холсте изображающее тигра из Кумирни Кяхты; гений (бонзы) глиняный из Кумирни Кяхты; амулет глиняный в вышитом хранилище; амулет черного камня с вырезанной группой; идолы (изидов); животное бронзовое маленькое; тигр со всадником, медный; 27 народных печатей в виде разных мелких фигурок из меди персидской работы; шарик из мягкой мастики, употребляемый для буддийского богослужения; сфинкс медный, стоячий; 3 шахматных фигуры из слоновой кости: королева, воин, слон; кусочек вазы; головка Афины на раковине; маленький бюст Будды из меди; изображение Аполлона и музы на металле; бюст Папы из металла; часть ожерелья (2 красных и 1 темный сердолик, вставленные в металл); украшение нагрудное с серебряными русскими монетами XVII в. и греческими оболами (около 200 шт.); нитка с бусами из камня; нитка с кораллами (19 шт.) и алмадинами (36 шт.); нитка с сердоликами; нитка с янтарем; бусы из халцедона на проволоке; бусы из агата, амулеты; бусы из халцедона, амулеты; бусы деревянные (амулет); бусы из халцедона, агата, цветного стекла и других камней на проволоке (39 шт.), из них 2 амулета; браслет с бирюзой; павлин из меди ажурный для благовоний; 3 пороховницы из тыквы с украшениями; 10 деревянных ложек старых и новых; 2 ложки абхазские из рога; браслет серебряный с шишечками на концах; мундштук из Персии; портмоне

из перламутровой раковины; сосуд для благовоний из халцедона; нож заржавленный; наконечник копья; лук тунгусский; стрела с раздвоением, со стержнем и перьями; трость из оленьего рога (повреждена); перстень медный, найденный в 6 верстах от Дербента (приписан Искандеру); 2 браслета медных; 2 штемпеля железных кубинского Халифата; 2 части сосуда для кальяна из светлого металла; бритва текинская из Мерва; плеть текинская из Мерва; 2 части из меди и мрамора (игра?); головки собак, птиц, животных, фигурки льва, лисицы, петуха и т.д.; броши из оленьего рога; часть сосуда для кальяна, украшенного бирюзой и яхонтами в серебряной подставке; стаканчик медный с узорами и золотыми насечками; сосуд металлический маленький с островерхой крышкой; статуэтка из камня – сидящая фигура (сомнительной подлинности); бурхан в виде барана (без рога и хвоста) из глины; пороховница металлическая, украшенная серебром; пороховница маленькая; пороховница из папье-маше; старинный плат, на который прикреплены ложки; сосуд для благовоний из халцедона с темными пятнами; занавеска из материи с вышивками ручной работы (вроде парчи): 4 побольше, 3 прямые поменьше, работа – ручная гладь (поэтому ценились очень дорого); платок вышитый, старинный; покрывало тюлевое старинное (персиянки работают); изделие из серпентина и мрамора; описание развалин городов Мешед и Мессариана (письмо бывшего военного следователя Афанасьева); 2 монеты древние, зеленые от времени; 3 пуговицы стеклянные; 4 бусины; узкое зеленое горло стеклянного кувшина; 2 разбитых кувшина желтой глины; разбитый кувшин темной глины с рисунком; вазочка с ручками черной обливки; 3 чашечки желтой глины; блюдечко глиняное с черной поливой и узорами; обломки блюдечка глиняного с черной поливой и узорами; кусочки статуэток; обломок фигурки животного; грузила желтой глины с рисунком всадника; кусок глины белой с рисунком; сераль: фотография дворца персидского шаха; 3 персидских газеты; монета серебряная, дирхем времен абассидского халифа Абу Джафара эль Мансура (XIII-XV вв).

Леонова Н.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
педагогический институт,
кандидат исторических наук, доцент

ИСТОРИЯ ДЕТСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ XIX-НАЧАЛА XX В.

**(из фондов Ставропольского государственного
музея-заповедника**

им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве)

История детства как одно из направлений современной исторической науки предполагает изучение феномена детства с позиций локальной истории сообщества, развивающегося в рамках семьи или другой социальной группы на определенной территории в конкретный исторический период. Значительная часть источников по истории детства хранится в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ) [1].

Изучение детства в территориальных рамках полиэтничного, многоконфессионального и поликультурного Северного Кавказа представляет несомненный научный и практический интерес. Тем более что, как показывает анализ источников, детский цикл обычаев и обрядов занимал важное место в повседневности горских и кочевых народов Северного Кавказа. Это наглядно демонстрируют материалы фондов музея, отражающие тему детства в устном народном творчестве, традициях, обрядах, бытовой повседневности, воспитании и образовании горских и кочевых народов, а также русскоязычного населения Северного Кавказа XIX – начала XX в.

История детства означенного периода представлена фотоматериалами из фондов СГМЗ, отражающими особенности воспитания и обучения детей в семьях народов Северного Кавказа. Это было обусловлено, прежде всего, национальным и религиозным факторами. Так, целый ряд фотографий фонда «Народное образование Ставропольской губернии и края» посвящен детскому образованию XIX – начала XX в.: мы видим национальные (туркменские, ногайские или так называемые «иностранческие») школы Ставропольской губернии и церковно-приходские сельские школы [2].

Фотоматериалы фонда «Народонаселение Ставропольской (Кавказской) губернии» позволяют составить представление о детских играх, бытовой и праздничной повседневности, в том числе об участии детей народов Северного Кавказа в традиционных национальных праздниках и развлечениях: карачаевский мальчуган – продавец дров, танец мальчишек-туркмен, праздник у карачаевцев, черкесские дети, горская семья 40 лет назад, горская люлька для младенцев, карачаевская семья из аула Хасаутского, очаг в карачаевской семье, девочка-ногайка и др. [3].

История детского костюма также получила отражение в фотоматериалах этого фонда. Так, на фотоснимках, изображающих девочку-туркменку, девушек-горянок, черкесских детей, ногайскую семью, представлена национальная детская одежда, отличающаяся от взрослой только размерами, а в остальном практически полностью ее дублирующая [4].

Интересна подборка фотоматериалов фонда «Развитие здравоохранения на Ставрополье», иллюстрирующих состояние здравоохранения на Северном Кавказе в XIX – начале XX в., систему общественного призрения и учреждений по охране материнства и детства [5].

В документальных материалах получили отражение вопросы детского патронажа и ухода за грудными детьми, а также меры по профилактике детских заболеваний, таких как дифтерия, конъюнктивит и другие. Так, вопрос о степени распространенности трахомы и конъюнктивита среди школьников начальных школ Александровского врачебного участка Ставропольской губернии получил отражение в отчете врача Е.И. Криста за 1906 г. [6].

Кроме фотоматериалов фонды СГМЗ богаты уникальными работами историков-краеведов того времени И. Бентковского и С. Фарфоровского, в которых в контексте истории и этногенеза ногайцев Ставропольской губернии, а также историко-этнографического описания их соседей – горских народов Северного Кавказа, даны ценнейшие сведения по истории детства.

В работе Фарфоровского, посвященной природно-климатическим и культурно-хозяйственным особенностям степной зоны Ставропольской губернии, дается описание гендерных и религиозных особенностей воспитания и социализации, в том числе системы наказаний детей кочевых народов Северного Кавказа [7].

Бентковский был членом Ставропольского статистического комитета, который с 1868 г. издавал сборники сведений о Ставропольской губернии. Во 2-м выпуске, вышедшем в 1869 г., в статье «Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии» в контексте общей характеристики этой малой группы автор описал места расселения,

религиозные и бытовые особенности, указал численность, а также рассмотрел вопросы воспитания детей [8].

В библиотеке СГМЗ можно познакомиться с сочинением Иоганна Бларамберга, иностранца, находившегося на русской службе на Кавказе. Он собирал историко-этнографические материалы о населении Северного Кавказа. Рукопись Бларамберга И. была завершена в 1834 г. и затем хранилась в архиве. Изучение этого труда стало возможным только в конце 1980-х гг., когда текст был переведен с французского на русский язык историком-кавказоведом И. М. Назаровой. Во введении к этому сочинению Назарова отметила ценный фактический материал, содержащийся в работе, но подчеркнула его субъективный характер, наличие тенденциозных оценок и характеристик [9]. Труд Бларамберга можно рассматривать как исторический источник, содержащий, помимо этнографического описания, материалы об особенностях воспитания, обучения и в целом отношения к детям и детству у народов Северного Кавказа – черкесов, карачаевцев, ингушей, кумыков и др.

Таким образом, даже ограниченный временными рамками XIX - начала XX в. фрагментарный анализ отражения темы детства в фондах СГМЗ позволяет сделать вывод о наличии в нем разноплановых по тематике, исторической периодизации, уникальных по содержанию, разнообразных по видам исторических источников, дающих возможность исследовать историю детства и как самостоятельное научное направление и в контексте региональной истории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Деревенские дети России XIX – начала XX века: Северный Кавказ, Кубань и Ставрополье». Ч. II. / Сост. Пономарев Е.Г., Леонова Н.А., Карагодин Е.В., Овчаренко Т.С., Атарщикова Е.Н., и др. Ставрополь: СГПИ, 2009.
2. СМГЗ. Ф. 85, 54.
3. Там же. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 57, 56.
4. Там же. Ед. хр. 56, 27, 8.
5. Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 30, 9.
6. Там же. Ед. хр. 9. Л. 1-4.
7. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии (историко-этнографический очерк). Тифлис, 1909 // СМГЗ. Ф. 54. Ед. хр. 23. Л. 11, 12 об., 15-15 об., 16.

8. Бентковский И.В. Ногайцы. Краткое показание о соседствующих народах // Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809 // СМГЗ. Ф. 54. Ед. хр. 23. Л. 25.
9. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского языка, введение и комментарии И.М. Назаровой). М., 2005. С. 136, 154-155, 157-158, 179-181.

Лысанская О.Л.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
научный сотрудник отдела фондов

РАБОТЫ К.Г. КАЗАНЧАНА В КОЛЛЕКЦИИ «ЖИВОПИСЬ» СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Корюн Геворкович Казанчан – заслуженный художник РСФСР (1969 г.), творчество которого занимает достойное место в истории художественной жизни отечественного искусства 2-й пол. XX в. Его картины хранятся в Ставропольском краевом музее изобразительных искусств, Удмуртском республиканском краеведческом музее, Тверской областной картинной галерее, Смоленском государственном музее-заповеднике, Куйбышевском краеведческом музее, Краснодарском художественном училище и в других галереях страны.

С 1961 г. работы К.Г. Казанчана поступают в фонды Ставропольского краеведческого музея, а в 1962 г. картина «Раздолье» была передана в только что открытый Краевой музей изобразительных искусств (г. Ставрополь). Портрет художника-пейзажиста П.М. Гречишкина работы Казанчана [1] находится на постоянном экспонировании в Картинной галерее пейзажей Гречишкина.

На сегодняшний день в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Прозрителева и Г. Пправе (СГМЗ) в коллекции «Живопись» насчитывается 15 его работ, 7 из которых – живопись, 8 – графика.

Корюн Геворкович родился 16 января 1920 г. в Краснодаре. В 1929 г. семья переехала в Пятигорск, где в 1940 г. он окончил Пятигорскую сш № 11.

В 1941-1942 гг. он работал художником-бригадиром в Краевом художественном комбинате, выпускавшем агитплакаты по авторским эскизам Казанчана по образцам московских «Окон ТАСС». В январе 1943 г. он ушел на фронт, прошел с армией Первого Белорусского фронта боевой путь от Кавказа до Берлина. В 1945 г. Казанчан был награжден медалями «За победу над Германией», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы». В мае 1946 г. он демобилизовался и вернулся в Пятигорск.

В 1946-1948 гг. он работал в товариществе «Художник» в Пятигорске. С 1947 г. стал активным участником краевых художественных выставок.

В 1986 г. Казанчан передал на постоянное хранение в фонды СГМЗ фронтовые рисунки, созданные им в 1944-45 гг. карандашом и акварелью. Изучив дневники Казанчана за 1945 г., понимаешь, что героями этих рисунков стали люди, к которым художник испытывал особое чувство уважения.

В текстах дневников подробно описываются его чувства к жене, Зое Семеновне, его преданность ей, а также отношение к людям, которые, находясь вдали от дома и родных, хранят им верность, чем вызывают уважение автора.

Картины Казанчана можно разделить на три группы:

1. Карандашные рисунки: «Свободная минутка», «На посту», «Санинструктор», выполнены в ноябре 1944 г. Они рассказывают о фронтовых буднях девушки-санинструктора. Возможно, это Аня Труфанова, о которой К.Г. Казанчан упоминает в своих дневниках. Сюжет рисунка «Свободная минутка» – девушка читает книгу, на ней шинель и пилотка. Благодаря детальной прорисовке наклона головы и туловища передается ее увлеченность чтением.

Женщина-воин, решительно сжимающая ремень винтовки, не просто смотрит вправо, она вглядывается в сторону, откуда может прийти враг – сюжет зарисовки «На посту».

Рисунок «Санинструктор» отличается от первых двух своим ракурсом: девушка сидит к нам спиной, явно над чем-то склонившись, возможно, ей пришло письмо из дома, которое ей хочется прочитать в уединении.

2-я группа рисунков: «Портрет военного врача Шермана», «Шофер автороты

Кулаев», «Солдат», подписана декабрем 1944 г.

В рисунке «Солдат» детально прорисована зимняя одежда советского солдата – часового батальона авиационного обеспечения. В это время, в соответствии с дневником, Казанчан был назначен ответственным за часовые посты. Первое, на что обращаешь внимание, это «буденовка» – головной убор, не характерный для военной формы 1944 г., так как официально он был заменен уже к 1942 г. на пилотку и шапку-ушанку, но, видимо, продолжал использоваться бойцами.

Две графические работы «Селец» и «Портрет Алазаева» выполнены Казанчаном 4 и 7 января 1945 г. во время его пребывания в военном госпитале.

На большинстве зарисовок есть надпись «Селец», предположительно, указывающая на место их создания. Можно предположить, что ссылка дается на Селец (волость Лесневице Люблинского воеводства), находящийся недалеко от границы с Белоруссией. На рисунке изображена дорога, по обе стороны от которой стоят деревянные домики, имеющие заброшенный вид. В своих записях военной поры Корюн Геворкович не раз описывает польские деревеньки, заселенные немцами и оставленные ими с приходом Советской армии.

Работы военных лет подписаны «Н. Казанчан», так как на фронте Корюн Геворкович представлялся Николаем.

В 1951 г. Корюн Геворкович окончил с отличием Краснодарское художественно-педагогическое училище и возвратился на Ставрополье. В 1953 г. он был принят в члены Союза художников СССР.

В 1953 г. Казанчана направляют в Дом творчества «Академическая дача имени И. Е. Репина» (Тверская область) для повышения мастерства. Там он прошел хорошую школу профессионального совершенствования, его работы становятся ярче, богаче, разнообразнее. Благодаря этим поездкам он навсегда сохранил свою приверженность реалистическим традициям и считал, что только верность природе подарит бесчисленное множество тем и сюжетов для живописи. Несколько раз Корюн Геворкович становился руководителем «Академической дачи».

В 1950-е гг. по инициативе Казанчана краевое правление Союза художников было переведено из Кисловодска в Ставрополь, стали строить мастерские для художников.

В 1960 – 1964 гг. Казанчан был председателем Правления Ставропольской организации Союза художников; в 1962 – 1974 гг. – он член зонального выставкома «Советский Юг»; с 1968 по 1977 г. – член Правления Союза художников СССР; с 1968 по 1982 г. – член Правления Союза художников РСФСР; в 1971 – 1973 гг. – председатель Правления Ставропольской организации Союза художников РСФСР [2].

Определяющим в его творчестве являются тематические картины. В этом сказывалось требование времени. К созданию больших полотен Казанчан подходил очень ответственно. Прежде чем приступить к основной работе, художник делал многочисленные этюды, эскизы, зарисовки. Месяцами и даже годами он мог искать наиболее приемлемые варианты композиции.

В 1965 г. Казанчан создал ряд портретов выдающихся тружеников. Во всех портретах присутствуют пейзажи, к которым художник относился внимательно, прорисовывая каждую деталь. Эти работы трудно назвать только портретами, это картины, где его герои продолжают жить в привычном для них мире и переносят туда же зрителя.

В фондах СГМЗ хранится работа К.Г. Казанчана «Портрет старейшего чабана В.Д. Мальцева». Картина была написана в 1965 г. [3].

Василий Дмитриевич Мальцев – работник колхоза им. Сараева Петровского района Ставропольского края – в июле 1952 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

На первом плане изображен мужчина, он парадно одет. Художник хорошо передал настроение портретируемого: это спокойный, уверенный человек, имеющий богатый жизненный опыт.

Портрет старейшего чабана В.Д. Мальцева

Холст, масло. 180 x 115 см.

На протяжении многих лет художник не раз обращался к образу женщины. Героини полотен Казанчана всегда красивы, что бы они ни делали: работали, смеялись, мечтали.

«Портрет доярки А.И. Черновой» был написан Казанчаном в 1966 г. [4]. Это очень светлая и жизнерадостная работа. На полотне изображена молодая женщина в белом халате – Александра Ивановна Чернова, передовая доярка колхоза им. Сараяева Петровского района Ставропольского края.

Портрет доярки А.И. Черновой

Холст, масло. 180 x 109 см.

Обе картины были переданы в музей-заповедник с краевой выставки «Наш современник» в 1966 г.

К 100-летию В.И. Ленина (Ульянова) в 1970 г. Казанчан, выполняя госзаказы, создал ряд работ, посвященных вождю пролетариата. В ходе работы над Ленинианой художник изучал биографию Владимира Ильича, архивные материалы, его прижизненные фотопортреты и записи кинохроники с выступлениями Ленина. Один из портретов Ленинианы Казанчана хранится в фондах СГМЗ с 1994 г. Он передан администрацией города в связи с принятием решения о ликвидации в административных учреждениях знаков и символов коммунистической идеологии. На данном портрете

Ленин стоит во весь рост, в пальто нараспашку, в кепке, на груди закреплен алый бант – символ революции [5].

С 1982 г. в фондах СГМЗ хранится портрет кисти Казанчана «Отличник милиции старшина Шаптин». В данном полотне очень интересно решен фон – это урбанистический пейзаж, на котором изображено пересечение улиц Доваторцев и Южный обход (сегодня это круг напротив Южной автостанции), пост ГАИ на выезде из города в сторону села Татарка; видна стела с орденом Октябрьской Революции, установленная в г. Ставрополе в конце 1970-х гг. [6].

К 40-летию Великой Победы К.Г. Казанчан написал 2 тематические картины «Память» и «Это не должно повториться», последняя хранится в фондах СГМЗ. Картина «Это не должно повториться» [7] написана в темных тонах.

На переднем плане изображена женщина, сидящая у разрушенной печи; на заднем плане видны обугленные деревья, стена от разрушенного дома, спинка от сломанной кровати и несколько женщин, собирающих что-то среди развалин дома. Эта картина – призыв художника: «Не допустите новой войны!». Картина была передана в музей краевым Управлением культуры в мае 1985 г.

Корюн Геворкович объездил все Ставрополье, он чувствовал и любил суровую красоту степных просторов. Картина «Ставропольские отары» хранится в фондах СГМЗ [8]. Перед нами открывается вид на ставропольские степи. Полотно выполнено в холодных тонах, но, несмотря на тяжелые тучи, плывущие по небу, картина создает у зрителей абсолютно безмятежное настроение.

По рекомендации выставочного комитета эта картина была приобретена Ставропольским краеведческим музеем в декабре 1960 г. на 10-й художественной выставке.

Ставропольские отары

Холст, масло. 112 x 201 см.

В 1981 г. Корюн Геворкович Казанчан был награжден орденом Дружбы народов. Сейчас его работы не только являются образцами художественного творчества, но и историческими документами: на них запечатлен определенный «срез истории» нашей страны, которая создавалась не только мечтой, но реальной тяжелой работой всего народа. Тема Ставрополя красной нитью проходит через все творчество Казанчана.

К.Г. Казанчан умер 9 августа 1991 г. в поселке Серебряники Вышневолоцкого района Тверской области.

В коллекции СГМЗ «Живопись» есть еще одна работа, имеющая подпись «Казанчан», но она выполнена Зоей Семеновной, женой Корюна Геворковича, которая на протяжении всей их совместной жизни была неотступно рядом с мужем. Увлеченная его творчеством, она тоже становится художником, в 1970 г. ее приняли в члены Союза художников СССР.

Натюрморт «Красная и черная рябина» был написан ею в 1982 г. Картина вызывает множество воспоминаний о золотой осени. Холодный колорит фона картины оттеняет яркость осенних ягод. Это полотно было передано в СГМЗ краевым Управлением культуры в мае 1985 г. [9].

Красная и черная рябина

Холст, масло. 79x100 см.

Таким образом, в фондах СГМЗ сложилась хорошая коллекция картин нашего земляка, известного ставропольского художника Корюна Геворковича Казанчана, который своей кистью запечатлел эпохи развития нашего государства и края. Его графический цикл – зарисовки военной поры – можно использовать не только при создании музейных экспозиций, но и как материал для исторических исследований. На

его живописных полотнах мы видим и пейзажи родного Ставрополя, и лица людей, которые своим трудом преображали нашу землю. Благодаря мастерству художника все это было зафиксировано им и осталось как память для будущих поколений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. Оф. 28967; Свет, который не гаснет: каталог. Ставрополь, 1975.
2. Климашкина Е. Ю. (Любушкина) Родился Корюн Геворкович Казанчан // Ставропольский хронограф на 2010 г. Ставрополь, 2010. С. 27-31; Каталог выставки произведений к 60-летию со дня рождения К.Г. Казанчана. Ставрополь, 1980.
3. СГМЗ. Оф. 14851; Казанчан К.Г. Живопись: каталог выставки. М., 1983.
4. СГМЗ. Оф. 14852; К 75-летию юбилейной краевой выставки «Прошлое. Настоящее. Будущее»: Каталог. Ставрополь, 2013.
5. СГМЗ. Оф. 28613.
6. СГМЗ. Оф. 22116; Маленькие заметки // Метапоэтика: Сб. ст. Вып. 2. Ч. 1. Ставрополь, 2010.
7. СГМЗ. Оф. 23699; Штайн К.Э., Петренко Д.И. Люди на все времена. Ставрополь, 2014.
8. СГМЗ. Оф. 13629.
9. Там же. Оф. 22142.

Нафталиева О.М.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заместитель главного хранителя

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ (1969-1997 ГГ.)

В 1969 г. писатель Ксения Ивановна Пронская (1912-1998 гг.) и художник Александр Афанасьевич Новиков при поддержке писательской организации Ставрополя и городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) выступили с предложением о создании в г. Ставрополе мемориального музея основоположника осетинской литературы, поэта Коста Левановича Хетагурова (1859-1906 гг.).

Идея возникла в связи с празднованием 110-летия со дня рождения поэта, который учился в Ставропольской мужской классической гимназии и проживал некоторое время в Ставрополе. Начались поиски помещения и экспонатов для будущего музея [1].

А. А. Новиков выступил с предложением использовать для этих целей дом художника-академиста Василия Ивановича Смирнова (1848-1922 гг.), у которого Коста Хетагуров снимал комнату. Дом был выкуплен у наследников в 1971 г. [2]. На здании была установлена мемориальная доска о проживании в нем К. Л. Хетагурова. В 1972 г. здание было передано на баланс городского Парка культуры и отдыха им. Ленинского комсомола.

Сбор экспонатов начали с поездки в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). ВООПИК были командированы: А. А. Новиков, К. И. Пронская, Г. М. Бригневич. В Ставрополь привезли первые экспонаты, аутентичные времени жизни К. Л. Хетагурова, подаренные музеями Осетии и полученные от населения. К. И. Пронская в рабочей документации музея писала: «Оргсовет музея установил связи со всеми республиками Северного Кавказа: обкомы КПСС и Советы министров автономных республик Северного Кавказа отнеслись к идее создания межнационального литературного музея с огромной заинтересованностью и ответственностью. В респу-

бликах были созданы специальные комиссии по сбору экспонатов и оказанию помощи в организации музея». Собранные предметы были приняты И. Е. Каменской на временное хранение в недавно созданный музей Истории комсомола, так как Литературный музей еще не имел юридического статуса [3].

Узаконить положение музея как мемориального Министерство культуры РСФСР отказалось в связи с тем, что такой музей уже был создан на родине поэта, в Северной Осетии. Было внесено предложение – создать в Ставрополе Литературный музей с мемориальным комплексом К. Л. Хетагурова. Заручившись поддержкой Союза писателей РСФСР, инициативная группа получила разрешение на создание музея такого профиля в г. Ставрополе.

В связи с принятым решением Краевое управление культуры выделило одну ставку научного сотрудника. Помещение для работы и хранения экспонатов было предоставлено Музеем изобразительных искусств – директором Н. А. Киракозовой. В октябре 1974 г. музей не только получил статус «народного», но и смог наконец-то законно разместить свои коллекции в купленном доме.

Был создан общественный музейный совет. В него вошли: К. И. Пронская – председатель, А.А. Новиков, В. И. Курчев, Г. М. Бригневич, Н. А. Киракозова, И. Е. Каменская, З. К. Гусов, О. В. Беневская, В. А. Поскряков, Н. М. Попова (научный сотрудник Литературного музея) [4]. Началась планомерная работа по дальнейшему сбору экспонатов, приобретению музейного оборудования и подготовке к открытию музея. Одновременно велись работы на общественных началах по реконструкции дома, сада и других построек на территории усадьбы.

В 1976 г. 1-й секретарь Ставропольского горкома КПСС В. А. Казначеев ходатайствовал перед Министром культуры РСФСР Ю. А. Мелентьевым об открытии в Ставрополе Государственного литературного музея Северного Кавказа с мемориальным комплексом К. Л. Хетагурова. Данный вопрос был отклонен.

В ноябре 1977 г. Литературный народный музей г. Ставрополя открылся для посетителей выставкой произведений художника-академиста В. И. Смирнова (одно из первых ценных приобретений музея) и экспонатов из фонда К. Л. Хетагурова. Директором музея на общественных началах была назначена К. И. Пронская (1977-1978 гг.).

Лишь в 1979 г. музей получил статус государственного и был преобразован в филиал Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея имени Г. К. Праве [5].

В 1979-1987 гг. филиал вел активную выставочную деятельность. Работали

выставки, посвященные: литературной и общественной деятельности К. Л. Хетагурова во время его пребывания в Ставрополе; культурной жизни Северной Осетии «Коста и современность»; 60-летию образования СССР – «В семье единой»; страницам истории советской журналистики Ставрополья – «Время газетной строкой»; 70-летию со дня рождения В. И. Туренской и т. д.

В музее проводились тематические литературно-музыкальные вечера, детские утренники и встречи с поэтами, писателями, художниками, артистами. Экспозиционная деятельность музея была нацелена на показ кавказского периода творчества А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, декабристов, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. В концепции развития филиала было указано: «Музей призван наглядно представить великие завоевания культуры советского народа, которые за исторически короткий срок смогли привести народы (даже не имевшие до революции своей письменности, как народы Карачаево-Черкесии) к расцвету национальных культур» [6].

В это время сотрудники Литературного музея под началом главного музея проводили работу по постановке предметов на 1-ю ступень учета, приводили в порядок документацию.

В 1981 г. здание музея было поставлено на государственный учет и охрану как памятник истории и культуры регионального значения [7].

В дальнейшем реалии времени привели к переменам в экспозиционно-выставочной работе филиала. Остро встал вопрос невыполнения годового плана посещаемости. В 1981-1997 гг. Литературный музей принял 174 тыс. человек. Пик посещаемости приходился на 1986 г. – 20218 человек, наименьшее число посетителей филиала 1996 г. – 1500 человек [8]. При разработке новой концепции филиала обратили более пристальное внимание на историю самой усадьбы и ее жителей, тем более что в обществе возрос интерес к истории повседневности.

История здания музея такова. Дом был приобретен Смирновыми в 1891 г. Одноэтажное здание с цокольным этажом постройки 1851 г. неизвестного архитектора располагалось на ул. Александровская, 16 (ныне ул. Дзержинского, 105). На усадебном участке находился флигель и каменный сарай, в глубине фруктового сада сохранился колодец. До этого усадьба принадлежала Виктору Ивановичу Волкову (1826-1891 гг.).

Известная в городе «Фотография Волкова» помещалась в этом же доме и занимала большую комнату, так называемую стеклянную галерею, выходившую окнами в сад. После кончины Волкова его жена Екатерина Николаевна (1841-1911 гг.) про-

дала дом В. И. Смирнову, а сама поселилась во флигеле, где и прожила до конца своих дней. Семья Смирновых – большая и дружная – наполнила дом звуками детского смеха, музыки и песен. По вечерам собирался постоянный круг знакомых. Гости много говорили о проблемах культуры, о талантах, обсуждали художественные выставки, новые спектакли. Часто после бесед звучала музыка или устраивались литературные чтения.

Руководствуясь всем этим, методический совет музея в 1988 г. утвердил новую концепцию развития филиала «Литературный музей». Она заключалась в показе историко-культурной обстановки города Ставрополя конца XIX в. через рассмотрение интерьера музея как жилого дома художника-академиста В. И. Смирнова, преподавателя Ставропольской мужской классической гимназии, с сохранением мемориального комплекса К. Л. Хетагурова [9].

Воплощение задуманного было прервано на несколько лет в связи с проведением внеплановых ремонтных работ. В 1989-1993 гг. филиал работал в ограниченном режиме. 25 мая 1993 г. Литературный музей открылся обновленной экспозицией «Страницы истории и культуры города Ставрополя».

В 1998 г. Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе был реорганизован. Литературный музей вошел в состав музея как филиал – «Музей-усадьба художника-академиста В. И. Смирнова с мемориалом К. Л. Хетагурова» [10]. Комплектование фондов было завершено.

К этому времени было собрано 7485 единиц хранения, которые вошли в состав фондов головного музея с добавлением литеры «лмс». Основная часть коллекций – это документальный фонд, который можно тематически разделить на коллекции: «Книги», «Газеты и журналы» (дореволюционные и советские издания); материалы о жизни писателей и поэтов Северного Кавказа [Ф. А. Абдулжалилов, С. П. Бабаевский, Л. А. Бекизова, А. Т. Губин, С. С. Дроздов, А.Е. Екимцев, Х. Д. Жиров, Э. М. Капиев, И. В. Кашпуров, П. П. Мелибиев, С.В. Михалков, А. Н. Охтов, В. И. Туренская, К. Г. Черный, И. В. Чумак, Г. И. Шилин]; музыкальных деятелей [В. Д. Беневский, Б. В. Боголепов, А. А. Кошиц, К. К. Пигров]; художников [В. П. Васин, В. И. Смирнов].

Наиболее ценные предметы: 210 живописных и графических работ художника-академиста В. И. Смирнова; подлинные предметы быта из дома Смирновых; творческие работы К. Л. Хетагурова – этюд «Терек» и две бархатные газетницы с рисунками маслом.

Особый интерес представляет документальный фонд композитора, педагога, хорового дирижера В. Д. Беневского. Подлинные ноты, афиши и программы концертов, семейные и концертные фотографии дают представление о музыкальной жизни города конца XIX - начала XX в.

Архивы писателей представлены книгами с дарственными надписями, рукописями, личными документами, подлинными и копийными фотографиями. Вещевые коллекции писателей – наградами (ордена, медали), письменными принадлежностями (ручки, карандаши, письменные приборы), сувенирами (статуэтки, тюбетейка, шкатулки), личными вещами (карманные часы, очки); мебелью (столы, стулья, этажерки из рабочих кабинетов).

В наши дни фонды бывшего Литературного музея востребованы и активно используются в работе музея-заповедника.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. СГМЗ. Ф. 2. Ед. Хр. 134.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. Ед. Хр. 412.
8. Там же. Ед. Хр. 134.
9. Там же.
10. Там же. Ед. Хр. 412

Новиков П.В.,

г. Краснодар,
Краснодарский государственный
музей-заповедник,
научный сотрудник

**НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ
ПОСЛЕДНЕГО
ПРЕДВОДИТЕЛЯ
ДВОРЯНСТВА
СТАВРОПОЛЬСКОЙ
ГУБЕРНИИ С.П. БУРСАКА
(из фондов Краснодарского
государственного музея-заповедника)**

В фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (КГИАМЗ) в числе других снимков дореволюционного времени хранится фотография неизвестного офицера (см. илл.). Когда и при каких обстоятельствах она поступила, неизвестно, а из документов ясно только, что относится она еще к периоду существования Кубанского войскового музея. В описании сказано: «Фото черно-белое на паспарту (32,5 x 23,5см). Одиночное. Поколенное. Обер-офицер. Запечатлен молодой мужчина с усами, в белом мундире. На груди перевязь. В руке каска с двуглавым орлом на вершине. Другой рукой держится за эфес сабли. В нижнем правом углу паспарту фирменный штамп на французском языке фотоателье фон Гана. На обороте паспарту, в центре, типографским способом надпись по-русски: «Фотографъ Двора Его Величества К.Е. фонъ Ганъ и К°. Царское Село» [1].

Судя по трем звездочкам на эполетах, на фото изображен поручик в зимней парадной форме для пешего строя (без кирасы) одного из четырех кирасирских полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, о чем свидетельствуют белый колет, кирасирская каска с двуглавым орлом и палаш, на который он опирается. Так как у офицера на эполетах вензель с инициалами императора Николая II, а на конце галунной петлицы воротника пришита серебряная пуговица (из четырех полков полагалась только одному), то можно утверждать, что это поручик эскадрона «Его

Величества Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка» периода правления Николая II [2].

За весь период истории фотографии с самого начала изобретения и до 1917 г. звания «фотограф Двора Его Величества» удостоились всего 5 российских фотографов, в том числе и фирма «К.Е. фонъ Ганъ и К^о», находившаяся в Царском Селе, где, кстати, был расквартирован и Лейб-Гвардии Кирасирский Его Величества полк. Нижней хронологической границей датировки снимка будет 1899 г., так как именно в этом году фирма получила статус поставщика Высочайшего Двора [3].

В элитные привилегированные полки 1-й гвардейской кавалерийской дивизии офицерами поступали в основном молодые люди, окончившие Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, которое неофициально называлось Славной Гвардейской Школой [4]. Отсутствие у поручика нагрудного знака об окончании этого училища указывало на то, что возможно, фото сделано до утверждения этого знака 23 июня 1909 г. [5]. Кирасирский офицерский палаш обр. 1826 г. был оставлен с 1881 г. гвардейским кирасирским полкам для парадной формы, а с 1909 г. на верхней втулке рукояти палаша вытравлялся или гравировался вензель Императора, при котором владельцем оружия получен первый офицерский чин. При увеличении снимка видно, что на втулке нет императорского вензеля, и, таким образом, можно утверждать, что фотография сделана не ранее 1899 г. и не позднее 1909 г. [6].

Так как фотография находилась в экспозиции Кубанского войскового музея, то, скорее всего, на ней изображен известный на Кубани человек. Таким как раз и был Сергей Павлович Бурсак (1882-1918 гг.) – последний Кубанский предводитель дворянства и единственный представитель Кубанского казачьего войска, служивший в Лейб-Гвардии Кирасирском Его Величества полку в период с 1899 по 1909 г.

Сергей Павлович Бурсак, правнук войскового атамана Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсака, родился 8 января 1882 г. в семье подполковника Кубанского казачьего войска Павла Павловича Бурсака и Елизаветы Алексеевны Гамбурцевой, дочери действительного статского советника. Кроме Сергея в семье было еще двое детей – сестра Надежда, в замужестве баронесса Штейнгель, и младший брат Константин [7].

В 1901 г. после учебы в Кубанском Александровском реальном училище С.П. Бурсак поступил в Николаевское кавалерийское училище и по окончании полного курса по I разряду в 1903 г. был произведен в корнеты Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка, с зачислением во 2-й эскадрон. В 1904 г. он был переведен в эскадрон Его Величества, во время службы в котором 6 августа 1907 г. произведен в

поручики. Высочайшим приказом 5 августа 1911 г. С.П. Бурсак был уволен в отставку штабс-ротмистром, с определением в Государственную канцелярию и пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества.

За время пребывания в полку Сергей Павлович дважды, в 1904 и 1909 гг., временно командовал эскадроном Его Величества. Судя по всему, он пользовался уважением и любовью однополчан, о чем свидетельствует довольно необычный документ из архивного дела – меню прощального обеда в полковом офицерском собрании после выхода в отставку, на котором стоят автографы всех офицеров полка [8].

В самом начале 1913 г. Сергей Павлович был избран губернским предводителем дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской казачьих областей. На этом новом гражданском поприще, будучи одним из самых молодых губернских предводителей дворянства в Российской империи, да еще, можно сказать, сразу трех губерний, он довольно успешно исполнял свои обязанности, о чем свидетельствует пожалование ему 23 июня 1914 г. ордена Св. Анны 2-й ст.

11 ноября 1913 г. С.П. Бурсак женился на подданной Великобритании Кире Альбертовне Юз (Хьюз), представительнице известной династии богатых предпринимателей, внучке основателя Донецка (Юзовки). Венчание проходило в Александро-Невском соборе Ялты, а поручителями со стороны жениха были его родной брат К.П. Бурсак и сотник Собственного Его Императорского Величества Конвоя Е.Д. Шкуропатский. 7 августа 1914 г. в Ставрополе в семье Бурсаков родился сын Владимир, а позже дочь Наталья [9].

Во время Первой мировой войны Сергей Павлович занимался сначала вопросами мобилизации, а затем сбором пожертвований и организацией госпиталей для раненых. В феврале 1915 г. он был награжден бронзовой медалью «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» на темно-синей ленте ордена Белого Орла [10].

После Февральской революции С.П. Бурсак был вынужден оставить свой пост, и дальнейшая его судьба сложилась весьма трагически. В одном из источников сказано, что он был расстрелян по приказу Ставропольской ЧК в 1920 г., но эта информация неверна [11]. В Государственном архиве Ставропольского края в одном из документов зафиксировано сообщение дворянской опеки вдове К.А. Бурсак от января 1919 г. о том, что приняты меры по охране имущества и приведения его после большевистского разгрома в наличность для вступления в наследство. Следовательно, Сергей Павлович погиб раньше, еще в 1918 г. [12].

Первым предположением было то, что он находился среди представителей высшей аристократии и военных, замученных 18(31) октября 1918 г. в Пятигорске. Тогда карательным отрядом во главе с «героем Гражданской войны» Г.А. Атарбековым были зверски убиты 75 человек, в том числе 25 генералов. Но имени Бурсака в списке не было, и, как удалось выяснить, он погиб еще весной 1918 г. [13].

За день до сдачи Екатеринодара большевикам в феврале 1918 г. Бурсак вместе с командиром Черкесского полка Дикой дивизии полковником Султаном Крым-Гиреем, командиром 17-го Донского полка полковником Д.В. Маркозовым и известным екатеринодарским адвокатом присяжным поверенным В.В. Канатовым направился в горы, возможно, с целью дальнейшего присоединения к отряду Корнилова, в котором находился его товарищ по Лейб-Гвардии Кирасирскому полку – ротмистр Шапрон дю Ларрэ, служивший адъютантом у генерала М.В. Алексева. В начале марта 1918 г. они были захвачены большевиками в районе а. Габукай (в 50 км от Екатеринодара) и после многочисленных издевательств зверски убиты. В деле № 15 Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, указано, что они были зарублены и заколоты штыками, а затем еще полуживыми сброшены в яму и засыпаны землей [14].

Снимок следует датировать 1907 г., так как он был сделан, скорее всего, по случаю производства в очередной чин. По воспоминаниям бывших гвардейцев, в мирное время каждый офицер производился в следующий чин каждые 4 года. Производство это обычно было 6 декабря, в день Ангела Николая II (этим объясняется, почему поручик С.П. Бурсак в зимней парадной форме), причем в Высочайшем приказе указывалось, что производится он со старшинством с 6 августа того же года, то есть с того же дня, когда был произведен в офицеры [15].

Фотография поступила в фонды Кубанского войскового музея, скорее всего, в 1913 г., уже после избрания С.П. Бурсака губернским предводителем дворянства, или в 1919 г. из Канцелярии военного ведомства, где по приказу генерал-майора Орлова собирались экспонаты, посвященные Гражданской войне и известным кубанцам, погибшим во время борьбы с большевиками [16].

В настоящее время в КГИАМЗ создана новая экспозиция, посвященная возвращенным из США регалиям Кубанского казачьего войска. Так как коллекция регалий сильно пострадала во время Второй мировой войны, было принято решение к предметам коллекции добавить вещи из фондов музея, подходящие по тематике и являющиеся реликвиями кубанского казачества. В одной из витрин выставлены

парадные каска и кираса одного из полков Гвардейской Кирасирской дивизии. Предметы поступили в музей еще в 1909 г. из частной коллекции предпринимателей И.И. и И.К. Мазаевых.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. КГИАМЗ. Научный архив. Акт 1575, 1976 г. Инв. книга № 7. Ф. 2536. Л. 78, 79. Инв. № КМ-4266/115.
2. Шенк В. К. Правила ношения формы одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами Военного ведомства. СПб., 1910. С. 141-142; Шенк В. К. Таблицы форм обмундирования Русской Армии. СПб., 1910, 4-я таблица; Дерябин А. И. Первая мировая война 1914-1918. Кавалерия Российской Императорской гвардии. М., 2000. С. 26.
3. Попов А.П. Из истории российской фотографии. М., 2010. С. 164, 166; Кузнецов А.А. Энциклопедия русских наград. М., 2002. С. 269.
4. Трубецкой В.С. Записки кирасира. Воспоминания // Наше наследие. М., 1991. № 2. С. 58, 82-84; Марков А. Кадеты и юнкера. М., 2007. С. 92-94, 131-133.
5. Андоленко С.П. Нагрудные знаки русской армии. Париж, 1966. С. 48.
6. Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 269.
7. ГАКК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 12, 13.
8. Там же. Л. 6-8, 38.
9. Там же. Л. 23, 27, 31, 35.
10. Там же. Л. 37.
11. Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 85.
12. ГАСК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 715. Л. 1; Чинаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в кон. XIX - нач. XX в. Армавир, 2005. С. 66.
13. Калюжный Г. Панихида по убиенным за Отечество // Литературная Россия. 1991, № 43. С. 19.
14. Филимонов А.П. Кубанцы. Кубанские казаки и государственный

переворот 1917 г. // URL: www.magister.msk.ru/library/revolt/filia001.htm; Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России // URL: www.dk1868.ru/history/Krasterror.htm; Кубанский край. Екатеринодар, 1910. № 215.

15. Каменский В.А. Императорская гвардия. Бытовые картинки мирного времени // Военная быль. Париж, 1972. № 118. С. 44.
16. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 579. Л. 1.

**Портрет поручика эскадрона Е.И.В. Лейб-Гвардии
Кирасирского полка Сергея Павловича Бурсака.
Царское Село, 6 декабря 1907 г.**

Новрузова Е.Л.,

г. Михайловск,
Михайловский историко-краеведческий
музей им. Н.Г. Завгороднего,
экскурсовод

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ГРАФИКИ И ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКА В. М. КОПЫЛОВА В СОБРАНИИ МИХАЙЛОВСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Муниципальное казенное учреждение культуры Михайловский городской историко-краеведческий музей им. Н.Г. Завгороднего был зарегистрирован как юридическое лицо Приказом № 81 от 30 января 2015 г. Данная организация в качестве «настоящего» музея только начинает свое становление.

Николай Георгиевич Завгородний, местный житель-энтузиаст, учитель географии по образованию, проработавший всю жизнь в должности электромеханика в геологоразведочном бурении на Ставрополье, собирался создать первоначально «Уголок Памяти», чтобы люди, помнящие об историческом прошлом с. Михайловского, могли поделиться своими старыми фотографиями, воспоминаниями и уцелевшими предметами быта, которыми пользовались еще их предки.

7 ноября 1976 г. в с. Шпаковском была показана первая музейная экспозиция. И только спустя 8 лет, 2 ноября 1984 г., музей получил отдельное помещение. В 1999 г. с. Шпаковское получило статус города и было переименовано в Михайловск, музею им. Н.Г. Завгороднего было выделено новое 2-этажное здание в центре города и постепенно о музее стало узнавать все больше и больше людей [1].

Местный художник Владимир Максимович Копылов был лично знаком с основателем музея Н.Г. Завгородним. Они сотрудничали и дружили всю жизнь. Копылов всегда интересовался историей родного края. В его работах, которых бо-

лее 3000, отражены и радость труда, и теплые краски родной земли, и главное ее богатство – люди. В начале 2000-х гг. Владимир Максимович передал в музей 310 своих работ. Через 2 года после смерти художника, 12 марта 2014 г., его родственница Марина Копылова отдала в музей еще 187 картин. Так в музее появилась первая самая большая коллекция живописных и графических работ.

К 85-летию художника сотрудники музея запланировали выпустить каталог работ В.М. Копылова. Для популяризации данной коллекции будут проведены выставки картин. На данный момент главной задачей, которую удалось решить, стало определение тематических групп картин и составление биографии художника.

Коллекция графики Копылова насчитывает 282 работы. Среди законченных рисунков Копылова встречается много набросков, этюдов, эскизов к картинам.

Несмотря на то что Копылов был художником-пейзажистом, в коллекции его графики представлено 77 портретов, они выполнены простым карандашом. Владимир Максимович очень любил свою жену и детей. Среди его рисунков – многочисленные портреты жены художника и 2-х сыновей – Олега и Андрея. Олешка, так называет своего сына художник, появляется на рисунках с 2-месячного возраста. Его взросление можно проследить еще на 15 работах.

Отдельно художник выделяет серию портретов «Друзья детства»: Ларичкины Вера и Лида, Миша Жикоренцев, Вениамин Сотников, Борис Губкин, Валя Малыш. Следующая серия – участники Великой Отечественной войны: Б. Александров, Л. Александрова, Н. Горяинов. Писатели и поэты: О. Красильникова-Яценко, А. Екимцев, К. Черный; художники: Ю. Костюченко, В. Козыренко, М. Литвиненко, В. Зимин, В. Шегедин [2].

Коллекция живописи Копылова насчитывает 215 работ. В коллекции выделяются следующие темы: природа родного Ставрополя, люди за работой, исторические личности, исторические события и места, Великая Отечественная война и космос [3].

В.М. Копылов родился 10 июня 1932 г. в с. Михайловском Шпаковского района Ставропольского края, здесь и прожил всю жизнь. Его отец, Максим Иванович, во время Гражданской войны воевал в Первой Конной армии, затем служил в 25-й Чапаевской дивизии. Мама, Евдокия Ионовна, – крестьянка. Владимир в семье был самым младшим, и больше всего родительской любви досталось ему.

В раннем детстве, когда ему еще не было 5 лет, отец и мать заметили у сына умение рисовать. Жилось трудно, но родители не пожалели средств, купили сыну

кисти, краски, мольберт. В 1941 г., в возрасте 9 лет, еще до войны, Володя принял участие в краевой выставке детского рисунка.

Война принесла с собой много горя. Не обошла она и семью Копыловых. Во время эвакуации, под Моздоком, семья попала под бомбежку, во время которой маленький Володя был сильно контужен: частично потерял слух и перестал говорить. Речь к нему вернулась только после войны. В 1944 г. семья Копыловых вернулась из эвакуации в с. Михайловское. Дети пошли в школу. Родители восстанавливали село после его освобождения от фашистов. Непомерные трудности усугубили здоровье отца. Вскоре он слег, и в 1946 г. его не стало.

Талант Володи как художника развивался. Еще в школе он стал оформлять своими рисунками стенгазеты и плакаты на школьных вечерах. Затем была служба в армии. За годы службы он создал серию пейзажей и портретов друзей по армейской жизни. Их печатали в армейских многотиражных газетах.

После демобилизации Владимир возвратился в родное село, работал художником-декоратором в районном Доме культуры, на общественных началах впервые в истории с. Михайловского вел занятия в изостудии.

В 1962 г., знакомясь с работой изостудии, заведующий РайОНО И.Б. Гуревич убедил Владимира Максимовича перейти работать в школу № 2 учителем черчения и рисования. В 1971 г. Копылов окончил заочное отделение историко-филологического факультета Ставропольского пединститута. Судьба была благосклонна к художнику, она подарила ему знакомство, а затем долгую дружбу со ставропольскими художниками Чемсо В.М., Шегединым В.А., Гречишкиным П. М., Колосовским А.К., Костюченко Ю. Е. [4].

С 1957 г. Копылов начал выставлять свои работы. В 1980 г. часть его картин была выставлена в Москве для гостей Олимпиады. Более 10 выставок художника было проведено в родном с. Шпаковском в 1980-е гг. В 1991 г. картины Копылова выставлялись во вновь созданном Народном музее в г. Ставрополе (ул. Рылеева, 24).

В 1962 г. и 1965 г. художник был на Всесоюзных семинарах в Москве. За время деятельности Владимир Максимович многократно награждался почетными грамотами, имел множество благодарственных писем от различных учреждений.

В 1978-1979 гг. Владимир Максимович стажировался на творческой даче художников России в г. Горячий Ключ (Краснодарский край), куда съезжались художники со всего Советского Союза.

За активное участие во Всесоюзном фестивале в Москве в 1987 г. Союз ху-

дожников СССР присудил ему Диплом. В 2001 г. он был награжден Дипломом Министерства культуры Ставропольского края за большой вклад в развитие декоративно-прикладного искусства. Владимир Максимович имел множество наград за участие во Всероссийских и зональных выставках.

Владимир Максимович работал учителем в Шпаковской СШ № 2, а затем в СШ № 4, передавая юным любителям живописи свой опыт, мастерство, знания и любовь к Родине. Некоторые ученики Копылова работают преподавателями, художниками-оформителями в г. Михайловске. Это Сергей Кунгуров, Александр Маркин, Олег Корнилов. Особенно одаренные ученики поступили в Санкт-Петербургское, Саратовское художественные училища. 11 из его учеников стали архитекторами.

В июне 2012 г. Владимиру Максимовичу Копылову исполнилось 80 лет. А спустя 3 месяца его не стало [5].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Андросова Б.Н., Маляров В.К. Дорогой вечности. Михайловск, 2004.
2. МЗ. ОФ. «Г». Инвентарная книга. Т. 2.
3. МЗ. ОФ. «Ж». Инвентарная книга. Т. 1.
4. Семенов С. Через призму палитры // Луч. 1991, № 25 от 21 ноября.
5. Каталог-78 художника-пейзажиста Копылова Владимира. Шпаковское – Ставрополь, 1978.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

2.

3.

4.

5.

Семерчёва В.А.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
младший научный сотрудник отдела фондов

**РИММА ИВАНОВА.
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
(ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В ФОНДАХ
СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

Особое место в системе научной организации музейного собрания занимают фонды и коллекции, поступившие в его состав как исторически сложившиеся комплексы из личных архивов отдельных лиц, семьи или рода, а также персональные музейные собрания (коллекции), которые формируются сотрудниками из отдельных, разрозненных поступлений разных типов источников [1].

В Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ) находится на хранении фонд Риммы Михайловны Ивановой – сестры милосердия 83-го Самурского и 105-го Оренбургского пехотных полков, который насчитывает 22 единицы хранения (с 1912 года по настоящее время).

Римма Михайловна Иванова – имя, которое навсегда вошло в историю Первой мировой войны. Она – единственная в России женщина, награжденная военным орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия IV степени – погибла 9 сентября 1915 г. недалеко от деревни Мокрая Дубрава Брестской области в наступательном бою против германских войск. Была похоронена в Ставрополе 26 сентября 1915 г. на территории Андреевского храма [2].

В 1964 г. брат Риммы Ивановой Владимир передал в фонды СГМЗ семейный архив. С этого момента началось формирование фонда «Римма Михайловна Иванова – сестра милосердия 83-го Самурского и 105-го Оренбургского пехотных полков» [3].

В 2013 г. белорусскими кинематографистами был снят документальный фильм «Святая Римма» (авторы сценария – Вячеслав Бондаренко и Валерий Карпов, режиссер – Валерий Карпов), посвященный подвигу Р. М. Ивановой. В мае

2014 г. этот фильм был удостоен диплома X Международного кинотелефестиваля «Победили вместе» (Севастополь). Диск с фильмом был передан в СГМЗ в коллекцию «Кинофильмы, видеозаписи» [4].

В апреле 2014 г. в рамках мероприятий, приуроченных к столетию гибели Риммы Ивановой, был установлен мемориальный знак на месте ее гибели в деревне Мокрая Дубрава Брестской области, а на здании Свято-Троицкого храма в селе Доброславка – мемориальная доска. Среди почетных гостей был Генеральный консул России в Бресте Н. Матковский. Фотографии этих мероприятий пополнили фонд Риммы Ивановой в СГМЗ.

Материалы фонда Риммы Ивановой можно разделить на следующие группы:

1. Вещественные памятники.

2. Письменные памятники:

- документы учреждений, организаций, предприятий;

- документы личного происхождения;

- печатные (книжные, журнальные, газетные).

3. Кино- фото- фоноисточники.

К вещественным памятникам мемориального значения относятся: санитарная сумка, которая принадлежала Римме Ивановой [5]; бант от надгробного серебряного венка от имени Великого князя Николая Николаевича, возложенного на могилу Риммы Ивановой 13 октября 1915 г. через князя Голицына [6]; стеклянная люстра из семьи Ивановых [7]; альбом с фотографиями семьи Ивановых [8].

Все эти предметы имеют огромную музейную значимость. Особенно ценными являются личные документы Р.М. Ивановой, которые позволяют довольно подробно отследить жизненный путь героини от обучения в Ставрополе до назначения в 105-й Оренбургский пехотный полк. В предлагаемой подборке следует назвать паспортную книжку [9], выданную ей в 1912 г., в год ее 18-летия. Там можно увидеть личный автограф юной Риммы.

Имеются подлинные материалы об обучении и успеваемости Риммы Ивановой в Ольгинской женской гимназии г. Ставрополя. В 1902 г. Римма поступила в приготовительный класс женской гимназии, которую окончила в 1912 г. Училась она хорошо, о чем свидетельствует ее аттестат об окончании VII класса: «В настоящем году, при окончании курса гимназии ея в обязательных предметах были аттестованы следующими баллами: 1) в законе Божиим отличным; 2) в русском языке с церковно-славянским и словесности хорошим; 3) в математике хорошим; 4) в географии всеобщей и русской отличным; 5) в естественной истории хоро-

шим; 6) в истории всеобщей и русской удовлетворительным; 7) в физике, математической и физической географии отличным» [10].

Сохранилось заявление, написанное ею в 1912 г., на имя директора Московского коммерческого института с просьбой принять ее на экономическое отделение. Но по настоянию родителей она осталась в Ставрополе и окончила VIII дополнительный класс гимназии, куда поступила для специального изучения математики, подтверждением чего является свидетельство от 10 июня 1913 г. [11].

Окончание гимназии предоставляло ей звание учительницы начальных классов, а также право заниматься обучением. Она по собственному желанию в декабре 1913 г. решила поехать в с. Петровское, о чем свидетельствует сохранившееся направление Инспектора народных училищ от 16 декабря 1913 г. на имя Ивановой Р. М. на должность заведующей Петровским одноклассным училищем [12].

С началом Первой мировой войны Римма Иванова вернулась в г. Ставрополь, где окончила краткосрочные курсы для подготовки сестер милосердия, организованные Управлением Красного Креста и Губернским земским комитетом помощи раненым и больным, что подтверждается свидетельством от 20 ноября 1914 г. [13].

В январе 1915 г. Римма отправилась в Действующую армию, где получила назначение в 83-й Самурский пехотный полк и прослужила санитаром-добровольцем в течение полугода. Сохранилось удостоверение от 26 июня 1915 г., подписанное командующим 83-го Самурского пехотного полка генерал-майором Стефановичем, в котором он характеризует ее работу: «Во все время своего нахождения в полку, нельзя не отметить, с особой признательностью, самоотверженную работу и плодотворную деятельность Г-жи Ивановой. Неустанно, не покладая рук, работала на самых передовых перевязочных пунктах, находясь всегда под действительным губительным огнем противника и без сомнения ею руководило лишь одно горячее желание прийти на помощь раненым. За свой самоотверженный труд Г-жа Римма Михайловна Иванова представлена к награждению Георгиевскими медалями 4 и 3-й степени» [14].

Имеется выписка из метрической книги Ставропольского Кафедрального Казанского Собора, по которой установлено, что «Римма Михайловна Иванова, дочь коллежского асессора, сестра милосердия 105-го Оренбургского полка, убитая в бою под Мокрой Дубравой 9 сентября 1915 г., отпевание совершил священник 105-го Оренбургского полка в селении Доброславки; предана земли на кладбище Андреевской церкви города Ставрополя Ставропольским епархиальным миссионером проповедником протоиереем Симеоном Никольским» [15].

Сохранились телеграммы на имя М.П. Иванова, отца погибшей, с соболезнованиями, а также объявление ставропольского городского головы о прибытии на железнодорожную станцию праха Р.М. Ивановой [16].

Особый интерес представляют письма военнослужащих 83-го Самурского пехотного полка, адресованные Римме Ивановой. Это ценный исторический источник, дающий возможность реконструировать ее духовный облик. Вот выдержка из письма Даниила Ивановича Носова от 13 февраля 1915 г.: «Дорогая сестрица! Не могу подобрать слов, которыми мог бы отблагодарить Вас за вашу благодетель и ласки, во время того, как я лежал у Вас в госпитале. Я не могу, не могу! Всех тех чувств, которые я питаю к Вам, описать, Вы для больных как «родная сестра»; я надеюсь, что каждый больной вечно будет помнить Вас» [17].

Большой интерес представляют труды протоиерея Симеона Никольского. Никольский – епископ Армавирский, викарий Кубанской епархии, миссионер, член Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе, член Ставропольской ученой архивной комиссии. В 1911 г. – главный редактор газеты «Миссионерские известия». В 1916 г. в Ставрополе был издан его труд «Победный венок героине долга сестре милосердия Римме Михайловне Ивановой» [18]. Уникальность этой брошюры заключается в том, что там были опубликованы ее письма, адресованные родителям и брату Владимиру, которые дают возможность представить моменты ее фронтовой жизни, а подлинные письма, к сожалению, не сохранились.

Бесценным по информативности является еще один труд Симеона Никольского «Памяти героини долга сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой» [19], изданный также в г. Ставрополе в 1916 г. Брошюра представляет собой подборку статей, перепечатанных из ставропольских «Губернских и епархиальных ведомостей», «Северо-Кавказского края», «Северо-Кавказского слова», «Биржевых заметок» и др. за 1915-1916 гг. В этом сборнике С. Никольский дает довольно ценные сведения о подготовке к погребению тела Р.М. Ивановой и о самой похоронной процессии, которая прошла 26 сентября 1915 г., а также дан обзор документов, связанных с биографией и подвигом Риммы Ивановой.

Подвиг сестры милосердия нашел отражение во многих отечественных и зарубежных печатных изданиях 1-й четверти XX в. В литературно-художественном и научно-популярном журнале «Весь мир» № 40 за сентябрь 1915 г. на 1-й полосе помещена заметка «Смерть сестры милосердия» о подвиге Риммы Ивановой; в газете «Новое время» за ноябрь 1915 г. – небольшая заметка с фотографией.

В газете «Искра» была опубликована заметка о подвиге сестры милосердия; в газете «Заря» за октябрь 1915 г. на 1-й странице опубликован рисунок К. Клевера, изображающий подвиг Риммы Ивановой [20].

Вновь к теме героического подвига Риммы Ивановой периодическая печать обращается в 1980-е гг. В 1981 г. в газете «Ставропольская правда» вышла статья «Прекрасной повести страницы» (авторы И. Усова и Ю. Христинин). Накопленный журналистом Ю. Христининым материал лег в основу его книги «Сестра милосердия», которая вышла в 1987 г. Новый всплеск интереса к личности Р. М. Ивановой приходится на конец 1990-х–2000-е гг. Именно в этот период выходят статьи в газетах «Петровские ведомости», «Ставропольская правда», «Вечерний Ставрополь».

В фондах СГМЗ сохранился подлинный лист иллюстрированного британского журнала «The Illustrated War News» («Иллюстрированные военные новости») 1915 г. с заметкой о подвиге русской сестры милосердия [21]. Данное печатное издание представляет собой еженедельный журнал периода Первой мировой войны. Лист был приобретен К. Дауни (жителем Ирландии) из частной коллекции. Позже был прислан через супругу, Татьяну Дауни (Логачеву), Ольге Михайловне Логачевой, главному специалисту по кадрам Ставропольской краевой научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Среди печатной продукции необходимо выделить небольшую афишу синематографа «Биоскоп» (сейчас кинотеатр «Октябрь») с презентацией нового кинофильма «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой», снятого по заказу Военного министерства. В ноябре 1915 г. фильм вышел на экраны страны, с 26 ноября картину показывали в Ставрополе. Фильм получил негативные оценки как со стороны зрителей, так и со стороны родителей погибшей девушки. Сохранились письма, адресованные отцу Риммы Михайловны, с протестом по поводу киноленты, а также вырезка из газеты «Русские ленты» (Санкт-Петербург), где было опубликовано письмо отца героини – М.П. Иванова с просьбой снять картину с проката.

Во многих газетах, журналах 1-й четверти XX в. были опубликованы рисунки различных художников, изображавшие героическую гибель Риммы Ивановой. Среди них журнал «Весь мир» 1915 г. (художник В. Наводворский), «Заря» 1915 г. (художник К. Клевер). Если сопоставить их между собой и сравнить с рисунком, опубликованном в афише «Биоскопа», то можно проследить трансформацию ее образа в сторону героизации.

К группе документальных источников относятся фотографии. Среди них фо-

тографии семьи Ивановых, портреты Риммы Ивановой, ее детские снимки вместе со старшим братом Володей, фотографии в годы ее обучения в Ольгинской женской гимназии, где ее одноклассницами были Нина Кускова (дочь архитектора Кускова), Вера Праве (дочь Г.К. Праве, основателя Музея наглядных пособий).

Таким образом, личный фонд Риммы Михайловны Ивановой представляет собой комплекс подлинных документальных материалов и предметов, представляющих несомненную научную и историческую ценность для широкого круга исследователей. И сегодня имя ставропольской героини Первой мировой войны Риммы Ивановой известно не только в Ставропольском крае, но в России и за рубежом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Кучеренко М.Е. Научно-фондовая работа в музее: Методическое пособие в помощь молодому специалисту. М., 2002. С. 28.
2. Судаевцов Н.Д. Римма Михайловна Иванова (к 110-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф. 2004. С. 128-145.
3. СГМЗ. Акт приема № 38 от 25.02.1964.
4. Там же. Нвф. 9938; Акт приема № 4 от 30.01.2014.
5. Там же. Оф. 14456.
6. Там же. Оф. 14455.
7. Там же. Оф. 14223.
8. Там же. Оф. 30837/1.
9. Там же. Оф. 26910/1.
10. Там же. Ф. 78. Оф. 26910/3.
11. Там же. Оф. 26910/1; 26910/4.
12. Там же. Оф. 26910/5.
13. Там же. Оф. 26910/7.
14. Там же. Ф. 78. Оф. 26910/8.
15. Там же. Оф. 26910/24.
16. Там же. Оф. 26910/25; 26910/34-35.
17. Там же. Ф. 78. Оф. 26910/21; 26910/11-26910/34.
18. Там же. Оф. 26910/65.
19. Там же. Оф. 26910/66.
20. Там же. Оф. 26910/64; 26910/68; 26991.
21. Там же. Оф. 40327.

Соснина Е.Л.,

г. Пятигорск,
Государственный музей-заповедник
М.Ю. Лермонтова,
главный научный сотрудник

РОЛЬ НОВЕЙШИХ МЕТОДИК И ТЕХНОЛОГИЙ В ВОПРОСЕ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЯТИГОРСКЕ

Трудно переоценить значение новейших методик и технологий в деле изучения музейных коллекций. Так, например, в коллекции государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске имеются единицы хранения, атрибуция которых в течение долгого времени была под вопросом. И только компьютерные технологии в совокупности со структурным анализом лермонтовских текстов дали интересные результаты, позволяющие по-новому взглянуть на данную проблему.

Продemonстрируем это на примере акварелей эпохи Лермонтова из собрания музея. Долгое время эти акварели не были введены в научный оборот. Тем не менее, они не могут не привлечь внимания знатоков лермонтовского живописного наследия. Интересна история 2-х старинных акварелей, приписываемых М.Ю. Лермонтову и находящихся в экспозиции Домика поэта.

Две акварели («Кавказский вид с фигурами горцев» и «Кавказский вид с четырьмя фигурами») с изображением бытовых сцен из жизни кавказцев, приписываемые М.Ю. Лермонтову, были приобретены музеем в 1941 г. у семьи А.З. и Н.З. Поповых. К Поповым они поступили в начале 1900-х гг. от Л.И. Умановой – жены Н.В. Чилаева, приходившегося сыном В.И. Чилаеву – владельцу домика под камышовой кровлей, где М.Ю. Лермонтов снимал квартиру в 1841 г. По устному рассказу Поповых поэт оставил рисунки на память Чилаеву незадолго до своей роковой дуэли. В то время, когда Чилаевы продавали свой дом в Пятигорске, они передали некоторые вещи, оставшиеся от Лермонтова, родственникам. Таким об-

разом акварели сохранились в семье.

О том, что акварели написаны Лермонтовым, А.З.Попова слышала неоднократно от своей матери З.А. Поповой и от Л.И. Умановой. Отметим, что на факт дарения М.Ю. Лермонтовым своих работ друзьям и знакомым обратил внимание еще И.С. Зильберштейн: «Поэт часто дарил друзьям и добрым знакомым свои картины, акварели и рисунки... Можно привести мемуарные и эпистолярные свидетельства, которые дают возможность назвать, по крайней мере, 15 человек, получивших от самого Лермонтова исполненные им картины, акварели и рисунки. А сколько было подобного рода подарков, о которых никаких сведений до нас не дошло?!» [1].

Н.З. Попова писала в пятигорский музей: «Музей Лермонтова приобрел у нас портрет бабушки в красках (бабушка владелиц акварелей Мария Васильевна Мурлыкина была родственницей жены В.И. Чилаева и лично знала М.Ю. Лермонтова – Е.С.) и рисунки Лермонтова... Приобрели они это у Анны Захаровны Поповой» [сохранена орфография автора письма] [2].

В научных паспортах, составленных на эти единицы хранения, имеется следующая запись: «Акварели приписываются М.Ю.Лермонтову на основании документальных источников поступления (имеются в виду письма Н.З. и А.З. Поповых в музей Домик Лермонтова – Е.С.) и манеры письма, характерной для М.Ю. Лермонтова».

Акварели были реставрированы в 1966 г. в Центральной реставрационной мастерской им. И. Грабаря. Реставратором ГЦХРМ Филатовой была проделана работа по очищению акварелей, укреплению и нарастанию красочного слоя, восполнению утрат и подклейке. После проведенной реставрации акварели были размещены в экспозиции Домика М.Ю. Лермонтова в Пятигорске.

П.Е. Селегей, бывший директор музея, отмечал в путеводителе по Дому Лермонтова: «На стенах приемной помещены <...> 2 акварельных рисунка, приписываемых кисти Лермонтова, переданные в музей родственниками хозяина дома» [3]. До сих пор работы не публиковались среди живописных и графических произведений поэта, не комментировались и широко не обсуждались. Рассмотрим каждую из них более подробно.

«Кавказский вид с фигурами горцев (1 мужская и 2 женские)» (17,7х15,9 см, бумага, гуашь, акварель 1830-х-1840-х гг., приписывается Лермонтову) [4].

На фоне гор, покрытых темной зеленью, изображены 3 фигуры: всадник – смуглолицый черноусый горец в черкеске, с белым башлыком и ружьем на ремне,

смотрит на провожающих его женщин. Всадник на лошади светло-серой масти, видимо, готовится в дорогу. Женщины стоят правее. Одна повернута к зрителю спиной. На голове у нее серый платок, она одета в красное, кавказского покроя платье, стянутое в области талии поясом. Из-под платья виден край светлой рубахи и темно-синего кафтанчика. Она держит в вытянутых руках большую круглую плоскую посуду, похожую на таз. Вторая женщина стоит несколько поодаль, она повернута к зрителю на $\frac{3}{4}$. Женщина смотрит на всадника, на голове у нее светлый платок. Она одета в кавказское темно-синее платье, из-под которого видны края темно-голубой рубахи и почти черного кафтанчика. С правой стороны изображена часть сакли с порогом и открытым навесом, за которым видна дверь. На горизонте, в левой части рисунка, видны силуэты 3-х построек.

Делая описания интересующих нас работ, мы опирались на текст научных паспортов, составленных бывшим главным хранителем ГМЗ М.Ю. Лермонтова И.Г. Тер-Габриэльянц. Она определила эти постройки как 3 сакли. Но при освобождении работы из-под стекла и многократном увеличении ее цифрового изображения стало видно, что постройки, просматривающиеся на акварели, мало похожи на обычные сакли, они слишком высоки и монументальны. Скорее, речь в данном случае идет о 3-х мавзолеях, расположенных в отдалении, на возвышенностях. На Кавказе встречаются татарские мавзолеи – дюрбе. Подобные сооружения-усыпальницы можно увидеть на перевале Гумбаши, недалеко от Кисловодска, в Шемахе (мавзолей Йеди Гумбез), одна из похожих по виду погребальных построек «костница» находится на склоне Сентинской горы на Северном Кавказе (она расположена неподалеку от раннехристианского храма), есть они и в Дагестане.

Интересно, что мавзолеей как литературный образ встречается в творчестве М.Ю. Лермонтова неоднократно:

...он цветок

*Могильного кургана, мавзолеей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру все, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.*

М.Ю. Лермонтов. Кто в утро зимнее..., 1831 г.

*...То жжет и плещется, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..
М.Ю. Лермонтов. Демон, 1838 г.*

*Ни свежий дерн,
ни пышный мавзолей
Не тяготит сырых его костей.
М.Ю. Лермонтов. Литвинка, 1832 г.*

Таким образом, на интересующей нас работе присутствует вполне лермонтовский образ. Но акварель не подписана, в связи с чем она вызывала сомнения во время атрибуции. Главным возражением специалистов против авторства Лермонтова было утверждение, что работы «не совсем умелые, профессиональные». Но они не такие уж и неумелые, а на то, что «картины и рисунки Лермонтова грешат против многих правил живописного мастерства», обратил внимание в свое время еще Н. Пахомов. Исследователь утверждал: «Зато они все овеяны духом гениального Лермонтова, все они таят в себе какую-то только им присущую гамму красок, своеобразный аромат его восприятия природы, подлинные куски его зрительных впечатлений» [5].

Если смотреть на картины лермонтовского кавказского цикла с точки зрения выраженных в них поэтических чувств и настроений, то технические просчеты станут менее заметными, уйдут на задний план. Может это и вовсе не просчеты, а способ выражения сущности или игра воображения. Все это есть проявление творящего начала, свойственного истинно избранным.

Изображение гор, покрытых темной зеленью, на работе, приписываемой Лермонтову, имеет сходство с известной лермонтовской автоиллюстрацией к «Кавказскому пленнику» (1829 г). Также можно провести параллель и с лермонтовскими иллюстрациями к повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек».

Лермонтов не только с увлечением перечитывал А.А. Бестужева-Марлинского. Их кавказские дороги во многом совпадают: Ставрополь, Пятигорск, Ольгинское, Тамань, Тифлис. Ссылный декабрист был однажды прикомандирован к Тенгинскому пехотному полку, поручиком в котором позже служил Лермонтов. Лето 1835 г. А.А. Бестужев провел в Пятигорске, на водах, а поэт приехал сюда 2 года

спустя. Лермонтов встречался на Кавказе с теми, кто хорошо знал автора «Аммалат-Бека». В Тифлисе это Мирза Фэтали Ахундов: А.А. Бестужев перевел с фарси его поэму на смерть А.С. Пушкина, а Лермонтов, как считает ряд лермонтоведов, позже записал с его слов сказку «Ашик-Кериб». Близкий друг Бестужева доктор Н.В. Майер изображен под именем Вернера в лермонтовском романе. Когда А.Ф. Смирдин издал 1-й том альманаха «Сто русских литераторов», там был помещен портрет Бестужева в бурке. И Лермонтов, попав на Кавказ, создал свой автопортрет тоже в бурке! Их встреча не состоялась: пока поэт был в Пятигорске, Бестужев погиб при высадке десанта на мысе Адлер 7 (19) июня 1837 г.

Лермонтову тоже суждено будет погибнуть на Кавказе. Вспоминал ли он Бестужева в последние дни, живя в скромном домике у подножия Машука? Обращался ли к его творчеству?

Известно несколько иллюстраций поэта к повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек». Рассматриваемая нами акварель также напоминает сюжет из этого произведения: «Всадник, отличавшийся ото всех красотой лица, стройностью фигуры, породистостью коня, богатством одежды и оружия. <...> Он сидел на червонном коне, и тот крутился под ним как вихорь» [6]. Рядом с ним, вероятно, изображены Селтанета и ее прислужница Секине: «Не в азиатском нраве, еще менее в азиатском обычае прощаться с женщинами, отправляясь даже надолго, навсегда. Это принадлежит одним родным, и разве случаем выпадает гостю».

Следует обратить внимание и на то, как выписана лошадь под всадником. Лермонтов любил рисовать лошадей, делал это часто и по-своему. Вид лермонтовской лошади почти всегда вызывает добрую улыбку. Есть в ней что-то слегка ироничное: слишком вытаращен глаз, слишком непокорна челка, слишком нетерпеливо бьет она копытом. Все это, на наш взгляд, можно сказать и о скакуне, изображенном на акварели, приписываемой поэту.

Обратимся к 2-й работе. «Кавказский вид с четырьмя фигурами (3 мужских и 1 женская)» (16,7 × 22,7 см, бумага, акварель, гуашь, лак; 1830-х – 1840-х гг., приписывается Лермонтову) [7].

На переднем плане изображены фигуры горцев у сакли. У порога сакли сидит пожилой горец в синих шароварах, бурке и папaxe. Лицо его угрюмо. Держа в руке палку, он разговаривает с горцами, подошедшими к нему. У одного из них синяя кавказского покроя верхняя одежда, он подпоясан, в красных шароварах, на голове у него высокая темная папaxa, с левой стороны у него виден край шашки. Правой рукой он опирается на левое плечо товарища. Он, видимо, еще молод,

у него нет бороды, лишь усы. Другой горец – в коричневой верхней одежде кавказского покроя, в ичигах, на голове – высокая темная папаха. В руке, протянутой к пожилому горцу, какой-то предмет, с 2-мя свисающими тонкими ремешками (возможно, уздечка). В открытых дверях сакли, отвернувшись от разговаривающих, стоит горянка. Она как будто прислушивается к разговору, опершись о притолоку. На голове у нее светлый платок, красное платье кавказского покроя на темной подкладке, надетое поверх рубахи темно-синего цвета. 2 узких окна сакли закрыты ставнями. За саклей – сад и хозяйственные постройки. В левом углу рисунка изображены горы, громоздящиеся уступами. Вдали виден заснеженный кавказский хребет. На ближнем плане – холм, на вершине которого башня. К вершине холма ведет тропа.

Можно допустить, что акварель является иллюстрацией Лермонтова к повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек». Фон этой работы близок к описанному в повести пейзажу: «Сакли, неправильно разбросанные по обрыву, уступами сходили до полугоры, и только узкие тропинки вели к этой крепости, созданной природою и выисканной горскими хищниками для обороны воли своей, для охраны добычи».

Изображенный на акварели пожилой горец с угрюмым лицом соответствует описанию Султан-Ахмет-хана: «В обычное время мусульманского обеда Султан-Ахмет-хан был обыкновенно дик и мрачен. Глаза его недоверчиво блистали из-под нахмуренных бровей». Можно также предположить, что на работе изображены уздень, товарищ Амалата, и сам Амалат, стоящие перед стариком. При этом рука старика, сжимающая палку, очень напоминает руку самого Лермонтова, держащую саблю на его автопортрете. Добавим, что изображение сакли и башни характерно для кавказских работ поэта (См.: Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты (Кавказский вид с саклей).

Причем мы не случайно обратили внимание на сходство с лермонтовскими работами лишь по рисунку. Проанализировать то, как наложен красочный слой, представляется сложным, так как, во-первых, по акварелям прошла рука реставратора, а во-вторых, известны случаи совместного создания работ Лермонтова, например, с художником Г. Гагариным. Таковыми, например, являются «Эпизод из сражения при Валерике» и «Схватка» (2-е название «Эпизод из кавказской войны»). При этом Лермонтовым был выполнен рисунок, композиция, Гагариным – раскраска акварелью.

Кстати, Г. Гагарин был летом 1841 г. в Пятигорске, прожил там до середины

лета и, как вспоминали современники, ежедневно приходил в дом поэта в гости. Да и А.И. Арнольди, знакомый Лермонтова, также общавшийся с ним в Пятигорске, тоже неплохо владел акварелью. О том, как поэт проводил свой досуг с друзьями за созданием рисунков, вспоминал его современник В.В. Боборыкин, видевший поэта в заезжем доме около 10 декабря 1837 г., в то время, когда он приехал по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ из Тифлиса: «М.Ю. Лермонтов, в военном сюртуке, и какой-то статский (оказалось, француз-путешественник) сидели за столом и рисовали, во все горло распевая: «Amoïlavie, ámoïlavie, ámoïaliberté» (Ко мне, жизнь, ко мне, жизнь, ко мне, свобода!)). Логично предположить, что нечто подобное происходило и на последней квартире поэта.

Итак, мы рассмотрели 2 работы, приписываемые М.Ю. Лермонтову и имеющие непосредственное отношение к кавказской тематике. Детальное рассмотрение их фрагментов, многократно увеличенных благодаря современным компьютерным технологиям, позволяет сделать вывод, что они заслуживают быть включенными в публикации живописного наследия поэта, по крайней мере, как приписываемые лермонтовской кисти.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Зильберштейн И.С. Парижские находки. М., 1993. С. 234-235.
2. ГМЗ М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Рукопись.
3. Селегей П.Е. Путеводитель «Заповедный лермонтовский край». Ставрополь, 1984. С. 135.
4. ГМЗ М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Оф. 238.
5. Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова. М., 1948. С. 79.
6. Бестужев-Марлинский А.А. Русские повести и рассказы. Ч. 5. Амалат-Бек, кавказская быль. СПб., 1832. С. 3-271.
7. ГМЗ М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Оф. 239.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АНКА	– Армянская национально-культурная автономия
АС	– Автоматизированная система
БД	– База данных
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края
ГАНИСК	– Государственный архив новейшей истории Ставропольского края
ГИВЦ	– Государственный информационно-вычислительный центр
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГУП	– Государственное унитарное предприятие
ВЦИК	– Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИФЗ	– Императорский фарфоровый завод
КГО	– Кавказское Горное общество на Кавказских Минеральных Водах
КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
ККХМ	– Краснодарский краевой художественный музей
КМВ	– Кавказские Минеральные Воды
НИИ	– Научно-исследовательский институт
ООН	– Организация объединенных наций
ОФ	– Основной фонд
ПСЗ РИ	– Полное собрание законов Российской империи
РАН	– Российская академия наук
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РПЦ	– Русская православная церковь
САИ	– Свод археологических источников
СГКУНБ	– Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова
СГМЗ	– Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СКМИИ	– Ставропольский краевой музей изобразительных искусств
СКФУ	– Северо-Кавказский федеральный университет
СНИИСХ	– Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
СОГУ	– Северо-Осетинский государственный университет

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕВЯТЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
24–25 НОЯБРЯ 2016 Г.

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 15 ФЕВРАЛЯ 2018 Г.
ГАРНИТУРА MYRIAD PRO. БУМАГА 80 Г.
ЗАКАЗ № 1469. ТИРАЖ 100 ЭКЗ. 2018 Г.

ОТПЕЧАТАНО В ООО «ДИЗАЙН-СТУДИЯ Б»
Г. СТАВРОПОЛЬ, УЛ. КРАСНОФЛОТСКАЯ, 88
ТЕЛ.: (8652) 75-06-09